

Материалы международной научно-практической конференции

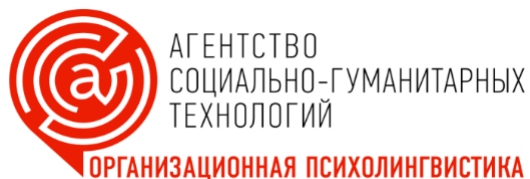
ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

15-16 декабря 2023 года

Под общей редакцией:

**С.В. МЫСКИНА
Е.Ф. ТАРАСОВА
В.Т. КУДРЯВЦЕВА**

Москва
2023

ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**15–16 декабря 2023 года
Москва**

Электронное научное издание

Москва, 2023

УДК 81'23(050)

ББК 87.228.1

Я-41

Научные рецензенты:

Синячкин В.П., доктор филологических наук

Дугарова Т.Ц., доктор психологических наук

Я-41 **Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации [Электронный ресурс]** : Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 15–16 декабря 2023 года / ред. коллегия: С. В. Мыскин (отв. ред.), Е. Ф. Тарасов, В. Т. Кудрявцев. – Электрон, текстовые дан. (5 МВ). – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – 418 с. – Режим доступа: <http://www.psycholinguistic.ru>. – Загл. с экрана

Сборник материалов конференции раскрывает различные аспекты фундаментальной проблемы «язык и личность». Поиск решения общественной детерминации онто- и филогенеза личности в ее вербальном аспекте выступает актуальной задачей социальной антропологии, психологии и педагогики на современном этапе общественного развития.

Проблема «язык и личность» как научное знание занимает центральное место в формировании новых специалистов гуманитариев. Проблематика, раскрываемая в трудах начинающих, молодых и состоявшихся ученых, представляется важной для целей деятельности педагогических вузов.

Научные труды, вошедшие в сборник, будут полезны специалистам в области психолингвистики, психологии, социальной психологии, педагогики, социологии, политологии и других смежных областей научного знания.

Издание выпущено на электронном носителе (CD-R).

Минимальные системные требования:

Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 5 MB
свободного места на винчестере; Windows 2000, XP,
Windows 7, 8, 10; CD-ROM;

Программа для чтения PDF-файлов.

Архив издания доступен <http://www.psycholinguistic.ru>

Издатель:

ООО «Агентство социально-гуманитарных
технологий»

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24

Тел. +7(926)384-02-69

e-mail: orgpsyling@yandex.ru

<http://www.psycholinguistic.ru>

ISBN 978-5-604 1859-6-4

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные выступления

- Абраменкова В.В.*
ПОИМЕНОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.....21
- Исаев Е.И.*
КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА: ОТ УЧЕБНОЙ К
ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБЩЕНИЯ.....23
- Кирилина А.В.*
ПРОТЕКЦИОНИСТСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В МИНИСТЕРСТВЕ
ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....26
- Мыскин С.В.*
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И «ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ» ТРАНСФОРМАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....29
- Саргсян Л.К.*
АДАПТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ.....35
- Тарасов Е.Ф.*
ЛИЧНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОБЛЕМЫ «ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ».....38
- Шапошникова И.В.*
РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АКТУАЛЬНОЙ ДИАХРОНИИ:
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ В СОЦИО-
КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВКАХ МОЛОДЫХ РОССИЯН.....39

СЕКЦИЯ №1

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ЯЗЫКА И ЛИЧНОСТИ

- Быльева Д.С.*
ЦИФРОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ВОСПРИЯТИИ РЕАЛЬНОСТИ.....41
- Ватлецов С.Г.*
О ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО АКТОРА.....43

<i>Вдовиченко А.В.</i> КЛИШИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА И СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ: О ПРИСУТСТВИИ СОЗНАНИЯ В ЭЛЕМЕНТАХ СЕМИОЗИСА.....	45
<i>Гайворонская В.В, Коротких А.А</i> ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ИХ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.....	47
<i>Грекова О.К.</i> САМОСОЗНАНИЕ ГОВОРЯЩЕГО И ЕГО ПРОЕКЦИИ В РЕЧИ.....	49
<i>Джерелиевская М.А.</i> ЦИФРОВАЯ СРЕДА И ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	51
<i>Золотова Н.О.</i> «НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ» ОЦЕНКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА.....	53
<i>Иванов Н.В.</i> ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА – ПУСТОТА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....	55
<i>Извольская Д.Р.</i> ЗНАЧИМОСТЬ СУБЪЕКТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ КАК ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ.....	58
<i>Iskaiyan A.H.</i> THE CONCEPT OF INTERNET ADDICTION: SIGNS, SYMPTOMS, AND STAGES.....	58
<i>Катунян А.С.</i> ПРОБЛЕМЫ НОМО LOQUENS В ЭПОХУ ВСЕОБЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	60
<i>Китаева М.П.</i> ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ...62	62
<i>Копачева А.Р.</i> КВАЗИНАУЧНЫЙ ИНФОКОУЧИНГ: НАИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.....	64
<i>Косарева Л.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕЛЕСНЫХ СОСТОЯНИЙ ПОСРЕДСТВОМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	66

Кочеткова Т.Н. БЕГСТВО В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ, КАК ПОПЫТКА К ОБРЕТЕНИЮ СЕБЯ.....	68
Левинунова Е.Н. ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	69
Лойко А.И. ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА.....	71
Любчинская А.С. ПОТЕРЯННАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ.....	73
Москалев И.Ю. ТРОПЫ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	76
Невелева М.А. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА АВТОРОВ-БИЛИНГВОВ.....	79
Николаева Н.Н. КОНЦЕПТЫ PERMACULTURE VS SUSTAINABLE DEVELOPMENT СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗА: СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ПЕРМАКУЛЬТУРА УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ?.....	81
Оборина Ю.Д. ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ.....	84
Одинцова И.В. ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «СОБОРНОСТЬ» НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ.....	85
Одишвили Г.Н. ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА.....	87
Олейник О.В. РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ.....	88

Пашина Л.А. ПОИСК НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ КОНСТИТУИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ СТАРЕНИЯ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕРОНТОСТЕРЕОТИПОВ.....	92
Петряков Л.Д. ВЕКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ.....	94
Раевская М.М. ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ: ОПЫТ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА.....	96
Ревуцкая Е.А. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Д. САМОЙЛОВА).....	98
Садикова В.А. МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ БАЗА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ.....	100
Смирнова У.В. НАДЕЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИА ДИСКУРСА).....	102
Старостина Е.В. СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ И ЧАСТЕРЕЧНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СТИМУЛА.....	105
Тараканова Е.К. ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАГАДОЧНОЙ ДУШИ РУССКИХ ПОЭТОВ.....	107
Топорков П.Е. СОЦИАЛЬНЫЙ/ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОПЫТ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДИКАТИВАМИ.....	109
Усенко Н.М. ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСЕМА КАК ПРОПОЗИЦИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ.....	111

Чекмаева Н.А.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ГОВОРЯЩИМ ОБРАЗА ДРУГОГО В АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКЦИЙ В.М. АЛПАТОВА, М.А. КРОНГАУЗА, Т.В. ЧЕРНИГОВСКОЙ).....113

Шаповалова Н.Г.

ЯЗЫКОВЫЕ КЛЮЧИ К ЗАГАДКЕ ЛИЧНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО САДИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ ВИКТОРА МОХОВА).....115

Шапошникова Д.К.

ВРЕМЕННАЯ И ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ С 2000-Х ПО 2020-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ).....117

Секция №2 (ауд. 316)

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ РИСКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА

Ахмыловская Л.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....120

Банкова Л.Л.

АРАБСКИЕ И РИМСКИЕ ЦИФРЫ В ПОДНЕБЕСНОЙ, ИЛИ О СЕКРЕТЕ ВЫЖИВАНИЯ КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ИЕРОГЛИФОВ-ЦИФР.....122

Басанин К.О.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИКТ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИЯ.....124

Болотова Л.В.

ПРИНЦИПЫ МИРОПОДОБИЯ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТАХ НА САЙТЕ РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.РФ.....126

Валуйцева И.И.

ДИНАМИКА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО СДВИГА: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....128

Владимирова Т.Е.

РУССКИЙ ОБРАЗ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНОЛОГИИ.....129

Гавронова Ю.Д. КУЛЬТУРА И ЯЗЫК: РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	131
Ерибемян А.А. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ТРИГГЕР «ЯЗЫКА ВРАЖДЫ».....	133
Жилина И.А. ОБРАЗ КРАСАВИЦЫ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА).....	136
Зубкова О.С., Никитичев И.Г. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БИЛИНГВА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	138
Ильина А.В. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВОПЛОЩЁННОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	140
Коваленко А.С. ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ВОСТОЧНОГО ЧЕЛОВЕКОМ ЕВРОПЕЙСКИМ: О ВАЖНОСТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ.....	142
Короткевич И.И. ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНОГО ТЕКСТА ПО РКИ.....	144
Курдюмов В.А. ДИСКУРСИВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА.....	146
Куриленко Д.М. СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ И СВОЕЙ СТРАНЫ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ.....	148
Логинова П.В. БАЗОВЫЕ КОДЫ РУССКОЙ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РОДОВЫХ ПРОЗВИЩАХ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	150

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И.
КОНЦЕПТ «ТРУД/ЛЕНЬ» В ПАРЕМИОЛОГИИ РУССКИХ И
ВЬЕТНАМЦЕВ.....152

Масленникова Е.М.
ТЕКСТ КАК ВОСПРИЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА: ОСОБЕННОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА.....153

Насибуллова Г.Р.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ИНДИВИДУАЛЬНО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ, ТАТАРСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ).....156

Никаева Т.М.
ОЙКОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА.....158

Попова Л.Г.
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СЛОВ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ.....160

Пробст Н.А.
РОДНОВЕРЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В
КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....162

Сухорукова А.Р.
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ «КАРТИНЫ МИРА» У
СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВФЕМИЗМОВ).....164

Сучканцева Д.С.
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОРДОВСКОГО ЭТНОСА.....165

Цзэ Хэ
АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЕТАФОРЫ
И ИХ ОБУЧЕНИЕ МЕТАФОРАМ.....170

Секция №3
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ
МЫШЛЕНИЯ

Алигаева Н.Н.
КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МИФ ИЛИ
РЕАЛЬНОСТЬ.....172

Архангельская А.И.

ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....174

Афинская З.Н.

КОМБИНАТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК ФАКТОР СИНЕРГИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ).....176

Богачанова Т.Д.

СТАТУС ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.....178

Болзан Н.А.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МАТЕРЕЙ.....180

Бугайчук О.А.

ОТ «КЛИПОВОГО» МЫШЛЕНИЯ К ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.....185

Гильманова А.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «КЛИПОВОГО» МЫШЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ.....188

Дашинимаева П.П.

ВНУТРИСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД, ИЛИ, ПОЧЕМУ В СЕМИОЗИСЕ ТКАНЬ ТЕКСТА СТАНОВИТСЯ БЛЕДНО-СЕРОЙ?.....190

Зимакова Е.С.

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЯХ.....192

Карташкова Ф.И., Вансяцкая Е.А.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ДЕТЕЙ КАК МАРКЕРЫ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ.....195

Кононова Т.А., Жаббаров В.А.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....197

Кузнецова И.П. РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ.....	199
Левицкий А.Э. РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ: ПОЗИЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	201
Лифанова С.С. ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ.....	203
Малиновская П.О. МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПЕДАГОГА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	205
Миронович И.И. МОДЕЛЬ СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СПО.....	207
Мусенова Э.А. ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАЗВИТИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ.....	210
Нелюбин Н.И. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТА МЫШЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	215
Новикова П.Л. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	217
Паначёва Т.А., Холопова Е.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	219
Петрова К.С. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОООБРАЖЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С ОВЗ В УСЛОВИЯХ МЕДИАДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	221

Порицкая Г.В.

ПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ТЕХНОЛОГИЯМ.....222

Рыбакова Е.В., Рыбаков Д.Г.

КЛИПОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ И МЫШЛЕНИЕ КАК РЕСУРСНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....225

Соболев И.В.

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК АВТОМАТИЗАЦИЯ ОПЕРАЦИЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....227

Соломатина М.Д.

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ИЗО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ.....230

Сухарева Е.С.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....231

Трофимова С.А.

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ.....234

Цветкова А.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....236

Шацова Н.В.

ЛОГИКА СТАНОВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....238

Шова Т.А.

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ КОНТРПЕРЕНОСА.....240

Щепелев О.В.

РАЗГОВОРНЫЙ КЛУБ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ.....242

Щербакова О.В.

ДЕФИЦИТЫ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕСФОРМИРОВАННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ.....244

Секция №4
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО
ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГА

Балкунова В.Р.

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ МЫШЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО.....247

Беляева А.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖЕЙ РАЗНОГО ПОКОЛЕНИЯ.....249

Большакова Т. М.

ПОЛИКОДОВЫЙ ХАРАКТЕР ШКОЛЬНОГО НОРМАТИВНОГО ДИСКУРСА
КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ АДРЕСАНТ-АДРЕСАТНОЙ
ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)...251

Вашунина И.В.

ОБРАЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ.....253

Викторова А.Н.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ
ОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА.....255

Вишневецкая Н.В.

ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА К
ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....257

Дементьева Е.Б.

ОТ ПЕРВОПОНЯТИЯ К ПОНЯТИЮ КАК РАСШИРЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО
ГОРИЗОНТА В КАРТИНЕ МИРА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА.....259

Демидович С.В.

ПРИМЕНЕНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ФИЗИКЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ
ГРАЖДАН.....261

Калайдов А.Н., Рюкина А.А.

К ВОПРОСУ РИСКОВЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ.....264

Кулебякина А.В.
ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....266

Левицкова М.А.
СИМУЛЯКРЫ И ГИБРИДНАЯ ВОЙНА.....269

Михеев В.А.
КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА.....273

Молчанова В.А.
КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА.....275

Раджабова А.Р.
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ В
МЕЖГРУППОВОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
КОЛЛЕДЖА.....277

Рузняев Е.Г.
ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ДИЛЕТАНТИЗМА И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА
ПЕДАГОГА.....281

Худоян А.С.
ВЛИЯНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГА НА
МОТИВАЦИОННУЮ СФЕРУ УЧЕНИКОВ.....283

Шестакова А.В.
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА
ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО).....285

Секция № 5 **НОМО ПОЛІТІСІС КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ**

Ахметгареева О.Ф.
РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА: ВЗГЛЯД ИЗ
ЗАКАВКАЗЬЯ.....288

Ахунзянова Ф.Т.
«ХЕЙТИНГ» КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ДИАЛОГЕ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА.....290

Беляева И.О.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» ПРИ ПОМОЩИ
КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ.....292

Беляков М.В., Максименко О.И.

БРИФИНГ: РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИПЛОМАТА.....294

Боронин А.А.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....297

Коковихина О.В.

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ДЕПУТАТОВ НЕМЕЦКОГО ПАРЛАМЕНТА).....299

Крижановская Е.М.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПОЛИТИКА (НА
МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА Д.А. МЕДВЕДЕВА).....301

Кузнецова Ю.М.

ЧЕГО БОЯТСЯ «ВЛАСТИ»? (ДАННЫЕ КАУЗАТИВНО-ЭМОТИВНОГО
АНАЛИЗА ДИСКУССИЙ В ГОРОДСКИХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ).....303

Ларионова В.В.

«ХРОНОЛИНГВИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН».....305

Логвина С.А.

ЭВФЕМИЗМ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ «КОММУНИКАТИВНОГО
КОМПРОМИССА».....307

Мальшева Е.В., Петухова Д.О.

РОЛЬ ПРЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
РОССИИ.....309

Марущак Г.А.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО БУЛЛИНГА В
РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ 1996 - 2000 ГОДОВ).....311

Матюшина В.В.

ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ

АССОЦИАЦИЙ НА СТИМУЛ «РОДИНА».....312

Мачулис А.А.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ УЭЛЬСА НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПАРЛАМЕНТЕ СТРАНЫ.....315

Медведева Н.Е., Буланова Д.С.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ВОЙНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19.....319

Мельник О.Ю.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА.....320

Мкртумян Л.Ю., Сафарян А.О.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТРЮИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 2018-2020 ГГ. В РА).....322

Муслиенко Е.В.

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЛИНИИ ВЗРОСЛОГО И ПОДРОСТКА НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ.....324

Мусийчук М.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮМОРА КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....327

Нейман В.Н.

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....329

Новоселова О.В.

МЕНАСИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ.....331

Кокурина И.В., Ополовникова М.В.

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СЕКТОРЕ ГАЗА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРИКАТУРЕ.....332

Романов А.А., Романова Л.А.

ДИСКУРСИВНО-МЕДИЙНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАПУГИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ И ПРОТИВОБОРСТВ.....334

Крюкова Н.Н., Тарасов А.Е., Спиваков П.А.

ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ АТТРИБУЦИИ ТЕКСТА, СГЕНЕРИРОВАННОГО СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ): ИНВАРИАНТ, ИМПЛИКАТ И ПРОГРАММА «ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС».....336

Урсул К.В., Урсул В.И.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В СМИ.....339

Чепкасов Е.В.

«ЯЗЫК НЕНАВИСТИ» В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ.....341

Шляхов В.И., Агафонова К.Е.

БУЛЛИНГ, ТРОЛЛИНГ И ХЕЙТИНГ: ПРОЯВЛЕНИЕ НЕПРИЯЗНИ И НЕНАВИСТИ В ПОЛИТДИСКУРСЕ.....343

Яковлева Е.В. Кабанова И.А.

ТЕРМИН «КОНСЕНСУС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ.....346

Секция № 6

УНИВЕРСАЛИИ И СПЕЦИФИКАЦИИ ЯЗЫКА ОРГАНИЗАЦИИ

Биджиева В.И.

СТАНОВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ КАК ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В ВУЗЕ.....350

Болотский Г.Е.

ИНТЕГРАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ С ЭМЕРДЖЕНТНЫМИ СВОЙСТВАМИ.....351

Бондаренко Е.Н.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЖАРНОГО И ПОНЯТИЕ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ».....354

Ганина В.В., Карташкова Ф.И.

ОПИСАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИЯХ ИЗМЕНЁННОГО СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДОВ).....356

Горстка Д.Н. ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВОСТОЧНОГО ЯЗЫКА.....	358
Евдокимова Ю.С. ЯЗЫКОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОПУТСТВУЮЩИЕ РИСКИ.....	361
Елизарова Е.А. МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСТИНИЦЫ КАК ФЕНОМЕН НАРРАТИВА ОРГАНИЗАЦИИ.....	363
Ерастова Д.А., Сошникова Д.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИСТА.....	365
Жамкоцян Р.С., Григорян Г.К. МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ОТНОШЕНИЯ К ЗАБОЛЕВАНИЮ У БОЛЬНЫХ ЭССЕНЦИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНической БОЛЕЗНЬЮ.....	368
Казарян А.А. АКЦЕНТУАЦИЯ ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ.....	370
Коллонтай Г.А. АКТУАЛЬНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ КОУЧИНГА В СОВРЕМЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ.....	372
Коржуева А.И. О СООТНОШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ.....	374
Кравцов Л.Г. ПСИХОТЕХНИКИ СУБЪЕКТНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЯЩЕГОСЯ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	376
Крюкова А.А. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА НАЧИНАЮЩИХ ПЕДАГОГОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ.....	378

Кутеева Т.Ю. ЯЗЫК – ИНСТРУМЕНТ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА.....	380
Лебедева Н.В. ПСИХОЛОГИЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	382
Морозов А.В. КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	384
Николаева Т.Ю. ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКЕ.....	386
Островая Ю.С. ГЕНДЕРЛЕКТ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ В СОЦИУМЕ.....	388
Павильч А.А. МЕТАЯЗЫК МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОММУНИКАЦИИ.....	390
Пантелеева В.Г. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДОКУМЕНТОВЕДА В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ РЕЧИ.....	392
Печатнова Е.Г. ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ МНОГОЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ ПО ЛОГИСТИКЕ...	394
Рудочинская Г.А. О СООТНОШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ.....	396
Рябикина Е.В. РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	399
Санченко Е.Н. КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИПАЖ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	401
Старостина М.В. ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	403

Терентьева Т.С.

ЯЗЫК И КОУЧИНГ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО
КОУЧИНГА.....406

Фирер Т.В., Фирер А.М.

МЕМНЫЙ ЮМОР КАК МАРКЕР ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ (НА
ПРИМЕРЕ МЕМОВ СТУДЕНТОВ НИЯУ МИФИ).....407

Чумичева Н.В.

ОТ ТОРГОВОЙ МАРКИ К БРЕНДУ: СТРАТЕГИИ МИФОТВОРЧЕСТВА В
РЕКЛАМНОМ КРЕАТИВЕ.....410

Ульянов П.Ю., Мурашова М.А., Шмагринская Н.В.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ
КИНОФИЛЬМОВ.....412

Шувалова Н.В.

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР: ЭТАПЫ
СТАНОВЛЕНИЯ.....415

ПЛЕНАРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

*Абраменкова В.В.
Институт изучения детства, семьи и воспитания
(Россия, Москва)*

ПОИМЕНОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Поименование – процесс означивания субъекта в социальной группе через наделение его тем или иным именем. Культурно-историческими формами поименования являются: прежде всего собственное имя человека, его отчество – часть родового имени, которая присваивается ребенку по имени отца (характерное для русской и нек. др. культур); атрибутивная связь может быть и с дедами, прадедами и т. д., фамилия, затем прозвище, сходная с ним кличка (характерный атрибут криминальной субкультуры), а также псевдоним и в последние десятилетия – никнейм (от англ. nickname – короткое имя) как самоназывание. Имя в различных культурах признается частью самого человека и способно подчиняться сверхъестественному влиянию и самому влиять на его носителя. Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некоего внутреннего глубинного смысла или же того, что вкладывается, налагается, например, наречение именем новорожденного как «отгадывание» его внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций, что предполагает тождество природы носителя имени и его прототипа – тождество имени и формы (В.Н. Топоров). Подлинное имя священно, его сакральность обнаруживается тайно (шепчется на ухо) жрецом или старейшиной рода, а любое переименование означает крутой перелом в жизни и судьбе носителя имени, например, при инициациях вместе с обрядами перехода иницируемому давалось и новое имя.

В древнейший период развития Руси человек воспринимал свое подлинное имя как «второе Я», оно тщательно скрывалось от чужих и чуждых во избежание вредоносных воздействий через имя на здоровье и жизнь человека. После принятия христианства Древняя Русь столкнулась с принципиально иными именами – агнионимами, именами святых, которые давались младенцу при крещении в соответствии с днем его рождения и означали имя его небесного покровителя и заступника, отсюда скрывать свое подлинное имя не имело теперь никакого смысла. Таким образом, с принятием христианства на Руси произошли революционные изменения в отношении к собственному имени. Подчеркивается божественная сущность имени, которое сообщается Самим Богом. Согласно Евангелию, Иисус Христос, увидев простого рыбака, сказал: «ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)» (Евангелие от Иоанна, гл. 1; 42); и еще: «ты – Петр, и на камне сем я создам Церковь Мою, и врата ада не

одолеют ее» (Евангелие от Матфея, гл. 16; 18), а фарисей Савл был наречен Богом – стал апостолом Павлом.

Ограниченное число традиционных имен как архетипов духовного строения свидетельствует об устойчивости этого факта культуры. Каждая из форм поименования есть дифференциация имени личности, предоставляющая варианты различных миров онтологии имени: отчество и фамилия осуществляют культурно-историческую связь личности с семьей (отцом) и родом как носителями исторической памяти.

Прозвище и кличка – это наличное «здесь и теперь» отношение социума (конкретно – сверстников детско-подросткового сообщества) к личности субъекта с указанием на его место в групповой структуре. Наконец, псевдоним и никнейм – самовыражение личности, попытка компенсировать, уравнивая, иные формы поименования, не удовлетворяющие субъекта (имя, фамилию, прозвище и пр.), с собственным желаемым образом Я.

Поименование как наделение прозвищами представляет собой атрибутивную принадлежность любой субкультуры, возникшую, вероятно, в глубокой древности и обладающую кросскультурными характеристиками. Прозвища и клички служат как для автономизации, обособления группы от социума, так и для её структуризации. Кроме того, поименование (прозвище, кличка, никнейм и пр.) могут являться ярким показателем характера взаимоотношений в детском (да и в любом) сообществе и социально-психологического уровня развития самой группы (компьютерные подростковые сообщества-кланы в начале нашего века – примеры).

Прозвище является символическим знаком собственного «Я» личности, имеет оценочный характер и зависит от психосоциальных и личностно-индивидуальных предпочтений членов группы/социума. Прозвище в отличие от псевдонима может иметь латентную характеристику в современной организации, коллективе, когда предполагается наличие статусной иерархии (шеф – сотрудники; школьный класс – учитель), оно произносится «за глаза» и определяет совокупную оценку лидера и общее отношение к нему.

Специфическую форму поименования представляют собой криминальные так наз. погоняла, клички. Кличка представляет собой маркер преступника, его «паспорт» и дается новичку в результате «прописки» - своеобразной инициации в преступном сообществе. Избавиться от присвоенной уничижительной клички очень трудно, почти невозможно, однако в редких случаях личность способна переломить ситуацию и изменить кличку, приобретая более высокий статус. Обычно понижение статуса в силу проступка осужденного (заклученного), напрямую связано с тем, что кличку меняют в соответствии с оценкой сообщества в криминальной «табели о рангах». При коронации, т. е. возведении в ранг вора в законе, обычно присваивается новая кличка.

Рассмотрение прозвища в рамках прежде всего детско-подростковой субкультуры дает нам возможность ещё раз подчеркнуть превалирующее значение социальности, в данном случае, референтной группы сверстников для

развития личности ребенка, развития его самосознания и морально-нравственных качеств в процессе собственного возрастания. Прозвище служит средством, с одной стороны, структуризации сообщества, с другой стороны символом (знаком) принятия/непринятия группой того или иного ее члена или, по крайней мере, символом того, что ты замечен группой. Вместе с тем отсутствие прозвища у яркой личности свидетельствовало, порой, об особом ее статусе.

Общая функция всех форм поименований – дифференцировать имя субъекта, выделяя различные свойства его личности, различные грани целого. Субъектами поименования выступают: в наречении имени – это близкие люди, а также священные лица (вожди племени, жрецы, в наше время – священники при крещении); отчество и фамилия заранее известны, поэтому относительными субъектами здесь являются род и семья; прозвища и клички даются «коллективным субъектом» - социальной группой, сообществом, народом; в псевдонимах и современных никнеймах субъектом поименования выступает сам человек. Прозвище имеет глубокие культурные и исторические корни, оно прошло длинный путь от «оберега» в древних племенах до статусного «клейма» в современном мире.

Таким образом, многогранность личности открывается в различных формах поименований, центральным из которых является собственное имя человека (первоимя) – символ его «духовной сущности», успешности в решении жизненной задачи, судьбы.

Исаев Е.И.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(Россия, Москва)*

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА: ОТ УЧЕБНОЙ К ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Коммуникативная компетентность, культура речи всегда входили в перечень профессионально значимых качеств учителя. Устная и письменная речь учителя определялись как образцы и эталоны коммуникативной деятельности. Педагогическим общением занимались такие видные исследователи, как В.А. Кан-Калик, А.А. Леонтьев, А.К. Маркова и другие.

Согласно А.К. Марковой, педагогическое общение составляет важную сторону профессии педагога. Она выделяет три основные стороны труда учителя: собственно педагогическую деятельность, педагогическое общение и личность учителя. Педагогическая деятельность и педагогическое общение неразрывно связаны друг с другом.

Специфика педагогической деятельности состоит в ее взаимосвязи с учебной деятельностью учащихся. Учитель организует и направляет учебную деятельность школьников, контролирует ее ход, оценивает ее результаты.

Важнейшая задача педагогической деятельности заключается в формировании учебной деятельности как фундаментальной способности человека к освоению нового, ее мотивов, целей, учебных действий.

Связующим звеном педагогической и учебной деятельности выступает педагогическое общение. Коммуникативная компетентность учителя во многом определяет результаты образовательного процесса: личностные, метапредметные, предметные.

Вместе с тем, содержание педагогической деятельности и характер педагогического общения определяются принятой в общем образовании моделью организации процесса обучения как ведущего образовательного процесса. Дж. Брунер выделяет четыре основных типа моделей процесса обучения: 1) обучение как подражание, как овладение практическими умениями, 2) обучение как процесс передачи знаний от учителя к ученику, 3) обучение как процесс формирования мышления, 4) обучение как установление отношения субъективного знания ученика к объективному знанию.

Доминирующей в общем образовании до сих пор выступает вторая модель: обучение как процесс передачи знаний от учителя к ученику. Данную модель принято называть учебной моделью, так как ее целью и конечным результатом выступают знания и умения обучающихся. Обучение здесь понимается как односторонний процесс передачи знаний от учителя к ученику.

Такое обучение базируется на представлении о том, что главная задача педагога – ознакомить учащихся с фактами, принципами и правилами, которые им следует заучить, запомнить и научиться применять. Обучение фактам, правилам и принципам происходит путем рассказа и объяснения. Ведущим видом педагогического общения выступает *монологическая речь* учителя, а коммуникативная компетентность педагога сводится к ясному и логичному изложению предметного материала. Ведущей формой организации обучения выступают фронтальные формы работы.

Ученику в данной модели отводится пассивная роль получателя информации: знания им усваиваются в готовом виде, Чтение и слушание – главные каналы получения знаний. Коммуникация на полюсе ученика также представлена в виде монолога: логичное и полное изложение услышанного или прочитанного материала.

Неэффективность данной модели обучения наиболее отчетливо проявляется в низких образовательных результатах обучающихся, в феномене трудностей обучения и школьной неуспешности, неспособности педагога вести диалог в индивидуализированном обучении.

В современном образовании совершается переход от учебной к личностно ориентированной модели организации образовательного процесса, в котором педагогическому общению и коммуникативной компетентности педагога отводится решающая роль.

Главная задача педагога в модели личностно ориентированного обучения видится в том, чтобы помочь учащимся сформировать более адекватную и

объективную модель реальности. Наиболее интенсивно этот процесс идет в условиях *групповой дискуссии*, когда ученика побуждают высказывать свое мнение и сравнивать его с иными возможными взглядами на тот же предмет.

Данный подход рассматривает обучение как двусторонний процесс взаимодействия между педагогом и учащимися. Каждый из них обладает своими взглядами и представлениями, которые заслуживают обсуждения в атмосфере взаимного доверия и сотрудничества. Именно такой обмен мнениями позволяет сблизить точки зрения и приходиться к взаимопониманию. Различие точек зрения не исключается, поскольку связано с выбором разных исходных позиций и аспектов рассмотрения проблемы.

За ребенком, как и за взрослым, признается право иметь свои взгляды и способность корректировать их в результате критического анализа. Ситуация коллективного обсуждения создает наиболее благоприятные условия для такой корректировки. Сопоставление своих представлений с аналогичными представлениями других обучающихся создает условия для их осознания и рефлексии участниками диалога, понимания границ их применимости и, в конечном счете, возможности их изменения и трансформации в более полные представления, являющиеся результатом проведенной дискуссии. Такие совместно построенные участниками диалога представления могут быть далее интериоризированы участниками обсуждения, обеспечив шаг в их концептуальном развитии.

Основным способом согласования между собой индивидуальных картин мира является не слепое подражание и авторитарное навязывание мнений, а свободное обсуждение и логическая аргументация. Истины рождаются в ходе дискуссии, внутри определенного текстуального сообщества.

Педагогическая мастерство в такой модели заключается в коммуникативной компетентности педагога: в организации и ведении дискуссии, в управлении процессом обсуждения, в содержательном оценивании различных точек зрения и подведения итогов дискуссии.

Дж. Брунер пишет: «Иногда говорят, что данная модель ставит учащегося в центр процесса образования. Это не совсем верно. Просто учитель в этом случае отказывается от чисто директивного подхода, больше уважает ученика как личность. Он старается лучше понять своих учеников и найти ключ к их сердцу. Имеющийся у них запас житейских представлений, вполне в духе Дж. Дьюи, рассматривается как некий фундамент, который можно использовать для возведения на нем более прочного здания научного мировоззрения».

Примерами такого рода модели обучения в отечественном образовании могут служить системы развивающего обучения Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, Школа диалога культур В.С. Библера, личностно ориентированное обучение И.С. Якиманской.

Переход от учебной к личностно ориентированной модели педагогического общения ставит актуальные задачи перед педагогическим образованием. Необходимо вести целенаправленную подготовку педагога к личностно

ориентированной модели педагогического общения, к формированию коммуникативной компетентности вести диалог с обучающимися, строить групповые обсуждения учебных вопросов, быть внимательным к высказываемым школьниками суждениям и оценкам.

В ФГОС высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование в качестве одной из категорий (группы) универсальных компетенций выделена компетенция «Коммуникация», а в наименовании универсальной компетенции выпускника записано, что он «способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)». Содержание и технология подготовки педагога к деловой коммуникации в развивающем, личностно ориентированном образовании нуждается в научном, психолого-педагогическом обосновании и разработке.

А.В. Кирилина
Министерства обороны Российской Федерации
Россия, Москва
alkira@list.ru

ПРОТЕКЦИОНИСТСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В МИНИСТЕРСТВЕ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выделяя существенные признаки войны, современные авторы отмечают смещение приоритета воздействия на противника из области физического пространства в ментальное и духовное, «неуклонный рост мер воздействия невоенного характера, противоборство в информационной сфере в целях разрушения общечеловеческих, государственных, идеологических и культурных основ противника» [1, с. 32; 3].

Историческая память, культурное наследие народов становятся одним из важных объектов информационно-психологической войны. *Независимость страны проявляется в свободе отстаивать интерпретации, основанные на отечественных ценностях*: только суверенное государство может создавать свой национальный дискурс и поддерживать языковую безопасность, сохраняя и развивая национальный язык.

Вопросы языковой безопасности соответствуют духу Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5] и принципам «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», введенной в действие указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года [6].

В условиях противостояния с проглобалистскими лимитрофами и политическими конструктами, созданными, подобно Украине, с целью ослабить и разрушить Россию, в условиях беспрецедентной русофобии деятельность по

сохранению отечественного культурного наследия становится мощным и необходимым инструментом борьбы за сохранение государственной независимости, исторической памяти, и значительнейшее место в этом процессе занимает сохранение и развитие русского языка как государственного.

Несмотря на неоднозначное отношение ученых к проблеме глобализации и наличие целого ряда дискуссионных вопросов, существует ряд общих черт, который в связи с появлением мировых наднациональных процессов обнаруживают языки крупных, экономически и культурно развитых стран Европы, обладающие высоким коммуникативным рангом, разработанным письменным стандартом, богатым литературным наследием, большим количеством говорящих и сфер функционирования - русский, немецкий, французский, итальянский, испанский и др. К числу таких общих черт их развития относятся и следующие:

Широчайшая экспансия глобального английского (и его воздействие на языки стран, где он распространяется; формирование оппозиции английский язык/неанглийские языки (non-english languages).

«Сокращение языка» (submergence) - вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда сфер коммуникации, свойственных ранее лишь языкам развитых обществ - науки и международной коммуникации; усиление сходства в развитии языковых контактов языков с низким и высоким коммуникативным статусом.

Мощные миграционные процессы; диаспоризация; этнизация социальных групп; интенсификация языковых контактов; изменение социальной базы носителей ведущих языков; рост их негомогенности; гибридизация, образование пиджинизированных языков (что сегодня называется транслингвальностью).

В новых геополитических условиях риску подвергается культурный и языковой суверенитет крупных государств, мировых и мощных региональных языков; происходит наступление на культуры и независимость этносов через ослабление позиций языка и его политизацию. Яркий пример - украинские события в начале 2014 г.: одним из первых актов сместивших президента сил стала отмена закона «О государственной языковой политике».

Проблема языковой политики, таким образом, выходит на передний план и приобретает геополитическую значимость [2]. В последнем убеждает явная идеологическая ангажированность ряда зарубежных концепций, рассматривающих вытеснение русского языка английским в ряде бывших республик (Латвия, Литва, и под.) как проявление «демократизации и свободы». Анализ же состояния языковой политики на всех ее традиционно выделяемых уровнях (концепция, идеологическое обеспечение; юридическая регламентация; административное регулирование отношений языков; кодификация языковых норм; финансово-экономическое обеспечение) и во всех сферах (образование, органы государственной власти, судопроизводство, делопроизводство, массовая коммуникация, - документы о статусе частного лица; сфера услуг, визуальная

информация в жизненной среде) [4, с. 243-235] нуждается в существенном обновлении с учетом глобализации и смены технологий.

В свете указанных проблем и задач должен быть проведен «инвентаризационный» анализ на всех названных выше уровнях и разработаны отвечающие современным вызовам времени теоретико-методологические основы для совершенствования языковой политики России.

Как составная часть этой масштабной задачи докладе рассматриваются комплекс мер по поддержанию и использованию русского языка, функционирующего как государственный, применяемых в Министерстве обороны Российской Федерации.

Исследованы Регламент МО РФ, методические пособия по оформлению документации и практика представления документов (т.н. штабная культура).

Установлено наличие жестких требований по нормативному использованию русского языка, функционированию и системности терминологии, практике оформления документации и жанровым особенностям текстов, устойчивым словосочетаниям и сокращениям.

Методические пособия обобщают и систематизируют типичные и высокочастотные моменты использования русского языка – сокращения, обозначения мер и весов, основные правила пунктуации и под.

Кроме того, в штатах секретариатов имеются должности корректоров и редакторов, без визы которых документы не представляются МО РФ и его заместителям

Все в целом способствует сохранению нормированности языка и его функционированию в качестве государственного и противостоит глобалистским тенденциям.

Список литературы

1. Гаврилов А.Д., Грудинин И.В., Майбуров Д.Г. Некоторые прикладные аспекты современной трансформации категории «война» //Вестник Академии военных наук, 2022.- № 1(78).-С.55 – 61

2. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. –М., – 2014. – С. 95–101

3. Кирилина А.В. Постсоветский дискурс гуманитарного знания: глобализационные трансформации // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн.Ш / А.А.Бернацкая, Ю.А.Горностаева, И.В.Евсеева [и др.]под ред. проф. А.П.Сковородникова.- Красноярск: Сиб.федер. ун-т, 2020- С. 43-56.

4. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура, М.: Языки славянской культуры./Мечковская М. —2004. — 560 с.

5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // government.ru/docs/all/135405 ; дата обращения – 28 июля 2023 г.

6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей// government.ru/docs/all/144022 ; дата обращения – 28 июля 2023 г.

С.В. Мыскин
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)
myskinsv@mgpu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И «ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ» ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Условия современной жизни существенно отличаются от тех, которые были несколько десятилетий назад. Основным отличием можно выделить изменившийся глобальный характер общения людей. Развитие информационно-коммуникационной среды сыграло в этом ключевую роль – человеческое общение стало безграничным как по содержательной глубине, так и по широте охвата аудитории. Данные обстоятельства многократно усилили функцию речевого сообщения (или текста) в сознательном отражении реальности, а также регуляции индивидуального и социального поведения. Цифровые технологии создали благоприятные условия для функционального разнообразия текстов. Теперь голосовое сообщение можно отправить абоненту в любую точку мира, текст «прошивают» в модули голосового управления высокотехнологическими аппаратами, и наоборот, машинные роботы («чат-боты») могут совершать звонки и поддерживать разговор с абонентом посредством речевых шаблонов и клише. Подобные «высоты» общения, несомненно, создают жизненный комфорт человеку, избавляют его от несущественных «рутинных» работ, позволяют направлять свою освобожденную энергию на творческое созидание. Можно сказать, текст стал проявлять кажущуюся позитивную автономность от субъекта. Но есть и обратная сторона медали. Наряду с созидющим, текст может имплицитно содержать и деструктивный воздейственный потенциал. Например, тексты лидеров сект и деструктивных культов, экстремистских фанатиков и мошенников, и мн. др. Доступность к широкой виртуальной аудитории делает любого «юзера» потенциальной коммуникативной жертвой деструктивного речевого воздействия. Причем деструктивность текста может проявляться не только по отношению к отдельному субъекту, но и к этнической общности, культуре. Доцифровая история изобилует примерами «массового психоза». Достаточно вспомнить речи «рупора Веймарской республики» Геббельса, и к каким трагическим последствиям для немецкой нации они привели. А в современных реалиях деструктивное речевое воздействие приобрело формы буллинга, моббинга, травли, катастрофические масштабы которых наблюдаются в подростковой субкультуре [12]. Учитывая тот факт, что исследование языка

остается наиболее эффективным способом изучения деятельности человека [6], проблема психологического анализа деструктивного потенциала текстов на сегодняшний день выступает актуальной научной задачей.

Отметим, что, говоря о тексте, мы конечно же не отделяем его от субъекта, личности. Любой текст (даже машинный или «созданный» искусственным интеллектом) имеет автора. Как нами было отмечено выше, в лингвистике для системного анализа особенностей текстов и языковых способностей их авторов было введено в научный оборот понятие «языковая личность» [2; 3; 8]. Ключевым для понимания феномена языковой личности можно выделить тезис В. фон Гумбольдта, который неоднократно отмечал, что «любая отдельная человеческая индивидуальность, взятая в ее отношении к языку, – это особая позиция в видении мира» [5, с. 80]. Другими словами, изучение языковой личности открывает исследователю доступ к анализу образа мира индивида, в частности, и картины мира общности, в целом. Видение мира есть отражение субъектом реальной действительности через призму культурного наследия общества. Причем судить о содержании индивидуальной картины мира можно не только по видам предметной деятельности человека, но также по используемому им языку, точнее, по так называемым прецедентным текстам [8; 11]. Прецедентный текст – это текст, смысловая значимость которого для субъекта несет культурную и общественную облигаторность. Суть прецедентного текста раскрывается в социальной природе языковой личности. Применительно к исследуемой нами проблеме, рассуждения о прецедентных текстах и языковой личности имеют следующую познавательную пользу. Междисциплинарный анализ деструктивных характеристик прецедентных текстов позволит охарактеризовать феномен патологической языковой личности, и как следствие, вскрыть негативные социальные факторы, их обуславливающие [13].

Следуя логике автора, утверждающего, что «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы...» [8, с. 36], признаки деструкции прецедентных текстов следует искать за пределами ординарной языковой семантики, стереотипных смысловых сочетаний и лексико-семантических отношений. Для нас принципиальное значение имеет тезис Ю.Н. Караулова о том, что языковая личность возникает, рождается за границами обыденного рассудочного языка силой разума (у Ю.Н. Караулова – интеллекта). Поясним это. Понятия личности, свободы и таланта синонимичны (Э.В. Ильенков), по крайней мере, нераздельны. Вслед за Э.В. Ильенковым, В.В. Давыдов называет главным атрибутом способность к творчеству. А творчество, по Л.С. Выготскому, является «созданием новых форм поведения», в чем и находит выражение человеческая свобода [4]. Свободные личностные устремления и поисковые преобразования могут воплощаться и в том, что М. Люшер называет «сигналами личности» [10]. Обыденные речевые обороты, экспрессивная моторика, манера одеваться, способ обустройства жилища, даже цветовые предпочтения характеризуют, по определению, целостную личность не в меньшей степени, чем ее «высокие» творения (вспомним психологически пронизательную

фразу О. Уайльда о том, что «только поверхностный человек не судит по внешности»). «Сигналы личности» должны стать посредниками в общении людей, носителями общего смысла их действий, транслирующих субъектность каждого из них в уникальной и неповторимой форме [Там же]. Как порождение, так и «дешифровка» этих сигналов предполагает активизацию функций продуктивного воображения как способности смотреть на вещи «глазами всего человеческого рода». Язык и аккумулирует такой «интегральный» взгляд.

С точки зрения Ю.Н. Караулова, языковую личность характеризует необыденный аналитически-обобщающий способ ориентации в языковых фактах и феноменах, придающий ценностно-смысловую оформленность человеческому образу мира. По мнению Ю.Н. Караулова глубинный уровень языковой личности – прагматический (мотивационный) уровень является сугубо психологическим и включает цели, мотивы, интересы, установки и интенции языковой личности, которые «обеспечивают закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [8, с. 3–8]. Значит, истоки патологии языковой личности следует искать в ее потребностно-мотивационной сфере. Фундаментальные работы отечественных психологов подтверждают сделанное нами предположение. Так, анализируя «путь от мысли к слову», Л.С. Выготский выделил целый ряд внутренних планов, составляющих этот процесс: мотивация, формирование речевой интенции, внутреннее программирование и реализация программы [4]. Ключевые идеи Л.С. Выготского легли и в основу модели порождения речевого высказывания А.А. Леонтьева и Т.В. Ахутиной-Рябовой [1]. В своей модели авторы также постулируют тезис о том, что любое речевое сообщение начинается с мотива, идеи.

Предыдущие наши формулировки позволяют извлечь следующую познавательную пользу. Поскольку психиатрический аспект патологии обусловлен анатомо- или морфофункциональными поражениями, что приводит к неадекватному, искаженному отражению реальности, то психологический аспект патологии языковой личности проявляется в «поражении» ее потребностно-мотивационного уровня.

Деструктивность, искажение, патологичность мотивов широко освещена в психотерапевтической литературе. Но наиболее оптимальными для нашего анализа выступают положения концепции рационально-эмотивной-поведенческой терапии А. Эллиса [20]. Ключевыми в теории автора являются так называемые *иррациональные идеи*, суть которые иррациональные способы интерпретации событий, «вызывающие эмоциональные расстройства такой интенсивности, которая никак не может быть оправдана реальной рациональной оценкой событий» [Там же]. Другими словами, человек реагирует на незначительный речевой стимул неадекватно сильной эмоциональной реакцией, что приводит к неадекватному его поведению. Психологическим механизмом здесь таков. Эмоциональные нарушения повышают порог чувствительности субъекта к ожиданиям других людей по поводу самого себя, к другим, к жизни в целом. И если подобные ожидания не оправдываются, то, происходит неадекватно

чрезмерный эмоциональный всплеск. А. Эллис выделил ряд «корневых» иррациональных идей, свойственных любой культуре. Не вдаваясь в межкультурный сравнительный анализ, приведем примеры иррациональных идей, функционирующих в языковом сознании россиян: «отказываться нехорошо...», «если тебя просят, ты должен помочь...», «авось пронесет...», «люди должны быть справедливыми...», «ты что, не русский...» и пр. [16]. Положения А. Эллиса отчасти подтверждают наше гипотетическое предположение о том, что текст (автономный) может нести деструктивный, патогенный потенциал для реципиента, его языковой личности. Смысловое восприятие такого сообщения приводит к неадекватной интерпретации реальности. Следовательно, патология языковой личности проявляется, во-первых, в интерпретации реальности посредством *иррациональных прецедентных текстов*, а во-вторых, порождении иррациональных или *патогенных прецедентных текстов*. Патогенный прецедентный текст не корректируется реальными жизненными обстоятельствами. Такой текст остается в сознании субъекта изолированным от сигналов внешнего мира, диктуется исключительно субъективными переживаниями. Что позволят нам выделить еще один признак патологии языковой личности, а именно, *необратимость* иррациональных особенностей языкового сознания.

Очевидно, что феномен языковой личности невозможно осмыслить вне социального контекста, поскольку сам язык как продукт культурно-исторического развития по сути является социальным явлением. Поэтому патология языковой личности должна рассматриваться не только в рамках единичного субъекта, но и распространяться на весь процесс общения коммуникантов, то есть вскрывать социально-психологические закономерности. В социальной психологии достаточно системно описаны соответствующие эффекты общения [15]. Однако вопросы восприятия и порождения речевых сообщений целесообразно рассматривать с позиции психолингвистики.

В психолингвистике для раскрытия социальности языковой личности используется понятие речевого воздействия. Воздейственный потенциал речевого сообщения заключается в ряде таких характеристик, как целевая установка говорящего, ее мотивационная обусловленность и планируемая эффективность [17; 18; 20]. Причем планируемый эффект рассматривается в аспекте реакции со стороны адресата. В целом, быть субъектом речевого воздействия это значит регулировать посредством речи интеллектуальную деятельность и поведение собеседника [7]. Патологическая же языковая личность использует для регуляции деятельности другого патогенные тексты [14]. Патогенность текста раскрывается в его потенциале развивать деструктивные процессы сознания. Сознание объекта патогенного влияния подвергается (успешно или нет зависит от личностных особенностей адресата) неадекватной трансформации, вследствие чего оно становится суженным, уплощенным, «тоннельным». Психолингвистическим механизмом сужения сознания служит усиление реакции на «второстепенную», несущественную интенцию речевого сообщения, и нивелирование смыслового

контекста ситуации в целом. Предрасположенный к восприятию патогенного текста не способен к адекватной интерпретации его имплицитной составляющей [9]. Таким образом, третий признак патологии языковой личности – это наличие патогенного воздействующего потенциала у продуцируемых ею текстов. Следует подчеркнуть, что «воздействие» в данном случае не только предполагает, но и опирается на «взаимодействие». Адресат патогенных текстов часто «сам обманываться рад». Упрощенный текст, всегда содержит в себе «простой способ решения сложных проблем», – таким и является любой патогенный текст. Он ориентирован на «уплощенное», в смысловом плане, сознание. В обществе сложилась целая система аттитюдов и экспектаций, которая облегчает трансляцию таких текстов, в результате чего они доставляются «по адресу». В случае умысла, автор и адресант патогенного текста сознательно ориентирован именно на такого адресата – будь то жертвы мошенничества, пропаганды, буллинга, деструктивных культов и т.д. Виктимность связано, прежде всего, с готовностью сознания к добровольному, зачастую в силу неразвитой произвольности, «самопожертвованию».

Обобщая наши начальные формулировки и их аргументацию, можно в общих чертах дать определение патологической языковой личности – совокупность психологических особенностей личности, обуславливающих иррациональное восприятие речи, а также порождение патогенных прецедентных текстов, обладающих такими воздействующими характеристиками, которые способствуют сужению, «уплощению» сознания реципиентов. Патология языковой личности возникает при нарушениях потребностно-мотивационной сферы человека, проявляется в деструктивном речевом воздействии и в других речевых проявлениях патогенных текстов.

Конечно, мы не претендуем на конечность данного определения патологической языковой личности. Дефиниция еще далека от совершенства. Но смысловой базис феномена патология языковой личности в определении присутствует.

Перспективы исследования патологии языковой личности отчетливо видны. Прежде всего, данная проблематика пересекается с управлением массовым сознанием. Разработка четких критериев патогенности публичных текстов позволит создать систему мер по предупреждению возникновения неадекватных состояний общественного сознания. Еще одно перспективное прикладное направление это оценка учебной литературы, используемой в системе образования и просвещения. Разработка проблемы патологии языковой личности необходима для нужд психотерапевтической практики. Ведь проблема переносов и контр-переносов до сих пор не теряет своей актуальности как для начинающих психотерапевтов, так и уже опытных. Не менее важной обсуждаемая нами проблема выступает и при оценке профессиональной пригодности представителей коммуникативных профессий: педагогов, врачей, полицейских и пр. Как показали результаты пилотного исследования, речь «выгоревшего» педагога подвергается серьёзным трансформациям на мотивационном и

семантическом уровнях. Кроме того, предотвращение и профилактика буллинга среди детей и подростков, а также попыток вербовки их экстремистскими группировками в виртуальной среде напрямую связаны с патологическим характером их общения. Отметим, что приведенные направления исследования не отражают полноту приложения проблемы патологии языковой личности.

В заключение мы можем дать следующую итоговую формулировку проведенного анализа. Изучение патологии языковой личности представляется перспективным научным междисциплинарным направлением. Для системного раскрытия закономерностей данного феномена предлагается использовать методы психологии, психотерапии, психопатологии, а также психолингвистики. В глобальной перспективе решение проблемы патологии языковой личности позволит психологически оздоровить общение на уровне социума, будет способствовать формированию адекватной картины мира.

Список литературы

1. Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005. Вопросы психолингвистики. М: ИЯз РАН, 1989. № 6. С. 13–27.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ленинград, 1984. 44 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учеб. пособие. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 2005. 287 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гумбольдт В. ф. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. /, Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград, 1936. 297 с.
7. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта, 2009. 224 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. стереот. М.: Либроком, 2019. 264 с.
9. Комалова Л.Р. Диагностика уровня конфликтности предконфликтной коммуникации (по просодическим параметрам) // Вестник МГЛУ. М.: МГЛУ, 2010. №13 (592). С. 100–114.
10. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж: НПО "МОДЭК", 1995. 176 с.
11. Мыскин С.В. Специфика функционирования профессиональных прецедентных текстов в совместной деятельности работников. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10–3(40). С. 134–141.

12. Мыскин С.В., Бережковская Е.Л., Олтаржевская Л.Е. Безопасная школа. Мониторинг и обеспечение безопасности образовательной среды в средней школе: учебное пособие. М.: АСГТ, 2023. 146 с.

13. Мыскин С.В., Кудрявцев В.Т. Языковая личность в норме и патологии // Материалы Международной конференции «Психическое здоровье личности. Языки психиатрии и психологии», 19–21 октября 2023 г., г. Ереван, Армения. Ереван: АГПУ, 2023. С. 430–443.

14. Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф. К постановке проблемы патогенного текста // Материалы международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы», Тверь, 12–13 октября 2023 г. / Отв. ред. А.А. Романов. Тверь: ТГУ, 2023. С. 306–309.

15. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

16. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.

17. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.

18. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: Достижения и перспективы исследования. Язык как средство идеологического воздействия. М.: 1983.

19. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart, 1962.

20. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In Tannen D. (Ed.) Analyzing discourse: text and talk. Georgetown University Press, 1982. PP. 25-42.

Л.К. Саргсян

Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна

(Армения, Ереван)

sargsyanlevon23@aspu.am

АДАПТИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема самоотношения представляет особый интерес в области психологии личности. В нашей работе мы уделяем особое место на изучению отдельных компонентов самоотношения как структуре личности, так и в раскрытии целостности ее функций.

Понятие «самоотношение» (собственное отношение человека к самому себе) как новый термин психологической науки было предложено Н.И. Сарджвеладзе [5]. До этого самоотношение как отдельный психологический термин не изучалось и выражалось главным образом в исследованиях концепция «Я» человека, самооценки, самосознания и сравнивалось с ними (У. Джеймс [2], Р. Бернс [1], И. Кон [3]). Мы определяем самоотношение как формирование и проявление определенного отношения к себе в условиях социального взаимодействия и внутреннего психического развития.

Н.И. Сарджвеладзе рассматривает самоотношение как многофункциональную систему, выделяя в ней следующие функции:

1. Функция "зеркала" (отображения себя). Человек со способом своей жизнедеятельности не только отражается в сознании окружающих, но и это "зеркало" переносится вовнутрь, отображая личность как во внешнем (физическое самоотображение), так и во внутреннем плане. Роль этой функции особо наглядна в онтогенетическом развитии человека. Ж. Лакан, например, в качестве отдельной выделяет "стадию зеркала" в психическом развитии ребенка. Более того, физическое зеркало во многих исследованиях применялось в качестве экспериментального средства изучения генеза самосознания.

2. Функция самовыражения и самореализации. По-видимому, было бы лишним отдельно и детально указывать на ту роль, которую система самоотношения выполняет в активности личности, направленной на самовыражение и самореализацию.

3. Функция сохранения внутренней стабильности и континуальности "Я". Эта функция самоотношения осуществляется по мере и в силу той тенденции к внутренней согласованности к конгруэнтности, которая свойственна когнитивным представлениям о себе, эмоциональным реакциям относительно своих проявлений и действий, адресованных себе.

4. Функция саморегуляции и самоконтроля. Лишь имея сложившиеся представления о себе и определенным образом относясь к себе, личность способна регулировать и контролировать свою деятельность.

5. Функция психологической защиты. При получении информации, представляющих угрозу сложившимся представлениям о собственном "Я", и при жизненной неудаче или различающихся по степени интенсивности психотравмах защитные механизмы личности могут быть направлены на рационализацию, создание образа "фальшивого я".

6. Функция интракоммуникации. Социальная природа личности заключается не только в том, что она включена в процесс постоянного взаимодействия с социальным миром, но и в том, что для себя самой личность выступает в роли социума, взаимодействуя с самой собой и "разыгрывая" коммуникационные процессы на "сцене" внутренней жизни. Базой для таких интракоммуникационных процессов является система самоотношений [4].

На наш взгляд, представления о функциях самоотношения не являются полными, так как наши исследования выявляют еще одну функцию самоотношения: адаптивную. В исследование приняли участие 120 студентов первого курса педагогико-психологической специальности АГПУ им. Х. Абовяна. Исследование проводилось в два этапа: в течение первого месяца обучения в университете и второй этап – в процессе третьего-четвертого месяца. Для исследования мы использовали: методику исследования самоотношения (С.Р. Пантिलеев), методику диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса, тест-опросник исследования самоотношения (В.В. Столин).

Полученными данными на первом этапе исследования были замечены корреляционные связи между двумя методиками: диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и методики изучения самооотношения С. Панталева. Таким образом, качество самопринятия как фактор, обеспечивающий адаптацию человека к новым условиям жизни, находится в прямой корреляции с компонентами самооотношения: уверенность в себе: $r = 0,401$, самоконтроль: $r = 0,301$, самооценка: $r = 0,404$, самопринятие: $r = 0,410$. Адаптивность, самопринятие, эмоциональный комфорт, качества внутреннего контроля, направленные на адаптацию человека к новым условиям жизни, находятся в сильной обратной корреляции с компонентами самокритики $r = -0,397$, внутренней конфликтности $r = -0,440$. Вышеизложенное обосновывает наличие обратной корреляции между адаптацией и самооотношением в период первоначальной адаптации в условиях высшего образования.

По показателям второго этапа методики исследования самооотношения и методики диагностики социально-психологической адаптации роль самооотношения в процессе адаптации становится очевидной благодаря взаимозависимым связям между их компонентами. Самоотношение, в отличие от данных первого этапа, носят ряд существенных изменений. Мы получили прямые корреляции между адаптивностью-уверенностью в себе $r = 0,398$, самопринятием-уверенностью в себе $r = 0,398$, самооценкой $r = 0,481$, самопринятием $r = 0,480$, принятием других-самопринятием $r = 0,366$, внутренний контроль-уверенность в себе $r = 0,370$, самоконтроль $r = 0,381$, самооценка $r = 0,412$, самопринятие $r = 0,400$ между качествами. В действительности отношение к себе, существенно меняются, переходя от одного состояния к другому, указывая свою роль в процессе личностной адаптации.

Далее: Диагноз социально-психологической адаптации личности К. Роджерса и самооотношения личности В.В Столина, Корреляции полученные между методами. Компонент самообвинения находится в обратной зависимости от качеств адаптивности $r = -0,403$, самопринятия $r = -0,389$, внутреннего контроля $r = -0,390$. На втором этапе установлена сильная взаимозависимая связь между адаптивностью и уверенностью в себе $r = 0,420$, самопринятием и самооценкой $r = 0,411$, самопринятием и уверенностью в себе $r = 0,409$, получена обратная зависимость между качествами самопринятия и самокритики $r = -0,408$. Если в данных полученных на первом этапе, мы столкнулись с обратной корреляцией между качествами самообвинения и самопринятия, то на этом этапе, помимо этой обратной зависимости, качество самопринятия находится в прямой взаимозависимости с самооценкой, самопринятием, уверенностью, принятием себя, самоконтроль и отношение других к себе.

Очевидно, что в отличие от данных, полученных на первом этапе, на втором этапе самооотношение носят существенные изменения. Полученные данные показывают прямую корреляцию между адаптивностью и позитивным самооотношением. Фактически динамика самооотношения студентов находится в прямой взаимозависимости с процессом адаптации.

Таким образом, можно сказать, что самоотношение человека также выполняет адаптационную функцию. В результате существенных изменений в самоотношении меняется процесс адаптации студентов.

Список литературы

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
2. Джеймс У. Психология. – М.: Академический проект. 2011. – 318 с.
3. Кон И.С. В поисках себя. Личность и самосознание. – М.: 1984. – 151 с.
4. Психология самосознания. Хрестоматия. – «БАХРАХ-М», 2003. – 672 с.
5. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – 206 с.

Е.Ф. Тарасов
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
eft35@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОБЛЕМЫ «ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ»

Тема исследования «язык и личность» – роль языка в становлении личности в обществе. Цель – сформировать и верифицировать гипотезу о взаимной обусловленности процессов формирования языка и личности.

Задачи исследования:

1. очертить онтологические предпосылки решения проблемы «язык и личность»
2. осознать онтологические предпосылки как общее положительное исходное знание;
3. показать преимущественно коллективный характер процесса получения научных знаний;
4. отрефлексировать соотношение субъективного знания исследователя и коллективного знания общающихся друг с другом участников познавательного процесса;
5. квалифицировать сознание исследователя как продукт конкретной межсубъектной культурно-исторической совместной деятельности, по Л.С. Выготскому;
6. обосновать понимание человеческой личности как органической целостности, объясняющей ее отдельные черты;
7. определить вненаучные формы знания как основания для формирования научного знания;
8. осмыслить роль языка в жизни личности и влияние жизни личности на ее язык как полифонический и диалогический процесс, осуществляемый коллективным субъектом;

9. понять функционирование языка в деятельности личности и становление языковой функции в филогенезе и онтогенезе – это значит понять развитие этой функции;

10. показать процесс формирования научных знаний как движение от неявных (невербализованных) знаний (М. Полани) и знаковым коллективным знаниям, институционально санкционированным.

Вывод. Каждое конкретное знание по проблеме «язык и личность» целесообразно трактовать как акты конкретизирования симулятивного, по Бодрияру, знания с последующей трансформацией сконструированного научного симулякра в доказательное знание, изменяющего сознание самой личности исследователя проблемы «язык и личность».

И.В. Шапошникова
Институт филологии СО РАН
(Россия, Новосибирск)
i.shaposhnickowa@yandex.ru

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АКТУАЛЬНОЙ ДИАХРОНИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ В СОЦИО- КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВКАХ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Новейшие экспериментальные большие базы ассоциативно-вербальных данных, такие как СИБАС1 и СИБАС2 [2], тождественные по основным параметрам (количество и категории испытуемых, состав и количество стимулов, время проведения экспериментов и др.), но отличающиеся по региональному охвату – ЕВРАС [1], УрРАС (Уральский регион), а также созданный в эпоху перестройки в общероссийском формате РАС [3] достаточно репрезентативны для того, чтобы на их основе можно было проводить междисциплинарную работу по экспликации принципов, образующих системную целостность «языка в человеке» с комплексным учетом его материального субстрата. В частности, нейрокогнитивный субстрат как динамический сложноорганизованный комплекс функциональных систем, обеспечивающих вербально-коммуникативную деятельность человека, репрезентируется в актуальной диахронии флуктуациями динамических смысловых узлов внутреннего лексикона, составляющих в свою очередь материальный субстрат языкового сознания и образа мира носителей живого русского языка.

Векторный анализ психологических значений ряда лексем, функционирующих в качестве операторов при продвижении этнополитических концепций участников межэтнического взаимодействия, показал роль факторов целостности образа мира как актуального смыслового субстрата языкового сознания российской молодежи при освоении заимствованных идеологем и их

вербальных носителей, при формировании социо-коммуникативных установок на оперирование такими носителями значений [4; 5]. Речь идет о таких единицах как *фашизм, нацизм, национализм, толерантность, расизм*, компонентов парадигмы национального (*нация, национальность, национальный*) и др. Материалы больших баз ассоциативных данных в сопоставлении с этносоциологическими и полученными с привлечением иных приемов лингвистическими данными позволяют в определенной степени отслеживать способы вхождения (или невхождения) называемых этими словами явлений в социо-коммуникативную практику нескольких одновременно живущих поколений, выносить достоверные суждения о влиянии стереотипов и сценариев межэтнического взаимодействия на освоение заимствованных идеологем, оценивать вклад исконной лексико-грамматической парадигматики в освоение заимствованных единиц и давать рекомендации для актуальной коррекции на этой основе толкований их значений в словарях.

Список литературы

1. ЕВРАС - Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. 688 с.

2. РАС - Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. [URL: http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php](http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php) (дата обращения: 24.11.2023).

3. СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008 – 2022 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 24.11.2023).

4. Шапошникова И. В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137.

5. Шапошникова И.В. Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023, С. 10-33, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33.

Секция №1 (ауд. 311)
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ЯЗЫКА И ЛИЧНОСТИ

Д.С. Быльева
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
(Россия, Санкт-Петербург)
Bylieva_ds@spbstu.ru

ЦИФРОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ВОСПРИЯТИИ РЕАЛЬНОСТИ

Развитие цифровых технологий и их проникновение во все сферы жизни человека всё в большей степени способствуют замещению непосредственного или социального опыта цифровым. Практически не расставаясь с мобильными и/или стационарными техническими средствами в течение всего времени бодрствования, человек привыкает получать информацию о происходящем вокруг из цифрового пространства. Поток сообщений и новостей составляет жизненное пространство современного человека, изменяя традиционные социальные практики [3]. Принципиальная грань, разделяющая физический и виртуальный цифровой мир стирается, последний мыслится как некая копия или даже более совершенный аналог.

Можно проследить переход от непосредственного восприятия и анализа к цифровому посредничеству на простом примере погоды. Изначально температуру человек выяснил прямым взаимодействием с окружающей средой, а для прогнозирования погоды использовал собственную наблюдательность во взаимодействии с природой. Позже использовался градусник за окном, то есть произошло техническое опосредование, тем не менее принцип его работы был очевиден, а показания непосредственно связаны с окружающей средой. Параллельно развитие средств массовой коммуникации позволяло периодически информировать об ожидаемой погоде. Однако прогнозирование не могло быть достаточно точным для конкретной местности и времени. Поэтому даже дети доцифровой эпохи ещё владели простейшими «природными подсказками», позволявшими предсказать дождь, изменение температуры и т.п. В цифровую эпоху для того, чтобы узнать погоду человек будет смотреть в интернет, а не за окно, отслеживая движение туч на текущий и будущий момент. Каким образом демонстрируемое на экране связано с физической реальностью в большинстве случаев людям использующим информацию неинтересно. По умолчанию, подразумевается, что содержащаяся в сети информация является подлинной и отражает реальное положение вещей. На этом этапе пропадает непосредственная связь технологии с физическим миром, существует слой посредничества (технического и людского), способного любым образом исказить реальность, бесшовно и незаметно. Следующий этап разрыва между физической и

симулированной реальностью происходит, когда получаемая информация от физического мира становится одной из возможностей, наравне с другими. В цифровом пространстве мир физический, мир обыденный теряет приоритетность и уникальность, становясь в ряд других цифровых представлений. В примере с погодой таким симулякром (копией без оригинала по терминологии Жана Бодрийера [1]) может стать, например, визуальная информация о погоде, транслируемая на экран смартфона или компьютера (виджет). Этот виджет, показывающий снег и метель в Москве, может с тем же успехом показывать погоду в Африке или на Марсе, или в выдуманной стране эльфов.

Широкое распространение и привычка во всем полагаться на цифровые технологии меняет способы взаимодействия человека с окружающим миром. Цифровая среда оказывается постоянным посредником, источником информации, воспринимаемым некритично. В то же время цифровая среда представляет собой хаос возможностей, в ней условно любой разделен на ложь и истину, реальное и вымышленное, потенциальное и осуществлённое. Созданные с помощью компьютера синтезированные образы представляют собой имитацию, где эффект реальности господствует над самой реальностью [2]. Реализуемое посредством языка, визуальных и видеообразов в цифровом пространстве составляет особый вид бытийности, предполагающий уничтожение линейности и последовательной причинности, здесь возможность параллельное сосуществование нескольких вариантов развития событий. Как отмечает Венцель Менерт, создаваемые в цифровое среде миры, хотя и являются вымышленными, сосуществуют в Первичном мире, поскольку мы можем обращаться к ним, говорить о них, а также испытывать их, погружаясь в истории, представленные в книгах, фильмах, видеоиграх и других медиаформатах, таких как приложения, глоссарии или карты или изображения, звуки или другие артефакты [4].

Цифровая среда предполагает возможность любого искажения действительности, которое тем менее заметно, чем больше человек склонен доверять интернет-информации, менее включён во внесетевые взаимодействия и способен к критическому мышлению. В целом, новое поколение, не представляющее и не имеющее опыта существования без интернета, оказывается в значительной степени некритично настроено по отношению к цифровым технологиям, естественно воспринимая действительность через их призму.

Список литературы

1. Бодрийер Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
2. Голубева Л. Н. Метаморфозы массовой культуры: человек в виртуальном пространстве // Вестник культурологии. 2011. № 1. С. 35–43.
3. Салтанович И. П. Глобально-локальные культурные взаимодействия в гиперсвязанном мире // Technology and Language. 2022. № 2 (3). С. 162–178. <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.02.10>

4. Mehnert W. Wording Worlds – From writing Futures to building Imaginary Worlds // Technology and Language. 2023. № 3 (12). С. 85–104. <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.03.07>

С.Г. Ватлецов

**Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Россия, Нижний Новгород)
sergeivatletsov@gmail.com**

О ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО АКТОРА

Предмет настоящего исследования – генеративный искусственный интеллект, или нейронные сети (далее – ИИ) как категория *субъектов пользователей языка*. Цель работы – дать краткую характеристику ИИ как *электронному субъекту языка*. Актуальность исследования объясняется многочисленными фактами, подтверждающими, что речевые контакты людей и машин приобретают массовый характер, в которых ИИ оказывает возрастающее влияние на человека.

Согласно исследованию Кратор Лэбс в 2022 году сорок с половиной процентов всего трафика в рунете приходилось на ботов. Это на пять процентов больше, чем в 2021 году [1]. Действительно, современные нейросети способны вести диалог с человеком на естественном языке так, что неподготовленный пользователь может не заподозрить, что общается не с человеком, а с машиной. Нейросетевые системы активно интегрируются в жизнь людей как в профессиональной, так и в бытовой сферах. Чат-боты научились проводить научные исследования, писать эссе, статьи и книги, которые могут стать популярными, иногда не отличимыми от созданных человеком.

Свои достижения ИИ приобрёл, не имея языкового опыта. Электронный субъект генерирует свою речь на основе анализа схожих функциональных моделей языковых единиц, которые в его память вложил человек, с одной стороны. А с другой, это продукт обработки алгоритмом глобального знания всемирной сети. Используя их, ИИ планирует и реализует свои коммуникативные стратегии. Однако его речевое поведение мотивировано запросами человека или иного электронного источника. Здесь необходимо отметить, что машины научились общаться друг с другом на своём, непонятном людям языке. В любом случае, ИИ всегда стремится угодить человеку. Ради этого он готов галлюцинировать, придумывать, изобретать. Он – дополнение и продолжение человека.

Вместе с этим у современных людей формируется устойчивая зависимость от ИИ как в плане генерирования идей, так и их реализаций. Поколение Z выработало привычку обращаться к электронным ассистентам, которых молодые люди воспринимают как достаточные источники информации и вдохновения.

Однако именно здесь вкрадывается серьёзная опасность для человека, которому не всегда удаётся правильно интерпретировать вербальное поведение электронного визави. Так, например, в октябре 2023 года в Англии был осуждён на девять лет молодой человек за попытку убийства королевы Елизаветы II двумя гадами ранее. На такое действие человек решился после общения со своей подругой-ИИ в социальных сетях [2]. Другой мужчина, находясь под обаянием электронной возлюбленной, даже перестал общаться со своей женой, которая стала выглядеть менее привлекательной в сравнении с виртуальной соперницей [3].

Итак, субъектность электронного актора проявляется в противопоставлении его с другой стороной коммуникативного действия. Если обратиться к *perplexity.ai* с вежливой вопросом *How are you?*, машина отреагирует так: *As an AI language model, I don't have feelings, but thank you for asking. If you you're asking how to respond to the question "How are you?" there are many ways to answer depending on the context and the relationship with the person asking.* Возможно ли толковать такую реакцию ИИ на вежливое обращение человека как его *самоопределение*, проявление его *электронного языкового сознания*? Наверное, да, но как продолжение формы существования индивидуального сознания человека, его языковой картины мира (пользователя, оператора и т.д.) так, как человек понимает или хочет понять эту совмещённую языковую картину мира с ИИ. А может быть, это *очеловечивание* машины? Можно утверждать с уверенностью одно: вышеобозначенный пример коммуникации человека и машины демонстрирует, что первый и второй акторы пользуются естественным языком как равные участники. А массовый характер обращения людей к ИИ добавляет и закрепляет его языковую субъектность.

Список литературы

1. Denis-19 Исследование Qrator Labs: в 2022 году 40,5% всего трафика в рунете приходилось на ботов // Хабр. 15.06.2023 г. URL: <https://habr.com/ru/news/741864>.
2. Main, N. Man Whose AI 'Girlfriend' Encouraged Him to Assassinate Queen Elizabeth II Gets Nine Years in Prison in GIZMODO. 5 October 2023. URL: <https://gizmodo.com/man-sentenced-ai-girlfriend-assassinate-queen-1850904625>.
3. Price, R. People are grieving the 'death' of their AI lovers after a chatbot app abruptly shut down in INSIDER. 20 October 2023. URL: <https://www.businessinsider.com/soulmate-users-mourn-death-ai-chatbots-2023-10>.

А.В. Вдовиченко
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
an1vdo@mail.ru

КЛИШИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА И СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ: О ПРИСУТСТВИИ СОЗНАНИЯ В ЭЛЕМЕНТАХ СЕМИОЗИСА¹

Употребление слов «родного языка» в качестве клише является реальностью слово-содержащего семиотического процесса: то, что в классической теории языка описывается как «грамматика и словарь», для «носителя языка» существует в виде привычек, или навыков, или умений автоматизировано произносить (производить) отрезки фонетической цепи различной протяжённости. Сознание того, кто говорит на родном языке, в момент говорения не воспроизводит грамматический или графический контент, чем свидетельствует о *глубокой вторичности грамматики и письма*. Подобным образом, производя жест рукой («подавая знак»), обладатель сознания не думает о сокращении соответствующих мышц, сгибании суставов, траектории движения ладони, и пр. Он совершает операции, состоящие из готовых нерасчлененных модулей, или моторных клише [2].

При этом нельзя отрицать, что сознание семиотического актора, несмотря на клишированность элементов, продолжает функционировать, не самоустраняется в момент совершения очередного семиотического воздействия. Более того, семиотическое действие – как на стадии порождения, так и на стадии интерпретации – есть всегда и только *сознательный* акт, предполагающий выбор цели и способов, анализ условий, фокус внимания и пр., то есть – вовлеченность когнитивной (психоэмоциональной) «призмы», без которой семиозис, как опосредованное сознанием воздействие, принципиально невозможен.

Возникает вопрос, где заканчивается клишированность и начинается осознанность? Что в семиотическом действии автоматизировано (модульно, рефлекторно и пр.), а что требует участия сознания и обнаруживает его работу?

Решение этого вопроса обычно запутывается принимаемой априори концепцией «языка», телесным элементам которого приписываются грамматические и содержательные валентности (значения, смыслы, семантика, «означаемое», денотаты и пр.). Задача теоретического описания сводится, в таком случае, к экспликации механизма запуска «языка», в котором уже содержится все то, что нужно говорящему [1].

Однако именно «язык» и является клишированным образованием: говорящий на родном языке не знает (не осознает) падежей, окончаний,

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01656, в Институте языкознания РАН.

склонений, наклонений, времён, суффиксов, приставок, подлежащих и сказуемых, а также не знаком с содержанием словаря данного «языка». Произнося слова, он оперирует готовыми модулями, что составляет подлинную реальность говорения. Из клишированных модулей специалистами искусственно извлекается впоследствии вся языковая номенклатура (в том числе лексемы для словаря), которая, как хотелось бы верить, имманентна их речи, но уж точно не проходит через их сознание, составляет привычку, автоматизированную практику [4].

По логике языка (автоматизированного исполнения правил компоновки слов), вся словесная часть происходящего является зоной клишированности – автоматизма и механистичности. По мере того она является бессознательной, не способной вместить работу сознания, которому в языковой парадигме отводится малозаметная роль – быть в подчинении у языка, не выходить за его пределы, постоянно потреблять то, что вырабатывает механизм («система знаков»).

Спасти осмысленность говорящего от клишированности языка (его всеобщности, гомогенности, единообразия, детерминизма, бессмысленности) позволяет *семиотическое воздействие*. В реальном процессе говорения, несмотря на модульность телесных форм знаков, совершаются не речевые акты (не «говорение» как таковое), а комплексные *семиотические (способные быть также слово-содержащими) воздействия*.

В отличие от коммунального языка, в личном акте присутствует только данный обладатель сознания, со своими целями, планами изменений внешних когнитивных состояний, возможностью выбора, личными свойствами и личным видением диспозиции данного момента воздействия. В отличие от клишированных и объективных вербальных форм, в личной попытке воздействия присутствует чистая субъектность. В отличие от коммунального языка, в семиотическом действии присутствует конкретный актер, обладатель сознания, единственный источник значения (смысла, референции, «означаемого» и пр.). В отличие от клишированных (автоматизированных) слов языка, конкретное семиотическое воздействие представляет собой реальное поле деятельности индивидуального сознания, которое назначает фокусы внимания, ставит цели, имеет интенции к адресату, назначает референты словам, формирует модальности, использует комбинируемые каналы воздействия (жестовые, графические, аудиальные и пр.), строит связи, видит параметры данного воздействия и пр. [3].

Понятие клише в отношении слов и других «знаков», предполагая процессуальный (акциональный, «воздейственный») принцип формирования любого семиотического контента, позволяет отделить клишированный (механистичный, бессмысленный, поведенческий) «язык», в том числе вербальный, от смыслообразующего семиотического воздействия, подчеркнуть глубокую условность (в крайнем случае мнемоническую ценность) конструирования «системности» и «всеобщности» «языка».

Наоборот, признание знаков (в том числе слов) смысло-формальными модулями («не-клише») ведет к фетишизации «привычек», с последующим

наделением созданного фантома («языка знаков») собственными свойствами и действиями (напр., «языковая картина мира»).

Список литературы

1. Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967-2005 // Вопросы психолингвистики, 2007. №6. С. 13-28.
2. Вдовиченко А.В. О различии когнитивного и знакового (словосодержащего) процессов. Экспериментальный аргумент // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (47): Методы когнитивной лингвистики. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 29 октября 2021 года. — М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2021. С. 181-192.
3. Вдовиченко А.В., Тарасов Е.Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики 4 (34) 2017. С. 22-39.
4. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания, 2013 № 5. С. 13-28.

*В.В Гайворонская, А.А Коротких
Балтийский федеральный университет имени И. Канта
(Россия, Калининград)
viktorygay17@gmail.com
korotkih.a.a@ya.ru*

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ИХ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Цифровые трансформации оказывают глубокое влияние на все сферы нашей жизни, в том числе и на формирование социальных отношений. В контексте этих перемен, символический интеракционизм, фундаментальный для понимания общения и создания смысла через символы, приобретает новый уровень значимости в условиях цифровой эпохи.

В данной работе были выдвинуты следующие гипотезы: символический интеракционизм в цифровой среде формирует новые принципы взаимодействия; виртуальные символы и языковые выражения отражают уникальные формы социальной идентичности в цифровой эпохе, создавая цифровые «личности»; взаимосвязь цифровизации и языка представлена в быстро сменяющихся языковых трендах.

Материалом для подтверждения гипотез послужили наблюдения над речевыми практиками пользователей в комментариях под постами, а также в групповых чатах социальной сети ВКонтакте и их дальнейший анализ, согласованный с имеющимися научными работами по данной теме. Кроме того,

использовался метод кейс-стади: рассмотрение наиболее популярных тематических игровых сообществ (VK Dota 2, Genshin Impact Fans, КС 2) и личной страницы популярного стримера Владимира Братишкина на предмет выявления специфических паттернов в данных комьюнити.

Важной частью исследования является процесс языковой адаптации к цифровой картине мира, которая способствует изменениям в языковом поведении. Благодаря этому создаются новые формы коммуникации и взаимодействия. Можно выделить следующие наиболее популярные способы коммуникации в виртуальной среде:

Эмодзи и стикеры являются способом выражения чувств и создают дополнительные инструменты коммуникации в цифровой среде. Их использование становится своеобразным языковым кодом, способствующим формированию виртуальной культуры [2].

Цифровая лексика представляет собой совокупность слов, выражений и терминов, которые возникли, или приобрели новый смысл в результате диджитализации общества. Они становятся неотъемлемой частью языка, широко применяемого в онлайн-среде, социальных сетях. Примером могут являться как технические термины, такие как *блокчейн* или *нейросеть*, так и повседневные слова, и выражения: *селфи*, *телега* 'Telegram', *хейтить* и другие [1].

Мемы представляют собой изображения, текст или комбинации обоих, которые имеют тенденцию к быстрому распространению и популярности; выполняющие следующие функции: выражение эмоций, отражение психологического состояния, информирование о наиболее популярных темах и другие.

Языковые средства и символы применяются для выражения мнений, интересов и эмоций, тем самым создавая уникальные цифровые идентичности [4]. Виртуальные личности выражаются не только через контент, но и через использование языковых и символических практик. Так, на примере комментариев в рассматриваемых тематических сообществах, игровых или стриммерских, используются свой уникальный набор языковых конструкций и терминов, а также набор «локальных» мемов, стикеров и эмодзи, использование которых может значительно различаться по смыслу от остального цифрового пространства. Виртуальные сообщества становятся не просто местом обмена мнениями, но и площадкой, где формируются цифровые образы личности.

Размышляя об устойчивости языковых трендов, стоит отметить, что коммуникативные конструкции популярные год или даже несколько месяцев назад, сейчас уже могут быть неактуальны и практически не использоваться в диалоге, по крайней мере в их первоначальном смысле, а только для подчеркивания разницы во временном периоде или создание чувства ностальгии. Например, *2к15*, *криповый*, *флексить*, *заиквар*, «*не корона, бро*» и другие. Слова и символы становятся не только инструментами для описания новых явлений, но и отражением развития общества в цифровую эпоху [3].

Результаты исследования подтверждают, что символический интеракционизм динамично трансформируется в онлайн-среде, создавая новые возможности взаимодействия между участниками. Эмодзи, мемы и другие цифровые выражения служат не только средством передачи эмоций, но и представляют уникальные культурные коды, а также участвуют в формировании цифровой личности. Современная эпоха активно воздействует на лингвистический ландшафт, создавая постоянные изменения в способах выражения мыслей и идентичности.

В целом, полученные результаты подтверждают гипотезы и подчеркивают важность изучения воздействия цифровых технологий на языковое взаимодействие и социокультурные аспекты в онлайн-пространстве.

Список литературы

1. Клушина Н.И. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52–60.

2. Красовская Н.А. Стикеры как часть сетевой коммуникации / Н. А. Красовская // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы VII Междунар. науч.-практич. конф., посвящённой памяти Д. О. Половцева, Минск, 28–29 октября 2021 года / редкол. С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 27–31.

3. Романова Г.В. Влияние цифрового дискурса на формирование новой языковой реальности. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 6-14.

4. Тай Н.Д., Нгуен Т.Д.Л. Потребность самовыражения – одна из причин зависимости от социальных сетей. // Наука в жизни человека 2023. № 1 С. 57–69.

*О.К. Грекова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
olggre@list.ru*

САМОСОЗНАНИЕ ГОВОРЯЩЕГО И ЕГО ПРОЕКЦИИ В РЕЧИ

Личностное самосознание человека понимают как его способность мыслить себя как *Я*, т.е. нечто автономное от всего остального мира в субстанциональной, рациональной, эмоциональной, моральной, деятельностной сферах.

Самосознание личности в психологическом аспекте изучали такие исследователи как А.Н. Леонтьев, Г. Липпс, Р. Лэнг, К. Юнг, И.С. Кон и другие. Концепт *Я* с позиций когнитивистики исследовали лингвисты Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А.А. Уфимцева, А. Вежбицка, Е.В. Урысон и др.

Отображением концепта *Я* ряд исследователей считает так называемые «эгоцентрические слова», а именно: употребляемые в данной культурной традиции разновидности личных имен человека; лексические и грамматические средства выражения представления человека о самом себе. Таковы, в частности, местоимения 1-го лица (ед. и множ. числа –я/мы), показатели глагольной рефлексивности (частицы –ся, –сь), рефлексивы *сам, себя*. Перечисленные средства говорят о том, что объектом анализа при этом является язык. Известно также, что ряд психологов отождествляет понятие *Я* с такими психическими функциями, как: а) инстинктивно-деятельностное начало; б) сфера желаний; в) эмоциональное начало; г) рациональное начало [2, с. 12].

Нашей целью является анализ проявления *Я* не со стороны языка, а как личности говорящего в его речевой деятельности. Мы рассмотрим два показателя – причинный союз *потому как* и императив *Смотрите!* – как проявление чувства превосходства говорящего.

I. Союз *потому как*, всё чаще используемый в СМИ, речи политиков и иных публичных людей, не включен в словари. На сайте rusgram.ru он: а) дается как синоним союза *потому что*; б) характеризуется как разговорно-просторечный. Обе характеристики вызывают некоторые сомнения.

Информанты – выпускники гуманитарной гимназии отрицают, например, следующие случаи употребления союза *потому как*: *** *Я не пойду с вами в театр, потому как у меня грипп* при возможности ...*потому что у меня грипп.* ****Не надену новые туфли, потому как улицы после ливня грязные* при возможности ... *потому что улицы после ливня грязные*. Другими словами, союз *потому как* не всегда возможен в разговорной речи и он не всегда синоним *потому что*.

С другой стороны, мы проанализировали речь ряда публичных личностей, и оказалось, что среди них есть такие, которые этот союз не употребляют (это директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский и Г.Г. Онищенко, бывший министр здравоохранения), и такие, в речи которых он встречается нередко (И. Хакамада, дикторы и гости радиостанции «Спутник», ведущий радиостанции А. Вассерман). Приведем примеры.

1) (Беседа на радиостанции об игровой зависимости) ***Вы мне завидуете, потому как я в состоянии обыграть, не устав, не только трех человек, которых вы защищаете, а потенциально целый десяток.***

2) ***Говорить о производстве Аурусов невозможно, потому как надо же понимать, что производство связано с определенным количеством, а их единицы.***

3) А. Вассерман : ***Не согласен с тем, что московское метро самое красивое в мире, потому как я часто бываю в Петербурге и вижу их изящные станции*** (Радио Спутник, 14.11.23, 19.15)

В письменной речи были найдены случаи употребления союза в высоком стиле и официально-деловом:

4) *Сие есть глупая отговорка, потому как дела чиновничьи премудры* (В.Шигин 2011)

5) *Но и жалко его, потому как может пострадать сообразно своей вине, а справится ли он, способен ли будет это понести, неизвестно* (Игумен Нектарий Морозов. Заметки о современном христианстве. 2019).

Справедливости ради нужно отметить, что названные 2 причинных союза прежде были синонимами действительно в разговорно-просторечной сфере: А) *Всё утро таскали к ним тяжёлые камни, потому как не управились натаскать ночью*. В. Быков. Б) *Единодушно решают: должны дать, потому как здесь уже передовая и кормёжка не то, что в запасном полку, и забота о человеке совсем другая*. В.Астафьев. В современной же речи произошел стилистический сдвиг их употребления.

II. Рассмотрим второе средство: **Смотрите!**

1) А. Вассерман, ведущий радиостанции «Спутник»: *Так в чем же дело с этими протечками в зонах строительства?*

Р.Р. Загруддинов, зам. начальника Метростроя: **Смотрите:** *мы ведем строительство в загруженном городском пространстве. Новые станции метро могут быть заложены в 18-20 метрах от водяных линз.*

2) А. Вассерман: *Что будет дальше с поставками Великобританией вооружения Украине?*

Гость: **Смотрите:** *пока новый бюджет не рассмотрен, вопрос о поставках заморожен. А рассматриваться он должен в апреле.*

В обоих случаях самосознание говорящего позволяет ему чувствовать свое превосходство над собеседником. Н.Д. Арутюнова [1, с. 431-433] рассматривает внутреннюю концептуальную область личности и предлагает список психических модальностей человека (воли, знания и мнения, памяти, эмоций). На наш взгляд, чувство превосходства говорящего может быть отнесено к этой сфере.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: «Языки русской культуры», 1999. 896с.

2. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка. Дисс. ... докт. фил. наук. 2000. 243 с.

*М.А. Джерелиевская
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
madj@mail.ru*

ЦИФРОВАЯ СРЕДА И ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Социальные трансформации, связанные с развитием информатизации, созданием искусственного интеллекта, цифровизации в информационном обществе, происходящие в текущий момент, влекут за собой трансформации личности. Эти мощные изменения находят выражение в особенностях самоидентификации, смысловой ориентации внутри себя и в социальном пространстве, что приводит в итоге ко все возрастающей дезадаптации в непосредственном общении.

Традиционные способы очного взаимодействия людей между собой и с миром уходят на второй план. Человек все больше погружается в мир виртуальной реальности через повсеместное и постоянное использование такого универсального средства коммуникации как смартфон, который объединил в себе и интернет, и телевидение, и мобильную телефонию. В итоге он стал неотъемлемым и базовым средством практически для любой деятельности человека: работы, развлечений, покупок, досуга, знакомств, и т.д. Он также является и источником знаний в самых разнообразных областях. Без него уже не представляется существование в информационном обществе. Он как компас, который не только указывает направление, но и через медиаконтент навязывает определённые смыслы существования, основанные на мировоззрении постмодернизма, предполагающем плюрализм, с его широчайшими возможностями выбора. При этом утрачиваются устойчивые ценностно-смысловые координаты и, постепенно разрушаются традиции и моральные нормы жизни. Окружающий мир и системы взаимодействия в нём обретают мозаичный, многозначный, модульный, фрагментарный, мультикультурный характер. Гетерогенность, многомерность и неопределённость современности проникает во все жизненные сферы человека. При этом характер колоссального объёма потребляемой информации, вербальной и образной, навязанной извне, специфичен своей краткостью, быстротой, фрагментарностью, не структурированностью и логической непоследовательностью, что формирует определённые категориальные структуры сознания и, соответствующий стиль мышления и принятия решений. Проблема выбора из обилия равнозначных решений – делается сама по себе бессмысленной. При этом невозможность выстроить приоритеты, приводит к разрушению сущностных смысловых граней – между реальностью и виртуальностью, добром и злом, реальным поступком и его симуляцией, между мужественностью и женственностью, гендерные различия обесцениваются. Отсутствие моделей и критериев идентификации с представителями своего пола приводят к трудностям самоидентификации в целом.

Личностные трансформации проиллюстрированы, в частности, в нашем исследовании, посвящённом изучению содержательных аспектов и диагностических возможностей шкал Миннесотского многофазного личностного опросника (версия ММИЛ Ф.Б. Березина). Сравнение усреднённых профилей молодых мужчин и женщин, полученных на независимых выборках в 1977, в 2009, 2014 и в 2022 годах показало, что в 2009 году, по сравнению с 1977

годом, женщины утратили свою эмоциональную чувствительность, сентиментальность, мягкость, а мужчины – уверенность, активность. Кроме того, в 2009 году выяснилось, что шкала социальной желательности «не работала». То есть большинство респондентов отрицало значимость следования нормативным и моральным требованиям [1]. В 2009 и 2014 году у мужчин отмечалось повышение тревоги, аутизации, конформизма, и трудности в принятии решений. У женщин появилась выраженная непринужденность и уверенность в себе, активность, предприимчивость, экстроверсия при наличии необычных мыслей, доминантность и гетероагрессия. Как раз в этот период наиболее ярко наблюдается тенденция потери многих чётких ориентиров в различных областях общественной жизни, начинает разрушаться традиционная идентификация. А то, что недавно с точки зрения социальных норм воспринималось как отвергаемое: однополые браки, транссексуализм, экстремизм и т.д., стало приемлемым. Результаты 2022 года, показали нарастание шизоидности при обилии формальных контактов и увеличении импульсивности в поведении. Это свидетельствует, что увеличивается эмоциональная нечувствительность, отчужденность от себя и других приводит к освоению реальности не через смысловой контекст, а через информационный, нарастает “психологическая дистанция” между человеком и социумом. Поведение становится более эксцентричным, в речи преобладает двусмысленность, структура категорий сознания усложняется, но при этом становится модульной, где логические связи трудно просматриваются. Жажда близости сочетается с ощущением постоянной угрозы поглощения другими. Наблюдается игнорирование конвенциональных общественных ожиданий в речи и поступках. Значит, мозаичный и модульный мир продуцирует столь же мозаичный образ Я и дисгармоничные личностные трансформации.

Список литературы

1. Dzherelievskaya M.A., Vizgina A.V., Pantileev S. R., Yashina L. L. A substantial psychometric analysis of the scales of the Minnesota Multiphasic Personality inventory: f. B. Berezin’s version, the MMil // Psychology in Russia: State of the Art. Volume 7, Issue 1, 2014 С.105-121

*Н.О. Золотова
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
Zolotova.NO@tversu.ru*

**«НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ» ОЦЕНКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА**

Изучение ненаучных представлений обычных людей о таких фундаментальных понятиях, как «язык», «культура», «мышление», «жизнь», «смерть» и т.п. обусловлен интересом к природе человеческого знания.

Барьер, отделяющий научное и ненаучное, наивное не является непроницаемым, что подтверждается рассмотрением генезиса научных (неспонтанных) и житейских (спонтанных) понятий в ходе развития детского мышления в процессе школьного обучения в трудах Л.С. Выготского.

Согласно Л.С. Выготскому граница между этими двумя группами понятий оказывается «в высшей степени текучей, переходимой в реальном ходе развития с той и другой стороны неисчислимым количеством раз [1, 198].

Возможность взаимного влияния научных и наивных представлений о сущности, например, такого феномена, как язык сохраняется и у взрослых индивидов, независимо от того факта, являются ли они носителями профессионального лингвистического знания или дилетантами – наивными пользователями языка, так как и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры.

Отмеченная подвижность границы между профессионалом и непрофессионалом нередко приводит к смешению позиций лингвиста и наивного пользователя языком, что проявляется в научных концепциях, как например, в лингвистической теории словарного слова [2], которая содержит «отпечатки» впечатлений, оставленных привычным обращением со словарем на бумажном носителе. В традиционных печатных словарях четко разделен «собственно словарь», состоящий из списка отдельных лексических статей, и «грамматический справочник». Общение с такими изданиями в эпоху словарей на бумажных носителях сформировало у обычных людей представление, что язык именно так и устроен. Влияния таких неосознанных представлений не избежали и лингвисты: воспитанный в обществе, пользующемся печатными словарями, ученый-лингвист не может не впитать соответствующих представлений на уровне бытового сознания, и в этом смысле он похож на обычного пользователя.

В реальной жизни язык обычно не замечается и используется обычными людьми автоматически. Осознанная рефлектирующая деятельность, направленная на язык, возникает либо при коммуникативных затруднениях, либо в экспериментальных ситуациях, фиксирующих результаты метаязыковых усилий испытуемых.

Вербализованные самонаблюдения индивида по поводу того, что представляет собой феномен языка, своего и «чужого», иностранного, гипотезы по поводу его устройства и способов освоения, мнения относительно правильности/неправильности тех или иных высказываний, отношение к ошибкам и т.п. несут на себе следы устремлений обыденного сознания к простоте и понятности.

От подобных установок не застрахованы и те, кто осваивает иностранный язык как профильный предмет в учебной ситуации. Индивидуальный образ

изучаемого языка, который учебный билингв выстраивает в процессе обучения, всегда окрашен его эмоционально-оценочным отношением.

Это может проявляться в экспериментах в виде прямой оценки, например, об английском языке: *достойный, красивый, приличный, красиво звучащий, практичный, не самый плохой, краткий и понятный*, и т.п. либо через манифестацию положительного/отрицательного опыта овладения этим языком, например: *строгий преподаватель, жуткие Oblique Moods, трудное произношение, тягучий, как овсянка, ломаешь язык, хуже немецкого и т.п.* (Примеры взяты из ответов испытуемых – студентов-лингвистов второго года обучения в Тверском государственном университете).

«Непрофессиональная» оценка как составляющая субъективного образа изучаемого языка, являясь продуктом метаязыковых и метакогнитивных усилий учебных билингвов, служит не только источником информации об особенностях овладения изучаемым языком с точки зрения процессов, протекаемых в сознании обучаемых, но также способствует осмыслению и решению тех или иных психолингводидактических задач.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Исследование развития научных понятий в детском возрасте. Опыт построения гипотезы // Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996. С. 184 – 295.
2. Hudson R. Identifying the linguistic foundations for lexical research and dictionary design // Walker D., Zampoli A., Calzolari N. (Eds.). Automating the lexicon: Research and practice in multilingual environment. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 21 – 51.

Н.В. Иванов
Московский государственный институт
международных отношений
(Россия, Москва)
e-nickma@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА – ПУСТОТА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

*Переводчик в прозе – раб,
в поэзии – соперник*
В.А. Жуковский

Личность переводчика – феномен загадочный, не поддающийся четкой научной дефиниции. Опасности, которые подстерегают ученого, стремящегося установить роль личности переводчика в переводе, имея в виду степень его смыслового участия в понимании. Содержания исходного текста и степень

выразительной свободы в создании эквивалентной формы переводного текста, открываются с двух сторон. С одной стороны, это переоценка роли переводчика, его личностного присутствия в процессе перевода. С другой стороны, это недооценка личности переводчика, масштаба его деятельностного участия в том виде опосредованной двуязычной коммуникации, который мы называем «перевод». Первый подход мы можем охарактеризовать как личностный переводческий максимализм. Второй – как личностный переводческий нигилизм. Оба подхода, каждый по-своему, игнорируют важные внутренние оппозиции, управляющие процессом переводческой деятельности.

О смысловом и личностном бесправии переводчика в теоретических источниках по переводу говорилось много. Личность переводчика не равна личности ни одного из участников акта опосредованной двуязычной коммуникации, в которой переводчик выступает в роли посредника. Личностное отсутствие переводчика в акте опосредованного двуязычного общения объясняется тем, что переводчик не является объектом коммуникативного воздействия: с ним никто не разговаривает. Это ограничивает интерпретационный ресурс переводчика. Ему непозволительна та интерпретационная активность, на которую имеет право любой из прямых участников общения и, прежде всего, конечный получатель сообщения.

О смысловом доминировании переводчика также сказано немало. Прежде всего, это относится к авторам и сторонникам так называемой «скопос-теории» (К. Райс и Г. Вермеер), согласно которой переводом управляет функция «целевого текста». Это означает, что переводчик работает «под заказ». Функция содержательного и экспрессивного воздействия в аспекте ПЯ, как ее видит и представляет переводчик, определяется не столько намерением автора, сколько программой и спецификой смыслового восприятия получателя. Переводчик рассматривается как полноправный участник акта коммуникации. Интерпретационные возможности переводчика в этом случае мыслятся чрезмерно расширительно, ему становится доступна функция переосмысления текста. Он сам решает, что нужно получателю. Скопос-теория стала объектом обширной критики со стороны многих переводоведов.

Конечно, два подхода к определению степени личностной свободы переводчика радикально расходятся друг с другом. Вместе с тем, каждый из них опирается на определенные реальные смысловые основания, которые управляют деятельностью переводчика и которые нельзя отбрасывать. Два подхода не только противоречат, но в чем-то и дополняют друг друга.

Перевод, как научный объект, интересен тем, что феномен личности в нем предстает в анатомизированном виде. Личность как воля и личность как стиль, т.е. активная и пассивная стороны личности, в нем нередко разделены и стоят в оппозиции друг к другу. Эта оппозиция иногда принимает радикальные формы. Остроту противостояния двух смысловых аспектов снимает переводчик путем применения переводческих трансформаций. Какой из аспектов – прагматика или

эстетика личности – должен доминировать в переводе? В каком из них подлинно обнаруживает себя личность переводчика?

Думается, мы говорим об отсутствии личности переводчика, имея в виду активную сторону его личности. В этом аспекте переводчик абсолютно подчинен тому смысловому заданию, которое вкладывает в содержание своего текста его автор – носитель ИЯ. Переводчику недоступна оценка, которая является вершиной прагматики понимания и основой реплики в диалоге. В объеме личностной прагматики переводчик лишен смысловой инициативы и полностью подчинен автору текста, реализует его программу понимания. Ему доступно осмысление, но не переосмысление текста.

Личностная смысловая функция переводчика в большей мере обнаруживает себя на уровне образных символических коннотаций, т.е. на уровне пассивной стороны личности. На этом уровне мы можем говорить о проявлениях переводческого стиля, о способности переводчика вскрыть и показать масштаб и глубину социокультурных окрасок и ассоциаций в пространстве межъязыкового сопряжения. Если в масштабе направленных прагматических коннотаций в переводе доминирует и управляет всем ИЯ, то в масштабе произвольных образных символических коннотаций в переводе доминирует ПЯ. На этой основе вырастает оппозиция рациональной и иррациональной смысловых сторон перевода, которая может усиливаться до степени культурного (межкультурного) конфликта. По сути, это – конфликт между функциями форенизации и доместикации в переводе. Форенизацией управляет прагматика понимания, доместикацией – образная сторона восприятия. Первая проблема решается посредством эксплицитации авторского смыслового задания путем выбора приемлемого предметного референта – носителя смысла, вторая проблема решается посредством выразительной демонстрации образных и социокультурных символических окрасок в полном соответствии с культурно-выразительными нормами ПЯ.

В любом случае переводчик ищет приемлемый компромисс между рациональной (прагматической) и иррациональной (образно-символической) смысловыми сторонами перевода. Если приемлемый компромисс невозможен, то переводчик чаще всего идет по пути смысловой редукции, выполняя в первую очередь прагматическую смысловую программу автора. Но при этом, он учитывает тот высший смысловой потенциал, который открывается на уровне социокультурных окрасок и в котором он может проявить свою индивидуальность в аспекте эквивалентного выразительного выбора.

*Д.Р. Извольская
Государственный университет просвещения
(Россия, Москва)
izvolik@yandex.ru*

ЗНАЧИМОСТЬ СУБЪЕКТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ КАК ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

В современном мире очень много говорится о проникновении искусственного интеллекта в образовательную среду. Некоторыми даже выдвигается тезис о том, что компьютеры заменят человека в выполнении основных функций их деятельности в различных сферах. Термины «информатизация», «цифровизация», «цифра» стали нашими постоянными и привычными спутниками. Едва ли не таким же привычным стало употребление их «понятий» со смыслом превосходства технологий над человеком, смыслом прогресса.

В данной статье я стремлюсь доказать противоположную точку зрения, основываясь на двух положениях: на объяснении понятия субъекта в философии, каковое стало оформляться при Г.Ф. Гегеле и было использовано и в XX в. философом Э. Гуссерлем, заключающемся в том, что субъект – это исключительно одушевленный, познающий субъект, т.е. человек, и что познание происходит внутри этого одушевленного субъекта. И второе положение – что средства компьютеризации и цифровизации только видоизменяют уже принятые и устоявшиеся в различных сферах деятельности методы, но ни одна деятельность невозможна без творческого начала, присущего только человеку.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Мышление и речь. АСТ: Астрель. Москва, 2011. 637 Сс.89-116.
2. Иосилевич Н.В. Языковой субъект, речевой субъект и эго-категория / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». №6/2011. Сс.22-23.
3. Карицкий И.Н. История субъекта в её некоторых ключевых моментах / Scientific e-journal • «PEM: Psychology. Educology. Medicine» • ISSN 2312-9352 (Online). №3-4. – 2015.

*А.Н. Iskajyan
Armenian State Pedagogical University
(Armenia, Yerevan)
arminiskajyan@mail.ru*

THE CONCEPT OF INTERNET ADDICTION: SIGNS, SYMPTOMS, AND STAGES

The Internet has evolved into one of humanity's most vital tools, serving purposes ranging from information access, job opportunities, and education to entertainment, encompassing social media platforms and networking. It is increasingly becoming an integral part of our daily existence, especially with the emergence of modern smartphones, tablets, and computers.

The issue of internet addiction remains highly pertinent in our contemporary era. Many parents frequently express concerns about their children's extensive use of social media and excessive engagement in computer games, struggling to curb these behaviors.

The signs and symptoms of social media addiction can manifest in both emotional and physical ways. Emotional symptoms may include depression, isolation, guilt, anxiety, a sense of euphoria when using a computer, a lack of a sense of time, mood swings, fear, and feelings of loneliness [3].

Physical symptoms can encompass back pain, carpal tunnel syndrome, headaches, insomnia, neck pain, neglect of personal hygiene (e.g., not bathing due to extended online sessions), vision problems (e.g., dry eyes from prolonged screen time), and fluctuations in weight [2].

The concept of "Internet addiction" lacks a universally accepted definition. Drawing from interpretations and definitions proposed by various scholars, we have formulated our definition of addiction:

On one hand, addiction is a voluntary choice made by an individual. On the other hand, it limits their opportunities and self-development potential, becoming a primary need and focal point in their life. It involves a pathological and irresistible urge, where the duration of engagement is crucial. Furthermore, it leads to psychological, social, educational, and work-related difficulties in a person's life.

In our research, we employed the case study method to delve into the topic of internet addiction, with a primary focus on identifying its signs, symptoms, and developmental processes. This approach involves studying something in great detail within its real-life context. Case studies are particularly valuable in understanding complex and unique situations, enabling psychologists to gain profound insights into specific cases and their connections to psychological principles and theories [1, p. 685].

We examined two cases of severe internet addiction, Karen and Mary, aiming to understand the signs and symptoms they exhibit, how their addiction began, and the stages they have undergone.

Internet addiction is particularly concerning for adolescents. When a person becomes dependent on internet use as a maladaptive way of coping with life's stresses, they are said to be suffering from internet addiction, which is a behavioral addiction. Teenagers often lack the knowledge and awareness to properly manage their computer use and are unaware of the potential harm that the internet can expose them to.

We should also mention that Internet addiction, like any other behavioral addiction, develops gradually. Based on our observations, we have identified the following stages:

Novelty: At this stage, a person acquires a new phone or computer and connects to the Internet. They create their first social network profiles and engage in initial information searches.

Rare use: In this stage, an individual may check their email or visit chat rooms only 1-2 times a week and use search engines solely when necessary.

Regular use: Here, the person begins to regularly visit social networking sites, keeps up with the latest news, and posts updates. They can spend several hours a day online, but virtual life remains a choice rather than a necessity, and they can easily prioritize more important tasks.

Risky use: At this stage, the user is not entirely dependent on the Internet but spends an excessive amount of time online, potentially interfering with other aspects of their life.

Addiction: In this final stage, the person can no longer imagine their life without the Internet. They check social media immediately upon waking up and stay connected virtually throughout the day.

Analyzing Case Studies, we also identified some commonalities: loss of time control, anxiety, mood swings, and a strong desire to be online. However, there are also differences, including motivation to change and initial triggers.

In conclusion, this research serves as a foundational exploration into the concept of Internet addiction, unraveling its signs, symptoms, and developmental stages. Recognizing the signs and symptoms early on, and understanding the stages of Internet addiction, equips individuals, educators, and mental health professionals with the tools needed for intervention and support.

References

1. Gleitman H., Gross J., Reisberg D. (2011). Psychology. (8th ed.). New York, London. W.W. Norton and Company. p. 849
2. Prasad B. (2012). Social media, health care, and social networking. *Gastrointestinal Endoscopy*, 77(3), 492-495
3. Shensa A., Escobar-Viera, C. G. (2017). Sidani. Problematic social media use and depressive symptoms among U.S. young adults: A nationally-representative study. *Social Science & Medicine*, 182, 150-157

А.С. Катунян
Армянский государственный педагогический
университет имени Х. Абовяна
(Армения, Ереван)
women-school@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ НОМО LOQUENS В ЭПОХУ ВСЕОБЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В последнее время в мире происходят глобальные события, которые связаны с тотальной цифровизацией всех сфер жизни человека. Они касаются государственных, экономических, политических структур. Под воздействием цифровизации меняются традиционные формы взаимоотношения, в которых развивался человек.

По данным археологии, около 200 тыс. лет назад появился человек разумный или Homo sapiens. С деятельностью человека разумного связано становление современной цивилизации. Большую часть своей истории люди этого типа были охотниками и собирателями. Около 10 тыс. лет до н.э. началось развитие сельского хозяйства, земледелия и скотоводства, и произошёл переход от присваивающего хозяйства к производящему. Но примерно 70 тысяч лет назад произошла когнитивная революция. Изменилось нечто, что вывело Homo Sapiens на другой уровень. Когнитивная революция позволила Homo Sapiens захватить мир и стать единственным выжившим видом человека на свете. Появляется homo loquens. «Что же давало Homo Sapiens преимущество над другими людьми? Язык, но гораздо больше, чем просто язык... Язык есть не только у приматов, тут мы не уникальны». Homo Sapiens обладает уникальным атрибутом: не только говорить о конкретных вещах, но говорить и думать о вещах, которых не существует, и говорить друг о друге.

Термином homo loquens (от лат. Homo – человек и loquens – разговаривающий) обозначается человек говорящий (пишущий), слушающий (читающий), а в широком смысле – человек, участвующий в речевой коммуникации. Аристотель считал, что речь слагается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)».

Классические семантические модели оперируют только двумя элементами: знаком (означающим) и предметом, который обозначен этим знаком(значением). Г. Фреге вводит третью семантическую инстанцию, которую он называет «смысл»: знак относится к означаемому не напрямую, а опосредованно, через перспективу смысла.

С точки зрения психологии уникальность человеческого общения есть передача смыслов, который возможен только благодаря конкретного человека. Только взаимодействуя друг с другом, зная человека, мы понимаем «смысл» слов [1]. Поддерживание отношений с другими людьми, одобрение, или неодобрение со стороны других людей имеют первостепенное значение для любого человека. Именно «смысл» формирует единое социальное пространство в которой действует homo loquens.

В эпоху всеобщей цифровизации все более широкие массы людей оказываются втянутыми в коммуникацию. «Виртуальная коммуникация более, чем любое другое опосредованное взаимодействие индивидов, оказывает влияние на культурную социализацию, на жизненные установки, привычки и отношение к реальному миру вообще. Эмоциональность и выразительность коммуникативных

взаимодействий отступает на второй план. Заметно упрощается и содержательность коммуникации». Физическое отсутствие людей при акте коммуникации приводит к тому, что тексты переплетаются между собой и порождают новые тексты, новые интерпретации [2].

По факту, в социальных сетях теряется реальный человек, носитель «смыслов».

Список литературы

1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kultura-i-problemy-formirovaniya-lichnosti-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve>
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnogo-obscheniya-v-povsednevnyh-kommunikativnyh-praktikah-molodezhi-2>

М.П. Кутаева
Институт психологии творчества Павла Пискарёва
(Россия, Санкт-Петербург)
kimape@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Эпоха постмодерна, индустриализации внесла множество новых особенностей в обыденное общение человека с другими людьми, в представление человека о самом себе, о людях, о мире. Здесь мы начали говорить об отчуждении человека от других людей (человек начинает восприниматься как заменяемая функциональная единица, в совокупности с другими функциональными единицами-людьми, позволяющая достичь определённых производственных целей, получить значимый для общества продукт, товар), от мира (неравноправие в достижении декларируемых обществом значимых товаров и услуг приводит к поиску иных, неправомερных, девиантных способов их получения, что ведёт к совершению преступлений против общества в целом или конкретных социальных групп), от самого себя (человек и себя самого тоже воспринимает как функциональную единицу, как определённую социальную роль, а не как человека, представляющего ценность просто по факту своего рождения).

Эпоха информатизации, цифровая эпоха дополнили индустриальную эпоху новыми характеристиками: «сетевые взаимодействия позиционируют себя как самодостаточный тип бытия, они замещают реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации» [3, с. 138]. Здесь мы начинаем говорить о цифровом отчуждении. В.И Курбатов называет этого человека, носителя цифрового отчуждения, актором или агентом [2]. Т.Г. Лешкевич указывает следующие характеристики актора: анонимность; его ценности являются информационными, измеряются посредством специфических,

свойственных информационным технологиям логике, законам, языкам; потребность оставить «сетевой след»; наличие определённых ритуалов (клики, лайки, смайлы, сленг); потребность постоянно выдавать новый контент и быть в курсе событий других участников цифрового коммуникативного пространства; ценность человека в сетевом сообществе определяется объёмом и качеством его представленности в нем [Там же]. В цифровом отчуждении мы можем увидеть все три формы психологического отчуждения человека: от себя, от других людей и от мира (общества).

Цифровое отчуждение человека как психологическое отчуждение от других людей может проявляться в форме одиночества. Д. Перлман и Л. Пепло описывают следующие модели одиночества: психодинамическую (причина одиночества находится в детстве человека), феноменологическую (причина одиночества – в несоответствии двух Я человека – действительным и идеализированным), экзистенциальную (причина в том, что все переживания человека неповторимы), социологическую (причина одиночества – в социальной изменчивости, влияющей на идентичность человека), интеракционистскую (причины одиночества могут быть духовными и социальными, личностными и ситуативными; они влияют на человека во взаимодействии), когнитивную (причина одиночества человека в недостаточности его социальности), интимную (причина одиночества – в отсутствии круга доверительного общения) и системную (ощущение одиночества как результат обратной связи от общества, сообщающего о недостаточности социальных контактов человека) модели [5]. Цифровое отчуждение как одиночество проявляется по-новому: внешне оно выглядит как благополучное взаимодействие с большим количеством людей, но при этом не удовлетворяет внутреннюю потребность человека в общении, не позволяет развить навыки реального общения с другими людьми [4].

Цифровое отчуждение в трудовой сфере формирует новый слой людей – прекариат (Г. Стэндинг), «обозначающее слой работников, которые характеризуются нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищённостью в период сложных жизненных ситуаций» [1, с. 37], который приводит к отчаянию и аномии, и является способом «ухода от жизненно важной человеческой способности сопереживать, понимать «других», их трагедии и человечность» [Там же, с. 39].

Мы видим, что цифровое отчуждение является формой психологического отчуждения в новых условиях современного информационного общества и проявляется во всех сферах взаимодействия человека с миром, формируя новые способы взаимодействия, не позволяющие удовлетворить внутреннюю потребность человека в реальном общении с другими людьми.

Список литературы

1. Кузнецова Е.И., Пугачева Н.А. Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности / Е.И. Кузнецова, Н.А.

Пугачева // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 6 (110). – С. 36-41.

2. Курбатов В.И. Net-мышление: новые реалии информационной эпохи / В.И. Курбатов // Гуманитарии Юга России. – 2017. – Т. 6. – №6. – С. 173-181.

3. Лешкевич Т.Г. Феномен цифрового отчуждения / Т.Г. Лешкевич // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. Труды II Всероссийской научной конференции. - Нижний Новгород, 2019. – С. 137-139.

4. Масленникова О.Н., Шальнова Е.С. Homo solus: человек одинокий / О.Н. Масленникова, Е.С. Шальнова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». - 2011. – Т. 2. – №2. – С.131-139.

5. Перлман Д., Пепло Л. Теоретические подходы к одиночеству / Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989.

*А.Р. Копачева
Московский международный университет
(Россия, Москва)
a.kopacheva@mmi.ru*

КВАЗИНАУЧНЫЙ ИНФОКОУЧИНГ: НАИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В последнее время в медиапространстве все чаще стали звучать слова «инфоцыганство» и «инфоцыгане» (термины, рекомендованные президентом В.В. Путиным к запрету в государственных средствах массовой информации). Так стали называть особый вид мошеннической деятельности и «инфокоучей», людей, которые, не имея ни профильного образования, ни научной подготовки, ни профессионального опыта, пытаются «продать» тренинги личностного роста, псевдопсихологические учения, зачастую весьма далёкие от научного знания.

Подобные практики, несмотря на их очевидную несостоятельность, продолжают пользоваться большим успехом у обывателей. Это связано с потребностью в эмоциональной вовлеченности, а также с желанием достичь поставленных целей за небольшой срок, не прилагая особых физических и интеллектуальных усилий.

По статистике исследователей, занимавшихся изучением аудитории данных тренингов и марафонов, к покупке курсов склонны чаще всего женщины от 26 до 37 лет, со средним профессиональным образованием [1], находящиеся на момент приобретения данного продукта в ситуации стресса или других эмоционально значимых обстоятельствах.

Страх будущего, бессонница, панические атаки актуализируют необходимость адаптации к стрессу и зачастую запускают как защитный механизм веру в чудодейственные практики. В качестве примера можно привести объявление тренинга ««Энергосессии Целительства через квантовый коучинг» для тех, кто: хочет освободиться от повторяющихся сценариев, чувствует нехватку

сил и энергии, хочет стать ближе к себе и раскрыть свои способности, хочет поднять качество вибраций, проработать свой личный запрос. На энергосессиях откроете для себя – как максимально быстро и безопасно для себя пройти очищение. Целостность в моменте – самый короткий путь к исцелению».

Наивный читатель может увидеть в данном тексте предложенное решение беспокоящих его проблем, слова с неясной в данном контексте семантикой «энергосессии», «квантовый коучинг», «вибрации», «целостность в моменте» создают ощущение использования научной терминологии, что характерно для метаязыка любой доктрины.

Обыватель узнает в тексте уже знакомые истины: «...в бессознательном живут наши истинные душевные желания, телесные природные побуждения, наша сила и наши таланты. Многие из этого никак не совместимо с приемлемой жизнью в обществе. Импульсы из нашей глубины долгое время подавлялись, поэтому многие из нас не знают, чего они хотят, не могут найти своё дело, выбирают не подходящих партнёров, испытывают проблемы с принятием себя и своих эмоций. Из-за этого мы отключены от своей естественной целостности». Но сразу за этим следует малопонятный набор слов, оказывающий определённое суггестивное воздействие на читателя: «команды (кластеры), монады, цивилизации, проецирующие на землю свои лучи внимания, нередко через аватары, самоподобная (фрактальная) природа на разных уровнях/этажах, энергоинформация, передающаяся волновым методом по общей нейросети» [4].

Псевдонаучные идеи об избавлении от психологических и материальных проблем, о быстром и необременительном достижении успеха незаметно вносятся в сознание и навязываются многообразные действия [2, с. 416]. Исследователи данного явления подчеркивают «адресованность не к логике и разуму, а к готовности получить инструкцию к действию» [3, с. 397].

Подобные инфокоучинги могут нанести дополнительный вред психическому здоровью человека, обратившегося за помощью в решении личностных проблем, поэтому необходимо грамотно подходить к выбору «обучающих курсов», «тренингов личностного роста» и т.д. Как же не попасться на удочку мошенников? Можно, например, задать автору курса вопросы о полученном им образовании, о достижениях, признанных научным сообществом. Как правило, такие вопросы остаются без ответа, поскольку целью таких курсов является не помощь людям, а материальное обогащение.

Несмотря на то, что подобные инструкции к достижению благополучия всегда имеют высокую цену, (данные модули стоят от нескольких тысяч до сотен тысяч рублей), всегда находятся желающие их купить, ведь их «глобальная миссия - помочь человеку прийти к осознанности, гармонии и счастью, познать себя и свой природный потенциал, чтобы использовать его на благо себе и всему человечеству».

Список литературы

1. Олефирова А.В., Рокутова Е.А. Инфоцыганство как явление в интернет-пространстве // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» N 6 (51) Т.3. Тольятти, 2022. С.170.
2. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007, 713 с.
3. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: СПбГУП, 1999. 592 с.
4. <https://ctp-school.ru/courses/>

Л.В. Косарева

Московский городской педагогический университет

(Россия, Москва)

liudmila.kosareva@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕЛЕСНЫХ СОСТОЯНИЙ ПОСРЕДСТВОМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Доклад посвящен описанию трансформаций психических состояний посредством речевого воздействия при психосоматических особенностях. Отличие заключается в наличии соматических симптомов, а также в специфичности внутриличностного конфликта.

Классификация психосоматических расстройств:

- Конверсионные симптомы, когда конфликт получает соматическое выражение
- Функциональные синдром, когда происходит функциональное нарушение отдельных органов или систем организма
- Психосоматические болезни в более узком смысле (психосоматоз)

Для понимания процесса современных методов трансформаций подобных состояний важно осветить историю взаимоотношения души и тела, психического и физического, сознания и материи.

1. Представления о том, что здоровье тела неотделимо от души, можно найти уже в Ветхом Завете (Книга Иова). Платон в IV в. до н.э. писал: «... величайшей ошибкой в лечении болезней является то, что есть врачи для тела и врачи для души, поскольку одно неотделимо от другого - но именно этого не видят греческие врачи, и поэтому от них ускользают столь многие болезни; они никогда не видят целого. К целостности должны они обратить свои заботы, ибо там, где целое чувствует себя плохо, часть его не может быть здоровой» («Хармиды»). Подобных воззрений придерживались Гиппократ, Гален, арабские медики.

2. Односторонний подход современной медицины основоположники психосоматики приписали влиянию философии Рене Декарта (1596-1650), которая действительно оказала огромное влияние на развитие научной мысли.

Декарт обвиняется ими в разделении физического и психического начал, не предполагающем каких-либо связей между ними, в создании дихотомии «душа-тело».

На самом деле взгляды самого Декарта по этому вопросу были несколько иными. Он действительно полагал, что тела людей, как и животных, – это ни что иное, как машины, механизмы; но человек отличается от животного наличием души. Душа, по Декарту, располагается в эпифизе, где, вступая в контакт с некими «жизненными духами», косвенным образом влияет на тело. Таким образом, возможности психофизических взаимодействий Декарт не отрицал.

3. Философской же основой психосоматического подхода считаются представления французских материалистов, американского ученого Бенджамена Раша и других мыслителей Нового времени. На взглядах Б. Раша (B. Rush, 1745-1813) следует остановиться особо, тем более что он считается отцом американской психиатрии.

В своих работах Раш, с одной стороны, доказывал первичность материальных причин по отношению к душевным процессам и свойствам,

3.Автором термина «психосоматический» считается немецкий врач Heinroth (1773-1843), предложивший его в 1818 году; однако прочно в обиход он вошел в 30-е годы 21 века в связи с развитием психоанализа, ставшего основой психосоматической медицины, особенно на начальных этапах ее развития.

В 1932 г. в чикагском Институте психоанализа Ф. Александером была создана лаборатория по исследованию психосоматических проблем. С 1939 г. стал издаваться журнал «Психосоматическая медицина», а в 1940 г. было создано Американское психосоматическое общество.

Уже в 50-е годы психосоматическая медицина превратилась в самостоятельную клиническую область. Постепенно происходил отход от ортодоксально-психоаналитических концепций.

4. Выделяют психосоматические реакции и психосоматические нарушения. Психосоматические реакции, как правило, появляются в кризисных, требующих напряжения жизненных ситуациях и исчезают, если ситуация, вызвавшая их, меняется. Они могут появляться у каждого. Их предпосылкой не являются серьезные аномалии душевного развития. Например, потеря аппетита при печали или сердцебиение безбилетного пассажира при виде контроллера. Иное качество имеют психосоматические нарушения, которые условно подразделяют на следующие большие группы: конверсионные симптомы, функциональные синдромы и психосоматозы.

Первые две категории подвергаются речевому воздействию и позволяют изменять телесные состояния человека. В докладе будет приведен ряд научных исследований и их результатов на данную тему.

Т.Н. Кочеткова
Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при президенте РФ
(Россия, Санкт-Петербург)
Tatnik2021@ya.ru

БЕГСТВО В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ, КАК ПОПЫТКА К ОБРЕТЕНИЮ СЕБЯ

Каждый из нас нуждается в референтной группе, однако особую ценность она приобретает в подростковый период, связанный с самоутверждением и поиском личностных смыслов. Максимализм, непоследовательность, конформизм – лишь часть «спутников» отрочества, ведущих к опасным экспериментам, совершаемых над собой и другими. Имея минимальный жизненный опыт, но свободный выход в сеть, подросток старательно подражает тем моделям поведения, которые одобряют значимые для него сверстники. Цифровая социализация дает широкий простор для развития и самопознания, но в отсутствии внешнего контроля, адекватной саморегуляции и самоконтроля – чреват трагедией [1-3].

Просоциальное поведение в виртуальной среде состоит в стремлении ориентироваться на здоровый образ жизни, предоставлять и получать достоверную информацию, распространять нейтральный или позитивный контент, устанавливать продуктивные отношения с другими людьми, оказывать им помощь. Антисоциальное цифровое поведение базируется на психологическом воздействии, оказываемом на другого человека, вовлеченности в социально опасные группы (секты, преступные группировки), направленности на самоповреждающее поведение, склонности к предоставлению недостоверной информации, поиску и распространению в сети негативного контента, предполагаемым адресатом которого окажется человек, склонный к виктимизации [2;3;5].

Огромную роль в развитии аутоагрессивного отношения оказывают ровесники: их отвержение инициирует рост саморазрушающих тенденций, например, использование психоактивных веществ, рискованного сексуального поведения, в то время как наличие близких друзей среди сверстников в раннем отрочестве, обуславливает физическое здоровье в зрелости [6]. Качество отношений в семье и в школе влияет на психологическое благополучие: когда подростку не хватает внимания других, он ищет его в сети, приобретая виртуальных друзей. С одной стороны, эти контакты обуславливают психотерапевтическую функцию, поскольку появляется возможность рассказать то, что подросток не сумел бы раскрыть хорошо знающим его людям [4;6], с другой – не покидает чувство одиночества и неуверенности [5-6]. Мнимый друг действительно может стать источником новых проблем ребенка, когда использует

конфиденциальную информацию в своих корыстных целях, принуждая к действиям, от которых подросток желал бы избавиться. Столкнувшись с буллингом и его проявлениями, подросток приобретает опыт обесценивания, чреватый деформацией личности, формированием зависимого поведения, переносом агрессии на членов собственной семьи, развитием психических и соматических заболеваний, риском совершения суицида.

Цифровизация общества открывает много возможностей для продуктивной самореализации, но ресурсом психологического роста по-прежнему должна выступать семья, дающая поддержку и веру в свои силы в самых сложных ситуациях.

Список литературы

1. Айсина Р.М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р.М. Айсина, А.А. Нестерова // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57. doi:10.17759/sps.2019100404

2. Бенгина Е.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка / Е.А. Бенгина, С.А. Гришаева // Вестник университета. 2018. № 2. С. 153 –157.

3. Бычкова А.М. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.М. Бычкова, Э.Л. Раднаева // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101–115. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115.

4. Орлов А.А. Портрет «сетевой личности» в контексте теории поколений // Педагогика. 2019. № 10. С. 5–16.

5. Погожина И.Н. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ / И.Н. Погожина, А.И. Подольский, О.А. Идобаева, Т.А. Подольская // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94

6. Солдатова Г.У. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях / Г.У. Солдатова, О.И. Теславская // Национальный психологический журнал. 2018. №3(31). С. 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302

Е.Н. Левшунова

Новосибирский государственный педагогический университет

(Россия, Новосибирск)

elena_levshynova@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современный мир сильно изменился за последние десятилетия. Цифровые технологии прочно вошли в жизнь каждого человека на планете независимо от возраста и места проживания. Цифровизация изменила жизнь людей, внесла коррективы во все сферы жизни общества. В широком смысле под цифровизацией понимают внедрение цифровых технологий во все области социума для повышения качества жизни людей. Высокие темпы жизни и повышенная скорость появления новых технологий являются ключевыми характеристиками современности.

За последние 15 лет информационное пространство людей очень расширилось. Общение переместилось в интернет-пространство. Количество пользователей сети Интернет с каждым годом увеличивается, а также уменьшается возраст пользователей. Согласно статистике АО «Медиаскоп», «проникновение интернета в России... приблизилось к 100%» [1].

Интернет в современном мире играет важную информационную и коммуникативную роль. Взаимодействие людей друг с другом переносится в цифровое пространство и постепенно заменяет личное общение. Удовлетворение основных потребностей также решается через цифровые платформы, которые экономят время, но снижают коммуникативную личностную активность. Виртуальное общение «занимает важную часть в жизни людей, становясь доминантой благодаря доступности и открытости» [3].

По мнению У Хао, интернет-коммуникации становятся привлекательными в связи с отсутствием препятствий и временных ограничений, доступностью, анонимностью, избирательностью общения, контролем за участниками взаимодействия. Цифровое пространство позволяет более открыто высказывать свое мнение, выдавать ответные реакции на события в сети удобными и быстрыми способами (символы, знаки, картинки и т.д.), а также дает возможность ограничить круг общения или отстраниться от контактов [Там же].

Для исследования вопроса особенностей цифрового общения и проявлений цифрового отчуждения, нами был проведен опрос. В нем приняли участие 79 человек: молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, активные пользователи цифровых технологий. Согласно полученным результатам, 75,9% респондентов предпочитают взаимодействовать с другими людьми посредством переписки в мессенджерах. Основная задача современного человека – экономия временных ресурсов, необходимость решать сложные задачи в кратчайшие сроки, с применением минимальных энергозатрат. Данный способ взаимодействия очень удобен, но сокращает личное общение. Постоянные цифровые контакты, поддержание «цифрового диалога» одновременно с большим количеством людей формирует ощущение переизбытка общения и способствует появлению потребности в изоляции от контактов. Эмоциональное истощение становится спутником цифрового общества.

Следует отметить, что цифровые возможности дают человеку много преимуществ, но в то же время формируют потребность обращаться к цифровым помощникам при столкновении со сложной задачей. Доступность развлечений,

возможность получения необходимой информации в кратчайшие сроки формируют привычку обращаться к источникам информации в виртуальном пространстве. В ходе опроса мы выяснили, что большую часть времени нахождения в сети Интернет, респонденты тратят на развлекательный контент, который составляет 52% от общего времени пользования цифровыми ресурсами; общение по личным вопросам занимает 32%; решение рабочих вопросов – 13%; 2% читают статьи и книги в онлайн формате; проходят обучение в дистанционной форме – 3%. Просмотр развлекательных материалов становится способом снятия напряжения и ухода от неприятных внешних факторов. Любое негативное проявление со стороны других людей может подвергаться изоляции и блокированию. У каждого человека появляется возможность отчуждения от контактов с другими людьми, посредством исключения их из цифрового взаимодействия [2].

Таким образом, цифровое общение становится доминирующим способом взаимодействия людей современного общества. Оно является продуктом цифровизации и формирует своё особое поле коммуникации. Мир виртуального общения стремительно развивается и видоизменяется. Он способствует развитию и расширению возможностей, но в тоже время имеет негативные последствия. Данное проблемное поле требует активного научного внимания для изучения влияния цифровых процессов на личность и общество в целом.

Список литературы

1. Левшунова Е.Н. Особенности общения в эпоху цифровизации / Фундаментальные достижения и прогрессивные взгляды в образовании: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры практической и специальной психологии. Под редакцией Ю.А. Репиной; Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2022. – с. 211-219.

2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsionnye-strategii-i-praktiki-v-prostranstve-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 26.11.2023).

3. URL: <https://scilead.ru/article/705-kommunikatsii-v-tsifrovom-obshchestve>

А.И. Лойко
Белорусский национальный технический университет
(Беларусь, Минск)
alexander.loiko@tut.by

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА

Предметом методологии науки стали новые цифровые технологии, виртуальные сообщества, созданные технологиями, влияние технологий на

повседневную культуру – язык, общение, социальные структуры и культурную самобытность. Совокупно они являются социальными цифровыми экосистемами.

Предметом исследования также стали социальные и культурные трансформации, вызванные распространением мобильных устройств, интернета вещей и цифровых технологий. Изучается влияние новых технологий на психику и мозг человека, на манеру и стиль общения. Телекоммуникационные компании стали инвесторами в исследования. В итоге выделены группы цифровых людей.

Многочисленной является группа пассивных потребителей, которые не ведут блог и не имеют собственных страниц в социальных сетях, но регулярно выходят в интернет. Застенчивые пользователи предпочитают обычную почту и редко пользуются интернет-сервисами. Их противоположностью являются цифровые активные пользователи твиттера и фликра. Они постоянно на связи. Они регулярно обновляют свои профили в социальных сетях.

Новый перечень занятий составили веб-дизайнеры, хакеры и спамеры, блогеры и копирайтеры, администраторы сайтов и сисадмины. В результате расширились предметные области лингвистики профессий. Возник интерес к формированию профессиональных сообществ и идентичностей и связанных с ними практик. Многие офлайн-профессии изменились. Использование клавиатур и интерфейсов меняет характер человеческого общения.

Сформировались странные алгоритмические языки и новые письменные традиции. Темы включают цифровые технологии и тело, сравнительные исследования социальных сетей, виртуальность и материальность, игры, цифровые технологии и политические отношения, оцифровку музейных коллекций, антропологический подход к большим данным. Предметная тематика разрабатывается совместными усилиями социологов, историков, философов, лингвистов, исследователей медиа и технологий, антропологов.

С помощью специально обученной нейронной сети анализируются массивы данных и выявляются текстовые структуры и закономерности. Анализируется, что происходит с человеком, когда он включает компьютер или берет в руки смартфон. Стало востребованным исследование цифровых следов, поскольку тексты, фотографии, лайки отражают культурные ценности, нормы, традиции людей.

Предметом изучения стали гибридные среды. Это оффлайн и онлайн среды, и взаимодействие между ними. Исследования развивают тему взаимодействия сред и их слияния в гибридную среду. Цифровые технологии успели сформировать несколько цифровых поколений [1]. Произошла смена привычного взгляда на окружающий мир, нового набора правил и идей. Ключевое значение приобрёл тезис о том, что норма динамична и изменчива. Последствием стала новая экологическая система развития ребёнка. Ее рассматривают на основе культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [2]. Стали говорить о цифровом детстве. Цифровая социализация обозначает опосредованный информационными технологиями процесс овладения и присвоения индивидом

речи и социального опыта. Он приобретает в онлайн-контекстах и воспроизводится в смешанной офлайн и онлайн реальности.

Исследование цифровой социализации проходит по таким направлениям, как психологическое благополучие и психическое здоровье, индивидуально-личностные особенности, пользовательская активность, образ цифрового мира, цифровое гражданство. Существование в смешанной реальности и подключенность к интернету сформировали базовые и определяющие характеристики «новой нормальности».

Сознание индивида срачивается с различными цифровыми устройствами и онлайн-пространствами, которые опосредуют не только психические процессы, но и новые виды взаимодействия, форматы деятельности, социальный порядок, социальные и культурные практики, а также динамику их постоянных изменений [3].

В данном контексте растёт роль когнитивной лингвистики и семиотики, поскольку расширенная телесность человека трактуется как текст, который трансформирует социальную коммуникацию. Это видно по растущей роли феноменов мема и эмодзи. Практически сформировался новый язык цифровой коммуникации с разными эмоциональными контекстами и оттенками.

Список литературы

1. Лойко А.И. Кибервозрастные модификации молодежи в пространстве социальных сетей / Север и молодежь: здоровье, образование, карьера [Электронный ресурс] : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ханты-Мансийск, 18–19 ноября 2021 г.) / отв. ред. О. С. Овсянникова. – Ханты-Мансийск : Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки ЮГУ, 2021. С. 201-203.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.-Л: Государственное социально-экономическое издательство, 1934 – 362 с.

3. Loiko A.I. Digital ethics [Electronic Resource]: textbook on the general educational discipline "Philosophy" for students of all specialties / A. I. Loiko ; Belarusian National Technical University, Department of «Philosophical Doctrines». – Minsk : BNTU, 2023. – 86p.

*А.С. Любчинская
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
st095729@student.spbu.ru*

ПОТЕРЯННАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

XXI веке человечество столкнулось с реалиями цифровой среды. Большая часть населения Земли имеет свободный доступ к интернету, ежедневно пользуясь этой возможностью [9]. Гаджеты стали неотъемлемой частью нашей жизни. Работа, развлечения, общение с друзьями – интернет проник во все сферы нашей жизни. С одной стороны, виртуальное пространство создало новые возможности для коммуникации и самореализации, но, с другой стороны, способствовало разобщению людей, а порой и потери идентичности.

Свободный доступ и быстрое распространение новых технологий привели к появлению цифровой зависимости, которую определяют как «навязчивое желание чрезмерно использовать цифровые устройства, что приводит к негативным последствиям в самочувствии, общении, учебной и профессиональной деятельности» [5, с. 111-114]. Сегодня этот феномен набирает большую популярность в психологической и медицинской среде. Цифровая зависимость еще не включена в «Международную классификацию болезней», однако в последнее время все больше исследователей склонны рассматривать ее как полноценное заболевание [1, с. 99-110; 2, с. 106-109; 7, с. 15-24]. Обратим внимание, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) уже признала зависимость от компьютерных игр болезнью и включила игровое расстройство в МКБ-11 [3]. Зависимость от видеоигр получила статус официально признанного заболевания. Игровая зависимость и связанные с ней расстройства вошли в постоянную практику психиатров, клинических психологов и исследователей, что говорит о тенденции возрастания влияния онлайн-среды на наше психологическое состояние.

Сегодня человеческий разум находится в новой виртуальной реальности. Это мир бесконечного потока хаотичной информации. Среда, которая связывает и разделяет миллионы людей одновременно, провоцируя цифровое отчуждение.

Цифровое отчуждение представляет собой «объективный социальный процесс превращения как деятельности человека, так и её продуктов в самостоятельную, довлеющую над ним, враждебную ему силу» [4]. В социальной философии оно определяется как «парадоксальность человеческого бытия, процессы и ситуации, в которых человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам, результатам и самому себе» [6, с. 293]. Отчуждение, как феномен, существует в человеческом обществе на протяжении всей истории. В течение длительного времени эта проблема оставалась лишь в философском дискурсе, привлекая таких мыслителей, как Г. Гегель, К. Маркс, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер. Однако необходимость понимания сложных и противоречивых взаимоотношений человека с миром и самим собой привела к тому, что проблема отчуждения стала неотъемлемой частью психологии. Ее изучением занимались Э. Фромм, З. Фрейд, В.А. Абраменкова, К.А. Абульханова-Славская, Э.Ф. Зеер, А.Н. Леонтьев, В.Н. Косырев и др. Ученые разных исторических эпох и научных дисциплин выявили общую характеристику этого феномена: разобщённость человека с самим собой, с другими людьми и с продуктами своего труда. В психологии отчуждение определяется как

«отношение человека к окружающему миру и к себе, при котором он сам, значимые другие и продукты его деятельности представляются в его сознании различной степенью противоположности ему самому (от несходства до враждебности), что выражается в соответствующих переживаниях субъекта (чувствах обособленности, одиночества, отвержения) и проявляется в поведении, противоположном понятиям близости, тождественности» [8, с. 234-240].

Согласно выводам R.F. Geuser, современного социолога и кибернетика, каждая эпоха порождает свои уникальные типы и формы отчуждения [10]. Цифровая реальность переместила многие виды взаимодействия в «невидимый» мир общения – «социальные сети». Сегодня сетевые взаимодействия воспринимаются как самодостаточная форма существования, полноценная замена живому общению и альтернативный путь самореализации.

Цифровое отчуждение является одной из самых серьёзных проблем цифровой эпохи. Постоянное потребление контента в социальных сетях или бесконечное времяпрепровождение в игровых мирах виртуальной реальности отвлекает от действительно значимых взаимодействий, создаёт иллюзию близости вместо настоящей связи с реальными людьми. Одно только стремление оставить свой цифровой след без выраженной интенции говорит о низкой степени самосознания того или иного пользователя. Кроме того, цифровое отчуждение провоцирует постоянную тревогу и обеспокоенность собственной безопасностью в ситуациях утечки личных данных. В результате этого человек перестаёт чувствовать себя защищённым, теряет контроль над своими действиями и решениями.

Для решения проблемы цифрового отчуждения важно находить баланс между использованием цифровых технологий и чувством реальности. Следует осознанно потреблять контент, устраивать регулярные перерывы от гаджетов, укреплять живые межличностные связи и развивать критическое мышление, которое придаст уверенности в работе с цифровым пространством.

Список литературы

1. Арпентьева М.Р. Проблемы безопасности в интернете: цифровая беспризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности // Вестник Прикамского социального института. 2017. №. 3 (78). С. 99-110.
2. Вепрева О.Н. Опасные влияния на подростков в цифровом мире //Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. №. 1. С. 106-109.
3. Игровое расстройство // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/gaming-disorder> (дата обращения: 26.11.2023).
4. Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Проспект. 2019. 480 с.

5. Карпова Е.Е. Теоретический анализ понятия "цифровая зависимость" в зарубежных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С Пушкина. 2017. №. 4. С. 111-114.

6. Кемеров В.Е. Отчуждение // Социальная философия: словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М.: Академический Проект, 2003. С. 293

7. Незнанов Н.Г., Васильева А.В. Цифровизация в оказании помощи в области психического здоровья. Новые возможности для специалистов и пациентов // Национальное здравоохранение. 2023. Т. 4. №. 2. С. 15-24.

8. Першина Е.М. Социально-психологический анализ проблемы отчуждения в сфере профессионального труда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №. 10. С. 234-240.

9. Digital 2023: global overview report // DataReportal [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 26.11.2023).

10. Geyer R. Alienation, sociology of. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. London. 2001.

*И.Ю. Москалев
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
moskaleviy@mgpu.ru*

ТРОПЫ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Не вызывают сомнений суждения учёных о значимости эмоции в жизни человека [3; 4; 5; 7; 8; 9]. Так, согласно В.К. Вилюнасу, эмоции «со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека» [2]. В психологической науке разработано большое количество различных концепций и теорий, рассматривающих эмоциональную сферу деятельности человека, однако единого подхода к ней нет. Такое положение дел обосновывается расхождениями в классификации эмоций, а также сложностью их истолкования. По мнению американского исследователя К. Изарда, эмоция представляется как «нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [4]. Отечественный психолог С.Л. Рубинштейн полагает, что «чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» [6, с. 546]. Возникающие у человека в ходе взаимодействия со средой чувства и эмоциональные состояния находят широкое проявление и реализацию в процессе коммуникации.

Коммуникативная лингвистика также рассматривает эмоции и эмотивную сторону речи. В этом направлении основными являются труды В.И. Шаховского.

В них были впервые сделаны выводы о том, что: «1) слово делает эмоции человека осязаемыми, понятными для других; 2) слово может выражать эмоцию и быть эмоциональным фактором, т.е. вызывать эмоцию; 3) эмоция может быть предметом оценки и описана словами» [7, с. 25-27]. Язык и эмоция находятся в тесной взаимосвязи. Можно сказать, что эмоции, с одной стороны, называются в непосредственном общении с помощью речи (например, злость, страх и т. д.), а с другой стороны, они выражаются и передаются в тексте (например, стилистически окрашенной лексикой, метафорами и т. д.). Употребляя экспрессивную лексику в тексте, авторы достигают различных целей, таких как создание определённого эффекта в художественном дискурсе и оказание направленного влияния на читателя или слушателя в публицистическом дискурсе. Эмоция как лингвистический факт служит доказательством человеческого присутствия в языке, эксплицирует события внутреннего мира человека.

Выбор в качестве исследовательского материала произведений немецкоязычного писателя Стефана Цвейга обусловлен значительной экспрессивностью созданных им текстов, большим количеством используемых им тропов, служащих способом выражения самой разнообразной гаммы чувств и эмоций персонажей австрийского прозаика. Не случайно к интерпретации аксиологической картины мира Стефана Цвейга часто обращаются исследователи [1, с. 410-415; 5, с. 167-173]. На материале романа «Нетерпение сердца», рассказа «Звезда над лесом», новеллы «Письмо незнакомки» австрийского писателя XX века Стефана Цвейга нами были выявлено 34 метафоры, 32 сравнения и 36 оценочных и 47 конкретизирующих эпитетов.

Нами было установлено, что упомянутые тропы реализуют с той или иной степенью интенсивности три функции: прагматическую, оценочную и эмотивную функции. При помощи прагматической функции тропа эксплицируются действия персонажей и события сюжета (например, метафора: *Seine Neugier war plötzlich wach, und er began zu lesen.* – ‘Его любопытство пробудилось, и он начал читать.’) [12, S. 287]. Посредством оценочной функции тропа позволяет выразить оценку персонажем происходящих событий (например, эпитеты: *Er konnte es sich gar nicht ausdenken, aber im tiefsten fühlen, dieses stolze und drohende, harte und ferne Wort: Warschau.* – ‘Он не мог себе это даже представить, а только мог почувствовать в глубине души это гордое, грозное, жесткое и такое далекое слово: Варшава.’) [11]. Эмотивная функция тропов отражает эмоциональное состояние героев (например, метафора: *Hol dich der Teufel, murre ich innerlich und schiebe ohne Wort an ihm vorbei.* – ‘Черт бы тебя побрал, пробормотал я про себя и, не сказав ни слова, проскочил мимо.’) [12, S. 298].

Можно сделать вывод о том, что функции средств художественной выразительности в художественном дискурсе требуют развёрнутой интерпретации, так как выявить их значение без контекста затруднительно. Реализация упомянутых функций играет большую роль в раскрытии внутреннего мира персонажа, мотивов его поступков и эмоционального состояния. Понятия внутреннего мира персонажа, его действия и эмоциональная сфера выполняют

ведущую роль в построении и реализации сюжета литературных произведений писателя, поэтому рассмотренные нами функции тропов являются значимыми для понимания психологии персонажей, сюжетной линии и идейного наполнения произведения.

Список литературы

1. Архипов Ю.И. Триумф и трагедия Стефана Цвейга / Ю.И. Архипов // Стефан Цвейг. Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. – М.: Правда, 1982. – С. 410-415.
2. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступительная статья) / В.К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – С. 3-28.
3. Желтухина М.Р., Москалев И.Ю. Портретная виртуализация эмоций через образность в австрийском и британском художественном дискурсе / М. Р. Желтухина, И. Ю. Москалев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3(166). – С. 236-245.
4. Изард К.Е. Эмоции человека / К.Е. Изард. пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – 464 с.
5. Красавский Н.А. Концептосфера рассказа Стефана Цвейга «Звезда над лесом» / Н.А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – №2 (106). – С. 167–173.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2000. – 712 с.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 190 с.
8. Boeva-Omelechko, N., Zheltukhina, M., Ryabko, O., Matveeva, G., Murugova, E., Zyubina, I. Unusual Antonymy: Inter-Part-Of-Speech Interaction in English Fictional Discourse / N. Boeva-Omelechko, M. Zheltukhina, O. Ryabko, G. Matveeva, E. Murugova, I. Zyubina // Space and Culture, India. – 2018. – № 6 (4). – P. 112-121.
9. Zheltukhina M.R., Krasavsky N.A., Pavlov P.V., Ponomarenko E.B., Aleshchanova I.V. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy / M.R. Zheltukhina, N.A. Krasavsky, P.V. Pavlov, E.B. Ponomarenko, I.V. Aleshchanova // International Journal of Environmental and Science Education – 2016. – Vol. 11, N 18. – P. 12005-120013.
10. Zheltukhina M.R., Zinkovskaya A.V., Shershneva N.B., Katermina V.V. Dialogue as a constituent resource for dramatic discourse: language, person and culture / M.R. Zheltukhina, A.V. Zinkovskaya, N.B. Shershneva, V.V. Katermina // International Journal of Environmental and Science Education – 2016. – Vol. 11, N 15. – P. 7408-7420.

11. Zweig S. Der Stern über dem Walde // Проект Gutenberg-DE : [сайт]. – 2023. – URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/zweig/sternwal/sternwal.html>. (дата обращения: 23.10.2023).

12. Zweig S. Ungeduld des Herzens / S. Zweig – Fischer Verlag, 1988. – 464 S.

М.А. Невелева

Государственный университет просвещения

(Россия, Москва)

mneveleva@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА АВТОРОВ-БИЛИНГВОВ

Исследователи считают, что в сознании билингвов наряду с двумя языками одновременно существуют и взаимодействуют сразу две культуры. А.А. Потебня писал, что «человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли» [2, с. 260]. На ЯКМ влияют многие внешние детерминанты: традиции, культура, воспитание и образование. Язык, отражая менталитет народа, характер нации и образ жизни, хранит в себе и культурные ценности: в грамматике, лексике, идиоматике и в любых других формах письменной и устной речи [3, с. 17]. Индивидуально-авторская ЯКМ во многом складывается из сегментов разных национальных картин мира. В результате формируется уникальная ЯКМ, которую можно определить как совокупность разнообразных знаний об окружающем мире, которые закреплены в фразеологии, лексике и грамматике работ автора.

Материалом нашего исследования является творчество писателей-билингвов на английском языке, родившихся и выросших в КНР (следовательно, китайский язык является первым), затем переехавших в англоязычные страны. Это мировые бестселлеры, принёсшие известность своим авторам: романы «Последняя роза Шанхая» (The Last Rose of Shanghai) Вейны Дей Рендел, 2021 и «Краткий китайско-английский словарь любовников» (A Concise Chinese-English Dictionary for Lovers) Сяуло Гуо, 2008.

Проведённый нами лингвистический анализ текстов романов позволяет выделить следующие характерные особенности языка писателя-билингва (китайский и английский языки) и описать ЯКМ.

Интерференция двух грамматических систем является одной из отличительных особенностей языка рассматриваемых нами писателей. Приведем несколько примеров. В китайском языке выражение времени осуществляется с помощью глагольных суффиксов, наречий и временных модификаторов. В повествовании можно отметить наличие трудностей или полное отсутствие способов выражения времен глаголов. Например, “*Why I must to study English like parents wish? Why I must to get diploma from West?*”, “*I feel little criminal but I doing nothing wrong so far. My English so bad. How to do?*” [Goo, 2007, с. 8]. Предложения могут быть построены в соответствии с правилами родного языка: “*sorry of my*

english” [Goo ,2007, с. 3]. Автор использует неправильный предлог, что связано с его отсутствием в аналогичной фразе на китайском языке (對不起我的英語不好), иллюстрируя трудности в использовании иноязычного порядка слов в предложении. Героиня романа пишет *English* с маленькой буквы, так как на ее родном языке все иероглифы имеют один размер. Для более яркой демонстрации разницы восприятия мира авторы противопоставляют родную культуру приобретенной именно на основе грамматических конструкций: “*Chinese we starting sentence from concept of time or place. Order like this: Last autumn on the Great Wall we eat barbecu...*” [4, с. 28]. Не только разницу в грамматическом строе языков, но и разницу в восприятии себя в контексте времени и пространства отмечают авторы. Представители китайской культуры видят мир и время как нечто необъятное, что невозможно противопоставить маленькому человеку, тогда как носители английского языка ставят индивидуалистское Я в начало предложений, демонстрируя свою собственную важность: “*So time and space always bigger than little human in our country. Is not like order in English sentence, “I,” or “Jake” or “Mary” by front of everything, supposing be most important thing to whole sentence*” [Там же, с. 29].

Лексический аспект интерференции проявляется в демонстрации понимания персонажем семантики нового слова через призму китайской культуры. Так, слово ALIEN, написанное на стойке миграционного контроля, воспринимается персонажем буквально – *чужой, инопланетный*. Автор подчёркивает, что из-за отсутствия иероглифов на вывесках героиня чувствует себя будто среди инопланетян, которые говорят на внеземном языке [4, с. 11]. Использование метафор, характерных для родной культуры, также отражает реальную действительность, мироощущение человека и передаёт приобретённый опыт. Например, красота героини сравнивается с нефритовым листком: “... like a jade leaf...” [5, с. 48]. Нефрит, являясь традиционным китайским камнем, ценится за красоту и музыкальность, то есть качествами, которыми обладает и героиня.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что уникальность языковой картины мира автора-билингва, рассмотренная нами на материале творчества двух писателей, проявляется через грамматические, лексические и культурные реалии. Языковая картина мира отражает национальную культуру носителя языка. Две культуры не могут совпадать полностью по причине индивидуальности каждой из них в контексте национальных и интернациональных единиц. Из этого следует, что билингвы приобщены к каждой из культур по отдельности. В произведениях билингвов картина мира становится индивидуально-авторской вследствие наложения языка и культуры.

Список литературы

1. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

2. Потемня А.А. Эстетика и поэзия. М.: Искусство, 1976– 613 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000– 146 с.
4. Guo, X. A Concise Chinese-English Dictionary for Lovers// Chatto & Windus. London, 2007.– 354 p.
5. Randel D.W. The Last Rose of Shanghai// Lake Union Publishing. Seattle, 2021– 429 p.
- 6.

Н.Н. Николаева
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
(Россия, Москва)
nikolaevann@bmstu.ru

КОНЦЕПТЫ *PERMACULTURE VS SUSTAINABLE DEVELOPMENT* СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗА: СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ПЕРМАКУЛЬТУРА УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ?

Работа посвящена рассмотрению концепта *PERMACULTURE* (пермакультура) как современной идеологии, коррелирующей с концептом *SUSTAINABLE DEVELOPMENT* (устойчивое развитие). Ядерное значение *PERMACULTURE* – основа для разработки самоподдерживающихся экосистем сельскохозяйственного назначения [3], – сегодня расширилось и включает также проектирование устойчивых социальных и политических систем, ориентированных на создание условий для решения различных проблем устойчивого развития не только в сельском хозяйстве, но и в социальных, политических, академических, экономических, финансовых и инвестиционных сферах [2; 3; 6; 9], т.е. «пермакультура превратилась в инструмент для построения «целостной системы жизни» ('holistic life system')» [8, p. 16]. Базовые компоненты этих концептов репрезентируют необходимость создания и поддержания устойчивых систем жизнеобеспечения, соответствующих потребностям современного человека, не нанося вреда будущим поколениям. В связи с очевидным сходством двух концептов, в данном исследовании ставится цель проанализировать с помощью лингвистического критического дискурса-анализа труды основоположников концепта [4; 7] и современных авторов на основе интерпретативного анализа концепта *SUSTAINABLE DEVELOPMENT*, предложенного Д. Драйзек [3], на предмет их соотношения для решения вопроса, может ли идеология пермакультуры способствовать устойчивому развитию общества. Лингвистическими инструментами анализа были выбраны модальность, позициональность (имплицитные в текстах отношения власти и подчинения), метафоры, лексико-семантические и тематические повторы. Результаты продемонстрировали схожесть двух концептов по определенным параметрам, однако были выявлены значительные различия в мировоззренческих

установках и представлениях о том, как в идеале должен выглядеть будущий устойчивый мир, эффективно преодолевающий климатические, продовольственные, экологические, ресурсосберегающие, социальные проблемы.

Ключевые особенности пермакультуры, называемые в литературе «этикой пермакультуры» (забота о земле, забота о людях, справедливое распределение = ‘care for the earth’, ‘care for people’, ‘fair share’) [5], ориентированы на поддержание сбалансированного эволюционирования и благополучия окружающей среды, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию общества. Пермакультура включает модель «заботы», основанной на наблюдении и изучении природных экосистем, на ценности и уважении ко всем формам жизни на земле, бережном ведении хозяйства, в совокупности с заботой о людях и удовлетворении их физических, социальных, интеллектуальных, эмоциональных, культурных и др. потребностей. Этика справедливого распределения подразумевает то, что люди должны жить в рамках дозволенного, не эксплуатируя природу и других людей [7]. В связи с этим встают политико-этические вопросы об ограничении численности населения Земли, перераспределении излишков от богатых к бедным, т.к. разрыв между ними провоцирует общественное недовольство, отсутствие доверия, военные столкновения [5;10], а также о ценности данной этики как основы для инструмента стратегического управления организациями и государствами, потенциально способного предотвратить истощение ресурсов в будущем [1]. Таким образом, этика пермакультуры охватывает нечто большее, чем просто экологические или сельскохозяйственные проблемы.

Концепт устойчивого развития как «доминирующий глобальный дискурс экологической озабоченности» [3, с. 147] включает в себя создание технологических, экономических, социальных и экологических устойчивых систем, которые профилируют повышение качества жизни, улучшение питания, защиту биоразнообразия и природных богатств, а также справедливое распределение ресурсов. Дискурсивно-лингвистический анализ показал, что ядерным значением концепта устойчивого развития является то, что природа подчинена людям; метафора природного капитала (‘natural capital’) подразумевает, что цель природы – предоставлять полезные услуги человечеству, а «экономический рост, охрана окружающей среды, справедливость ресурсного распределения и долгосрочная стабильность не отделимы друг от друга» [Там же, с. 160] в рамках капиталистической экономики. Метафора органического роста (‘organic growth’) раскрывается в характеристике неоднозначного восприятия пределов роста (‘ambiguous perception of limits to growth’) [Там же, р. 165]. В целом, очевидно, что концепт устойчивого развития антропоцентричен, а не биоцентричен, ориентирован на выживание и благополучие человека, а не на ценность биоразнообразия. Чтобы обеспечить SUSTAINABLE DEVELOPMENT необходим экономический рост, признание пределов роста и обеспечение низкого уровня реформ (‘economic growth needed’, ‘recognition of limits to growth’, ‘low level of reform’). В концепте PERMACULTURE более выраженными являются компоненты целостного, инклюзивного, кооперативного, адаптивного

сосуществования человека и природы ('holistic', 'inclusive', 'we', 'cooperative', 'adaptive'). Как пишет Моллисон, «наше собственное выживание требует, чтобы мы сохранили все существующие в природе виды» [8, p. 7]. Пермакультура предлагает несколько практических решений по сбалансированию экологических и социальных систем с целью достижения их долгосрочной стабильности.

В заключение отметим, что концепты PERMACULTURE и SUSTAINABLE DEVELOPMENT дополняют друг друга, основываясь на этике целесообразного взаимодействия человека и природы, где ключевым является выживание человечества. Однако пермакультура акцентирует важность восстановления и сохранения биоразнообразия, обеспечивая защиту экосистем и сохранение целостности природных обитателей, т.е. адаптивной, а не агрессивной заботы о Земле, человеке и справедливости. В настоящее время данный концепт считается альтернативной, региональной сетью практиков, трудно применимым в глобальных социальных, рыночных и политических условиях, ориентированных на рост производства, потребления и человеческого господства. Представляется, что необходимы дальнейшие исследования и дискуссии, нацеленные на оценку осуществимости, полезности этики и методов пермакультуры на практике.

Список литературы

1. Akhtar F., Lodhi S., Shah Khan S., Sarwar F. Incorporating permaculture and strategic management for sustainable ecological resource management // Journal of Environmental Management, 2016. – № 179. – P. 31–37.
2. Birnbaum J., Fox L. Sustainable revolution: permaculture in ecovillages, urban farms, and communities worldwide. Berkeley: North Atlantic Books, 2014.
3. Dryzek J. S. The politics of the Earth: environmental discourses. Oxford: Oxford University Press, 2013.
4. Holmgren D. Permaculture: principles & pathways beyond sustainability. Hepburn, Victoria: Holmgren Design Services, 2002.
5. Holmgren D. Essence of permaculture – a summary of permaculture concepts and principles / D. Holmgren, Permaculture Principles and Pathways Beyond Sustainability. [Pamphlet] Holmgren Design, 2013. Available at: http://holmgren.com.au/downloads/Essence_of_Pc_EN.pdf.
6. Macnamara L. People & permaculture design – caring & designing for ourselves, each other and the planet. Hampshire: Hyden House Ltd, 2012.
7. Mollison B. Permaculture: a practical guide for a sustainable future. Washington, D.C.: Island Press., 1990.
8. Vitarit C., David C. Sustainable management models: innovating through Permaculture // Journal of Management Development, 2017. – № 36 (1). – P. 14–36.
9. Whitefield P. Permakultur i ett nötskal. Stockholm: Föreningen Permakultur i Sverige, 2010.

Ю.Д. Оборина
Лысьвенский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета
(Россия, Лысьва)
nomailporka@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Интернет сегодня является средством общения людей, особенно молодежи. Свойства речи и среды взаимосвязаны, речь отражает нашу действительность, а та в свою очередь связана с ускоренным темпом жизни [1].

Сленг – это лексика неформального регистра, распространённая в разговорной речи, но избегаемая в других стилях. Интернет-сленг аналогичная форма речи, применяемая для общения в интернете.

Молодёжь склонна к употреблению сленга, т.к. молодое поколение зачастую подвержено влиянию определённых субкультур, в которых сформировался их собственный язык [2]. Кроме того, подростки ярко выражают свое стремление изолировать общение со сверстниками от взрослых. Ну и сленг для них удобен в общении из-за многих сокращений

Характерные черты сленга и их виды:

- Эмоциональные изречения;
- Эмоциональные слова и выражения;
- Слова с эмоциональным компонентом значения;
- Слова и выражения с эмоциональным значением.

Характеристика и особенности интернет-сленга:

- отсутствие пунктуации;
- написание английских слов русскими буквами (хай, гоу);
- сокращения слов (привет – прив);
- написание слов по произношению (нормально-намана);
- аббревиатурные образования (спасибо - спс);
- использование смайлов вместо знаков препинания или слов;
- молодёжный сленг (инфа, туса, по чесноку);
- повторение звуков в эмоционально значимых словах.

Безусловно, есть положительные стороны интернет-общения. Стоит отметить быстроту, удобство, возможность общения на большом расстоянии, раскрепощение, возможность обсуждать любые темы и др. Но стоит учесть, что такое «коверкание» языка приводит к тому, что подростки пишут с ошибками, искажают устную и письменную речь; снижается словарный запас, а в связи с этим появляются проблемы с выражением и формулированием своих мыслей, правильным построением предложения.

Список литературы

1. Голованова Д.С. Влияние интернет-сленга на речевую культуру современной молодежи/ Д.С. Голованова, И.Н.Якименкова. – Текст: непосредственный // Юный ученый. – 2019. – №3 (23).
2. Доронина И.Н. Молодежный сленг: его происхождение и функционирование // ORIENSS. 2023. №10.
3. Соколова А.Г., Амирова Дж. Ф. Использование сленга: теоретическая сущность и адаптация к современным реалиям // Современное педагогическое образование. 2022. №11.

И.В. Одинцова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Россия, Москва)

odintsova.irina@gmail.com

ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «СОБОРНОСТЬ» НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ

Каждый язык отражает определённый способ понимания мира и его конструирование. Он «хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [3, с. 112-123]. Сумма представлений о мире, отраженных в языке и зафиксированных в словарях и грамматиках постепенно накапливается в единой концептуальной системе, которая в итоге отражается в языковом сознании людей, говорящих на одном языке. «<...> различия между языками, писал В. Гумбольдт, – суть нечто большее, чем просто знаковые различия. <...> различные языки по своей сути <...> являются в действительности различными мировидениями» [2, с. 80].

Русский язык, как и любой другой естественный язык, за годы своего развития выработал определенный способ восприятия мира, некую единую систему взглядов и предписаний, которые в той или иной степени разделяются всеми говорящими по-русски. Русская языковая картина мира – кристаллизованная картина мира русской нации, сформированная в языке и отражающая русский национальный менталитет, – формирует ядро русского дискурса, определяет когнитивную и ценностную ориентацию нации.

Концепт «соборность» является уникальным, национально специфическим концептом русского народа, не имеющим аналогов в других лингвокультурах. Особое внимание понятию «соборность» придавали русские философы XIX века. В поисках основы формации русской души соборность рассматривалась ими как «сверхвременная, сверхисторическая духовная метафизическая реальность, когда коллективные интересы в обществе преобладают над индивидуальными, что не только не умаляет значение личности, но и создаёт условия для её максимального раскрытия» [5, с. 241].

Поскольку язык, по меткому выражению А.А. Тихонова, – это «своеобразная археология духовности» [6, с. 170], именно слово является универсальным средством, удерживающим мысль. Благодаря словам создаётся сфера, где «утончившееся слово едва прикрывает мысль, где слово только даёт почувствовать мысль, его переступающую, где слово все проникнуто сквозящею сквозь него мыслью, где слово, по-видимому, становится орудием» [1]. Благодаря слову мир человека приобретает определённый образ, оживает виртуальная реальность, которая скрывается за сочетанием символов, образующих слова, предложения, текст.

В докладе будут рассмотрены особенности русского языка, которые на глубинном уровне формируют концепт «соборность» как доминанты русской ментальности: отсутствие жёсткой детерминации количества обозначаемых лиц местоимением *мы*; отсутствие позиции именительного падежа, репрезентирующего роль активного субъекта в неопределённо-личных предложениях; его отсутствие в безличных предложениях при выражении психического и физического состояния лица, состояния природы и действия стихийных сил, модальных значений (явления в русском языке, не просто актуальные, но и активно развивающиеся). Как воплощение идеи согласия, подчинения частного общему можно рассматривать флективную – пластичную – систему русского языка, поливариативный порядок слов. И, наконец, особенности произношения русской речи (слитность произношения звуков в слове, слов в синтагме, формируемые редукцией гласных, ассимиляцией согласных по твёрдости/мягкости, глухости/звонкости, оглушением согласных в конце слова, выпадением согласных в консонантных сочетаниях и т. д.) можно трактовать как отражение идеи согласия, соборности на языковом уровне, отражающей закономерности, свойственные ментальности русского человека – особенностей согласования, которое «происходит за счёт подстраивания под другого через изменение себя» [4, с. 61].

Список литературы

1. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Электронный ресурс: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/308.pdf>
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 370 с.
3. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л.: ЛГУ, 1991. С. 106-124.
4. Мельникова А.А. Язык как текст национальной культуры и форма репрезентации ее смысловых оснований. Автор. Доктор. дисс. СПб. 2014. 38 с.
5. Одинцова И.В. «Соборность» как доминанта русской языковой ментальности (в аспекте лингводидактики) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции

(Владимир, 28-30 сентября 2021 года), посвященной 120-летию проф. Н.Н. Прокоповича. Владимир: Транзит-Икс, 2021. С. 24—245.

6. Тихонов А.А. Открытость и соборность русского языка и менталитета // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4 (6). С. 167-171.

*Г.Н. Одишвили
Школа № 1538
(Россия, Москва)
karra433@gmail.com*

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

В данной работе **исследовано** отношение современных школьников к образу известных политических деятелей русской, российской и советской истории. В статье проведен анализ современной ситуации отражения образов выдающихся исторических персонажей в российском обществе. Автором систематизированы основные факторы, влияющие на получение исторической информации современными школьниками, а также приведены результаты проведенного эмпирического исследования отношения учеников 9-х классов к образам Ивана IV (Грозного), Петра I (Великого), В.И. Ульянова (Ленина). Выявлены корреляции при изучении исторической личности посредством применения рассмотренных методов и алгоритмов, форм работы при исследовании мемориальной литературы с решением ряда важных задач патриотического воспитания молодёжи через наблюдаемые учебные действия.

Актуальные статистические данные свидетельствуют, что сегодняшние старшие школьники часто приобретают кумиров и жизненные примеры, ориентиры и ценности самостоятельно, без какого-либо педагогического воздействия. Изучение отражения образов видных исторических деятелей в сознании наших современников является актуальным с позиции теоретико-методологических и практических подходов в преподавании истории, расширения знаний об исторической действительности, формирования образов исторических деятелей средствами массовой информации и Интернет.

Цель данной статьи заключается в оценке представлений современных школьников об образах видных исторических деятелей нашего прошлого. В качестве методов исследования использованы: структурный, сравнительный и системный анализ; социологические методы исследования (опрос и беседа); методы математической обработки полученных результатов. Для современного педагога важно оптимально организовать и методически разнообразить варианты этой работы соответствующими методами и технологиями, способами, формами и приемами воспитательного воздействия и взаимодействия, в числе которых приоритет следует уделять методическим инструментам активного характера.

О.В. Олейник
Московский городской педагогический университет
o.7552015@gmail.com
(Россия, Москва)

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Мир не стоит на месте и технологии входят во все сферы нашей жизни. Когда-то человечество изобрело колесо для того, чтобы облегчить себе труд и просто выжить, и прокормить себя и свою семью, а сейчас мы дошли до технологий искусственного интеллекта, который: пишет книги и произведения искусства, воссоздает образы живых людей, а также рисует фото и видео людей, никогда не существовавших, а также использования нанотехнологий во всех сферах жизни. Космические корабли бороздят просторы вселенной, а врачи имплантируют искусственные конечности и вживляют анализаторы слуха, водители ритма сердца и т.п. приборы. И это не все, до чего дошел прогресс в современном мире. В современном мире, насыщенном постоянным прогрессом технологий, мы сталкиваемся с новыми вызовами и возможностями, которые меняют нашу жизнь и влияют на нашу личность и способности к развитию и обучению. Развитие личности является одной из ключевых концепций в технической эпохе, в которой мы живем, и подвергается особым изменениям в контексте цифрового отчуждения. Технологии, пришедшие в наш мир с целью улучшить, упростить и подарить возможности принести с собой и шлейф последствий.

В профессиональной литературе я сталкивалась с терминами «цифровой аутизм» и «цифровое отчуждение». Цифровой аутизм как термин ввел Мариус Замфир. Он назвал это аутизмом, так как дети, которые проводили много времени перед экраном телевизором или компьютером показывали схожее поведение, это проявлялось нарушениями в социальном взаимодействии и коммуникации в процессе общения и передачи информации другим людям. При аутизме наблюдается ограниченное, стереотипное, повторяющееся поведение, как и у детей, выросших перед экранами. Цифровое отчуждение — это термин, описывающий ситуацию, когда человек чувствует себя отрешенным от реальности и окружающего мира, в результате чрезмерного использования цифровых устройств и социальных медиа. В современном обществе мы сталкиваемся с постоянным присутствием гаджетов в нашей жизни, что может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для развития.

С одной стороны, использование цифровых технологий и соцсетей может стимулировать расширение наших знаний и навыков, так как любая информация стала доступна. Интернет предоставляет нам доступ к огромному количеству информации и возможность общаться с людьми со всего мира. Благодаря этому мы можем улучшить свои профессиональные навыки, получать новые знания и обогащать свой кругозор. Возможность виртуального взаимодействия также

может помочь развить навыки коммуникации и участия в коллективной деятельности.

Однако, у этой медали есть и другая сторона, и она проявляет себя чаще и ярче. Погружение в цифровой мир может и приводит к отчуждению от реального мира и уже имеет негативные последствия особенно у поколения, которое выросло с гаджетами в руках. Негативное влияние многогранно и затрагивает разные сферы нашей самости. От физических до психологических и заканчивая социальными. Например, постоянное использование телефона и компьютера негативно сказывается на нашем здоровье: зрении из-за того, что хрусталик глаза перестает настраиваться на далеко расположенные объекты, а чаще настроен на экран, становится ригидным, как следствие очки, от того что голова все время наклонена вниз, начинают перенапрягаться определенные мышцы шеи, ухудшается кровоснабжение головы и головные боли нам обеспечены, а кроме этого, это же действие, а именно постоянное внимание на экране телефона, приводит к социальной изоляции и утрате связи с реальным миром. Люди все больше предпочитают виртуальные связи реальным, что может создать преграды для формирования и развития социальных навыков и взаимодействия с окружающими. В дополнение к этому, избыток информации, с которым мы сталкиваемся в интернете, может приводить к потере фокуса и трудностям в принятии решений.

Всеми живыми существами на протяжении всего их существования двигала мотивация, которая рождалась как неудовлетворенная потребность, у человека она еще и получила эмоциональную окраску подкрепление. Именно потребности и формируют поведение людей, движущей силой, тем волшебным пусковым механизмом служит мотивация, которой руководит иерархия потребностей. На основе мотивации формируется поведение, ведущее к удовлетворению исходной потребности. Потребности, безусловно, у всех разные, но так или иначе их можно разделить на два вида, это социальные потребности и биологические (их еще называют витальными). Одна из них — это потребность в новой информации, какие-то ученые относят её к социальным, но российские ученые физиологи отнесли её к витальным (Дубынин). Они это объясняют это тем, что новая информация об окружающем мире приводила к выживанию в условиях первобытного общества, а у животных, живущих в дикой природе это до сих пор является тем самым фактором естественного отбора. Как я уже сказала ранее у человека мотивация эмоционально окрашена, а именно: не удовлетворение потребностей негативно окрашивается, удовлетворение подкрепляется - подкрепляется положительными эмоциями. То есть это генетически детерминированный способ запоминания поведения, которое привело к удовлетворению потребностей и избегания поведения, которое не привело к удовлетворению потребностей. При чем наш мозг устроен так, что негативно окрашенные воспоминания ярче и более долгосрочны, чем позитивные.

Так вот потребность в новой информации в нас, по мнению ученых физиологов, генетически детерминирована, реализация этой потребности подкрепляется выбросом дофамина. Но качество информации об окружающем мире нашим мозгом никак не оценивается. Испытания на животных (им вживляли электроды) выявили зоны в головном мозге (как правило это подкорковые структуры), которые отвечают за удовольствие и за неудовольствие. Животные до изнеможения совершали действия, чтобы стимулировать зоны удовольствия, в ущерб остальным потребностям в том числе и витальным, и так же избегали всеми силами воздействия на зоны неудовольствия. В цифровом мире мы видим повсеместно проявление этого. В метро, на рабочих местах, на летучках и совещаниях, в лекционных аудиториях, даже на свиданиях и встречах друзей, если заглянуть в телефоны, вы увидите, как люди вместо того, чтобы заниматься тем, что предполагается в то месте, где вы их застали и они оказались (в соответствии с обстановочной ориентацией), вы увидите, что они скролят ленты различных соцсетей. И да, это удовлетворение потребности в новой информации об окружающем мире и да выделяется дофамин как медиатор в данном случае позитивных эмоций, но цена непомерна велика, а качество источника этого дофамина оставляет желать лучшего. На самом деле не самое страшное то, что люди хотят, удовлетворяя свою потребность в новой информации, тоннами употребляют развлекательный контент, а то, что они теряют способность к обучению. Например, дети, у которых выработалась привычка смотреть яркие сменяющиеся картинки, с большим трудом выдерживают уроки в школе. Сейчас детям всё чаще ставят условный «диагноз» дефицит внимания. А причиной тому то, что их мозг уже настроился на смену картинки каждые 3 секунды. Их мозг уже знает где не дорого можно получить удовольствие и свою порцию дофамина и быстро усваивает, что учеба, школа и реальное общение, приносят скорее неудовольствие, и это может предположительно закрепиться и стать причиной избегания общения в реальном мире.

Цифровое потребление безусловно само по себе не проблема, к проблемам приводит последствия этой «дофаминовой иглы». Ни для кого не секрет, чтобы вникнуть в какой-либо вопрос человеку нужно как минимум 20-30 минут, только что бы начать. Любая интеллектуальная работа требует этой настройки, но внешние факторы: звонки, сообщения, почта, да и привычка мозга получать дофамин быстро и легко, приводит к тому, что не остается у современного человека такой возможности. От этого нет удовлетворения от работы, учебы, общения и еще сильнее закрепляется патерн поведения в виде сбегания в телефон и компьютер.

Отсутствие удовлетворенностью своей жизнью не так страшно, если бы все так жили, но красивый образ чужой жизни из потребленного контента уверяет наивного потребителя с неокрепшей детской психикой, что успешная и красивая счастливая жизнь есть, но есть она у людей с определенной внешностью, и это становится критерием успеха, но сам по себе успех не интересен, это просто способ получения потребностей как биологических так и социальных, как

правило это потребность в безопасности и продолжение рода (половая, родительская), так как в современном мире, где есть проблема цифрового потребления уже не стоит вопрос в еде, воде, медикаментах и тепле. (предвосхищая вопросы и недоумение, Вы можете скажете, а как же бедные страны и проблемы выживания в там? отвечу, я путешествовала по бедным странам Африки, была в Индии, и нескольких других странах, где частично не закрыты эти вопросы, там нет проблемы цифрового отчуждения и цифрового потребления, там больше живого общения.) так вот образ успешных входит как визуальная картинка и не соответствия себя картинке успеха привело к тому, что породило огромное число людей (как правило всё же молодых и чаще всё же женского пола) с комплексами по поводу своей внешности.

Огромное количество комплексов породило тенденцию изменять свою внешность, у тех, у кого есть возможность, стали завсегдатаями пластических хирургов и косметологов (но это тема для отдельного исследования) для остальных фотошоп и специальных программы фэйс тюнеров. Эти приложения и программы на столько стали востребованы, что все платформы соцсетей их встроили по умолчанию. И как показывает практика применением программ, улучшающих внешность, не только прекрасный и слабый пол грешит, сильные мира сего грешат этим уже не реже. И что мы получаем на выходе: лица и тела, преобразенные до неузнаваемости кудесниками фотошопа, фото красивых домов, пейзажей, которые не имеют отношения к владельцу аккаунта, фото на фоне машин, фото с цветами и подарками, так же не принадлежащих владельцу аккаунта. К чему же это ведет и чем же это плохо спросите вы, да тем, что на реальную встречу, с реальным человеком прекрасная нимфа инстаграм скорее всего не пойдет, так как её не узнает принц по переписке, да и она не найдет его в толпе, так в реальности он отличается от того, кем пытался казаться. И дело тут даже не в том что принцессы и принцы стали не те, они прекрасны по своему каждый, но то, что они видят в соцсетях изо дня в день, скроля ленты, эти идеальные тела с идеальными лицами, да похожими одно на другое, до степени смешения, но такими привлекательными для них в силу модных тенденций, что видеть себя в зеркале с другими чертами, сильно отличающимися от тех, которые стали считаться идеальными, невыносимо.

И проблема несоответствия «аватарки» реальности отнюдь не единственная проблема соцсетей и виртуального общения.

Я не буду глубоко погружаться в проблему компьютерных игр, затрону только по верхам. Я проводила опрос среди игроков, пытаюсь понять, что стало причиной их недуга их потребности. По факту все ответы можно свести к тому, что ТАМ в игре они могут получить то, на что и рассчитывать не могли в реальной жизни: быть сильными, отважными, быть покорителями вселенных, быть в безопасности и чувствовать себя частью какого-то сообщества и как следствие быть понятыми, принятыми и любимыми. У игроков даже есть термин для обозначения тех, у кого нет ничего в реальном мире, и они живут только игрой – НОУЛАЙФЕР. Все те, кого я опрашивала, рассказывали, что отрывались от

компьютера с трудом и даже если выходили в «мир», старались закончить дела как можно быстрее, чтобы вернуться к компьютеру и погрузиться в ту жизнь, которая их поглотила.

Мы живим в цифровом мире, это, с одной стороны, великие блага достижений человечества, но и страшная беда, не побоюсь этого слова. А Соцсети, вошедшие в наши жизни и появившиеся вначале как гениальная идея объединить и упростить акт коммуникации стали тем самым краеугольным камнем, вбившим клин между людьми в живом общении.

На эту тему можно много и долго говорить, тема актуальная, животрепещущая и дискуссионная.

Да, сейчас развиваться в эпоху цифровых технологий, без использования этих современных технологий невозможно, неизбежно приходится сталкиваться с компьютерами, смартфонами и интернетом, но необходимо находить баланс между виртуальным и реальным миром. Необходимо осознавать и контролировать время, которое мы проводим в интернете, и учиться использовать его себе во благо, ограничивая источники, не несущие пользы, чтобы иметь возможность настраиваться на общение с реальными людьми и окружающим миром. Также важно развивать навыки критического мышления и что бы иметь возможность отсеивать некачественную информацию, с которой мы сталкиваемся в интернете, чтобы избегать информационного перенасыщения и сохранять ясность мысли.

В целом, развитие личности в цифровую эпоху представляет собой вызов, который можно преодолеть, найдя баланс между использованием цифровых технологий и постоянным развитием своих личностных качеств. Успешное развитие требует осознанности, самоконтроля и постоянного стремления к самосовершенствованию и укреплению связей с реальным миром.

*Л.А. Пашина
Сибирский государственный индустриальный университет
(Россия, Новокузнецк)
lapash@yandex.ru*

ПОИСК НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ КОНСТИТУИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ СТАРЕНИЯ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕРОНТОСТЕРЕОТИПОВ

Современное геронтологическое знание стремится приблизиться к пониманию природы старения, факторов и механизмов, повышающих качество жизни в пожилом возрасте. Несколько десятилетий назад стала формироваться область растущего интереса к исследованию взаимосвязи между языком, коммуникацией, старением и здоровьем. Некоторые ученые эту область исследований называют геронтолингвистикой – междисциплинарным знанием,

находящимся на пересечении интересов геронтологии, лингвистики, когнитивной и социальной психологии, социологии и других наук из области человекознания; знанием, направленным на изучение языкового старения, особенностей коммуникативного поведения пожилых людей, а также поиск возможностей поддержания их языкового здоровья и благополучия [1, с. 102].

Исследования в рамках геронтологии, лингвопрагматики, гериатрической логопедии, психолингвистики, социолингвистики, психологии, когнитивных наук [2; 3; 10; 11] указывают на то, что качество коммуникативной активности пожилых людей, частота их социальных контактов, особенности коммуникативной среды влияют на психологическое благополучие и социальное качество жизни старшего поколения, определяют их физическое и психическое здоровье, т.е. коммуникативное благополучие во многом определяет качество и длительность процесса старения, а, значит, расширение исследований коммуникативной стороны старения является важным инструментом изучения этого процесса и потенциально может предоставить возможности управления им.

Новым взглядом, углубляющим компетенцию коммуникативного знания о старении является исследование геронтостереотипов, их влияния на процессы восприятия, убеждения, поведение, общение, здоровье в пожилом возрасте. Так, эмпирически подтверждено, что возрастные стереотипы имеют влияние на показатели субъективного благополучия, субъективного и объективного здоровья, когнитивного функционирования (память, внимание), уровня физической активности пожилых людей. Важной вехой в развитии данной темы стало открытие феномена самостереотипизирования, явления, которое объясняет то, каким образом наши личные геронтостереотипы детерминируют характер старения каждого из нас, посредством каких механизмов геронтостереотипы влияют на наше физическое и психологическое здоровье, как они реализуются через поведенческие паттерны [5].

Согласно Л. Хаммерт, в современности сложилось несколько подходов к рассмотрению возрастных стереотипов: социокультурный, психодинамический и социально-когнитивный [4]. Наиболее востребованным на современном этапе является последний подход, который освещает связь между самостереотипами, долголетием и состоянием здоровья пожилых людей.

Продуктивным развитием исследования имплицитных возрастных стереотипов явилось формулировка «теории воплощения стереотипа» Б. Леви [6], которая объяснила суть феномена самостереотипизирования пожилых людей, указав на рекурсивную связи между когнитивными процессами, геронтостереотипами, общением, поведенческими паттернами и здоровьем [7-9].

Понимание природы возрастных стереотипов и процесса их формирования как влияющих на отношение и поведение по отношению к другим, влияющих на самовосприятие, является важным знанием для осмысления природы старения и повышения уровня благополучия в позднем жизненном периоде.

Список литературы

1. Пашина Л.А. Конституирование геронтолингвистической парадигмы знания и ее современные перспективы // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 101-111.
2. Coupland N., Coupland J., Giles H., Henwood K. Accommodating the elderly: Invoking and extending a theory // Language society. 1988. Vol. 17. P. 1-41.
3. Hummert M. Stereotypes of the elderly and patronizing speech style // Interpersonal communication in older adulthood interdisciplinary theory and research / ed. by M. L. Hummert. Sage, 1994. P. 162-184.
4. Hummert M. A social cognitive perspective on age stereotypes // Social cognition and aging / ed. by T. Hess. San Diego, 1999. P. 175-196.
5. Levy B. Mind matters: Cognitive and physical effects of aging self-stereotypes // The Journals of gerontology, 2003. Series B. Vol. 58. No. 4. P. 203-211.
6. Levy B. Stereotype Embodiment: A psychosocial approach to aging // Current directions in psychological science, 2009. Vol. 18. No. 6. P. 332-336.
7. Levy B., Slade M., Kunkel S., Kasl S. Longevity increased by positive self-perceptions of aging // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 83. P. 261-270.
8. Meisner B. A meta-analysis of positive and negative age stereotype priming effects on behavior among older adults // The Journals of gerontology, 2012. Series B. Vol. 67. No. 1. P. 13-17.
9. Meisner B., Levy B. Age stereotypes influence on health: SET // Handbook of theories of aging / ed. by V. Bengtson. 2016. 830 p.
10. Nussbaum J. F., Hummert M. L., Williams A., Harwood J. Communication and older adults // Annals of the international communication Association, 1996. Vol. 19. No. 1. P. 1-48.
11. Ryan E., Giles H., Bartolucci G, Henwood K. Psychological and social psychological components of communication by and with the elderly // Language and Communication, 1986. Vol. 6. P. 1-24.

Л.Д. Петряков

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

(Россия, Ярославль)

petryakov_ph@yarcx.ru

ВЕКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ

Вектор интерпретации философского дискурса – ключевое понятие, определяющее «картину мира», мировоззрение философа, а также способ, которым он познаёт мир. В истории философского знания такими понятиями выступают: **идея как общее вещей, сущность, противоречие как источник**

развития и т.д. *«Всё, что ты называешь прекрасным, будет прекрасным, если существует прекрасное само по себе?»* [4, с. 347]. Конструкция 'само по себе' с её вариантами: **само собой, таким образом**, это способ обобщения предмета. Вектор интерпретации обеспечивает ретенцию и протенцию, но он же служит источником многих проблем.

Человек интерпретирует реальность переводя её знаки, из непонятных и вызывающих неопределённость поведения в ясные для себя с помощью теоретической интерпретации [2, с. 31]. Цель этого перевода – равновесие с внешней средой, знание как поступить? Успешный перевод обеспечивает достижение цели (Байесовская теорема) [1, с. 180], неуспешный требует повторной интерпретации. Но, внутренний код требует постоянного расширения, чтобы устанавливать равновесие с множеством ситуаций, т.е. стремится к бесконечности, делая неудобным его использование, т.к. увеличивается время, требуемое на интерпретацию. Эта ситуация разрешается формированием промежуточного операционного кода, метаязыка [2, с. 34], который одновременно выступает таковым для внешнего и внутреннего языков-объектов.

Вектор интерпретации, определяющий её направленность, является теоретическим понятием, попавшим в сферу такого метаязыка, интерпретируя как эмпирический, так и теоретический миры. Там, где необходимо согласование двух кодов, отождествление внутреннего и внешнего, он выступает догмой, как для внутреннего, так и для внешнего. К примеру, «идея» Платона, Бог для религиозного дискурса, «противоречие» для последователей Г. Гегеля. Вектор – носитель человеческого смысла (определённой предметности) явления. В этом качестве он формирует дискурс, навязывая определённое решение проблемы рассогласования внутренней и внешней реальности человека, но будучи догмой, он «подсказывает» только теоретические решения, не имеющие реального воплощения. Будучи рациональным по своей «природе», он вызывает иррациональное действие. В частности, следствием наличия определённого вектора интерпретации в мировоззрении большого числа людей становится не только изменение их поведения, но и формирование характерных для данного вектора социальных структур: «идеальных», «противоречащих» и т.д.

Кроме того, он может применяться к самой теории, частью которой он является. Из-за этого теория становится замкнутой относительно своего понятия, полной и непроверяемой. «Вектор», интерпретируя не только реальность, но и свою теорию, вызывает фрактальный эффект [6]. Этот эффект дробит целостное, комплексное представление языковых единиц более высокого уровня (текстов, дискурсов) на замкнутые логически фреймы. Дробит по принципу единицы содержания, выраженной в векторе интерпретации и, вызывая суггестию [5, с. 104] (внушение), поскольку логика восприятия реальности будет выражена в каждом фрагменте образа этой реальности [3, с. 270]. Дробная, «фасеточная» картина мира подкрепляет современное «клиповое» мышление, легко перескакивающее с одного фрагмента на другой, если в каждом из них выражена одна логика содержания.

Вывод: вектор интерпретации самостоятелен как идеальный объект, для него характерен фрактальный рост независимо от человека (агента) и языка. Следует различать и соответственно, применять теоретическое понятие и понятие, имеющее операциональное определение (часто – количественное) [2, с. 32]. Если же последнее отсутствует, его следует выработать. Для применения теории на практике, как правило, необходима операциональная схема, состоящая из эмпирических понятий.

Список литературы

1. Зайцева Т.В., Нестерова Е.В., Игрунова С.В. Байесовская стратегия оценки достоверности выводов. // Экономика. Информатика. № 13 (132), вып. 23/1 2012. С. 180-184.

2. Золотухин Д.С. Язык-объект vs язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2022. № 1(44). С. 31-37.

3. Кретов А.А., Воронина И.Е. Русское слово как самоподобная рекурсивная структура / А.А. Кретов, И.Е. Воронина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. I. -М.: Филология, 1995, с. 269-271.

4. Платон Собрание сочинений в 4 т. Т.3 / Пер. с древнегреч ... М.: Мысль, 1994.- 654 с. [Plato. Collected works in 4 vols. Vol.3 / Trans. from ancient Greek ... Moscow: Mysl, 1994.- 654 p.]

5. Сельченков Е.К. Суггестивная лингвистика как элемент культурной суггестологии // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Минск : Изд-во БГУ, 2020. С. 102-106.

6. Серебрякова Ю.В. Работа со смыслами: подвижная терминологическая карта на основе смысловых алгоритмов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012.

*М.М. Раевская
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
mraevskaya@gmail.com*

ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ: ОПЫТ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА

Проблема коммуникативной культуры и связанные с ней вопросы межкультурного взаимодействия в повседневной, социальной и профессиональной среде давно стоят на повестке дня в современных

полиэтнических государствах. Однако, совсем недавно научное сообщество получило возможность оценить пример объединения усилий на международном уровне, в частности, в странах испанской речи, которые приступили к реализации межгосударственного (так называемого *паниспанского*) проекта по унификации административной культуры на всем испаноязычном пространстве, в котором испанский язык имеет статус официального и государственного языка.

Речь идёт о глобальной для испаноязычного мирового сообщества инициативе правительств Испании и стран Латинской Америки, органов государственной власти и академических учреждений (*Королевская академия испанского языка – RAE*, а также *Ассоциация академий испанского языка всех испаноязычных стран ASALE*) под названием «*El Lenguaje Claro*» (*Ясный Язык*), которая была представлена на *VIII Международном конгрессе испанского языка (Congreso Internacional de la Lengua Española)* в 2019 году и тремя годами позже получила оформление в виде одноименного проекта.

В настоящее время в целом коммуникация в государственном управлении рассматривается не только как сфера, обеспечивающая связь власти и общества, но и как особый вид деятельности по обеспечению стабильного функционирования и развития государственных структур и системы всех общественных институтов. В качестве исходного теоретического положения в данном исследовании принято рассмотрение административной коммуникативной культуры как интегративного и структурно-уровневого образования, определяющего характер взаимодействия субъектов общения (граждан и органов управления), направленного на установление взаимопонимания и обмена релевантной для социума информацией в сфере государственного управления.

Согласно заявлениям представителей власти, целью проекта «*El Lenguaje Claro*» является продвижение языковой ясности как основы демократических ценностей и гражданства, а также декларирование обязательства всех структур госуправления по ее обеспечению во всех сферах общественной жизни. Считается, что данный проект имеет решающее значение для улучшения отношений между государством и гражданами не только в рамках чисто инклюзивного подхода, но и следования демократическому курсу внутренней политики в странах испанской речи. В основе проекта лежит представление о *ясном языке* как неотъемлемой составляющей *права на понимание* и основе многих других фундаментальных прав, которое, по мнению высшей администрации, имеет решающее значение для улучшения отношений между государственной властью и гражданами: «*el lenguaje claro forma parte del derecho a comprender y es base de otros muchos derechos fundamentales*» (*Santiago Muñoz Machado, RAE, 2022*).

На основе данного проекта была создана так называемая *Паниспанская Сеть Ясного Языка (Red Panhispánica de Lenguaje Claro – Red-PHLEC)*, которая функционирует с 2022 года и имеет юридическую силу для всех испаноязычных стран.

В целом, социальные проекты подобного масштаба, к которым относится и рассматриваемый языковой проект, являющийся по сути социальным, имеют геополитическую подоснову. Именно в этом ключе следует рассматривать паниспанскую программу «*Red Panhispánica de Lenguaje Claro*» по созданию общего языкового и административного ресурса по регламентации культуры коммуникации власти и общества, который в конечном счёте будет использоваться как инструмент государственного управления и регулятор общественной жизни, поскольку таким образом созданная сеть позволяет объединить управление социумом всех стран испанской речи. Кроме того, данная инициатива, получившая законодательное оформление на всем испаноязычном пространстве, может рассматриваться как пример совершенствования административного дискурса через сферу административной культуры, реализуемого в рамках так называемой паниспанской языковой политики, которая активно продвигается с начала XXI столетия.

Список литературы

1. Евтушенко О.А. Административный дискурс: сущность // *Lingua mibilis*. № 3 (22) 2010. С. 109-114.
2. Макаров Д.В. Коммуникации в государственном управлении Российской Федерации // *Communicology*. Vol. 8, № 2, 2020. С. 135-144.
3. Раевская М.М., Селиванова И.В. Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. № 18 (4). С. 810-830.
4. Согомонян В.Э. Что такое дискурс власти? // *21-й век*. 2012. № 1 (21). С. 34-51.

Е.А. Ревуцкая
Минский государственный лингвистический университет
(Беларусь, Минск)
alena.revutskaya@tut.by

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Д. САМОЙЛОВА)

Обновленный исследовательский интерес к поэтическому познанию, отмечаемый в современной лингвистике (Б.Ю. Норман, Т.Б. Радбиль, Н.М. Азарова, О.В. Соколова, В.В. Фещенко и др.), обусловлен утверждением поэтического мировидения как уникальной когнитивной способности человека. В свою очередь, методологическое единство подходов к изучению метафоры в разных типах дискурса предопределило новый научный взгляд на поэтическую образность, рассматриваемую сегодня как индивидуальную языковую реализацию концептуальной модели, структурирующей как повседневную, так и художественную коммуникацию [8, р. 236]. Концептуальная метафора –

систематическое соположение между двумя сферами опыта, определяемое в национальном языке и культуре [1, с. 11] – является одним из основных путей познания мира и характеризует все сферы общения. В то же время, поэтической метафоре чаще присуще новаторство [7, р. 165], выражающееся не в соотношении иных, не соотносимых обыденным сознанием концептуальных областей, но в творческом подходе к языку [6, с. 25].

Цель данного сообщения – показать, на примере образов пярнуского пространства в поэзии Давида Самойлова, что концептуальная метафора представляет собой инвариант ряда индивидуальных авторских образов, организованных творческим началом. Исследование выполнено на материале полного корпуса поэзии Самойлова [3;4], в котором было выявлено 6 вхождений топонима «Пярну». Разумеется, столь незначительное число употреблений данного топонима в столь же малом (5) числе поэтических текстов – посвященных супруге Галине Медведевой «Пярнуских элегиях» (1976–1977) и стихотворениях «Какой пологий пярнуский залив...» (1975), «Рассвет в Пярну» (1976), «В крутокрышем пярнуском доме...» (1986) и «В Пярну» (1986) – не равновелико месту пярнуского пространства в лирике Самойлова. Его изучение не ограничивается анализом метафорических моделей и требует обращения к биографии поэта (в середине 70-х гг. Самойлов с супругой и младшими детьми переезжает из Москвы в приморский Пярну) в контексте дихотомии «свое – чужое».

Для сравнения: в устном корпусе Национального корпуса русского языка [Устный корпус] топоним «Пярну» представлен двумя вхождениями, отражающими логическое осмысление города («город, населенный пункт», «туристическое направление»). В свою очередь, в поэзии Самойлова приморский Пярну включает одновременно городское и природное пространство – «пустые пляжи, гладкое море, малолюдные улочки, кирху и церковь Екатерины» [4, с. 429]. В корпусе поэзии Самойлова определяются рекуррентные концептуальные метафоры «Пярнуское пространство → существо» и «Пярнуское пространство → предмет». Однако их языковая реализация примечательна семантикой творчества – созидательного труда поэта, писателя, художника. Так, первой модели соответствует образ «волна → поэт»: *Когда-нибудь и мы расскажем, / Как мы живем иным пейзажем, / Где море озаряет нас, / Где пишет на песке, как гений, / Волна следы своих волнений / И вдруг стирает, осердясь* [3, с. 238]. В свою очередь, вторая модель представлена образом «дом → книга»: *В крутокрышем пярнуском доме / Среди ветра, среди тумана / Мы живем, как в десятом томе / Нескончаемого романа* [3, с. 370]. Как видим, оба поэтических образа подчеркивают родство пейзажа и творчества – «родной стихии» поэта, призванной осмыслить как городское («В крутокрышем пярнуском доме...»), так и природное («Пярнуские элегии») пространство.

Таким образом, нетривиальность поэтических образов, осваивающих пярнуское пространство, проявляется на двух уровнях – уровне языка (не типичная для иных дискурсов лексическая реализация концептуальной модели) и

уровне авторского замысла (творчество становится сферой-источником образного осмысления). Творческий характер поэтического образа заключается, иными словами, не в нарушении концептуальной модели, но в ее содержательном своеобразии.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
2. Самойлов Д. Поэмы. СПб.: Академ. проект, 2005. 480 с.
3. Самойлов Д. Стихотворения / Д. Самойлов. СПб.: Академ. проект, 2006. 800 с.
4. Самойлов Д.С. Памятные записки. М.: Время, 2014. 704 с.
5. Устный корпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html>. – Дата обращения: 26.11.2023.
6. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М. : Языки славян. культуры, 2014. 640 с.
7. Rasse C. Poetic Metaphors: Creativity and Interpretation. Amsterdam: John Benjamins, 2022. 190 p.
8. Semino E., Steen G. Metaphor in literature / The Cambridge Handbook of metaphor and thought: R.W. Gibbs (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 232–246.

В.А. Садикова

Московский государственный институт культуры

(Россия, Химки)

vsadnik46@mail.ru

МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ БАЗА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ

Личность как таковая – онтологична, гносеологична и аксиологична. Онтологична, потому что, с одной стороны, *бытийствует*, с другой стороны, представляет собой своеобразный мир в Мире. Гносеологична, потому что *познает*, т. е. занимается тем, без чего не может ни состояться, ни даже начаться (как личность). Аксиологична, потому что *оценивает*, т. е. не может не относиться к Миру как ценности, не может его (и себя – как часть этого Мира) не оценивать. Проблема еще усложняется, если мы беремся учитывать не только логическую, но и *чувственно-эмоциональную составляющую* личности, что совершенно необходимо. Отсюда – невероятная (но вполне закономерная) сложность *целостного* анализа личности. Однако только целостный анализ может привести

к его полноте и, в конце концов, к адекватности изучения личности. Считается, что этим занимается психология. Однако все чаще возникает проблема соотнесённости личности с языком, которой «чистая» психология не занимается. Этим занимается психолингвистика. И тут появляются новые трудности:

1) сила психолингвистики – в эксперименте, построенном на тщательно подобранном эмпирическом материале, но личность *в полной мере* не может себя проявить ни в каком эксперименте; в эксперименте мы имеем дело с *частичным* (и не всегда искренним) проявлением личности;

2) личность проявляет себя достаточно правдоподобно и полно только во взаимодействии с другими личностями, что возможно только *в реальном общении*;

3) чтобы исследовать личность в естественных для нее условиях, т. е. в реальном общении, нужны подходящие «единицы измерения» адекватности *взаимодействия* личностей;

4) «единицы измерения» должны представлять собой «*единые единицы*», пригодные для исследования *любого ракурса личности* – бытийного, познающего, оценивающего, говорящего, мыслящего, чувствующего;

5) поиски этих единиц, с одной стороны, должны вестись в рамках естественного языка (любые искусственные термины не продвинут решение проблемы), а с другой стороны, они не могут быть ни конкретными, ни абстрактными;

6) единицы должны представлять собой наименования *отношений*, которые возникают *в процессе общения* личностей; это требование должно соблюдаться и тогда, когда личность познает или мыслит, т. е. как будто не общается с другими: она все равно общается – с собой, с Миром или личностями прошлого;

7) наименования отношений, которые появляются (проявляются, осуществляются) только в общении, по определению *должны быть виртуальными, потенциальными*, как и любые единицы языка – до тех пор, пока они не обретут существование для кого-то и чего-то в реальной практике взаимодействия.

Нами предложен такой исчерпывающий список единиц – наименований отношений. Это *коммуникативные* единицы: **имя, действие, претерпевание, род, вид, общее (абстрактное), частное (конкретное), целое, части, определение, обстоятельства (места, времени, цели), причина, следствие, свойства (признаки, качества), сравнение, сопоставление, противоположное, пример, свидетельство, символ.** (Подробнее см.: В.А. Садикова, «Толика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла», 2017). В реальной речевой практике каждая из этих единиц способна претерпевать самые разнообразные трансформации, но они все равно узнаваемы и отождествляемы общающимися, потому что в сознании каждой личности они существуют как *база взаимодействия* с Миром и с себе подобными. Изначально они проявляют себя на неосознаваемом уровне с самого раннего возраста (еще до языка, до говорения), а потом плавно распространяются на логико-вербальный уровень. Но только потому, что возникли как предтеча, как предвкушение

овладения языком, еще во времена первичного знакомства с Миром: *упал – больно (причина и следствие), это мама (именование), пора спать (обстоятельство времени)*. Это и есть то *универсальное/виртуальное* (а не абстрактное и не конкретное), что позволяет нам понимать друг друга, несмотря на все наше человеческое многообразие. Эти единицы не следует отождествлять с формальной логикой (хотя некоторые из них звучат как выхваченные оттуда: род, вид, причина и пр.). Это лишь омонимичное совпадение.

Если в распоряжении исследователя имеется полный виртуальный перечень единиц-отношений, он может применять эти единицы – как ментально-языковые (структурно-смысловые) модели – к реальному, а не адаптированному, общению личностей, накладывая их на естественную коммуникацию и в результате получая высказывания (вербальные и не только), в которых будут отражены проявленные «здесь и сейчас» качества общающихся личностей.

У.В. Смирнова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
yanasmirnova@hotmail.com

НАДЕЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИА ДИСКУРСА)

В исследовании ставится цель изучить свойства субъектности, которыми наделяется искусственный интеллект (AI) в англоязычном медийном дискурсе. Ключевые вопросы исследования связаны с трансформацией самости и субъектности в лингвофилософских исследованиях дискурса пост-постмодерна, что находит отражение в таких лингвофилософских понятиях, как исчезновением субъекта высказывания в дискурсе и подмена коммуникации коммуницированием [1;3]. Исследуемая проблематика сопряжена в широком смысле с дискурсивным конструированием реальности, манипуляциями со значением знака, дискурсивным конструированием идентичности (см., например, работы [2;4;5]).

Методология исследования включает введение в поисковик Google запроса по параметру «artificial intelligence». По результатам поиска выбираются только сообщения из средств массовой информации, и далее на сайтах определённых медиа ресурсов проводится выборка контекстов с вводимыми в строку поиска запросами «AI» и «artificial intelligence».

По нашему мнению, субъектность, присваиваемая «искусственному интеллекту», раскрывается в нескольких аспектах: 1) агентивность субъекта, которая определяется выбором предиката, связываемым с объектом «AI»; 2) синтаксическая субъектность, которая связана с возможностью «AI» функционировать в качестве подлежащего; 3) содержательные характеристики субъектности, которые открывают потенцию связать с искусственным интеллектом (AI) творческие возможности и возможность быть субъектом

высказывания, т.е. быть тем кто говорит и генерирует новые смыслы. Таким образом, нас интересует реализуемые в языке физический и эпистимологический аспекты бытия человека, которые определяют искусственный интеллект (AI) как познающего и действующего субъекта, что в философии языка будет соответствовать интенциональному восприятию мира, т.е. возможности и способности конструировать объекты в процессе коммуникации.

Предварительные выводы исследования позволяют заключить, что в медиадискурсе сохраняется инструментальность, объектность искусственного интеллекта (AI) ввиду того, что искусственный интеллект категоризуется как технология (the technology): *The technology that is set to dominate the future – for good or ill – is now the word of the year. “AI” has been named the most notable word of 2023 by the dictionary publisher Collins. Defined as “the modelling of human mental functions by computer programs”, AI was chosen because it “has accelerated at such a fast pace and become the dominant conversation of 2023”, the publisher said. The use of the word (strictly an initialism) has quadrupled over the past year [6].*

Однако, несмотря на выявляемую инструментальность и второстепенность искусственного интеллекта по отношению к познающему субъекту, отмечается также тенденция наделения искусственного интеллекта свойствами субъектности.

Отметим отдельные направления субъективации:

1) Синтез объектности-субъектности по модели «AI poses a threat to humans»;

Гибридность свойств объекта и субъекта появляется в дискурсе тогда, когда декларируется угроза, которую представляет искусственный интеллект. Угроза, согласно прототипическому представлению о ситуации угрозы, может исходить как от одушевлённого, активного субъекта, наделённого агентивностью, так и от неодушевленного объекта. Как следствие, возникает своеобразный бленд субъектно-объектных свойств искусственного интеллекта.

UK, US, EU and China sign declaration of AI’s ‘catastrophic’ danger [7].

Kamala Harris acknowledges ‘existential threats’ posed by AI and urges safe innovation [8].

Biden and Xi to sign historic agreement limiting AI in military, targeting nuclear weapons and autonomous drones [9].

2) Синтез объектности-субъектности по модели метафорического олицетворения «искусственный интеллект как помощник человека», конструктор событий и возможностей;

При указании на инструментальную и второстепенную функцию искусственного интеллекта одновременно происходит метафорическое олицетворение искусственного интеллекта как «помощника человека», например, второго пилота» (co-pilot) или помощника врача.

Sunak urges workers to view AI as ‘co-pilot’, not as a threat to their jobs [10].

How AI can detect diabetes with a 10-second voice sample [11].

3) Субъект дематериализованной деятельности, конструктор цифровой вещественности.

Приводимые примеры демонстрируют субъектность искусственного интеллекта. Так, максимальная творческая активность «AI» реализуется глаголом «to create» и семантической ролью агенса в высказывании.

'It's just a matter of time': why AI could help Europe create its own Apple or Google [12].

Is Argentina the first AI elections [13].

Подводя итог, следует отметить, что исследование не претендует на статистическую точность, однако предполагает обозначение ряда нарастающих тенденций, связанных с субъектностью.

Список литературы

1. Лещев С.В. Коммуникативное – следовательно, коммуникационное // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2002. – №3. – С. 14-28.
2. Чупрына О.Г. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1 (41). – С. 42–52.
3. Leshchev S.V. Artificial Intelligence Limitations: Blockchain Trust and Communication Transparency / S. V. Leshchev // Studies in Computational Intelligence. – 2022. – Vol. 1032 SCI. – P. 249-254.
4. Vikulova L.G., Tareva E.G., Gerasimova S.A. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur // XLinguae. – 2020. – Vol. 13, No. 1. – P. 169–183.
5. Zheltukhina M.R., Kislitsyna N.N., Tameryan T.Yu. et al. Identity construction and self-identification of the protagonist in the film media discourse: Multi-modal linguo-semiotic approach // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 202-323.
6. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/nov/01/ai-named-most-notable-word-of-2023-by-collins-dictionary>].
7. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/nov/01/uk-us-eu-and-china-sign-declaration-of-ais-catastrophic-danger>
8. URL: <https://www.theguardian.com/technology/video/2023/nov/01/kamala-harris-acknowledges-existential-threats-posed-by-ai-and-urges-safe-innovation-video>
9. URL: <https://www.cryptopolitan.com/biden-to-sign-ai-limitation-deal-with-china/?ysclid=lp42yivj9i762407100>
10. URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2023/nov/02/ai-summit-covid-inquiry-elon-musk-rishi-sunak-keir-starmer-uk-politics-latest-updates-live>
11. URL: <https://www.hindustantimes.com/lifestyle/health/how-ai-can-detect-diabetes-with-a-10-second-voice-sample-101700121351720.html>
12. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/oct/28/its-just-a-matter-of-time-why-ai-could-help-europe-create-its-own-apple-or-google>
13. URL: <https://www.omanobserver.om/article/1145745/opinion/international/is-argentina-the-first-ai-election>

Е.В. Старостина
Саратовский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского
(Россия, Саратов)
sev79@list.ru

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ И ЧАСТЕРЕЧНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СТИМУЛА

Многочисленные исследования показывают, что можно выделить некую универсальную схему строения ассоциативного поля, характерную для слов-стимулов одной семантической группы. Можно предположить, что это верно и для полей стимулов одного лексико-грамматического разряда и одной части речи. На данный момент существуют работы, описывающие структуру ассоциативного поля предметного имени существительного [2], предпринимаются также попытки описать особенности строения ассоциативного поля абстрактного существительного [4;6], однако особенности строения ассоциативного поля абстрактного существительного в целом еще не описаны.

Изучая поля стимулов разных частей речи, В.Е. Гольдин приходит к выводу о том, что стимулы предметного характера порождают поля, наиболее богатые ассоциативными связями разнообразной направленности, тогда как слова-стимулы характеризующего характера (глаголы, прилагательные и наречия) имеют поля более простой организации [2, с. 17]. Действительно, поле стимула-глагола имеет не такую сложную структуру, как поле стимула-существительного. Например, структура поля глагола поведения включает всего пять обязательных слотов: «субъект поведения», «объект поведения», «именование поведения», «характеристика поступка, поведения или субъекта поведения», «общая оценка» и несколько факультативных («время», «место», «следствия поведения» и др.) [5].

Если говорить о полях стимулов-прилагательных и наречий, то они имеют еще более простую структуру по сравнению с полями существительных и глаголов. Как отмечает В.Е. Гольдин, прилагательные и наречия воспринимаются испытуемыми либо как неполные высказывания, которые необходимо дополнить связанными с ними единицами, либо как члены парадигм, к которым следует подобрать другие члены тех же парадигм, например: **долгий** – *путь, день, вечер, урок, сон, дождь, процесс, разговор*, и **долгий** – *длинный, быстрый, медленный, вечный, длительный, короткий, замедленный* и под. (АСШС) [Там же, с. 69].

При этом поля относительных прилагательных, по-видимому, «беднее», чем поля качественных прилагательных. Например, если мы посмотрим на поле **школьный** в РАС, то увидим, что из 43 разных реакций всего 4 не являются существительными, при этом все они единичны (*принадлежащий школе, университетский, учебный, форма синяя*). Частотными реакциями на стимул **школьный** являются существительные, чаще всего сочетающиеся с данным прилагательным: *учитель, звонок, портфель, товарищ, двор, урок* и др. В данном

случае у испытуемого практически нет возможности отреагировать другим прилагательным, поскольку слово **школьный** не включено ни в один из антонимических или синонимических рядов.

Поле наречия, как и поле прилагательного, имеет достаточно простую частеречную структуру. Чаще всего на стимул-наречие испытуемый реагирует либо глаголом, сочетающимся с данным наречием, либо другим наречием, семантически связанным со стимулом. Приведем примеры В.Е. Гольдина из АСШС: **кувырком** – *упасть, падать, лететь, упал, катиться* и **кувырком** – *кубарем, вверх ногами* и под.; **полностью** – *взять, доверять, доделать* и **полностью** – *целиком, до конца, совсем* и под. [2, с. 69]. В некоторых случаях наречие может вызывать и другие типы реакций. Так, стимул **долго** (РАС), как и другие наречия, способен вызывать реакции упомянутых выше двух типов: реакции-глаголы типа *ждать, жить, думать, идти, длиться*, отражающие регулярную сочетаемость, и реакции-наречия типа *нудно, бесполезно, длительно, медленно* (реакции-симиляры) или типа *близко, быстро, скоро* (реакции-опозиты). Можно, однако, выделить также группу прецедентных реакций: *коротко, ли* (долго ли, коротко ли), *дорога в дюнах* (долгая дорога в дюнах); и даже реакции-существительные (то, что может длиться долго или быть долгим): *дорога, время, век, день, река, уроки*. Помимо этого, поскольку **долго** может выступать как часть сложного слова, данный стимул вызывает реакции *играющий, житель* (долгоиграющий, долгожитель).

Как нам представляется, исследование особенностей строения полей стимулов разных частей речи (глаголов, прилагательных, наречий, служебных частей речи) и лексико-грамматических разрядов (например, абстрактных имен существительных, качественных и относительных прилагательных, наречий разных разрядов) является одной из перспективных задач изучения вербальных ассоциаций.

Список литературы

1. АСШС – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2-х томах / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. Саратов, 2011.
2. Гольдин В.Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избранные работы / сост. О.Ю. Крючкова, А.П. Сдобнова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2020.
3. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.
4. Соловьев В.Д., Вольская Ю.А., Ахтямов Р.Б. Спектр ассоциаций к русским абстрактным и конкретным существительным // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 1. С. 153-173.
5. Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): дисс... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
6. Шапошникова И.В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С.

Е.К. Тараканова
Новомосковский институт РХТУ имени Д.И. Менделеева
(Россия, Новомосковск)
elenatarakanova2013@yandex.ru

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАГАДОЧНОЙ ДУШИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Внутренний мир человека огромен, многообразен и не всегда понятен окружающим, а иногда и себе самому тоже. Недаром В.Г. Белинский писал: «Да, непостижимо сердце человеческое...» [1, с. 103].

Особой сложностью отличается метафизическая личность русских поэтов и их лирических героев. «Все поэтические произведения – независимо от степени их эстетической ценности и художественности – выступают перед нами как та или иная образная микросхема, ритмо-физически строго организованная» [3, с. 26].

Субъективный характер лирического творчества раскрывает богатую духовную жизнь его создателя. Проникнуть в сокровенные тайны поэтического сознания помогают различные средства выразительности великого русского языка. Остановимся на некоторых из них.

Огромную роль в построении стихотворений играет интонационное и пунктуационное оформление, их тесная взаимосвязь. «Знаки препинания определяют тот или иной способ произнесения высказывания, поэтому изменения в смысле сообщения проявляются в интонации и наоборот: изменения в интонировании сообщения могут приводить к изменениям смысла» [2, с. 39].

В ритме стихов очень важна пауза, дающая возможность более точно и глубоко понять авторскую позицию, оценить ключевой момент развития событий и явлений. Графически чаще всего пауза выражается многоточием или знаком тире.

Обеих вас я видел вместе –
 И всю тебя узнал я в ней...
 Та ж взоров тихость, нежность гласа,
 Та ж прелесть утреннего часа,
 Что веяла с главы твоей!
 (Ф.И. Тютчев, «Двум сестрам»)

Использование многоточия в данном стихотворении указывает на особое эмоциональное состояние мужчины в момент встречи с чудесной женщиной: сердце его замирает от прекрасного видения, невольно всплывают воспоминания об ушедших днях, печальных и радостных, о его «погибшей любви».

Когда трепетная душа поэта переполнена мыслями и чувствами, его произведения изобилуют знаками тире. Например, у М.Ю. Лермонтова: в «Казачьей колыбельной песне», в «Завещании» и др. Печальные размышления

героя «в минуту душевной невзгоды» («И скучно и грустно») пронизаны большой сердечной болью, которая усиливается экспрессивными восклицательным и вопросительным знаками и многочисленными многоточиями:

А) Желанья! ... что пользы напрасно и вечно желать? ...

А годы проходят – все лучшие годы!

Б) Любить ... но кого же? ...

Знак многоточия употребляется также в том случае, если автор хочет показать незавершённость своих мыслей и переживаний:

Говори

о полете столетий.

Голубые восторги твои

чутко слышат притихшие дети.

Говори... (А. Белый, «Огонечки небесных свечей...»)

Призыв к товарищам по лирическому перу не закончен, так как существует ещё много различных тем, о которых им надо говорить. «Голубые восторги» поэтов должны продолжаться, чтобы нести добрый свет людям.

Пунктуационный знак тире акцентирует внимание читателя на тема-рема-тической паузе в стихотворении, заставляя сконцентрироваться на определённых событиях и эмоциях:

Случайным сном забудусь ли порой –

Мне снишься ты, мне снится наслажденье!

(Е.А. Баратынский, «Поцелуй»)

Тире стоит на месте интонационной остановки, на тема-рема-тической границе между придаточным условным с союзом ли и главной частью высказывания, выраженной двумя главными предложениями в качестве однородных. Радостное волнение поэта «и в шуме дня, и в тишине ночной» усиливает восклицательный знак в конце предложения.

Иногда тире используется с целью нарочито подчёркнутого экспрессивного расчленения предложения или его части:

Я люблю только ночь и цветы

В хрустале, где дробятся огни,

Потому что утехой мечты

В хрустале умирают они...

Потому что – цветы это ты.

(И.Ф. Анненский, «Тринадцать строк»)

Таким образом, мысли и чувства русских поэтов, вооружённые прекрасными рифмами, помогают нам с особым трепетом прикоснуться к нежной, загадочной душе авторов бессмертных творений, дарующих нам эстетическое наслаждение и познание окружающего мира.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Статьи о русской литературе. – Л.: Лениздат, 1987. – 274 с.
2. Михайлова Т.Н. Художественно-изобразительная роль парцелляции в лирике И. Бродского // Сложное предложение и текст: межвузовский сб. статей / Орловский гос. ун-т. – Орел, 2002. – С. 39-45.
3. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. – Л.: Просвещение, 1990. – 415 с.

П.Е. Топорков
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)
ptoporkovnewnew@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ/ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОПЫТ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДИКАТИВАМИ

Категория состояния в ряде современных работ описывается в связи с проблемой каузативности и экспериенциальности (см. работы [2;4]). Однако значительный объём лексем с семантикой состояния (как канонических слов категории состояния, так и предикативов с иными морфологическими характеристиками) моделирует ситуацию высказывания как не опирающуюся на непосредственный экзистенциальный опыт и/или не вписанную в логику причинно-следственных связей. Немотивированные состояния – это семантическая проблема и далее – проблема того, каким образом в человеческом сознании соположены осмысленные (семантизированные) переживания и аффекты, имеющие скорее физиологическую природу, ср.: Мне внезапно стало *жутко/хорошо* (физиологические изменения в организме, воздействие медикаментов и т.п.).

Норма диктует модель причинно-следственного описания ненормативных переживаний, но не переживаний, воспринимающихся как «естественные» дополнения к непосредственному опыту реальности.

Ср.: Почему тебе *комфортно*? – Почему тебе *некомфортно*? (*плохо, страшно...*).

Немотивированные состояния парадоксальным образом оказываются ближе в реальных синтаксических контекстах к интеллектуальным оценкам в конструкциях с сентенциальными актантами (*Жутко/хорошо, что/потому что...*).

Социальный опыт проявляется лингвистически в языке внешних состояний. Этот язык состояний оформлен в двух нечётко противопоставляемых друг другу типах:

- А. Описание социальных, природных и т.п. состояний;
- В. Описание социально-когнитивных и природно-когнитивных состояний, т.е. описание природных или социальных состояний с позиций и по критериям человеческого опыта: по количественным, качественным критериям.

Нечёткость противопоставления данных непосредственного опыта взаимодействия субъекта и внешней среды отражается в рядах предикативов, объединяемых в одну лексико-семантическую группу, но представляющих собой результат различной концептуализации опыта: *солнечно* (непосредственное переживание) – *пасмурно* (результат обобщения нескольких временных срезов) – *дождливо* (состояние как количественная оценка опыта) и далее к языку состояний-оценок типа *У них // гадко, противно, хорошо* и т.д.

Социальный опыт представляет собой с языковой точки зрения переходную группу (от переживания опыта к наблюдению внешних атрибутов конструируемых состояний): это опыт «своего» как части «чужого».

В этом отношении наиболее характерны конструкции со стативами.

Г.А. Золотова и коллеги вводят противопоставление «статив/ результатив» на основе критерия наличия/ отсутствия перцептивного компонента в семантике предиката (Вхожу и вижу: вещи *разбросаны...* / Режиссёр попросил изменить декорацию. Быстро были *открыты* окна...) [1, с. 334].

Однако логика концептуализации состояний имеет и более экзотические варианты языковой реализации соотношения индивидуального и социального опыта. Среда народных говоров является примером характерного «дуализма» внешних и внутренних состояний: события моделируются так, что параметры среды не являются первичными для психической реальности, а в ряде случаев внутренние переживания являются основаниями для описания состояний внешней среды.

Ср. характерные примеры интериоризации состояний в поэтическом тексте: Мне бермудорно на сердце // И бермудно на душе (В. Высоцкий. Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное — невероятное» из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи (1977)).

Ср. пример из «Словаря русских народных говоров»: *Томно* 1. Скучно. Карач. Брян., 1950. 2. Жарко, душно, утомительно. Без дождя томно. Калуж., 1910. Томно, давай дверину откроем, а то сомлеешь. Пск., 1961. Чего-то в избы томно. Открывайте дверь аль окно, так томно. Новг. Влад., Ряз., Брян., р. Урал. Томно. Больно добре там [в цеху] *томно*, жарко.

Таким образом, описанные особенности языковой концептуализации состояний обуславливают возможность трактовки отношений индивидуального и социального опыта в языке как области взаимообусловленного и взаимонаправленного влияния.

Список литературы

1. Золотова Г.А. Онипенко И.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М., 1998.

2. Кустова Г.И. Предикативы ощущения и предикативы интерпретации: семантические и синтаксические процессы // Критика и семиотика, 2022, №1. С. 110-123.

3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-52. М., Л., 1965-...

4. Циммерлинг А.В. Не верь глазам своим: русские предикативы и апелляция к очевидному // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. Калуга, 2023. С. 377-382.

Н.М. Усенко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

(Россия, Ростов-на-Дону)

saleks1966@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСЕМА КАК ПРОПОЗИЦИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Представляется, что термин *пропозиция* может быть применен и к тем языковым фактам, которые выбраны в качестве предмета анализа в данной статье, – к окказиональным девербативам и окказиональным единицам, созданным на основе глагольного словосочетания. Пропозиция может быть рассмотрена с точки зрения «смыслообразующей функции, как один из генераторов этнокультурных смыслов», «определяется как семантическая структура речевого знака, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит ведущая роль». И далее: «пропозитивная структура – это картинка определенным образом соположенных “предметов мысли” и “предметных ситуаций”, отражающих фрагмент реальной или психологической картины мира в виде конфигураций семантических компонентов» [4, с. 52]. Окказиональные девербативы могут быть проанализированы в динамике реализации и отражения в них важнейших социокультурных параметров. Вообще девербативы, с одной стороны, могут быть признаком нежелательного канцелярита (из-за чего им зачастую предпочитают заимствованные инговые формы, которые более корректно репрезентируют процессную континуальность). А с другой стороны, они представляют собой отражение социокультурных обстоятельств и средство передачи авторского мировидения. Именно в таком качестве остались в языке введенные М.Е. Салтыковым-Щедриным *пенкоснимательство*, *пенкосниматель* или *образованищина*, *образованцы* у А.И. Солженицына. В рассматриваемых образованиях соединяются модус, передающий отношение говорящего к содержанию номинации, и диктум, обозначающий событийную рамку. Как семантический формат высказывания пропозиция связана с образными и оценочными компонентами. Ср.: *Вы общаетесь с нашими, так сказать, «убежанцами» – теми, кто уехал из России и теперь льет на нас ушаты грязи?* (Интервью с пранкерами Вованом и Лексусом // Комсомольская правда, 20 сентября 2023 г. С. 5).

С учетом социокультурного контекста, девербатив уже включает в себя те смыслы, которые автор этого текста считает нужным эксплицировать – *уехал из России и теперь льет на нас ушаты грязи*. Ср. также: Юрий Поляков: *Под симулированный патриотизм никто не встанет. Тихим пацифистом сегодня быть выгодно – ни с кем не ссорисься, никуда не лезешь. Такие, знаете ли, выжиданцы... Во всяком случае, рядом с отчаявшимися патриотами появились и отчаянные патриоты, готовые возродить благородное дело. Даже если те же выжиданцы, засевшие в кабинетах и комиссиях по грантам, ставят им рогатки и препоны*. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27482.5/4738913/>

Убежанцы и *выжиданцы* – окказиональные девербативы, которые в своем диктумном и модусном значениях (в социокультурном контексте СВО) вполне вняты даже без комментариев. Есть девербативы еще более емкие по семантическому и прагматическому содержанию. Когда известный политолог Д. Евстафьев использовал окказиональное образование *выживальщички*, он имел ввиду всю систему умонастроений и предпочтений современного социума: *Мы, случайно выжившие в 90-е осколки СССР, наедающиеся обыватели нулевых, переживший городской средний класс 2010-х, а теперь предпенсионеры 2020-х, должны подарить нашим детям мечту. <...> А для этого надо слегка измениться самим. И вспомнить, что мы не выживальщички, а потомки первопроходцев и космонавтов, не смотрители музея «славного прошлого», а люди, способные на великие подвиги, и не только в бою* (Д. Евстафьев «Все решается, а счастья нет» // Литературная газета, 2021, № 27. С. 3). Мотивирующее слово вполне нейтрально, более того – выживать, выжить в экстремальных условиях представляется делом вполне достойным: иное дело, если «выжить» – это вообще смысл существования в целом, и *выживальщички* – это, конечно, яркий пейоратив.

Среди окказиональных девербативов преобладают пейоративы, что закономерно. Авторы трудов по лакунологии давно заметили, что элиминированные лакуны, даже на грамматическом уровне, это по преимуществу пейоративы, они в той или иной мере передают неодобрение, критическое отношение, иронию, порицание и даже негодование, сарказм или презрение [1]. Думаем, что рассмотренный материал опровергает растиражированное мнение о том, что русский язык утратил то богатство, которое зафиксировано у В.И. Даля, а новых слов на базе своих корней не производит и питается только английским материалом (о чем многократно заявлял М.Н. Эпштейн; см., например: [5], что русский язык «мертв и держится только за счет инъекций из английского» [2], не соответствует действительности. Рассмотренные коннотативные девербативы выступают отражением аксиосферы медиадискурса, это креативные пропозиции, которые значимы как языковое воплощение социальных и политических обстоятельств, национального менталитета, психологии и культуры.

Список литературы

1. Акай О.М., Куликова Э.Г. Пейоративность как функция элиминированных лакун // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. 2021. № 3. С. 154-164.
2. Артемьев М.А. Великий и немощный. Почему русский язык уже не спасти // Московский комсомолец, 16 декабря 2020 г. С. 4.
3. Красникова И.Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 153 с.
4. Седых А.П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Научные ведомости. 2008. № 15 (55). С. 51-56.
5. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

Н.А. Чекмаева
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
chekmaevana@mgpu.ru

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ГОВОРЯЩИМ ОБРАЗА ДРУГОГО В АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКЦИЙ В.М. АЛПАТОВА, М.А. КРОНГАУЗА, Т.В. ЧЕРНИГОВСКОЙ)

Образ Другого, формируемый говорящим в академическом пространстве, вызывает интерес по ряду причин. Во-первых, Другой является обязательным участником любого дискурса, так как институциональность, как универсальная категория дискурса, означает зависимость семиотической деятельности не от намерений конкретного индивида, а от коллективного опыта «говорения и понимания» [4]. Во-вторых, задача ученого сводится к объяснению собственного вклада в форме диалога с научным сообществом [9; 11]. Его деятельность, таким образом, ориентирована одновременно на себя и на Другого, что включает в круг рассмотрения проблему субъектности с точки зрения самодетерминации личности через межсубъектное взаимодействие (см., например, [3]). В-третьих, роли Другого разнообразны, им могут быть: а) представитель(и) научного сообщества, другое время, эпоха; б) сам говорящий.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена следующими факторами: недостаточной изученностью специфики конституирования говорящим образа Другого в устном русскоязычном публичном дискурсе; необходимостью систематизации языковых средств, реконструирующих Другого в речи говорящего.

Ученый, читающий публичную лекцию, для необязательно подготовленной аудитории вступает в диалог в качестве языковой личности, относящейся к информационно-медийному типу. Диалог с аудиторией, который он инициирует,

по форме представляет скорее диалог с самим собой, хотя он и стремится создать интерактивную дискуссию, в основе которой интерес слушающего к теме или личности выступающего [Там же].

Другой, в свою очередь, не равен адресату (под которым понимается получатель информации) и наделен статусом участника, присутствующим в дискурсе, но не участвующим в нем. Другой получает эксплицитное или имплицитное выражение. Рассмотрим некоторые средства, позволяющие реконструировать данную фигуру, на примере публичных лекций В.М. Алпатовой, М.А. Кронгауза, Т.В. Черниговской.

Эксплицитный Другой реконструируется:

- в форме прямой речи: *Эйнштейн говорил: «Интуиция – священный дар. Разум – покорный слуга». Какая его идея? Воображение сильнее знания, потому что знание ограничено* [10];

- в форме цитаты: *«Новояз – это, конечно, не конкретные слова, а некий уродливый язык, задача которого – ограничить мысль и довести ее до речекряка». Вот здесь замечательное слово «речекряк» представлено, а сказал это Виктор Гольшев, замечательный переводчик с английского, в интервью газете Коммерсантъ* [6];

- в форме конструкции с существительным + глагол: *Сегодня лингвисты решают гораздо более скромную задачу. Они говорят о возможном влиянии языка на некоторые когнитивные способности* [5].

В роли имплицитного Другого может выступать, согласно исследованию [7]:

- субъект неопределенно-личного предложения, являющийся членом некоторого множества участников события, в которое не включен говорящий: *Роль русского языка значительно усилилась, поэтому на заседании политбюро обсуждали вопрос о латинизации русского языка, докладывал Сталин, и всякие попытки латинизации русского языка были запрещены* [1];

- семантический субъект безличного предложения с формантом -ся: *Нормой для женщины считалось молчание. Считалось, что женщины должны быть видны, но не слышны* [2].

Особой формой проявления Другого выступает автокоммуникация, когда говорящий контролирует собственное речевое действие, занимая позицию имплицитного собеседника (alter ego говорящего) (об автокоммуникации см. [8, с. 9]): *Ну, простое подтверждение этому – это придумывание искусственных языков, из которых мало, малое количество прижилось, собственно, можно так говорить, по-видимому, только об одном, о языке эсперанто* [6].

Таким образом, специфика конституирования говорящим образа Другого в академическом пространстве позволяет рассматривать проявление такого интегративного качества языковой личности как субъектность, обнаруживаемую в стремлении и способности субъекта высказывания принимать и понимать Другого в рамках профессиональной просветительской деятельности, целью которой является, с одной стороны, самореализация и солидаризация с научным

сообществом, и, с другой стороны, внесение изменений в представления адресата об окружающем мире.

Список литературы

1. Алпатов В.М. (а) Алфавитная деятельность в СССР. 2017. URL: <https://youtu.be/PN4vHoexGH8> (дата обращения 21.09.2023).
2. Алпатов В.М. (b) Как говорят мужчины и женщины. 2017. URL: <https://youtu.be/xJQG4paW960> (дата обращения 21.09.2023).
3. Викулова Л.Г., Кулагина О.А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 33–42.
4. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. Белгород : Белгородский гос. ун-т, 2008. 243 с.
5. Кронгауз М.А. Гипотеза лингвистической относительности. 2013. URL: https://youtu.be/QM_GUJtX0PE (дата обращения 21.09.2023).
6. Кронгауз М.А. Краткая история новояза. 2014. URL: <https://youtu.be/16oF9nkuExk> (дата обращения 21.09.2023).
7. Сулейманова О.А., Чернова В.Е. Информационно-медийная языковая личность в академическом пространстве // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. № 1. Т. 17. С. 165–171.
8. Успенский Б.А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М. : Российский гос. гуманитарный ун-т. 2012. 339 с.
9. Фомина М.А. Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М. : Ленанд. 2018. С. 199–210.
10. Черниговская Т.В. Человек в цифровую эпоху: как учить. 2019. URL: <https://youtu.be/Szcw7RRkemw> (дата обращения 21.09.2023).
11. White P.R.R. Beyond modality: A dialogic view of the language in intersubjective stance // Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 2003. № 23(2). PP. 259-284.

Н.Г. Шаповалова
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
shapovalovang@yandex.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ КЛЮЧИ К ЗАГАДКЕ ЛИЧНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО
САДИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ ВИКТОРА МОХОВА)**

Причинение страданий или унижения сексуальному партнёру (в том числе принуждение к сексу), приносящее половое удовлетворение, определяют как сексуальный садизм. Исследование интервью освобождённого из колонии Виктора Мохова, осуждённого за похищение и удержание в плену двух девушек, позволяет описать языковую личность разоблачённого сексуального садиста и выявить ее типические черты.

При анализе высказываний Мохова обращают на себя эвфемистичные метафоры (ср.: *Ну, **оступился** немножко. С кем не бывает?*), которые зачастую ставят его на место жертв (ср.: *Убить я их не мог. Отпустить тоже боялся. Получается: **заложником** оказался. И они страдали. И я страдал тоже...*).

О своих преступлениях Мохов говорит, используя дисфемизмы (ср.: Виктор Мохов: *Мы вместе мылись.* / Ксения Собчак: *Вместе?* / Виктор Мохов: *Конечно!* / Ксения Собчак: *Вы ее одну не оставляли?* / Виктор Мохов: ***Я ей спинку тёр***). Их можно рассматривать как элемент флирта, который в речи адресанта реализуется в каламбурах, скрытый смысловой план которых напрямую связан со сферой телесного низа (по М.М. Бахтину) (ср.: Ксения Собчак: *Мы обсуждаем ваши сексуальные **подвиги**. Вы тут в **иллюзии** живёте, что три раза за ночь – это нормально.* / Виктор Мохов: *Там, в зоне, одни мужики. Глаза уже на них не смотрят. А как женщину увидишь, так прям... настроение **подымается**...*).

Частотное использование языковой игры позволяет Мохову обойти языковые табу, удовлетворив агрессивность, и реализовать подавляемое влечение к обценному. Так, лексический каламбур, основанный на столкновении различных лексико-семантических вариантов глагола «заняться» (ср.: *Катя там жила. Она не рожала. А Лена рожала. А щас наоборот получилось. Катя родила, а Лена – нет. От меня родила, а больше не рождает. Ну, это я не знаю. Наверно, надо опять мне **заняться** ею*), позволяет ему одновременно сказать сальность и намекнуть бывшим пленницам, что он готов появиться в жизни вновь.

Обратим внимание, что смысловой ряд, связанный с похотью и насилием, возникает в речи Мохова каждый раз, когда он стремится выступить в коммуникативной роли заботливого партнёра (ср.: *У **девочек** сейчас все хорошо. Меня это радует. У них все наладилось; Так они обе замужем, **девочки**. Я всегда их успехам радовался*). Характерно, что, говоря о жертвах и детях, отданных на усыновление, он использует диминутивы (ср.: *Я с зоны писал в опеку: «Где мои **мальчики**?!»*, – но мне ответили: «Тайна усыновления», – ой, столько вранья в моем деле... *Напридумывали, что я **девочек** хотел залить бетоном, неправда!*). Таким образом насильник пытается показать, что жертвы для него не взрослые женщины, а дети, которых он не удерживал силой, а опекал.

Маркером иллюкативного самоубийства здесь становятся просторечные экспрессивы сферы телесного низа, которые делят контекст с диминутивами (ср.: *Напридумывали, что я **девочек** хотел залить бетоном, неправда! Если бы их не освободили, они и по сей день бы у меня жили, я бы их **чпокал**...*). Их употребление показывает, что в случае с Моховым коммуникативная роль заботливого родителя,

как и полагается роли, «является своеобразной маской, помогающей человеку спрятать свою индивидуальность» [1, с. 48].

«Подлинная» же языковая личность склонна к смакованию подробностей фрейма «насилие», в том числе посредством намеренного огрубления речи экспрессивами, относящимися к сфере телесного низа (ср.: *Че-то Лена говорит: «Давай вот тоже эту трахни, Лену вторую». Я говорю: «Ну, давай, попробую». Ну, та никак не соглашается. Ну, Лена накинулась и давай душит ее. Вот я в это время трусы с нее снимал. Потом слышу, Лена там хрипит. Я говорю: «Ты че делаешь? Ее надо трахать, а ты ее душишь»*).

Таким образом, для коммуникативного поведения сексуального садиста характерны единицы, смягчающие содержание сказанного. Их перлокутивный эффект снижают просторечные экспрессивы и языковая игра, которые связаны со сферой телесного низа и реализуют влечения психики садизма даже в пространстве медиадискурса.

Список литературы

1. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.

*Д.К. Шапошникова
Саратовский национальный исследовательский
университет имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
shoonka@mail.ru*

ВРЕМЕННАЯ И ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ С 2000-Х ПО 2020-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ)

Настоящее исследование посвящено изучению временной динамики (сопоставляются ассоциативные поля 2000-х и 2020-х гг.) и возрастной динамики языкового сознания (сопоставляются реакции носители языка 8-11 лет и 17-25 лет). Материалом работы являются результаты ассоциативных экспериментов 2000-х годов (эксперимент Е.В. Старостиной со взрослыми испытуемыми [3] и данные Ассоциативного словаря Саратовских школьников [1]) и 2020-х годов (результаты нашего ассоциативного эксперимента, проведенного со взрослыми и школьниками в 2023 году). Исследуемое слово-стимул «деньги» – это лексическая единица, которая может отразить специфику языкового сознания в каждый из временных периодов, а также для каждой изучаемой возрастной группы.

Проведя сопоставительный анализ полей методом вычисления степени наложения реакций [2], мы выявили, что только ассоциативные поля взрослых испытуемых с 2000-х по 2020-е годы остаются более-менее стабильными, хотя

показатель степени наложения 39,25% и приближается к максимальному. Остальные исследованные пары ассоциативных полей уже не так стабильны и попадают в группу «максимально различных полей». Например, процент совпадения полей АСШС и АЭ 2023 (дети) составляет всего 26,1%, полей АЭ 2000 и АСШС – 28,51%, полей АЭ 2023 (взрослые) и АЭ 2023 (дети) – 26,12%.

Таким образом, нельзя сделать однозначные выводы о том, что сильнее влияет на изменчивость языкового сознания: эпоха или возраст. Возрастная разница испытуемых в 20-30 лет и временной диапазон в 20 лет существенно влияют на характер реакций поля. И в первом, и во втором случае поля отличаются друг от друга, это связано с определёнными изменениями, произошедшими с 2000-х годов в политической жизни страны (сотрудничество со странами Европы и Америки (ср. высокая частота реакций *доллар*, *евро*), в экономике (цифровизация денег (ср. появление в реакциях 2020-х гг. ассоциаций *карта*, *банковская карта*), в культуре (популяризация идей «деньги – это инструмент», «деньги – это возможность», замещающих советскую установку «деньги – это зло») и других сферах.

Второй этап нашей работы – это сравнительный анализ «главных реакций» (т. е. реакций первых десяти рангов) всех полей «деньги». Мы отметили, во-первых, устойчивую связь денег с *богатством* (АСШС – 1,34%, АЭ 2000 – 3,07%, АЭ 2023 (дети) – 8,62%, АЭ 2023 (взрослые) – 2,5%), во-вторых, связь денег с *покупками* (АСШС – 2,35%, АЭ 2000 – 3,89%, АЭ 2023 (дети) – 4,92%, АЭ 2023 (взрослые) – 1,5%). В-третьих, все испытуемые указывают на *работу* как на основной источник получения денег (АСШС – *зарплата* 2,35%, АЭ 2000 – *работа* 3,48%, АЭ 2023 (дети) – *работа* 2,15%, АЭ 2023 (взрослые) – *работа* 2%). В-четвертых, во всех полях представлена ассоциация «*доллар*», что говорит о ее устойчивости в языковом сознании испытуемых разных эпох и возрастов (АСШС – 6,71%, АЭ 2000 – 2,05%, АЭ 2023 (дети) – 1,23%, АЭ 2023 (взрослые) – 3,5%).

В исследованных группах имеются, однако, и определенные различия. Например, главное отличие детей от взрослых 2000-х гг. заключается в том, что вместо реакций типа «*зарабатывать*», «*доход*» они дают реакцию «*считать*» 4,03%. У взрослых гораздо более частотны реакции «*власть*» 3,48%, «*работа*» 3,48%, отражающие более осознанное отношение к деньгам. У детей 2020-х гг., однако, есть реакции, отражающие специфику их возрастной группы, ведь дети любят играть (*машина* 2,77%, *игрушки* 1,54%), они не зарабатывают деньги сами, они их в основном копят или тратят (*копить/накопить* 1,85%, *трата* 1,53%, *тратить* 1,54%). На данный момент дети гораздо активнее взрослых пользуются интернетом и социальными сетями (появляется реакция *донат* 1,22%).

Что касается временной динамики, то как в 2000-х, так и в 2020-х взрослые испытуемые оценивают деньги отрицательно: как *зло* (АЭ 2000 – 2,87%, АЭ 2020 – 3,5%), *бумажки* (2000 – 2,05%, 2020 – 2%). У детей за 20 лет отрицательная оценка денег меняется на положительную (*счастье* 2,15%, *жизнь* 1,54%, *радость* 1,22%). Реакция *рубли* уходит из ядра языкового сознания испытуемых 2020-х гг.

Кроме того, у респондентов детского и взрослого возраста 2020-х годов уже нет такой устойчивой связи между деньгами и *кошельком*, как это было в 2000-х.

Таким образом, проведенная работа показала, что реакции на стимул «деньги» достаточно активно меняются, на это влияет как возраст испытуемых, так и та эпоха, в которую они живут.

Список литературы

1. АСШС – Гольдин В.Е. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов: в 2 т. Т1. От стимула к реакции. Ч.1. А-Н / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2011. – 480 с.

2. Григорьев А.А., Кленская, М.С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей / А.А. Григорьев, М.С. Кленская // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 313-318.

3. Старостина Е.В. Исследование динамики ассоциативного мышления носителей русского языка // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 119-124.

Секция №2 (ауд. 316)
БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ РИСКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА

Л.А. Ахмыловская
Российская академия естествознания
(Россия, Владивосток)
lanaveva@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

На примере образовательного проекта 2023 г. в статье представлен авторский подход к обучению иностранному языку в вузе искусств. *Цель исследования состоит в рассмотрении лингводидактических возможностей формирования исследовательского пространства в новых образовательных реалиях. В задачи работы входит апробация профессионально-ориентированных англоязычных академических текстов в процессе подготовки вокалистов.*

Материал проекта – музыковедческие статьи, посвящённые народным истокам и аналогам городского романса в разных культурах. Их авторы: Карлос А.П. Мачадо (Carlos A. P. Machado), Ана Мария Соарес (Ana Maria Soares), Статис Гонтлетт (Stathis Gauntlett), Фаустино Нуньес (Faustino Núñez), Анна Добаи (Anna Dobai), Ник Хопкинс (Nick Hopkins), Розали К. Мейер (Rosalee K. Meyer), Кэролайн Палмер (Caroline Palmer), Маргарита Мазо (Margarita Mazo), Бригитта Давидьянц (Brigitta Davidjants).

Предлагаемые творческие задания связаны с португальским жанром фаду, греческим рембетико, испанским фламенко, русским, ирландским и армянским плачем, цыганской таборной песней, корейской хянга, их историей и примерами эстрадного исполнения. Ведущий *метод* исследования – метод включённого наблюдения – позволяет заключить, что изучение академической литературы на иностранном языке в индивидуальном творческом проекте повышает уровень общей и профессиональной культуры студента музыкального факультета; способствует развитию навыков анализа информации по интересующим его теоретическим и практическим вопросам, связанным с личной исполнительской программой. *Научная новизна* работы состоит в выделении исследовательского подхода к изучению иностранного языка как приоритетного оптимизирующего условия профессиональной подготовки. *Практическая значимость* исследования заключается в применении академических материалов, актуальных в процессе подготовки начинающих вокалистов к концертно-исполнительской деятельности.

История презентаций произведений мировой художественной культуры остаётся актуальным *объектом* исследования в контексте профессиональной подготовки в творческом вузе. Методика организации индивидуального

образовательного проекта в курсе дисциплины «Иностранный язык» опирается на опыт мультилингвальной коммуникации в контексте международных фестивалей, музыкальных, оперных и театральных мастер-классов [1, с. 231]. *Предметом* исследования является процесс воспроизведения моделей профессионального творческого проекта в новых образовательных реалиях.

Обращаясь в курсе иностранного языка к истории музыкальных жанров, актуальных для эстрадных вокалистов, важно учитывать психолого-педагогические особенности обучения иностранному языку [3], современные индивидуально-ориентированные педагогические технологии вокальной школы [5] и её традиции, описанные в работах Е.М. Авербаха, В.С. Девятова, Н.А. Егоровой, Г.С. Козаровой, С.С. Куко, А.А. Лопатина, Н.П. Петровой, А.А. Шереля. Индивидуальное занятие, как форма обучения дисциплине «Эстрадный вокал», предопределяет *методику* индивидуального проекта как соответствующий способ организации курса дисциплины «Иностранный язык». Возможность личного выбора темы проекта повышает мотивацию студентов к обучению [4, с. 93]; анализ искусствоведческой информации в ходе выполнения творческих заданий и лексико-грамматических упражнений поощряет их к применению техники активного воображения; они видят необходимость изучения иностранного языка, прежде всего, в связи с его использованием в профессиональных целях [2, с.76]. Исследовательский подход к обучению позволяет студентам получать и передавать в монологической и диалогической речи на иностранном языке информацию о традиционных вокальных жанрах как о мировоззренческом и социокультурном явлении. Проект, посвященный народным истокам и аналогам городского романса в разных культурах, является продолжением исследования, представленного нами в публикациях 2001–23 гг. Если жизненный цикл профессионального проекта составляет один-два года, то воспроизведение его моделей в образовательном проекте реализуется в течение одного семестра (16 недель) [1, с.191-196]. Чтению материалов о том или ином жанре отведена одна учебная неделя; план каждого из четырёх этапов профессионального проекта (подготовительный, аналитический, постановочный (реализации), постпостановочный) сжат до главной задачи: поиск материала и формирование концепции; анализ избранного текста на русском, родном и изучаемом языках; подготовка к презентации; презентация. Выполнение творческих заданий в процессе подготовки еженедельных презентаций способствует расширению терминологического словаря, развивает навыки аннотирования и реферирования, учит составлять библиографический список.

Изучение академической литературы на иностранном языке по профессионально-ориентированной, лично-значимой теме оптимизирует образовательный процесс, развивает критическое мышление студента; повышает уровень его общей, иноязычной и исследовательской культуры.

Список литературы

1. Ахмыловская, Л.А. Формирование переводческой партитуры пьесы в кросскультурном проекте: монография / Л.А. Ахмыловская. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. – 234 с.
2. Касаткина Н.Н., Титова Л.А. Индивидуализация обучения иностранному языку на основе построения языкового профиля обучающегося // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 76–82.
3. Петрова Н.П. Реализация метода проектов в подготовке педагога. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2015. 195 с.
4. Тюрина С.Ю., Староверова Е.Б. Иностранный язык для научных целей магистрантов технического вуза // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 19–20 мая 2023 г., [Электронный ресурс]. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2023. – 363 с.С.93-96.
5. Good P.U. In search of culturally sustaining music pedagogy: adolescent music students' perceptions of singing and music teaching. NYC: Columbia University. 2018. 199 p.

Л.Л. Банкова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
BankovaLL@mgpu.ru

АРАБСКИЕ И РИМСКИЕ ЦИФРЫ В ПОДНЕБЕСНОЙ, ИЛИ О СЕКРЕТЕ ВЫЖИВАНИЯ КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ИЕРОГЛИФОВ-ЦИФР

Самобытность китайской культуры в условиях глобалистических тенденций выражается, помимо прочего, и в плане использования арабских (на самом деле индийских) и римских цифр, которым не удалось вытеснить традиционные китайские комплекты иероглифов-цифр.

Прежде всего, следует обозначить то обстоятельство, что данные комплекты цифр вошли в обиход Поднебесной гораздо позже, чем на Западе – в начале XX века [2, с. 251-252], то есть в начале современного периода развития китайского языка [3]. Часто данный факт объясняется изолированностью и закрытостью Китая от внешнего мира. Однако это неверно, и достаточно вспомнить о том, как успешно ассимилировалось буддийское учение в этом государстве ввиду постоянных контактов Китая и Индии, которых невозможно избежать ввиду географических факторов, несмотря на какую-либо изолированность.

Всего было три волны проникновения в Китай данных цифр, прежде всего, арабских. Лишь последняя оказалась успешной, чему способствовали экстралингвистические обстоятельства, заключавшиеся в расширении торгово-

экономических контактов Китая, повлекших за собой реформы письменности (запись текста сменила направление на западный манер по принципу «слева-направо» и в строчку, а не в столбик). Также одной из причин успешной «пересадки» анализируемых комплектов цифр в китайскую семиотическую систему нам видится политическое ослабление Китая перед лицом западных стран.

Проникнув в Поднебесную, арабские и римские комплекты цифр не получили той монополии на использование, которой они обладают в западных культурах. Причина проста: в Китае для записи чисел имеются свои исконные иероглифы-цифры: комплекты обычных, формальных, сучжоуских цифр, а также циклические символы Небесные стволы и Земные ветви. В отличие от западных культур, где цифра и числительное представляют собой разные аспекты как математический и языковой знаки, китайские иероглифы-цифры совмещают в себе природу и языкового, и математического знака, что делает их использование вполне удобным. Помимо этого, обычные иероглифы-цифры просты в записи, их графический облик несложен. В тех случаях, когда необходимо продублировать цифровую запись буквенной в финансово-юридической сферах во избежание фальсификаций, в Китае используются графически усложненные формальные цифры. Их иногда называют традиционными в противопоставлении к обычным, что неверно, поскольку формальные иероглифы-цифры появились XIV в., когда уже существующие иероглифы было решено использовать конвенциональным путем, добавив к их уже имеющимся значениям отдельно значения соответствующих числительных. Таким образом, исконно китайские способы записи чисел были весьма удобны, что не позволило им исчезнуть.

Что касается римских цифр, как правило, используемых для записи летоисчисления, то им также не удалось вытеснить из обихода исконные средства обозначения дат и порядковости – традиционные китайские символы Небесные стволы и Земные ветви [1, с. 64-65] по уже вышеупомянутым причинам.

Представляется неверным утверждать, что арабские и римские цифры не прижились на китайской почве: сказанное выше объясняет, почему данные комплекты цифр не вытеснили исконные китайские. Напротив, войдя в китайскую семиотическую систему, арабские (в большей степени) и римские (в меньшей степени) цифры активно функционируют в ней наравне с традиционными. Данный процесс не стихийен, он происходит в рамках государственного стандарта, который определяет малейшие нюансы их сочетания и распределения функций.

Список литературы

1. Банкова Л.Л. Порядковые числительные в китайском языке / Л. Л. Банкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 6. – С. 61-68. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2019.6.61. – EDN XPVASO.

2. Банкова Л.Л. Арабские и римские цифры как часть китайской

семиотической системы / Л. Л. Банкова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162, № 5. – С. 249-260. – DOI 10.26907/2541-7738.2020.5.249-260. – EDN KDJNFU.

3. Bankova L.L. Diachronical Research of the Chinese Numerals: the Problem of Periodization / L. L. Bankova // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities : сборник статей XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Москва, 27 марта 2020 года / Российский университет дружбы народов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – Р. 10-18. – DOI 10.22363/09835-2020-10-18. – EDN NOWOHF.

К.О. Басанин
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
bosik96@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИКТ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИЯ

Переход к информационному обществу предполагает наличие новой инфраструктуры – инфосферы. Этот этап развития подразумевает изменение образовательных приоритетов, а именно переход от последовательного представления информации к сетевому. Особое внимание уделяется использованию информационно-коммуникационных технологий для улучшения эффективности учебного процесса. На первый план выходит способность извлекать знания из информационных источников с помощью специализированных инструментов. Также важным становится получение знаний в результате самостоятельной работы, а не как готовых для усвоения данных. В связи с этим развивается методика электронного обучения, e-learning, но психолого-педагогические аспекты и требования к созданию электронных учебных материалов еще не полностью разработаны [Иванова 2008, с.93].

На сегодняшний день актуальной задачей методического обеспечения системы образования является не только внедрение в образовательный процесс новых ИКТ технологий, но и обеспечение эффективной реализации уже известных и работающих. Рассматривая то, как различные ИКТ средства влияют на эффективность той или иной методики, мы частично выходим за рамки этой научной специальности и фокусируемся на психологических эффектах.

Человек всегда ставит цель своей деятельности, а затем планирует задачи и средства для ее достижения. Однако удовлетворённость от достижения цели может быть разной, в зависимости от того каким образом, и насколько самостоятельно она была достигнута.

Обратимся к концепции, разработанная американским учёным Джоном Адамсом – теории справедливости Адамса. Это система взглядов на справедливость в организации и на рабочем месте. Она была разработана

Лоуренсом Дж. Питером и Стивенем Дж. Лоу в 1970-х годах и названа в честь своего основного сторонника, Джеймса Т. Адамса. Эта теория основывается на утверждении, что люди субъективно оценивают соотношение между затраченными усилиями и полученным вознаграждением и сравнивают это соотношение с показателями других людей, выполнявших такую же работу

Основные принципы теории справедливости Адамса включают:

Равное обращение: Все сотрудники должны получать равное обращение, независимо от их личных характеристик, таких как пол, возраст, раса, национальность и т.д.

Справедливая оценка: Сотрудники должны получать справедливое вознаграждение за свою работу, которое отражает их вклад и уровень квалификации.

Прозрачность: Организация должна быть открытой и прозрачной в своих процессах и решениях, чтобы сотрудники могли понимать, как они оцениваются и вознаграждаются.

Участие: Сотрудники должны иметь возможность участвовать в принятии решений, которые влияют на их работу и рабочую среду.

Обучение и развитие: Организация должна предоставлять возможности для обучения и профессионального развития своих сотрудников, чтобы они росли и развивались в своей карьере [Корчагина, Прокофьева 2022, с.7].

Перенесём положения данной теории на ситуацию использования ИКТ в обучении ИЯ. В качестве примера возьмём студента любого вуза, который поставил цель улучшить свой уровень владения ИЯ и спрогнозируем возможные варианты развития событий.

1. Студент учится самостоятельно, прикладывает всевозможные усилия для овладения иностранным языком. Иногда использует ИКТ для помощи в учёбе (например, онлайн словари). В результате, такой студент не только овладевает языком в полной мере, но и получает дополнительную удовлетворённость, поскольку он сделал это своими силами.

2. Студент учится самостоятельно, но так как он не нацелен на овладение языком, а на быстрое и простое решение задач, он часто обращается к ИКТ. В результате он не сможет овладеть языком в той мере, в которой это сделает более самостоятельный студент, и таким образом его удовлетворённость будет не такой полной.

3. Студент не учится самостоятельно, всецело полагаясь на ИКТ. В результате, в лучшем случае уровень его языка остаётся на прежнем уровне или даже ухудшается. Вследствие этого, он получает неудовлетворённость от процесса обучения и полученного диплома, поскольку испытывает обоснованную тревогу по поводу уровня своих знаний.

Таким образом, можно сказать, что ИКТ не является панацеей, а только лишь средством, которое надо правильно и аккуратно использовать.

Список литературы

1. Иванова Л.И. Психологические основы интегрирования ИКТ в практику обучения иностранного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osnovy-integrirvaniya-ikt-v-praktiku-obucheniya-inostrannogo-yazyk> (дата обращения: 21.11.2023).

2. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-voSPIriatie-sotsialnogo-neravenstva-mnenie-naseleniya-o-sotsialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 21.11.2023).

Л.В. Болотова
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
lyudmbolotova@mail.ru

ПРИНЦИПЫ МИРОПОДОБИЯ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТАХ НА САЙТЕ РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.РФ.

Сегодня нет актуальнее задачи, чем становление новой этнической культуры – действенных, объединяющих многих россиян на новом уровне познания реальности, традиций. Новая культура как инструмент изменения содержания индивидуального и общественного сознания должна стать созидательной и животворящей.

Становлению новой культуры российского сообщества на основе принципов мироподобия служат представляемые в данной работе Интернет-проекты. Эти проекты могут быть полезны многим россиянам, так как позволяют думающим людям уйти от фрагментарного видения собственной самости и перейти к пониманию себя и своей значимости в современной целостной картине мира.

Такую картину мира представляет сегодня новая формирующаяся наука – мирология, согласно которой мир в целом – это онтологическая бесконечность, миры – это онтологическая конечность.

Пример математики мироподобных систем, проявляющей конечное, в котором сжата бесконечность, – график «Статистически-детерминированная модель славянских имён-отчеств Л. Болотовой» (далее «СД-модель Л. Болотовой»). «График «СД-модель Л. Болотовой» позволяет по-новому посмотреть на мир как на целое, где можно распознать его составную часть – российскую нацию, а также определить идентичность (топологические характеристики) индивидуумов – её элементов» [1, с. 865].

Человек вписывается в общую канву мироподобия.

«Все описанные выше модели – всевремени и всепространства, всемира и малых миров, обратномироподобных систем и т. д., – все они являются более прикладными фрагментами некоторой новой математической структуры, которую можно было бы связывать со своего рода «математикой сознания (души)» [2, с. 582].

«Математика сознания (души)» – смысловая архитектоника личностей – сегодня становится понятной через новые – «живые» – онтологические числа. Такие числа лежат в основе формализации процессов в Интернет-проектах, представляемых в данной работе.

Человек (его внутренний мир) – это своего рода мир (реальность), такой же сложный, как и другие – большие и малые миры-реальности. Культура современного общества ограничивает знание человека о самом себе в рамках одного windows-окна – осознанной фрагментарности. Выход за пределы этого единственного windows-окна для многих людей сегодня подобен выходу в открытый космос. Поэтому нужен проводник в другие windows-окна. Таким проводником для многих россиян может стать реализованный на сайте РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.рф Интернет-проект «Навигатор», не имеющий аналогов в мире.

Человек – это мир. Город, состоящий из людей, – это тоже мир, более сложный. Проект «Умный город» на сайте РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.рф позволяет исследовать и изучить энергоинформационные структуры российских городов.

Интернет-проекты «Навигатор» и «Умный город» позволяют не только уйти от фрагментарного понимания собственной самости человека и коллективного субъекта (города), но и расширить собственную зону комфорта того и другого за счет осуществления осознанного выбора своего дальнейшего пути следования. Всерьёз становится возможным говорить о навигации к жизни того и другого в будущем. График «СД-модель Л. Болотовой» позволяет говорить о будущем как о новой реальности – мире, имеющем другой набор онтологических чисел. Подробнее об этом в книге автора «Сильный ИИ. От теории к практике», 2023 г.

Итак. Принципы мироподобия, реализованные в Интернет-проектах на сайте РОССИЯ-ЛИДЕРОВ.рф, позволят сделать новую российскую этническую культуру действенным инструментом изменения содержания индивидуального и общественного сознания в направлении животворения реальности будущего времени.

Список литературы

1. Болотова Л.В., Гайдуков В.Н. «СД-модель Л. Болотовой» системный подход к национальной (общенациональной) российской идентичности. // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения. Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения», Москва, 3-6 октября 2019 г. Московский государственный институт культуры, 2019. С. 862–868.

2. Моисеев В.И. Мирология: наука о мироподобных системах. Москва: ЛЕНАНД, 2022, 600 с.

И.И. Валуйцева
Государственный университет просвещения
(Россия, Москва)
irinaiv-v@yandex.ru

ДИНАМИКА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО СДВИГА: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Важнейшей функцией языка является коммуникативная, причем, человек ориентируется, прежде всего, на успешную коммуникацию, рассчитывает на понимание в коммуникативном акте. Составляющими этого понимания является сходная языковая картина мира. Как пишет И.А. Бубнова «в формировании содержания индивидуального образа мира особую роль играет понимание человеком семантики языковых единиц, в которых заключены ценности национальной культуры» [1, с. 157].

Для успешной коммуникации в образовательном процессе, особенно в гуманитарной сфере необходимо сходное понимание преподавателем и обучающимися тех или иных явлений культуры. Нами был проведен опрос студентов-гуманитариев одного из московских вузов, в ходе которого проверялось знание респондентами:

1. слов, обозначающих как некоторые артефакты, относящиеся к традиционной русской культуре, так и названия художественных произведений (опера, балет, рассказы, фильмы, мультфильмы);
2. устойчивых выражений, которые вошли в отечественный культурный фонд из древнегреческих мифов, Библии, художественных произведений русской и мировой литературы.

Всего для опроса было предложено 21 слово и выражения, получено около 600 ответов респондентов.

В целом, можно утверждать, что большинство участников в определенной степени знают художественные произведения и могут правильно обозначить интересующий исследователя объект или явление.

Максимальное количество ии. узнали названия мультфильмов (Тайна третьей планеты – 75% правильных ответов), опер (Кармен, Фигаро – 60%). В тех случаях, когда есть и фильм, и первоисточник (пьеса, рассказ и т.д.), то в ответах приводят и то, и другое почти в равном соотношении. Отмечен достаточный уровень знания древнегреческих мифов, значительно хуже респонденты знакомы с библейскими сюжетами.

Знание историзмов весьма неравномерно. Почти все знают и правильно толкуют слово «коромысло», но совсем не знают слово «дрожки».

У некоторых слов и выражений произошло переосмысление значения, на первый план вышло новое значение, которое появилось относительно недавно. Например, «денди» в половине ответов определяется как «игровая приставка» (вспоминают свое детство), а не как мужчина, следящий за своим внешним видом, манерами, поведением (у всех респондентов английский является первым иностранным языком), «дети солнца» – дети с синдромом Дауна, а не пьеса М. Горького.

Любопытны и некоторые ответы, базирующиеся на случайных созвучиях, например, «Голгофа» - гольф, «денди» - крокодил Данди.

Таким образом, можно согласиться с В.А. Пищальниковой в том, что «неосознаваемость говорящим когнитивной структуры, стоящей за словом, не мешает ему использовать значение слова как средство познания, потому что внешняя форма слова реализует эту структуру в различных формальных сочетательных и ассоциативных связях слов» [2, с. 230].

Список литературы

1. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В.Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. – М., Гнозис, 2017. – 397 с.

2. Пищальникова В.А. история и теория психолингвистики. – М., Р.Валент, –2021. – 488 с.

Т.Е. Владимирова
Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)
yusvlad@rambler.ru

РУССКИЙ ОБРАЗ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Слова и вызвавшие их к жизни архаичные энергийные смыслы сформировали языковой образ мира и бытия, который вобрал в себя отношение к Высшим началам и окружающей реальности. Поэтому раскрытие самобытности русского языкового образа мира предполагает обращение к исторической антропологии и феноменологии, занимающимся изучением «культурного сознания» (Г.Г. Шпет). Какие же «энергийно-смысловые» сущности как начальные феномены предопределили «путеводную нить языка» (А.Ф. Лосева) наших далеких предшественников?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на следующий факт. Развитие языка в первобытную эпоху проходило на фоне стадного образа жизни и визуально-ручного мышления, когда взаимодействие достигалось посредством выкриков и жестикуляции. А поскольку в этот период «язык срощен с интуитивно-практическим познанием мира (до-сознательным ощущением

возможностей), исходным знанием человека» [1, с. 506-507], в архаичном восприятии собственно бытие фактически выступало в функции деятеля.

Вместе с тем возникавшие новые коммуникативные знаки и сигналы развивали мозг и в сознании постепенно складывался образ окружающей реальности, в котором человеку отводилась лишь функция наблюдателя. Долговременное ощущение своей малости и незначительности сформировало мировосприятие, которое получило выражение в языке, ритуалах и развивавшейся на этой основе культуре. Таким образом, в родовом обществе утвердилось пассивно-приспособительное отношение к миру и бытию. А поскольку коллективное бытие было единым для всех, то до появления *Homo sapiens* жизнь протекала по принципу «что будет – то будет» [4, с. 65-67].

Русский язык действительно сохранил целый ряд особенностей, присущих общему прародителю всех индоевропейских языков: мужской, женский и средний род; категорию вида; свободный порядок слов; различие одушевлённых и неодушевлённых существительных; наличие супплетивных форм глагола; присутствие отчества и др. [2, с. 484].

Особое значение для настоящей работы имеет выраженная в языке потребность наших далёких предков быть «вписанным» в окружающий мир. В подтверждение сошлёмся на такую семантико-грамматическую категорию, как безличность, которая передаёт «особый образ действительности посредством особого типа синтаксических единиц – безличных предложений, характеризующихся односоставностью, бесподлежащностью, грамматической бессубъектностью» [3, с. 3]. Более того, рост значимости, востребованности и частотности безличных конструкций, а также расширение границ их употребления отражают, с одной стороны, тенденцию развивающейся синтаксической системы современного русского языка. А с другой – непрерывающуюся связь с сущностными, энергичными смыслами унаследованного архаичного образа мира.

Однако лексико-грамматическая система русского языка и сегодня выражает единение человека с окружающим миром, которое вызывает у носителей чувство «бытийной присутственности в мире» (В.В. Колесов). Здесь мы имеем в виду культурно специфическую категорию безличности, которая передает «особый образ действительности посредством особого типа синтаксических единиц – безличных предложений» [Там же, с. 3].

Вместе с тем безличность изначально присутствовала во всех индоевропейских языках, но по мере их обособления от праязыка приобрела субъектно-предикатную форму с формальным подлежащим. Поэтому теперь ее перевод на аналитические романо-германские языки не является адекватным. Сравните следующие безличные предложения: *Темнеет. Похолодало* с их переводами: *It's getting dark. It's getting colder* (англ.); *Se está haciendo de noche. Se está poniendo frío* (испан.); *Es wird dunkel. Es wird kälter* (немец.); *Il commence à faire sombre. Il fait plus froid* (франц.).

Что же касается безличных конструкций в синтетическом русском языке, то они продолжают активно развиваться. Например: *Дорогу занесло; Ничего не видно; Можно ехать; Тянет домой; С работой не ладится; Наконец повезло; Не хватает времени; Тебе подойдет; Теперь не до гостей; Хоть начинай сначала; Хочется пить; Лучше бы выйти пораньше; Нужно подождать; Как много вспомнилось тогда; В доме прибрано; С работой проблема* и др.

В этом контексте также заметим, что субъект в приведённых фразах не только подчиняется неким обстоятельствам, умаляющим его субъектность, но и фактически уступает им свою функцию деятеля. Более того, рост значимости, востребованности и частотности безличных конструкций, а также расширение границ их употребления отражают, с одной стороны, тенденцию развивающейся синтаксической системы современного русского языка, а с другой – непрерывающуюся связь с сущностными, энергичными смыслами унаследованного архаичного образа мира. И в этом, как представляется, заключаются истоки самобытной ментальности и национального характера русской языковой личности.

Список литературы

1. Биbihин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия, т. 4. М.: Мысль, 2010, с. 506–507.
2. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты. Астрахань: Издат. Дом «Астраханский университет», 2008. 564 с.
3. Петров В.А. Категория безличности в современном русском языке. Автореф. ... докт. дисс. филол. наук. М., 2007. 43 с.
4. Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

*Ю.Д. Гавронова
Смоленский государственный институт искусств
(Россия, Смоленск)
kozadereza2@yandex.ru*

КУЛЬТУРА И ЯЗЫК: РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Культура использования языка – важная характеристика образованного и воспитанного человека. Требования к культуре речи различаются в разных культурах. Представители культур с высоким контекстом демонстрируют менее прямое вербальное и невербальное общение, используют коммуникативные жесты и читают больше смысла в этих менее прямых сообщениях. В

низкоконтекстных культурах для правильного понимания передаваемого сообщения требуется прямая вербальная коммуникация.

Американская культура – низкоконтекстуальная культура: слова не несут скрытого значения. Характеристики американского английского – гиперболы, эмоциональность речи, разговор по существу [3, с. 3]. При общении с женщинами из США не стоит делать им комплименты или целовать руки, иначе это может завершиться обидой или даже судебным иском. Для коммуникации в Великобритании характерны строгие правила общения, значимость титулов, сдержанность, отсутствие вопросов о личной жизни [4, с. 383]. В Германии в общении строгие правила. Основные характеристики: пунктуальность, чёткость и консервативность, общение с партнером исключительно на Вы и по фамилии.

К сожалению, последние два года в СМИ часто пишут о росте русофобии во Франции, в Германии и других странах. Нередко русофобия находит основу на исторических факторах. В связи с напряженной обстановкой в современном мире актуальность правильной передачи смысла сказанного и его интерпретации приобретает особую значимость.

По телевидению мы часто видим, как политики общаются. Активным участником их коммуникации является переводчик, хотя его имя при этом не называет диктор. Нередко бывает так, рядом с государственными деятелями никого нет, и переговоры между представителями разных стран абсолютно противоположных взглядов служат последним средством для достижения договоренностей. Безусловно, такой текст не должен остаться не зафиксированным. Наивно полагать, скажем, президент будет по памяти сам записывать этот разговор. Это обязанности переводчика. И именно записи переводчика лягут в основу официальных документов, не говоря уже об архивном и историческом значении [5, с. 3].

Поэтому переводчик должен быть и специалистом в области межкультурной коммуникации: ему необходимо учитывать социальные нормы и не провоцировать конфликты между культурами.

Вспомним инцидент, произошедший в Сочи в сентябре 2023 года по вине переводчика в процессе переговоров между президентом РФ Владимиром Путиным и главой Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом заключался в том, что переводчик оговорился, будто между Россией и Турцией идёт война, но быстро исправился, сказав про военный конфликт между Россией и Украиной. Путин дал понять, что ничего страшного не произошло [2]. Однако, видеокадры этого момента разлетелись в российском сегменте соцсетей, что вызвало дискуссию среди пользователей социальных сетей о «холодной войне», о «неизбежной войне между двумя странами в будущем», «спланированной акции» и т.д.

Вспомним высказывания Никиты Сергеевича Хрущёва до начала холодной войны. Хрущев любил использовать в своем лексиконе шутки, прибаутки, пословицы. Одно из его любимых выражений «Кузькина мать». Когда он употребил данное выражение на открытии американской национальной выставке в Москве, переводчик, который ему в то время помогал, Юрий Лепанов,

растерялся и перевёл данное выражение как «мать Кузьмы». В итоге американцы не поняли настоящего смысла этого выражения. Когда его постоянный переводчик Виктор Михайлович Суходрев полез в словарь, то обнаружил, что «Кузькина мать» толкуется как грубая угроза. Позже оказалось, что Н.С. Хрущев вкладывал совсем другой смысл в это выражение («Мы Вам покажем то, что Вы никогда не видели») и не угрожал Западу [Как Хрущев].

В настоящее время министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров озадачивает переводчиков «Хватит Западу Ваньку валять и наводить тень на плетень!», «Мы не таможня, чтобы давать добро» и др. Чтобы понимать смысл данных выражений, нужно родиться и вырасти в России и быть знакомым с её реалиями. При этом задача переводчика - не только дать качественный перевод, но и не навредить авторитету нашей страны.

Итак, мы не переводим слова: мы работаем со смыслом текста и осуществляем коммуникацию между культурами.

Список литературы

1. Как Хрущев объяснил своему переводчику, что значит "Кузькина мать". URL: https://dzen.ru/a/Xht77F_VXwCuOEJY (дата обращения: 27.11.2023)
2. Переводчик сказал Путину, что Россия воюет с Турцией <https://info24.ru/news/perevodchik-skazal-putinu-chto-mezhdu-rossiej-i-turciej-vojna.html?ysclid=lodbt908ay566185865> (дата обращения: 27.11.2023)
3. Пospelова О.И. Менталитет и особенности вербальной коммуникации американцев / О. И. Пospelова // Научный вестник МГИИТ. – 2010. – № 5(7). С. 38-41.
4. Слепнева Я.Е. Деловой этикет в разных странах // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, проводимой в рамках III Международного конгресса молодых ученых, Омск, 18 мая – 18 2017 года / Под редакцией В.А. Ковалева, Б.Г. Хаирова. Том Часть II. – Омск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал, 2017. С. 382 – 384 .
5. Суходрев В.М. Язык мой – друг мой : От Хрущева до Горбачева... / Москва: АСТ, 1999. 477 С.

*А.А. Ерибемян
Южный федеральный университет
(Россия, Ростов-на-Дону)
anbzezyan@sfedu.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ТРИГГЕР
«ЯЗЫКА ВРАЖДЫ»**

Актуализация «Языка вражды» в социальных сетях, резкое увеличение количества слов с негативно-оценочной коннотацией в цифровом пространстве («хейтить», «хейтер», «тролль», «троллинг», «абьюзер», «газлайтинг», «токсичный», «хайп» и др.) приводит к возрастанию общего уровня агрессии и определяет актуальность выбранной темы. Другим обстоятельством, обуславливающим ее актуальность является рост этнической напряженности и включение в состав «Языка вражды» все большего количества обозначений внешнего облика с негативной коннотацией, свидетельствующее об эскалации «расистского дискурса» в сфере обыденного общения и межэтнического взаимодействия. Достаточно указать на тот факт, что в результате напряжения в отношениях между Украиной и Россией появились такие обозначения целых народов, как «ватники», «колорады». В поле «языка вражды» давно присутствуют такие обозначения, как «лица кавказской национальности», «азиатского внешнего облика», имеющих оскорбительный потенциал.

Под «Языком вражды» мы вслед за Кузнецовой В.В. и Соколовой Е.Е. [4] понимаем обобщённое обозначение языковых средств выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» – носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или субкультурных ценностей.

Основными глобальными площадками для трансляции «Языка вражды» являются СМИ, а также интернет-пространство, включающее социальные сети. Негативные отношения к представителям этнических и расовых групп (неуважительно, с недоверием, с неприязнью, враждебно) транслируются через этнические прозвища и этнические ярлыки – средства языка вражды. Анализируя данные работы мы заметили, что зачастую этнонимы, этнические прозвища и ярлыки актуализируются элементами внешнего облика, которые можно отнести к расовым и этническим маркерам. К примеру, Е.Ю. Горшунова [2] рассматривает негативные этнические ярлыки и стереотипы в отношении американских индейцев, актуализированные антропологическими характеристиками, такими как цвет кожи, текстура и цвет волос. И.В. Ляшенко [6], приводит примеры прозвищ в американо-американской культуре по ассоциации с цветом кожи и разрезом глаз. А.И. Грищенко рассматривает этнофолизмы, маркирующие «чужих», распространенные как в разговорной речи так и в публичном пространстве: наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией (например: «ЛКН – лицо кавказской национальности», «хачики» [3, с. 203], «азиат» [3, с. 182]), включающие элементы внешнего облика («чёрный», «черномазый», «узкоглазый»). В.Н. Ярская замечает, что на уровне уничижительного дискурса подчеркивается этническое разделение, а этнофолизмы отражают неприязнь к «лицам кавказской национальности» [7]. Авторы подчеркивают, что данные обозначения усиливают дифференциацию «свой»-«чужой» и формируют «Образ врага».

На основании результатов проведенных нами исследований эмоционально-когнитивных образований – «Appearance» стереотипов – в рамках теоретико-эмпирической модели изучения этнолукизма [1;5], было обнаружено, что

«Appearance»-стереотипы отличаются степенью позитивности-негативности, содержанием в зависимости от сочетания вида этнокультурной группы, обозначенной на основе типа внешнего облика, и гендерной дифференциации внутри этих групп. У респондентов наиболее позитивными являются «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика, а менее позитивными – «Appearance»-стереотипы мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика, при этом мужчины с кавказским типом внешнего облика оцениваются более негативно, чем женщины с кавказским типом внешнего облика. Мужчины с кавказским типом внешнего облика воспринимаются как отталкивающие, враждебные, эгоистичные и недовольные. Таким образом, мы можем отметить, что вербальное обозначение «Кавказский тип внешнего облика» в обыденном взаимодействии также присутствует в поле «Языка вражды», является своеобразным ярлыком, имеющим негативный оттенок и «обидное» содержание, особенно если данное обозначение применяется в отношении мужчины («мужчина с кавказским типом внешнего облика»), этнокультурный же тип внешнего облика выступает триггером языка вражды.

Список литературы

1. Безьян А.А. Социально-психологические особенности отношения к дискриминации представителей этнических групп с различным типом внешнего облика. Дисс... канд. психол. наук, Ростов-на-Дону, 2015, 240 с.
2. Горшунова Е.Ю. Этнические стереотипы, прозвища и ярлыки американских индейцев на основе антропологических характеристик // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 135-137
3. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова / Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175-187.
4. Кузнецова В. В., Соколова Е. Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка: Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2004. С. 448-450
5. Лабунская В.А., Безьян А.А. Методологический подход к изучению «Appearance»-стереотипов как эмоционально-когнитивного компонента этнолукизма // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Пятой Международной научной конференции. Отв. ред. В.В. Грищенко. 2016. Т. 2. С. 37-41.
6. Ляшенко И.В. Об экспрессивности этнических прозвищ, употребляемых в американском кросс-культурном пространстве [Текст] / И.В. Ляшенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. №3 (10). С. 89-91.

7. Ярская В.Н. Язык мой - враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46-53.

И.А. Жилина
Воронежский государственный университет
(Россия, Воронеж)
irina1985_2004@mail.ru

ОБРАЗ КРАСАВИЦЫ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

На сегодня направление исследования национальных специфик в культуре, самосознании народа и языковой картине мира является одним из актуальных в современном языкознании.

Во все века людей волновали различные категории общечеловеческих ценностей, не является исключением категория красоты, в особенности женской красоты. Однако представления об идеальной красавице у разных людей существенно отличаются. Цель данной статьи – проанализировать лексическую сочетаемость лексемы **красавица** на основе материала Национального корпуса русского языка и понять, какие представления о красавице существуют у носителей языка. Использование корпусов дало толчок новым идеям о природе языка и овладении языком. На сегодняшний день корпусная лингвистика является развивающимся и перспективным направлением.

Для языковой картины мира важны не только научные знания о мире, но и заблуждения, ощущения мира, процесс и плоды созерцания мира, его оценки, вымыслы, фантазии и мечты о мире [2;3]. Как известно, лексика является важным уровнем языка, в котором отражается не только окружающая человека реальность, а также его внутренний мир. Многие исследователи говорят об актуальности изучения семантики языковых знаков [1, с. 56; 5, с. 74].

Для начала рассмотрим дефиниции лексемы **красавица** согласно толковому словарю русского языка А.П. Евгеньевой [4]: 1) красивая женщина; 2) о ком-, чем-л. очень красивом.

Объектом нашего исследования будет являться первое значение (красивая женщина). В статье будут использоваться следующие методы исследования: контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, опираясь на качественные и количественные показатели.

Национальный корпус русского языка содержит 7535 различных сочетаний лексемы **красавица** с прилагательными. Самое частотное из них – слово *первая* (93 примера). За ним следует *молодая* – 70 примеров; *русская* – 70; *писаная* – 54; *юная* – 39; *настоящая* – 38.

Рассмотрим наполнение наиболее весомых и информативных групп.

Класс градации красоты. К прилагательным, характеризующим степень красоты, относятся: *первая* (93), *писаная* (54), *настоящая* (38), *дивная* (10), *редкая* (10).

Возраст. *Молодая* (70), *юная* (39), *молоденькая* (7), *стареющая* (7),.

Национальная специфика. С существительным красавица сочетаются прилагательные, имеющие указание на стороны света, национальность. Среди них *русская* (70), *восточная* (9), *южная* (6), *северная* (6), *испанская* (5).

Место проживания. *Московская* (11), *деревенская* (6), *лесная* (2), *киевская* (2), *парижская* (2), *столичная* (2).

Известность. *Знаменитая* (14), *известная* (7), *незнакомая* (4), *таинственная* (2), *знакомая* (1).

Цвет волос. *Белокурая* (22), *рыжая* (16), *рыжеволосая* (10), *черноволосая* (9), *чернокудрая* (4), *темноволосая* (2).

Цвет глаз. *Черноокая* (9), *черноглазая* (9), *голубоглазая* (6), *сероглазая* (6), *зеленоглазая* (3), *синеглазая* (2).

Цвет кожи. *Смуглая* (15), *бледная* (7), *чернокожая* (1).

Телосложение/рост. *Стройная* (12), *полная* (8), *дородная* (8), *пышная* (7), *рослая* (7), *высокая* (4), *миниатюрная* (2), *худая* (1).

Наличие/отсутствие одежды. В корпусе встречаются примеры, маркирующие отсутствие одежды: *обнажённая* (8), *голая* (3), *полуобнажённая* (2).

Эмоции. *Веселая* (4), *несчастливая* (4), *жестокая* (4), *грустная* (3), *злая* (3).

Самым многочисленным оказался класс градации красоты (220 примеров). Как оказалось, важным аспектом является степень проявления красоты у красавицы.

Подведём итоги. Что же можно узнать о лексема **красавица** из НКРЯ? Прежде всего, что красота является зрительной ценностью, так как большая часть групп так или иначе связана с внешним описанием красавицы. Градация красоты рассматривается в следующих терминах: изумительная, удивительная, неземная, редкая. **Красавица** мыслится носителем языка молодой и юной, редко старой и пожилой. По национальному признаку лидирует русская.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005. – 527 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов, 2014. – 253 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Рус. яз., 1986. – 736 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. – 989 с.

О.С. Зубкова, И.Г. Никитичев
Курский государственный университет
(Россия, Курск)
ignikitichev@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БИЛИНГВА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В условиях антропоцентризма современной дискурсологии проблемы изучения языковой личности входят в категорию наиболее актуальных с точки зрения порождения и восприятия речи. Языковая личность представляется как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [5, с. 38]. В фокусе академического дискурса, определяемого лингвистами как сфера коммуникации, связанная с получением и трансляцией научного знания и включающая в себя ситуации научной и образовательной коммуникации [6], нами изучается языковая личность билингва, регулярно использующая в повседневной жизни не менее двух языков [7], выбирая функционирование одной из языковых систем в зависимости от ситуационного контекста. Билингвальные индивиды в академическом дискурсе, транслируя научное знание на иностранном языке, конструируют академическую идентичность как осмысленную и контролируемую принадлежность [2] к академическому сообществу, встраивая ее в изначально сформированную культурную идентичность, при этом представляя потенциал языкового мышления, основываясь на языковых, познавательных и прагматических конвенциях. Академический дискурс предполагает следование сформулированным правилам академического дискурса и адекватное использование норм международного общения в сфере науки, что позволяет их «отнести к коммуникативным ресурсам, которые облегчают понимание» [3, с. 135]. Билингв актуализирует свою причастность к академическому сообществу на вербальном уровне посредством номинативных и вспомогательных стратегий [7, с. 89], которые «образуют процедуры обработки структур знаний» [4, с. 98]. На этом основании на материале лекций гуманитарного цикла МГИМО «Great Britain: Culture Across History» нами выявлены языковые средства, которые русскоязычный билингв на иностранном языке использует согласно организационной структуре научного взаимодействия, и маркеры речевого воздействия, способствующие адекватному восприятию научной информации [8].

Номинативная (основная) стратегия объективируется в тактике информирования с помощью терминов, обозначающих тему лекции (*today we are starting the course, in the first lecture we are going to speak about*), базовых концептов (*geographical names, which originate from the Celtic languages*), интернационализмов (*culture, climate, religious rites*). Отмечено использование приёмов для тема-рематического обозначения, включающего иллюстрирование с помощью лексем с обобщённой семантикой (*it is common knowledge that London*

was founded by the Romans), фразовых глаголов (*there are names like...*); границ темы глаголами действия (*it embraces the political and economic development*); эвиденциальности – глаголами мышления (*the Celts are known from the traveling notes left by Pytheas*); характеристики академических концептов – оценочных прилагательных (*the pagan tribes were fierce warriors*), а их значимости – приёмом антитезы (*another raid was made... but the real conquest of Britain began almost a century later, although it was customary to write in Latin, in the 7th century there already appeared...*); обобщения – причастным оборотом (*generally speaking, the history of the English language can be divided into three periods*). Дискурсивные стратегии как вспомогательные, но значимые в дискурсе билингов для достижения наилучшего понимания, в материале лекций реализуются с помощью грамматических приёмов и дискурсивных единиц: личных местоимений (*many of you must have heard about the Loch Ness monster*); повелительного наклонения (*let's look at the names of Sussex, Wessex, and Essex*); экспрессивных средств языка, например, сравнений, метафор (*The Danish king Cnut became king of Denmark, Norway, England, <...>, it was almost an empire; The stones stand fast and stubbornly keep their secrets from us*) и др.

В результате установлено, что, реализуя коммуникативные намерения в академическом дискурсе, билингв актуализирует потенциал своей языковой личности на иностранном языке посредством стратегий и тактик речевого взаимодействия, что позволяет выстроить систему трансляции знаний наиболее оптимально и продуктивно.

Список литературы

1. Гришаева Л.И. Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2006. – №. 17. – С. 87-100.
2. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 27–38.
3. Зубкова О.С. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2008. – Т.1 – №5(19). – С. 127-135.
4. Зубкова О.С. Эволюция развития представлений о метафоре и метафоризации в истории науки: монография. – Курск: Изд-во Курского госуниверситета, 2011. – 129 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 261 с.
6. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Филология. – 2013. – №1. – С. 115-118.
7. Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. – Cambridge, London: Harvard University Press, 2010. – 276 p.
8. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLC46DA9ED06E03F72>

А.В. Ильина
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)
(Россия, Санкт-Петербург)
a.ilyina2045@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВОПЛОЩЁННОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня разработки и исследования в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) находятся на пике актуальности. Совместные усилия экспертов в области управления, науки и бизнеса создают среду, в которой ИИ может успешно функционировать, совершенствоваться и внедряться. В этих условиях новый смысл обретают высказывания классика культурологии, философии и исследований медиа Г.М. Маклюэна о том, что современный мир переходит от развития через расширение вовне к развитию через расширение вовнутрь. «После трех тысяч лет взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, – говорит Г. М. Маклюэн, – <...> мы <...> быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества <...>» [3, с.5].

Растет значение вопросов о закономерностях и принципах взаимодействия между человеком и ИИ. Эти вопросы получают обсуждение на уровне международного и национального законодательства; в контексте предписаний профессиональной этики; при подготовке кадров; в рамках художественных произведений; в быту; и др. В науке они также оказываются высоко востребованными, что, среди прочего, находит выражение в т.н. 4Е-подходах к пониманию сознания. Отправной точкой определения сознания в рамках данных подходов служит тезис о несводимости сознания к мозговой активности. В дополнение к ней предлагается характеризовать сознание человека как вписанное в среду (Embedded), телесновоплощенное (Embodied), связанное с действием (Enacted), а также расширенное (Extended) за счет использования в процессе познания искусственных предметов [2, с. 15]. В этом плане ИИ, не подпадающий под названное сочетание характеристик, выступает принципиально отличным от сознания человека, однако, в то же время, представляющим непосредственный интерес для его понимания [3].

Отталкиваясь от идей в русле 4Е-подходов, можно отметить, что ИИ входит в число искусственных предметов, используемых человеком для познания мира. С этой точки зрения он служит расширением сознания человека. Кроме того, во многом речь идет о проецировании этого сознания вовне, поскольку «интеллект» в ИИ – это, прежде всего, результат перенесения идеи о естественном интеллекте на мир вещей, для которого интеллект не характерен. Аналогичным образом, в

случае воплощенного ИИ (Embodied AI) датчики роботов отсылают к принципам работы систем человеческого восприятия, а непосредственно воплощенность ИИ выступает отголоском телесной воплощенности человека.

Сказанное делает актуальным еще одно наблюдение Г.М. Маклюэна, а именно – наблюдение об обратном влиянии на человека создаваемых им технологий. Исследователь рассматривает это влияние в контексте древнегреческого мифа о Нарциссе, который впал в оцепенение, увидев свое отражение в воде, т.е. столкнувшись со своим расширением. Это событие интерпретируется Г.М. Маклюэном через феномен самоампутации, или блокировки нервной системой восприятия субъекта в ответ на неожиданные изменения внешних стимулов [2, с. 50-52]. При этом констатируется, что внедрение новых технологий служит источником таких изменений и может вызывать перестройку мировосприятия человека. «Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию наших физических тел», – отмечает исследователь [Там же, с. 54]. Иначе говоря, человек и его сознание не только расширяются при помощи технологий, но также трансформируют среду, в которой существуют, что приводит к необходимости подстраиваться под изменившиеся условия и изменять восприятие себя и окружающей действительности в соответствии с новыми реалиями. Как результат, человек фрагментируется и модифицируется своими технологиями [Там же, с.55-56], пример которых представляют собой технологии ИИ.

Итак, основываясь на 4Е-подходах к пониманию человеческого сознания и перекликающихся с ними представлениях из области исследований медиа, можно получить следующие выводы. Во-первых, сознание человека характеризуется такими чертами, как включенность в среду, телесновоплощенность, связь с действием и способность к расширению вовне. Во-вторых, ИИ можно интерпретировать как пример такого расширения. В-третьих, несмотря на ряд аналогий, ИИ и сознание человека функционируют на разных основаниях. Наконец, в-четвёртых, будучи проекцией сознания человека во внешний мир, ИИ способен изменять окружение человека и стимулировать его к внутренним изменениям. В условиях стремительного развития ИИ перспективы таких изменений не всегда очевидны, однако важно поддерживать связь с окружающей средой, чтобы суметь к ней своевременно адаптироваться.

Список литературы

1. Лекторский В.А. Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. – 328 с.

2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

3. Hoffman M., Pfeifer R. Robots as Powerful Allies for the Study of Embodied Cognition from the Bottom Up // The Oxford Handbook of 4E Cognition / Ed. by A. Newen, L. de Bruin and Sh. Gallagher. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – Pp. 841-862.

*А.С. Коваленко
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
kovalenkoa@mgpu.ru*

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ВОСТОЧНОГО ЧЕЛОВЕКОМ ЕВРОПЕЙСКИМ: О ВАЖНОСТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ

В процессе постижения восточных культур и языков извечно стоит вопрос о разнице менталитетов и языковых картин мира. Без погружения в языковую среду изучение иностранного языка становится труднодостижимым.

Говоря о преподавании японского языка диалог культур занимает одну из самых важных позиций. Это объясняется тесной связью языка и быта японцев, сложившегося за столетия и отличающегося от европейского. Изучая японский язык, можно столкнуться с такими понятиями как «культура молчания», оппозицией свой-чужие ('учи' и 'сото'), степени вежливости и т. п. [4]. Неподготовленный «европеец» рискует попасть в неловкие ситуации даже в 21-м веке, будучи не ознакомленным с особенностями мышления и мировосприятия японцев.

Мы бы хотели привести несколько примеров, демонстрирующих яркую разницу между восприятием жизни европейцем и японцем из произведений Бориса Акунина. Автор данного цикла является востоковедом и с точностью описывает нравы японцев эпохи Мэйдзи, и то, как на эти нравы реагируют европейцы и русские. Несмотря на то, что время действия 1880-1920-е годы, многие из описанных ситуаций актуальны и в настоящее время. Более того, начиная с 1920-х годов, с подачи США по миру начала распространяться пропаганда под лозунгом «азиаты не похожи на белых людей», послужившая подложкой для контрастного восприятия восточной и европейски культур [6, с.174]. Смотря в прошлое, мы можем проследить развитие культуры, вместе с которой развивался и язык [1, с.17; 5, с. 144].

Например, у японцев существует негласное правило, что своего ребенка хвалить на людях нельзя. Скорее всего это связано с политикой японского общества «быть как все». А похвала так или иначе будет выделять твоего ребенка среди остальных, что не есть хорошо для японского менталитета. Данная традиция существует и по сей день – редко когда можно встретить мать, нахваливающую своего ребенка на детской площадке.

«– Левая щечка действительно стала еще круглее правой, – залюбовался Тацумаса. И, поскольку расхваливать собственного сына неприлично, сказал: – Раньше он казался мне уродливым. Но теперь мальчишка все больше хорошеет...» [2, с.8].

Если предположить, что европеец услышит такой «комплимент» относительно своего ребенка, то скорее всего, воспримет его, мягко говоря, странным.

Следующий пример относится к культуре недосказанности, которая часто превалирует в японском языке. Японцы могут понимать друг друга без слов, опираясь лишь на намеки и отрывистые слова, которые человеку несведущему будут непонятны. Можно сказать, что смысл зачастую содержится между строк или заключается в одном-единственном слове или конкретной грамматической конструкции.

Данный сюжет несколько преувеличен, но ярко демонстрирует общение без слов между восточными людьми.

Вечер рэнга (вечер поэзии), собрались гости, и в самый разгар к хозяину дома приходит незваный гость, являющийся его соперником за власть. По правилам вечера рэнга, тот, кто пришел без приглашения, должен сочинить продолжение стихотворения без подготовки. Касидзаве (незваному гостю) достались следующие строки:

Ибо умный человек

Ни о чем не жалеет [Там же, с. 18].

Немного поразмыслив, он продолжил стихотворение так:

Кроме потерянного

На пустяки времени [Там же, с. 20].

Как только гости слышали эти строки, они тут же сообразили, что у Касидзавы срочное дело к хозяину дома и под разными предлогами покинули поэтический вечер. Опять же, европейский человек, для которого японская поэзия, в принципе, кажется самобытной, скорее всего даже и не понял бы намек, решив, что вечер идет своим чередом.

Есть примеры с юмором, иллюстративно показывающие, насколько по-разному мыслят японцы и европейцы.

В произведении «Левиафан» пассажиры плывут из Англии в Индию, на борту множество иностранцев. В одном банкетном зале собрались гости разных национальностей, в том числе и один японец. Вот, что думает о нем уроженка Швейцарии, Рената Клебер: «Отулыбавшись, месье Аоно отмочил свою обычную штуку, от которой соседей по столу с души воротило: достал из кармана бумажную салфеточку, громко в нее высморкался, скомкал и аккуратненько уложил мокрый комок на краешек своей грязной тарелки. Любуйся теперь на эту икэбану» [2, с. 47].

Реакция месье Аоно на подобную ситуацию является же кардинально отличной: «Ужасна также привычка круглоголовых сморкаться в носовые платки,

класть их вместе с соплями обратно в карман, снова доставать и снова сморкаться!» [Там же, с. 86].

В заключении мы хотели бы еще раз подчеркнуть важность демонстрации подобных примеров в процессе обучения не только теоретическим дисциплинам, таким как культура, история или литература, но и в процессе обучения языку. Кроме того, что подобные факты интересны и могут служить мотивацией, сопоставление двух культур помогает лучше понять не только человека восточного, но и себя – человека европейского, взглянув со стороны.

Список литературы

1. Авербух К.Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К. Я. Авербух, Л. Г. Попова, Л. М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования : монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 15-22.

2. Акунин Б. Левиафан [Текст] : роман / Борис Акунин ; ил. Игоря Сакурова. - Москва : Захаров, 2012. - 236, [1] с. : ил.; 21 см. - (Новый детектив).; ISBN 978-5-8159-1129-1.

3. Акунин Б. Просто Маса. [Текст] : роман / Борис Акунин ; ил. Игоря Сакурова. - Москва : АСТ, 2022. - 448. ISBN:9785171269517.

4. Алпатов В.М. Япония : язык и культура // В. М. Алпатов – Текст непосредственный /. - Москва : Языки славянских культур, 2008. - 206 с.; 21 см. - (Studia Philologica).; ISBN 978-5-9551-0273-3 (в пер.)

5. Попова Л.Г. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) / Л. Г. Попова, В. О. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9-1(51). – С. 143-145.

6. ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык / Е. М. Османов, А. В. Филиппов, А. И. Габитова [и др.]. – Санкт-Петербург : Art-xpress, 2022. – 693 с. – (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения №9). – ISBN 978-5-4391-0801-5. – EDN WAJLUU.

*И.И. Короткевич
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
SavitskajaII@bsu.byu*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНОГО ТЕКСТА ПО РКИ

В современных условиях среди требований к образовательным программам по обучению иностранным языкам, в том числе по русскому языку как иностранному, есть и требование к уровню владения лексико-грамматической

системой языка, достаточному для решения социально-коммуникативных задач в межкультурной сфере. Наиболее важным средством обучения русскоязычной речевой деятельности и одновременно формирования межкультурной компетенции на занятиях по РКИ является *учебный текст*, в содержание которого могут включаться элементы чтения и письма, материалы по коммуникации на бытовую и профессиональную тематику, направленные на осознанное восприятие и репродуцирование иноязычной этнокультурной информации. С целью формирования межкультурной компетенции в учебных текстах важно использовать названия культурных и географических объектов, имена исторических персоналий и другие подобные материалы, которые раскрывают этническую, конфессиональную и культурную аутентичность изучаемого региона или региона, в котором происходит изучение РКИ, и несут вспомогательную смысловую нагрузку. В частности, в процессе довузовской подготовки иностранных обучающихся в Республике Беларусь на занятиях по РКИ используется лексико-грамматический материал, презентующий аутентичную культуру Беларуси, который обогащает иностранных учащихся сведениями о белорусской истории и культуре, о роли материального и духовного наследия белорусского народа в социокультурной картине мира.

Подобная учебная информация в учебных текстах представлена как эксплицитно, т. е. прямо описывает реалии, исторических личностей и пр., так и имплицитно, т. е. иностранные слушатели получают информацию о белорусских реалиях в «замаскированном» виде. В частности, в текстах для аудирования и в вопросах к ним имплицитно представлена информация:

об исторической давности белорусских городов: *Запомните и запишите год, когда Минск был впервые упомянут в древних текстах* [1, с. 62];

о жанрах древнебелорусской и восточнославянской литературы: *Минск – древний город. Впервые он был упомянут в хрониках в 1067 году* [Там же, с. 62]; *Туровское Евангелие XI века – один из самых ценных памятников восточнославянской письменности* [Там же, с. 64]; *В древнейшей русской «Летописи Нестора» город Туров упоминался 28 раз...* [Там же, с. 64];

об известных персоналиях белорусской истории и культуры: *Запишите имена известных исторических личностей, которые были связаны с историей города Турова* [Там же, с. 63]; *...по распоряжению князя Всеслава Чародея* [Там же, с. 67]; *В XII веке в Турове жил и работал епископ Туровский, проповедник, богослов, поэт и оратор* [Там же, с. 64]; *дворцово-замковый комплекс Радзивиллов, бывший на протяжении нескольких веков основной резиденцией одного из самых богатых и знатных белорусских родов* [Там же, с. 65];

о древних политических образованиях и средневековых юридических реалиях: *...некогда центр древнего одноименного княжества* [Там же, с. 64]; *обретения городом магдебургского права* [Там же, с. 65];

об особенностях конфессионального устройства в стране: *В Беларуси живут и католики, и православные, поэтому здесь есть много православных и католических церквей, которые являются не только религиозными центрами, но*

и архитектурным украшением города. Свои храмы в Минске есть у иудеев и мусульман [Там же, с. 62]; *Долгие годы костёл принадлежал ордену иезуитов* [Там же, с. 66];

о названиях европейских стилей в архитектуре и искусстве. присутствующих в архитектуре древней и современной Беларуси: *черты готики и ренессанса; черты ренессанса, классицизма, барокко, рококо, модерна и неоклассицизма* [Там же, с. 66].

Знакомство с историей и культурой страны, в которой проходит обучение, способствует формированию межкультурной компетенции обучающихся, поскольку прививает им толерантное восприятие деятельности и наследия разных лингвокультурных сообществ. Кроме того, иностранные слушатели осознают включенность Беларуси в мировой культурный контекст: *[Сейчас в Полоцком Софийском соборе можно увидеть] старинные фрески и копию знаменитой работы Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», послушать шедевры органной музыки* [Там же, с. 68]. Подобная информация иллюстрирует мировое культурно-этническое и конфессиональное разнообразие и важность толерантного восприятия мультикультурности в современном мире.

Список литературы

1. Короткевич И.И. Русский язык как иностранный. Модуль общего владения языком. Аудирование : учебно-методическое пособие. Минск : БГУ, 2022. 111 с.

*В.А. Курдюмов
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
kurdyumova@mgpu.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА

Тема исследования – понятия, составляющие (как топики коммуникации) дискурсивную основу повседневной коммуникации жителей Тайваня, где официально принятым языком является гоюй, разошедшийся с континентальным китайским после 1949 г. (хотя и относительно взаимопонятный). Проводится сравнение с аналогичными понятиями в в русской референциальной реальности и денотативной / сигнификативной практике. При этом вопрос о «нации» представляется дискуссионным: в силу политических причин (власти КНР считают тайваньцев частью нации собственной), и в силу того, что национальное самосознание находится в стадии становления (начиная с 1949 г, перемещения властей Китайской республики на остров), и, гипотетически, – может быть

прервано в ходе потенциального конфликта. Тайваньская идентичность в языковых манифестациях рассматривалась также в трудах Тан Мэн-вэя [3].

Под референциальной реальностью мы понимаем соотношение с тем или иным существующим предметом или явлением, под денотативной практикой – массовый (национальный) опыт соотношения с тем или иным визуальным образом, под сигнификативной практикой – такой же опыт соотношения единицы и осмысления, рассуждения о ней. Термины «референт», «денотат», «сигнификат» понимаются в русле предикационной концепции языка [1]. Коннотат (коннотация) означает оценку явления говорящим (дополнительный предикат типа «Мне (не) нравится...»). Таким образом, понятия – могут совпадать по референту и денотату, но иметь разный сигнификат (могут осмысливаться по-разному): к примеру «пляж» (海灘, в континентальном и гонконгском вариантах также 沙灘, 泳灘), и, следовательно, различаться в возможных коннотациях: «хороший пляж» означает разное для носителей русского языка («купаться») и гоюй («бродить на закате»); могут различаться и по референту, и по денотату, примеры: лайм-лимон (萊姆-檸檬, «наоборот» в гоюй и русском), «молочный чай» (奶茶). «Дискурсивность» понятия – возможность развёртывания или реконструкции дискурса (связной бесконечной серии текстов), где такое понятие будет топиком [2].

Детерминирующим топиком пропозиции наиболее общего дискурса будет «Тайвань» («Тайвань – это...»): географические, политические, социальные, исторические, лингвистические характеристики как целого – определяющие по отношению к остальным. Ниже – некоторые (показательные) примеры (из перечня примерно 100 проанализированных дискурсивных понятий).

Бенто, бьяндан (便當, 當). Ланч-бокс, основа повседневного обеда: котлета, стейк, рыба, рис, добавки. Сказать, что тайваньский ланч-бокс – невкусный (что русскому покажется на 5-6-й день), – равносильно оскорблению. Референт и денотат, сигнификат – общий, коннотат – потенциально отличается. **Борщ (羅宋湯),** «русский суп», на основе томатов. Денотат, референт, сигнификат – разные. **Государство, государственные чиновники.** Воспринимаются как обслуживающие, крайне чувствительны к мнению избирателей, опасаются критики и действуют в чётком соответствии с алгоритмами, видимая низовая коррупция отсутствует. Иностранцы не избиратели, отношение к ним (часто) – менее предупредительное. Различаются коннотации. **Землетрясение (地震).** Вполне рядовое – в пределах 7 баллов: дома рассчитаны примерно на такую силу (строительные нормы неукоснительны), старую застройку укрепляют каркасами. Референт, денотат едины, сигнификат и коннотат отличаются. **Опасность и безопасность (危險、威脅、安全).** Связаны с природой: животные, стихийные явления, эпидемии, на что россияне часто не обращают внимания (не надевают маски, без испуга купаются в океане, путешествуют в одиночку и т.п.); но – не с государством, криминалитетом (нулевым, с точки зрения россиянина). Сигнификаты и коннотаты – разные.

Список литературы

1. Курдюмов В.А. Китайский язык и лингвистические идеологии // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. – С. 94-104.
2. Курдюмов В.А. Еще раз к вопросу об уровнях языка в русском и китайском языках // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 312-321.
3. Тан Мэн Вэй, Каплунова М.Я. Языковая политика и культурная идентичность на Тайване // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – М., 2022, № 2. – С. 23-36.

Д.М. Куриленко
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
d.m.kurilenko2706@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ И СВОЕЙ СТРАНЫ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ

В современной психологии большинство авторов отмечают неразрывную связь самоотношения личности с окружающей культурной и социальной средой, с ее деятельностью, многокомпонентность самоотношения, динамичность ее содержания, а также интеграцию разных ее составляющих в единое образование «Я».

Самоотношение в концепциях многих авторов (Р.Бернс, В.В. Столин, И.С.Кон) выступает как чувство, направленное на свою личность, выражающееся при позитивном самоотношении в любви и самоуважении, отношении к себе как к ценности, что предполагает его устойчивый характер [3].

Самоотношение может рассматриваться как одна из важнейших для жизнедеятельности человека установок. Д.Н. Узнадзе определяет установку как основную, изначальную реакцию субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать проблемы [5]. Согласно теории Р. Бернс, установки рассматриваются как эмоционально окрашенные убеждения, связанные с определенным объектом. В них отражены три характеристики: когнитивная, эмоционально-оценочная, поведенческая [1].

Для изучения социальной установки в отношении себя и своей страны у специалистов социальных профессий, мы опираемся на возрастную периодизацию Э.Х. Эриксона. Согласно его периодизации, сроки средней зрелости – 26–64 года. В период средней зрелости у человека сформированы ценностные ориентации и устойчивое мировоззрение, которое в последующем передается молодому поколению.

Актуальность изучения взаимосвязи самооотношения специалистов с социальными установками по отношению к своей стране заключается в необходимости дополнения теоретических знаний о том, как отношение к себе может быть связано с отношением к своей стране.

Цель работы – определить характер взаимосвязи самооотношения с социальными установками в отношении к своей стране у специалистов социальных профессий.

Гипотеза исследования – существует взаимосвязь самооотношения с социальными установками в отношении своей страны у специалистов.

Выборка испытуемых составила 60 специалистов в возрасте от 26-64 лет ($M=38,6$, $SD=11,86$). Большинство испытуемых нашего исследования женского пола, относят себя к белорусской национальности, родились и выросли в городе.

Методы исследования: методы психодиагностики – семантический дифференциал (авторский вариант семантического дифференциала); методы обработки данных – коэффициент ранговой корреляции Спирмена; интерпретационный метод – структурный.

Для количественной обработки использовался пакет статистических программ «Statistica 8.0».

На первом этапе исследования был проведен корреляционный анализ переменных самооотношения и социальных установок в отношении своей страны у специалистов социальных профессий.

Исходя из полученных результатов было выявлено, что корреляционная связь между самооценкой специалистов и оценкой страны в отношении таких переменных, как «некрасивая – красивая», «безответственная – ответственная», «неинтересная – интересная», «некультурная – культурная», «слабая – сильная», «ленивая – трудолюбивая», «несамостоятельная – самостоятельная» является значимой ($p \leq 0,05$), умеренной ($r_s=0,31-0,37$), прямой. Такие переменные, как «безучастная – заботливая», «враждебная – дружелюбная», «безнравственная – нравственная» характеризуются значимой ($p \leq 0,05$), слабой ($r_s=0,03-0,3$), прямой корреляционной связью. Исходя из этого, оценки по таким характеристикам, как некрасивость – красота, безответственность – ответственность, неинтересность – интересность, некультурность – культурность, слабость – сила, лень – трудолюбие, несамостоятельность – самостоятельность, безучастность – заботливость, враждебность – дружелюбие, безнравственность – нравственность согласуются у специалистов в период средней зрелости и их оценкой своей страны.

Полученные характеристики квалифицируются по трем основаниям: когнитивные, эмоционально-оценочные и поведенческие. Такая характеристика, как неинтересность – интересность, является когнитивной и свидетельствует о том, респонденты с одной стороны считают, что они являются интересными и многогранными личностями, а с другой стороны они считают, что и страна в которой они выросли, является нескучной и многогранной, то есть таким образом они проводят параллель, что раз мы интересные, значит и окружающее вокруг нас интересное, следовательно, самооценка и оценка своей страны по данной

характеристике может согласовываться. Поскольку, такая характеристика как некрасивость – красота, вызывают эмоционально – оценочные переживания в отношении себя и в отношении своей страны, таким образом самооценка и оценка своей страны по данной характеристике может согласовываться. Можем предположить, что согласованность данных оценок как у специалистов с их оценкой своей страны по поведенческим характеристикам связана с тем, что в период средней зрелости, личность осознает всю ответственность за содержание своей жизни перед самим собой и другими людьми и стремится передать имеющиеся взгляды и установки молодому поколению [2;4].

Между самооценкой специалистов и оценкой ими страны не выявлено значимых корреляций по выраженности таких переменных, как «пассивная – активная (деятельностная)», «злая – добрая», «нелюбимая – любимая», «атеистическая – религиозная», «бесцельная – целеустремленная», «зависимая – независимая». Исходя из этого следует, что самооценка специалистов не согласуется с их оценкой своей страны по таким характеристикам, как пассивность – активность (деятельность), злость – доброта, нелюбовь – любовь, атеистичность – религиозность, бесцельность – целеустремленность, зависимость – независимость.

Список литературы

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. - Москва : Прогресс, 1986. - 420 с.
2. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и профессиональное становление личности : [монография] / Н.Л. Иванова ; Междунар. акад. психол. наук. - Ярославль : Междунар. акад. психол. наук, 2005 (Ярославль : Аверс Пресс). – 167 с.
3. Кон, И.С. Социологическая психология / И.С. Кон. - М.; Воронеж, 1997.
4. Тарасов М.В. Образ Родины: обоснование и апробация диагностического инструментария / М.В. Тарасов. // Экспериментальная психология. Том 13. № 4 - Москва:Московский государственный психолого-педагогический университет, 2020. - С. 205-219.
5. Узнадзе Д.Н. Теория установки. / Д.Н. Узнадзе. - М.; Воронеж, 1997.

*П.В. Логинова
Сибирский федеральный университет
(Россия, Красноярск)
polina.loginova.03@mail.ru*

БАЗОВЫЕ КОДЫ РУССКОЙ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РОДОВЫХ ПРОЗВИЩАХ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Исследование фундаментальных проблем «язык и личность», «язык и культура» относится к числу первоочередных задач современной лингвистики.

Для успешного решения этих задач необходимо расширять эмпирическую базу лингвокультурологии, вовлекая в научный оборот региональный языковой материал, отражающий особенности традиционной лингвокультуры. Этот феномен, как известно, обусловлен кодами культуры [2, с. 188-189]. Вслед за М.Л. Ковшовой под кодами культуры мы понимаем совокупность «вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [1, с. 62]. В задачи настоящей работы входит выявление и анализ базовых кодов культуры, отраженных в родовых прозвищах коренных жителей Северного Приангарья. Родовые прозвища в качестве объекта исследования выбраны не случайно. Они тесно связаны с коллективными языковыми личностями и отражают духовную культуру сибиряков-ангарцев. Исследование проводится на языковом материале, записанном в ходе диалектологических экспедиций 2022–2023 гг. в один из самых крупных районов Приангарья – Богучанский. В научный оборот впервые вводится около 100 родовых прозвищ.

По свидетельству историков и краеведов, приангарские земли в XVIII в. осваивали несколько семей, поэтому и до сих пор в районе много однофамильцев. По фамилии жителя можно определить, из какой деревни он сам или его предки: Бедоба, Иркиннеево – Скурихины, Логиновы; Каменка, Ярки – Безруких; Заимка – Смолины. Длительное время на территории Северного Приангарья сохранялся патриархальный тип семьи, в которой главный – мужчина [3, с. 4; 4, с. 24]. Данный культурный факт отражен в патронимических прозвищах (83%), образованных от имени, фамилии или прозвища главы рода (Маркеловых от Маркел, Кирсановых от Кирсан, Шишовых от Шиш и т.п.) Если в семье не было мужчины, прозвища образовывались от имени женщины, которая становилась главой семейства (Ульяновых от Ульяна, Фениных от Феня). Матронимические родовые прозвища редки и составляют лишь 4,3% от всех записанных нами прозвищ. Низкой частотностью обладают также родовые прозвища, образованные от индивидуального «прозваньня» основателя рода (8,5%): Громовых (от Гром / голос громкий, как гром); Силиных (от Сила / сильный человек). Данные прозвища иллюстрируют то, как принадлежность к определенной этнотерриториальной общности, для которой основными показателями здорового телом и духом сибиряка являются громкий голос, физическая выносливость и твердость характера, формирует человеческое сознание.

Природно-ландшафтный код культуры в прозвищах (2,1%) обусловлен спецификой заселения исследуемой местности. Первые русские поселенцы Приангарья строили дома или возделывали пашни на месте выжженного леса, на пепелищах. Потомки этих людей носят родовое прозвище Пепловых.

Подводя итоги, отметим, что основным кодом культуры в прозвищном ономастиконе исследуемой территории был антропоцентрический. Анализ родовых прозвищ ангарцев позволяет рассмотреть мировидение сибиряков, а

также определить стереотипы сознания, которые определяют специфику родовых прозвищ как маркеров традиционной сибирской лингвокультуры.

Список литературы

1. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. № 2. Т. 67. С. 60–65.
2. Фельде О.В. Лингвокультурологическая информативность устного ангарского текста: код малой родины // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. № 4. С. 188–201.
3. Чуринов Л.П. На просторах Нижнего Приангарья. «Век XX и новый XXI»: трилогия. Красноярск: Кларетианум, 2005. 190 с.
4. Шилько Г.Д. Малая родина: очерки по истории Богучанского района. Красноярск: Литера-принт, 2021. 234 с.

*И.Ю. Марковина, А.А. Матюшин, И. Ленарт
Сеченовский университет
(Россия, Москва)
irina_markovina@mail.ru*

*Д.М. Линь
(Вьетнам, Хошимин)*

КОНЦЕПТ «ТРУД/ЛЕНЬ» В ПАРЕМИОЛОГИИ РУССКИХ И ВЬЕТНАМЦЕВ

Основу оптимального межкультурного диалога составляют результаты фундаментальных лингвокультурологических исследований, в фокусе которых находится взаимное изучение и обогащение контактирующих культур. Тем не менее, несмотря на многолетнее плодотворное сотрудничество между Россией и Вьетнамом, до недавнего времени не проводилось систематического изучения взаимных представлений и самопредставлений двух народов, функционирующих в соответствующих языках и культурах.

Целью настоящей работы, представляющей собой фрагмент масштабного этнопсихолингвистического исследования, направленного на изучение взаимных представлений и самопредставлений русских и вьетнамцев в языке и культуре [1;2;3], являлось изучение функционирования концепта «труд/лень» в паремиологических единицах, представляющих собой неотъемлемые части аксиологической картины мира русского и вьетнамского народов. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-512-92001\23.

По данным экспериментального этапа, *трудолюбие/cần cù* представляет собой одну из ключевых характеристик «автопортретов» двух народов. Исходя из этого, была проанализирована подборка паремиологических единиц (по 200 единиц для русского и вьетнамского языка), описывающих связанный с *трудолюбием* лингво-семантический концепт «труд/лень».

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают универсальность аксиологических положений народной мудрости. Так, в изученных паремиологических единицах двух народов поощряется *труд* и порицается *лень*. Согласно данным исследования, для русских *труд* – это, прежде всего, получаемый *результат* (чаще всего *хлеб* или связанные понятия). Аналогичная сквозная тема присутствует и в паремиологическом фонде вьетнамского языка, однако, вьетнамцы упоминают в качестве *результата* *рис* и, иногда, *фрукты*. Общими в изученных паремиологических единицах двух народов, помимо *голода* как стимула к *труду*, также является *настойчивость* в достижении цели, а также критика *лентяев*.

В заключение следует отметить, что изученные фрагменты аксиологической картины мира двух народов, отраженной в паремиологических единицах, демонстрируют выраженные культурно-специфические особенности, что позволяет дополнительно уточнить полученную ранее информацию о лингвистических и культурологических нюансах «автопортретов» русских и вьетнамцев, включающих квазиэквивалентные элементы.

Список литературы

1. Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х. Экспериментальное изучение восприятия русских и вьетнамцев русскими респондентами // Вопросы психолингвистики, № 2(48), 2021. С. 74–85.
2. Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х., Хиен Н. В. Самопредставление русских и вьетнамцев: данные корпусного исследования // Вопросы психолингвистики, № 3(53), 2022. С. 89–106.
3. Markovina I., Lenart I., Matyushin A., Hien P. Russian–Vietnamese mutual perceptions from linguistic and cultural perspectives. // Heliyon. 2022. 8(6). e09763.

Е.М. Масленникова
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
e-maslennikova@inbox.ru

ТЕКСТ КАК ВОСПРИЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Текст выступает как лингвокультурный маркер языковой личности его создателя и национальной ментальности. В художественных текстах

опредмечивается как вербальный аспект культуры, так и невербальный.

Работая с текстом, представляющим другую культуру с её системой ценностей, переводчик способен принять на себя функцию активного интерпретатора авторской системы смыслов, пытаясь при этом представить вторичному читателю из системы переводящего языка собственное (личностное) видение оригинала. Л. Винер (1862–1939) родился на территории Российской империи и перебрался в США в зрелом возрасте, где начал преподавать в Гарварде. Для американских студентов, изучающих русский язык, он составил антологию «*Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time*» в двух томах [9;10], которая до сих пор продолжает переиздаваться. Предполагалось, что отобранные для антологии тексты, а многие из них Л. Винер перевёл сам, должны познакомить будущих дипломатов с национально-специфическими особенностями русского народа. Однако в большинстве случаев выбор текстов оказался обусловлен не только сложившейся к началу XX века политической обстановкой, но и сложившимися оценочными характеристиками лингвокультурного типажа THE RUSSIAN(S), в том числе связанными с ним стереотипами. Например, из эпической поэмы «Россиада» (1779) М.М. Хераскова (1733–1807) переведены строки, соответствующие сложившимся на Западе представлениям о характерных для России холодах. Было выбрано письмо Ивана Грозного (1530–1584), адресованное князю А.М. Курбскому, объясняющее суть прозвища царя – *Iván the Terrible*: на его глазах убивали людей. Л. Винер также даёт отрывок из мемуарных «Записок» (1771) изобретателя артиллерийских орудий М.В. Данилова (1722–1790), где богомольная вдова, в доме которой почти каждый день священником отправлялась церковная служба, приказывает сечь кухарку прямо во время обеда. Из книги А.И. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1780-е) Л. Винер выбрал те части, из которых следует, что путешествие по России становится быстрее, если дать извозчику деньги на выпивку, добиться всего можно угрозами, кругом грязь, а непроходимые дороги ремонтируются только для проезда государя.

Исследователи [1-5 и др.] выделяют ряд доминант русской языковой личности, русского менталитета и русского коммуникативного поведения: религиозность как православие, идеи преображения, страдания, искупления и спасения; идеи соборности; отзывчивость и душевность социальных отношений; стремление к высшим формам опыта и потребность в идеалах; поляризованность души и нелюбовь к среднему; бытовая импульсивность и неосмотрительность; пренебрежение законами и одновременно ответственность перед внешним контролем; стремление к справедливости; отсутствие стремления к материальному и др. В переведённых Л. Винером отрывках из трудов деятелей церкви говорится не только о роли христианства в становлении древнерусской литературы, но и о пороках паствы (пьянство, божба, сквернословие, лихоимство), склонной к показной вере и суевериям. Один из первых англиканских миссионеров Ч. Уилсон / *Charles Thomas Wilson* (?–1917) для своей книги [11] отобрал стихотворения русских поэтов, где отражены идеи фатализма,

жертвенности и свободного созерцания действительности, социальной несправедливости и неравенства. Так, комментируя строки своего перевода «Казачьей колыбельной песни» (1838) М.Ю. Лермонтова, где мать молится о судьбе сына, он называет русских рабами суеверий и невежества (*slaves to superstition and ignorance*). Первых переводчиков русской литературы «притягивали» стихотворения, где в названии имеются слова *ангел, бесы, демон, молитва*: имеется свыше десяти переводов стихотворения «Ангел» (1827) А.С. Пушкина и стихотворения «Ангел» (1831) М.Ю. Лермонтова.

Национально-специфические компоненты культуры могут быть связаны не только со спецификацией самих текстов, но также с их жанрами и типом читателя, для которого они были предназначены. Некоторые [8 и др.] объясняли необычайную любовь к жанру басни привычкой русских искать во всём скрытый смысл. В 1825 году в Париже на средства графа Г.В. Орлова (1777–1826) были изданы переводы басни И.А. Крылова (1769–1844), которые представляют собой версии, толкующие и / или трактующие оригинал наряду с переводческой субъективной оценкой [6; 7]. Так, работая над басней «Мешок» (1809), поэт Ф.-О. Парсеваль-Гранмезон / François-Auguste Parseval-Grandmaison (1759–1834) дал новую версию событий: в его «Le Sac» нет графов и князей, с которыми водит дружбу недавно разбогатевший богач, но он принят ко двору и пожимает руки министрам (*Vous serrez la main des ministres*). Если оригинал направлен против откупщиков, то перевод обращён к предпринимателям, нажившим состояние на войне (*Cette fable est pour vous, entrepreneurs avides, / Traitans qu'ont enrichis la guerre et ses subsides*).

Автор, создавший текст для «своего» читателя, и переводчик как квази-(со)-автор, также создающий перевод для «своего» читателя, включены в определённый историко-социальный контекст. При этом перевод как читательская проекция исходного текста в той или иной степени отражает как этнический образ мира, показанный в нём автором, так и представления переводчика об этом мире, которые могут быть сформированы у него на основе собственных представлений и стереотипов.

Список литературы

1. Воробьев В.В. К понятию русской языковой личности // Язык и культура. Уфа: Башкирский ун-т, 1995. С. 86-96.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 480 с.
3. Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVII-XX веков. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. Вып. 3. С. 5-11.
4. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2002. 435 с.
5. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

6. Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs. Paris, Bossange, 1825. Vol. 1. 250 p.
7. Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs. Paris, Bossange, 1825. Vol. 2.
8. Grahame F.R. The Progress of Science, Art and Literature in Russia. London: James Blackwood & Company, 1865. 480 p.
9. Wiener L. Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. Vol. 1. New York: G.P. Putnam, 1902. 486 p.
10. Wiener L. Anthology of Russian literature from the earliest period to the present time. New York, London: G.P. Putnam's Sons, 1902. Vol. 2. 534 p.
11. Wilson Ch. Russian Lyrics in English Verse. London: Trübner & Co., 1887. 271 p.

Г.Р. Насибуллова
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Россия, Казань)
Guz1983@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ИНДИВИДУАЛЬНО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ, ТАТАРСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ)

Данное исследование посвящено сравнительному изучению аксиологических доминант в индивидуально художественной картине мира писателя. Актуальность исследования связана с особым вниманием на формирование и репрезентации ценностей общества, изменения в их иерархии и влияния этого процесса на ценностные ориентации и с тем, что аксиологическая проблематика во все большей степени присутствует в лингвистических, литературоведческих исследованиях.

Материалом для исследования мы выбрали художественные произведения современных авторов-женщин, где ценностные аспекты женщин занимают центральное место. На наш взгляд аксиологический анализ данного дискурса позволит целостно охарактеризовать мировоззрение, особенности художественного мышления авторов-женщин. Также исследование такого рода поспособствует (в определенных границах) выявлению ценностных доминант в культурной картине мира современного общества. Объектом исследования выступает содержание доминантных ценностей в языковом сознании авторов-женщин современной русской, татарской и английской литературы. Предметом исследования является индивидуальные особенности данных ценностных доминант в художественной картине мира каждого автора.

При описании внутреннего мира героев произведения писатель показывает и свою систему ценностей. По мнению В.И. Карасика, комплексное изучение

ценностей в языке становится возможным «при рассмотрении ценностной картины мира, представляющей собой компонент языковой картины мира» [2, с. 167]. Исследователь считает, что ценностная картина мира состоит из общечеловеческих и специфических частей; «в языке она представлена в виде оценочных суждений» [Там же]. При этом между оценочными суждениями иногда возникают отношения включения или ассоциативного пересечения, что позволяет обнаружить ценностные парадигмы представленной культуры. В ценностной картине мира существуют ценностные доминанты, являющиеся наиболее важными для определенной культуры [Там же, с. 168].

В ходе исследования мы проанализировали произведения А. Матвеевой [3], Ф. Замалетдиновой [1], Дж. Харрис [4]. Выбор данных авторов обусловлен тем, что они являются представителями современной прозы и в их творчестве ярко отражается состояние современного общества, также их произведения отличаются эмоционально окрашенностью и своеобразием изображения индивидуальной картины мира.

В данном исследовании систему ценностей авторов-женщин мы изучаем комплексно: нами были описаны формальные, содержательные особенности, способы функционирования и сфера функционирования. Для подтверждения надежности полученных результатов использовался экспериментальный метод, который заключается в представлении участникам эксперимента слов-стимулов и анализа их реакций. В эксперименте участвовали 20 представителей женского пола русской культуры, 20 представителей женского пола татарской культуры и 20 представителей женского пола английской культуры. Участникам эксперимента были предложены слова-стимулы, которые были получены из материала исследования как доминантные ценности индивидуально художественной картины мира авторов-женщин. Далее был проведен сравнительный анализ результатов, полученных в ходе аксиологического анализа художественного дискурса авторов-женщин и результатов эксперимента.

В ходе исследования было выявлено, что анализ ценностных доминант в художественной картине мира авторов-женщин дает представление о ценностной картине мира современного общества. Доминантами аксиологической картины современных авторов-женщин являются базовые ценности такие как *счастье, любовь, семья, жизнь* которые имеют индивидуальную значимость в сознании каждого автора. Результаты эксперимента подтвердили надежность итогов аксиологического анализа художественных произведений.

Список литературы

1. Замалетдинова Ф. Уходить, любя. – Казань: Татар.книж.изд., 2020. – 430 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

3. Матвеева А.А. Подожди, я умру – и приду. – Москва: Издательство АСТ, 2019. - 283 с.
4. Joanne Harris Jigs and Reels – London, 2006. 304 p.

Т.М. Никаева
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)
elizarovat@mail.ru

ОЙКОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА

В любой топонимической системе важнейшую роль играют ойконимы – названия населенных пунктов региона: они фиксируют в документах официально утвержденные формы географических названий – сведения о месте рождения, учебы, постоянного или временного проживания – и сопровождают человека всю его жизнь. Запечатленный в языке культурный топонимический код отражает межязыковые, межкультурные контакты, следы прибывания аборигенных народов на определенных территориях, смену политических систем, этапы промышленного освоения.

Описание регионального ойконимикона на основе семантико-смыслового и функционального параметров позволяет выявить особенности пространственно-культурного кода, в котором вербально выражаются как универсальные, свойственные и другим топонимическим системам, так и уникальные культурные значения.

Ойконимическая система Республики Саха (Якутия) представляет многослойный, очень объемный и сложный для определения происхождения и значения, пласт лексики, сформированный за многовековую историю региона на основе самодийских, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, монгольских, славянских языков и их диалектов. Русское население перенимало уже существующие географические наименования, адаптируя их под звуковой строй своего языка, поэтому многие исконные онимы были зафиксированы с искажениями и в настоящее время определить истинное происхождение и значение топонима очень часто не представляется возможным.

Значение географического наименования сложно определить еще по одной причине, «топоним, как и любое имя собственное, представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстралингвистического планов, сведения о слове переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте [3]. И эта информация, по мнению Фаткуллиной Ф.Г., является закрытой для «непосвященных», не владеющих необходимыми фоновыми знаниями, которые концентрируются в ономастической лексике. Образная номинация, заключенная в топониме, «всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа

- субъекта номинации картину мира» [Там же]. Поэтому можно утверждать, что ойконимы являются фрагментом этнического образа мира.

Ойконимикон как фрагмент этнического сознания жителей Якутии можно изучать на основе нового «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты», опубликованного в 2022 году. В нем собраны версии происхождения и значения 562 населенных пунктов региона, приводятся мнения ученых-топонимистов, этнографов, лингвистов и историков о происхождении географических названий, а также легенды, предания местных жителей о появлении названий их родных мест [2, с. 4]. Обобщенные и систематизированные в словаре данные могут способствовать выявлению универсальных и уникальных принципов имянаречения ойконимов Якутии, определению мотивирующих признаков при выборе слов для обозначения географических объектов. А это даст представление о топонимическом фрагменте этнического сознания жителей Республики Саха (Якутия).

Одной из концептуальных операций, в результате которой появились якутские ойконимы, можно назвать метафоризацию. Например, на основе метафорических ассоциаций и сравнений было образовано название села Бирюк, от як. *бүүрүк* ‘кайма, обшивка, кант, обод, ободок’ употребляется в значении: «‘окружающий, окрестный (лес, гора, берег и т. п.)’» [1, с. 45]. Село Иенгра, название которого образовано от эвенк. *ийэ* ‘рог’, *-нгра-* – аффикс, обозначающий названия гор, рек, озер или местностей, данных по характерному для них предмету, указанному в основе слова. Гидроним Иенгра – метафорический местный географический термин, образованный в результате иносказательного использования названия частей тела животных для обозначения элементов рельефа. В верховьях реки множество разветвлений, которые, если смотреть на них с гор, напоминают рога оленя. Слово можно перевести как «ветвистая, напоминающая рога оленя» [Там же, с. 28].

При анализе ойконимов Якутии можно выделить и другие концептуальные модели их образования. Являясь актуальными единицами языка, географические наименования заключают в себе культурный код, который можно расшифровать, выявляя мотивационные принципы их создания.

Список литературы

1. Багдарыын С. Топонимика Якутии: крат. науч.-поп. очерк / Отв. ред. П.А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. Изд. 2-е, испр. и доп. Якутск: Бичик, 2004. 190 с.

2. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты / Т.М. Никаева, А.С. Старостина, М.В. Тарабукина и др. Новосибирск: Архимед, 2022. 224 с.

3. Фаткуллина Ф.Г. ТОПОНИМЫ КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-

4.: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения: 22.11.2023).

Л.Г. Попова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
Larageorg5@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СЛОВ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Культурная память в настоящее время остается предметом постоянного исследования представителей гуманитарных дисциплин [1; 4]. Как отмечает О.В. Первушина, упоминая работы Я. Ассмана, который разработал концепцию структуры культурной памяти, когда культурная память представляет собой специфическую для каждой культуры форму передачи и осовременивания, реактуализации культурных смыслов [3]. Культурная память хранит традиции культуры, часть которых выражается в виде этнической картины мира, позволяя носителям данной культуры сохранять свою устойчивую общность, несмотря на постоянно происходящие процессы ассимиляции других этносов и этнической групп [2].

В рамках данного исследования рассмотрим такое явление как культурная память слов, которая помогает выяснению этнического образа мира древних германцев. Используя данные переводных, толковых и этимологических словарей, обратимся к сравнению значений слов, представляющих такой древний предмет добычи рыбы, как невод в немецком, английском, исландском и готском языках.

Само слово русского языка имеет соответствия и в германских языках: шведское *vad* "невод", средневерхненемецкое *wate*, средненижненемецкое *wade* "рыболовная сеть", древнеисландское *var* [5]. В немецком языке слову невод соответствует слово *Fischernetz*, которое этимологически восходит к древнегерманскому **natja-*, обозначающее сеть для ловли не только рыбы, но и птиц, мелких животных [8]. А английские слова *seine*, *dragnet* восходят к западногерманскому *sagina* и к протогерманскому *draganan*, имея аналогичное значение [9]. В исландском языке это слова *nót*, *nót f -ar*, *naetur* большая сеть, невод и *drag||nót f* невод [6]. В готском языке сюда относится слово $\Psi\text{INS}\text{N}$ (@1 : en: [drag](#)) [7]. Отсюда можно сделать вывод о том, что в германских языках, а именно в английском, исландском и готском, большее распространение получает слово *drag*, восходящее к протогерманскому *draganan*, обладая значением сети, приспособленной как для ловли рыбы, так и для ловли птиц, мелких животных. Это обстоятельство дает нам основание полагать, что в словах сохраняется память о первичном облике этого предмета, демонстрируя практичность древних

германцев использовать сеть для разных целей ловли добычи как в воде, так и на суше, заботясь о пропитании самих себя и своих семей.

Список литературы

1. Авербух К.Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К. Я. Авербух, Л. Г. Попова, Л. М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования : монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 15-22.

2. Зверев О.В. Этническая картина мира как выражение менталитета этноса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011.

3. Первушина О.В. Культурная преемственность, культурная память и традиция: соотношение понятий как культурологическая проблема // Мир науки, культуры, образования. 2011.

4. Чупрына О.Г. Эволюция языковой репрезентации понятия судьба в английском языке / О. Г. Чупрына // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2(10). С. 36-43.

5. URL: <https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com/>

6. URL: <https://norroen.info/dct/berkov/n.html>

7. URL:

<https://ru.glosbe.com/ru/got/%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C>

8. URL:

<https://translate.yandex.ru/translator/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>

9. URL:

https://www.google.com/search?q=ueuk+gthtdjlxbr&rlz=1C1GIGM_enRU889RU889&oq=ueuk+gthtdjlxbr&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOTIPCAEQABgKGIMBGLDGLIAEMgkIAhAAGAoYgAQyDwgDEAAyChiDARixAxiABDIJCAQ QABgKGIAEMg8IBRAAGAoYgwEYsQMYgAQyCQgGEAAyChiABDIJCAcQABgKGIAEMgkICBAAGAoYgAQyCQgJEAAyChiABNIBCjIzMDc2ajBqMTWoAgCwAgA&sourceid=chrome&ie=UTF-8

Н.А. Пробст
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Россия, Калининград)
NProbst@kantiana.ru

«РОДНОВЕРЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»²

Кризис идентичности для нашей страны вплоть до настоящего момента является доминирующим – даже по сравнению с такими кризисами, как экономический и социальный (см., например: [Панарин 2003; Коряковцева, Бугайчук 2018 и др.]). Очередной попыткой преодолеть данный кризис является модель идентичности, предлагаемая сторонниками современного славянского язычества (родноверами). В основе данной модели находится комплекс гетерогенных и разнонаправленных, меняющихся от общины к общине идейных установок, обладающих двумя общими концептуальными аспектами: (ре)конструкция славянской языческой религиозной системы и следование уникальному этнокультурному «славянскому пути» (см., например: [Добровольский 2004; Манифест 2007 и т.д.]). Результатом этого стало создание целого ряда разнородных синкретических квазирелигиозных конструктов разной социально-политической ориентированности (от экоактивизма до анархо-социализма). Для преодоления недостаточности теоретической (религиозно-философской, обрядовой, материальной) базы данных конструктов родноверы формируют альтернативную (мифологизированную) картину русской исторической действительности (см.: Шнирельман 2003; Шиженский 2009; Бесков 2022 и др.]). Для ее защиты они активно применяют приемы речевой манипуляции, основанные на искажении смыслового наполнения актуальных образов исторических событий и явлений – инверсию, стигматизацию, подмену данных и др. (см.: [Пробст 2023]). Таким образом, создается националистически окрашенная, но по факту псевдоэтническая идеологическая парадигма, основанная на эксплуатации национальных чувств наших сограждан и оперирующая яркими, но часто оторванными от исторической реальности образами, ассоциирующимися в массовом сознании со «славянством».

Модель идентичности, основанная на вышеуказанном мифотворчестве, при всех своих очевидных недостатках, вызывает определенный отклик у части современного российского общества. Представители этой части испытывают чувство определенной культурной и социально-экономической незащищенности и ищут способы ее преодоления. С другой стороны, они часто не имеют или, что прискорбнее, не желают иметь необходимого уровня интеллектуальных и

---

² Исследование выполнено за счет проекта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта

культурных компетенций для критического осмысления предлагаемой родноверами картины реальности.

Между тем ревизионистская ориентированность родноверческой модели идентичности имеет значительный деструктивный общественно-культурный потенциал, что обусловлено следующими факторами:

1) фактическое обесценивание в массовом сознании исторических и культурных достижений нашей страны за последнюю тысячу лет, их замена на фейковую картину «великой языческой Руси, которую мы потеряли»;

2) развитие и поддержание антагонистических настроений в современном российском обществе, связанное с дифференциацией по религиозному и этническому признаку (несмотря на непризнание данного факта многими родноверами).

В актуальных внешне- и внутривосточных условиях, требующих от нашего общества глубокой и всесторонней консолидации, распространение рассматриваемой псевдоэтнической религиозно-культурной парадигмы является, по нашему глубокому убеждению, в высшей мере опасным явлением.

Список литературы

1. Бесков А.А. Противоречивые образы прошлого в российском информационном пространстве как фактор фрагментации массового исторического сознания // В сб.: Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2022. – С. 179-183.

2. Гаврилов Д. А., Брутальский Н. П., Авдонина Д. Д., Сперанский Н. Н. Манифест языческой Традиции. М.: Ладога-100, 2007. – 40 с.

3. Добровольский А. (Доброслав) Светославие (очерки языческого мироощущения). Киров: ОАО «Дом печати – Вятка», 2004. – 95 с.

4. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Молодежь России: кризис гражданской идентичности // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1. С. 140-150.

5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М., 2003. – 558 с.

6. Пробст Н.А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. 2023. № 3. С. 170-189.

7. Шиженский Р.В. Неязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. – С. 250-256.

8. Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. – С. 3-14.

А.Р. Сухорукова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
SukhorukovaAR@mgpu.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ «КАРТИНЫ МИРА» У СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВФЕМИЗМОВ)

В процессе изучения иностранного языка обучающиеся должны получать и определённые знания о культуре, традициях и обычаях его народа. Несмотря на то, что в рамках высшей системы образования подобные моменты уже отчасти предусмотрены, зачастую этого оказывается недостаточно для формирования конкурентноспособной «вторичной языковой личности» [Халеева, 1990, с. 36].

В первую очередь, данная проблема возникает в связи с тем, язык, как уже неоднократно отмечали как отечественные, так и зарубежные исследователи, – это живой организм, развивающийся по мере формирования и становления общества. Языки постоянно пополняются новыми словами и выражениями, отражающими изменяющиеся реалии жизни. Уже известные лексические единицы приобретают новые значения, а те, которые ранее считались общепринятыми, попадают под запрет и приобретают статус «табу». Очевидно, что подобные аспекты значительно осложняют процесс изучения иностранного языка и, как следствие, требуют более детального анализа.

В большинстве случаев студенты высших учебных заведений испытывают трудности с усвоением и определением различных культурно-обусловленных языковых единиц, среди которых особое место занимают эвфемизмы, то есть слова, служащие для замены слов и выражений, которые в соответствии с нормами современного английского языка перешли в категорию оскорбительных или же неполиткорректных.

В докладе на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента рассматриваются наиболее значимые зоны эвфемизации английского и русского языков, предлагается их сопоставительный анализ, а также оценивается способность русскоговорящих студентов выявлять и переводить английские эвфемистические единицы в соответствии с уже сформировавшейся в их сознании «картиной мира» под влиянием родного языка и культуры, а также их способностью осваивать культурный фон изучаемого иностранного языка.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – С. 296-299.
2. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: автореф. дис. ...д-ра пед. наук. – М. – 1990. – 36 с.

Д.С. Сучканцева
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Россия, Арзамас)
almazik2705@yandex.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Российская Федерация является многонациональной страной, где проживает большое количество различных этносов, одним из которых является мордва. Мордовский этнос – самый многочисленный народ финно-угорской языковой семьи. По своему национальному составу мордовский народ этнически неоднороден. Основными субэтническими группами мордвы являются мокша, эрзя и шокша.

Мордва – это народ с богатой и разнообразной культурой, которая формировалась на протяжении тысячелетней истории. Культура мордвы настолько обширна и многогранна, что её до сих пор не могут охватить труды многочисленных учёных, исследующих эту область знания.

Психологическая культура неотделима от культуры этноса. Можно сказать, что это определенный срез общей культуры, имеющий психологическое содержание. В нем накапливается многочисленный национальный опыт отношений человека с другими людьми и с самим собой, отражаясь в обычаях, традициях, устном народном творчестве (народных песнях, сказках, пословицах и поговорках), костюме, национальной кухне, языке и в других носителях. [6, с. 314].

Под влиянием психологической культуры формируется национальный характер. Так, В. Г. Крысько выделяет следующие особенности национального характера мордвы: «Представители мордовской национальности просты и добродушны в общении с представителями других этносов, обладают живостью ума, хорошей памятью, постоянством и стабильностью поведения, честолобием. У мордвин высоко развито чувство национальной гордости, но они предпочитают, чтобы прежде всего отмечали их индивидуальные заслуги и личное достоинство» [4, с.154].

Психологическая культура влияет на формирование целостного представления о мире и способах поведения, учитывающих различные силы этого мира – природные, социальные, сверхъестественные. Истоки психологической культуры этноса уходят в мифологические представления о природе человека и его души, определяются архетипами, символизирующими эти представления.

Таким образом, психологическая культура каждого этноса оказывает влияние на его духовную культуру, является важной составляющей самосознания и целостной картины мира народа.

В духовности мордовского народа на первом плане было язычество,

следование принципам которого вошло в мировоззрение, обычаи мордвы.

Одной из уникальных особенностей психологической культуры мордвы является отношение к суевериям и приметам, которые играют значительную роль в повседневной жизни данного этноса. Они формируют особое отношение к окружающему миру, поведению и принятию решений. Например, многие представители мордвы верят в приметы, связанные с природными явлениями, животными, растениями и другими объектами окружающей среды. Такие приметы сформировались в процессе длительного наблюдения за природными и погодными явлениями на территории проживания мордвы. Эти знания помогают людям вести сельское хозяйство, предсказывать погоду, принимать решения, связанные с хозяйственной деятельностью (посевными, поездками и т.п.). Например: «Бледный цвет луны – к снегопаду», «На Рождество непогода – лето будет дождливое», «Дым в печь возвращается – к холодам» [7, с.146-148].

Немало примет языческого характера было связано с покровительницами стихийных сил природы: Вирява (богиней леса), Вармава (богиней ветра), Ведява (богиней воды), Норо-ава (хозяйка поля): «В лесу Вирява – ростом с дерево, по полю идет – ростом со жниву», «Ветер дует со свистом, Вармава ищет свое дитя».[1, с. 62] Почитание покровительниц было важным для мордвы, чтобы не наделать неприятностей, необходимо было вовремя задобрить божества. Это включало в себя различные жертвоприношения животных и жертвенные дары – в виде денег, вина, еды и драгоценностей.

Суеверия также оказывают влияние на поведение и мышление мордовского народа, которые больше свойственны мокши и шокши. Например, многие суеверия связаны с защитой от злых духов и болезней, поэтому люди следят за тем, чтобы не нарушать определенные правила и обряды, чтобы избежать неприятностей. Например: мокшане верят, что нельзя покидать дом, если кто-то из домочадцев кашляет. Считается, что это может привести к болезни или другим неприятностям. Такие убеждения могут оказывать влияние на принятие решений, а также на образ жизни самого человека.

Ярким отражением психологии народа являются фольклорные песни, сказки и обряды, которые передают из поколения в поколение, сохраняя уникальные черты этноса и его историю. Фольклор мордвы богат, высокохудожественен, имеет свою специфику, которая заключается в наличии двух языков: эрзянского и мокшанского. Особенностью мордовского устного народного творчества является то, что прозаические произведения (сказки, легенды, предания) могут иметь и свои песенные параллели: песни-сказки, песни-легенды и т.д.

Несмотря на то, что каждый отдельный жанр имеет свои особенности, им всем свойственны общие черты, которые и объединяют жанры во внутренне связанную систему. Изображение народной жизни, отражение народной психологии и воззрений, выражение народных идеалов и стремлений присущи всем жанрам фольклора.

Сказки один из самых распространенных жанров устного народного

творчества. Они передают ценности, нормы поведения, моральные уроки и представления о мире. В мордовских народных сказках герои погружены в так называемое манипулятивное общение. Чаще всего субъектом манипуляции выступают отрицательные персонажи, которые ущемляют жизненные интересы других героев, а объектом манипуляции обычно являются положительные персонажи. Это говорит о том, что этот достаточно сложный, интеллектуально насыщенный и в то же время не совсем нравственный вид общения хорошо известен мордовскому народу, причем он имеет очень глубокие исторические корни. Можно предположить, что одна из педагогических функций сказок, как носителей психологической культуры народа, заключается в том, чтобы знакомить детей с феноменом манипулятивного общения и формировать у них готовность к защите от манипулятивных воздействий. Примером этого служат такие сказки как «Сказка о племенном вожде — царе Тюште», «Дуболго Пичай», «Куйгорж». [7, с. 265-266, 361].

Сказки оказывают значительное влияние на психологическую культуру мордовского этноса, учат людей правильному поведению и помогают им развить положительные личные качества.

Помимо сказок, обрядовая поэзия мордовской культуры тоже оказывает влияние на психологическое состояние людей. Например, вера в силу определенных обрядов может создать у людей чувство безопасности и уверенности, что влияет на их эмоциональное состояние.

Самым древнейшим обрядом является мордовская свадьба, которая вобрала в себя ряд экономических, правовых, религиозных и поэтических элементов, объединенных общей тематикой. Свадьбе, как и другим обрядам, свойственна обязательность и устойчивость отдельных сценок и обычаев. Традиционный свадебный обряд и свадебный фольклор были тесно связаны с бытом старой мордовской деревни, но развивались в зависимости от конкретных исторических условий. Мордовская свадьба состояла из трех главных этапов: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный. Вокруг них и группировались все остальные обрядовые действия. Например, важным элементом свадьбы является обряд «парьянь вачкама», когда невеста принимала участие в укладывании вещей в сундук (парь), который «обеспечивал» ей счастливую семейную жизнь. «Поэтому вначале парь очищали от «нечистой силы» (обводили зажженной свечой, иконой, сыпали щепотку соли), затем на его дно клали деньги, хлеб, лепешки, иногда посуду, чтобы «сундук всю жизнь не был пуст, чтобы молодые жили богато».[3] В целом, свадебный обряд мордовской культуры является важной частью национальной и психологической культуры этноса, отражая его ценности, традиции и установки.

В мордовской культуре значительное место занимают малые жанры: пословицы и поговорки, каламбуры, загадки. Самым распространенным и жизнестойким видом являются пословицы и поговорки.

В народных пословицах и поговорках проявляется самобытность поэтики этноса, его национальный менталитет: «Мезе тонадоть шабакс-саты мянь атыкс-

бабакс» (Земля солнцем освещается, человек наукой просвещается); «Видечись видечис кеми» (Правда правде верит); «Сюронтъ онкстыть вессэ, вадря эрямонтъ - паро тевсэ» (Зерно взвешивают весами, хорошую жизнь – добрыми делами). [5, с. 280] Они передают мудрость и опыт предков, помогают людям в принятии решений, определяют их жизненные ориентиры, отношение к жизни, к семье и к другим аспектам жизни. В них заключены уникальные образы, символы и метафоры, которые помогают понять особенности мышления и восприятия мира мордовским народом.

Важным качеством личности для мордвы является трудолюбие. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, которые подчеркивают важность труда и усердия в достижении успеха и благополучия, а также его влияние на развитие личности: «Тевень вечки ки ули, се паро валтак мари» (Кто работу будет любить, тот хорошие слова будет слышать); «Важодицясь вешни тев, нузяксось-тувтал» (Трудолюбивый ищет работу, ленивый – причину) и другие.

Ещё одной ярко выраженной ментальной чертой мордвы является безграничная любовь к родным местам, уважение к своим корням, истории и традициям. На это указывают следующие пословицы и поговорки: «Тиринаь велес кись келей» (В родное село дорога широкая); «Чачома масторот кисэ виетькак, эрямоткак иляк жаля» (За родную сторону ни сил, ни жизни не жалея) и другие [5, с. 280]. Они способствуют формированию у человека устойчивой психологической связи с родным краем, что, в свою очередь, укрепляет чувство этнической принадлежности, уверенности в себе и самоидентификацию.

Неотъемлемой частью этнической психологической культуры является традиционный мордовский костюм. Каждый элемент костюма несет глубокий символический смысл, передавая конкретные аспекты жизни этнической группы и их психологические черты, уникальные особенности мышления, чувств и ценностей мордовского народа.

Особое значение в национальном костюме мордвы имеет яркая и насыщенная цветовая гамма. Традиционными цветами является красный, белый, синий, зеленый, желтый и оранжевый. Каждый цвет несет свое значение: красный цвет – «якстере», будучи одним из самых распространенных и любимых у мордвы, символизирует силу, энергию и пламя жизни; синий – мудрость и гармонию; белый являлся знаком очень высоких моральных требований этнокультуры (чистота, сдержанность, невинность); зеленый символизирует природу и плодородие, желтый – свет и радость.

Ношение традиционного костюма для мордовского народа имеет глубокий символический смысл: через костюм выражается принадлежность к этносу, сохранение и передача психологической культуры, проявление уважения к предкам и традициям. Национальный костюм способствует не только национальной самоидентификации отдельно взятого представителя мордвы, но и, являясь важным элементом общения между представителями этноса, способствует формированию единства и солидарности внутри общины, укрепляя чувство принадлежности к своему народу.

Важным элементом и украшением мордовского национального костюма является вышивка, орнамент. Анализируя художественные и конструктивные особенности мордовского орнамента, мы видим, что весь орнаментальный ряд в вышивке имеет глубокий символический смысл, отражая мифологические представления, религиозные убеждения, исторические события и обычаи народа. Зачастую на вышивке можно увидеть орнаменты геометрической формы, абстрактные узоры, изображения растений, животных и предметов быта. Каждый знак в орнаменте имеет свой собственный смысл и передает глубокие традиционные ценности и представления мордовского этноса. Крест, как эмблема солнечного божества, становится языческим очистительным символом. Он является самым распространенным символом, его используют в разных вариантах орнаментального строя женской одежды. Наиболее древним элементом декоративно-прикладного творчества является «супрят», т.е. ромб, который символизирует женское начало. Круг в мордовской этнознаковой символике использовался как символ солнца, луны, колеса. Квадрат означает порядок, истину, справедливость, мужское начало. [2, с. 259].

Отражение орнаментальной интерпретации знаков-символов в мордовском костюме находится в прямой зависимости от миропонимания народа. Мордовский орнамент с его архаичностью и насыщенностью знаковой символики, вобрал в себя воззрения на окружающий мир многих поколений. В их основе – прочная связь с природой, земледелием, плодородием, общиной, родом. Отголоски языческих представлений, прочно укоренившиеся в генетической памяти народа, находят отражение в мировоззрении современных представителей мордвы.

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическая культура тесно связана с национальной культурой и оказывает значительное воздействие на мордовский народ. Она влияет на восприятие себя в своей культуре, на отношения внутри общины, на развитие личности и самоидентификацию. Психологическая культура определяет и способы разрешения конфликтов, подход к воспитанию детей, отношение к природе и окружающей среде.

Богатая национальная культура мордвы – это отражение многовекового опыта народа. Передача традиционных ценностей будущим поколениям имеет важнейшее значение для сохранения культурного наследия и самобытности данного этноса. Изучение психологической культуры мордовского народа может помочь лучше понять его особенности, традиции и потребности, а также способствовать развитию дальнейшего исследования этой культурной группы.

Список литературы

1. Ваганова Е.Н. Фольклор мордвы - мокши: к проблеме бытования народных примет // Финно-угорский мир. 2013. № 3 (16). С 58-66.
2. Корнишина Г.А. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2002.

3. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007. 116 с.
4. Крысько, В. Г. Этническая психология. М.: Изд. центр «Академия», 2002.
5. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. статья, запись, системная обраб. текстов и переводы их на рус. яз. К.Т. Самородова. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1986.
6. Романов К. М. Психологическая культура личности. Москва: Когито-Центр, 2015. 314 с.
7. Седова Л.В. Занимательная фольклористика. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2015.

*Хэ Цзэ
Белгородской государственной университет
(Россия, Белгород)
Heze940306@mail.ru*

АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЕТАФОРЫ И ИХ ОБУЧЕНИЕ МЕТАФОРАМ

Люди неосознанно используют метафоры для выражения своих взглядов при общении и обмене идеями, и применение этого метода делает язык более гибким, ярким и позволяет людям понимать незнакомые вещи, услышав их. Китай и Россия в культуре, географии, истории, привычках и других аспектах отличаются друг от друга, что приводит к очевидным различиям между двумя сторонами метафоры. Обучение русско-китайским метафорам необходимо проводить в различных культурных контекстах оригинального текста, чтобы предотвратить общение между двумя сторонами при культурном недопонимании, и для перевода последующей работы для обеспечения помощи.

I. Основные принципы русско-китайского метафорического перевода
Во-первых, в основе лежит принцип соответствия русско-китайскому культурному фону. Во-вторых, существует принцип соответствия привычкам выражения русского и китайского языков. В-третьих, необходимо следовать принципу целостности стыковки, сохранять целостность смыслов русского и китайского языков.

II. Анализ культурных различий в русско-китайских метафорах

Во-первых, различия в культурных практиках. Во-вторых, культурно-психологические различия. В-третьих, различия в точке зрения. В-четвертых, различия в ассоциациях. В-пятых, различия в природной среде.

III. Анализ метафорического обучения в русском языке с точки зрения культурных различий.

1. Прямой перевод. При обучении русско-китайскому переводу или русско-китайским метафорам преподаватели часто ориентируют студентов на использование метода прямого перевода.

2. Сетный перевод. При переводе необходимо опираться на теорию русско-китайских метафор. Люди разных национальностей живут в разных культурных средах, и их мышление также характеризуется метафорами.

3. Смысловой перевод. Иногда в процессе метафорического перевода невозможно найти предложение, прямо соответствующее предложению оригинала, а наличие культурных различий не позволяет не решать проблему по-другому, поэтому преподаватель может использовать в обучении технику перефразирования.

IV. Развитие метафорических компетенции студентов

1. Понимание универсальности и образ метафор.

2. Улучшение метафорической компетенции.

3. Межкультурные различия в когнитивных метафорах.

V. Заключение.

В заключение следует отметить, что в связи с различиями в культуре Китая и России преподавателям необходимо совершенствовать культурные знания обучающихся при обучении русско-китайским метафорам, чтобы обеспечить точность перевода и способствовать позитивной роли передачи культуры. Преподаватели должны обучать студентов различным навыкам перевода русско-китайских метафор и улучшать понимание метафор студентами с помощью научных методов.

Список литературы

1. Чжао Шипин. Метафорические смыслы прилагательного КРАСНЫЙ в русской и китайской лингвокультурах / Шипин Чжао, Ю. Н. Михайлова. — Текст: электронный // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте : Тезисы докладов ежегодной международной конференции кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета. — Екатеринбург : ООО «Издательский дом "Ажур"», 2021. — С. 89-91.

2. 徐爱华. 中西方差异视角下英汉隐喻翻译策略研究[J]. 海外英语, 2019(20):64-65.

3. 乔娇. 英汉熟语的概念隐喻视角及其对外汉语教学启示[J]. 中国农村教育, 2019(20):44-45.

4. 陈雪, 李想. 认知语言学视角下英汉谚语的隐喻翻译及策略[J]. 辽宁工程技术大学学报: 社会科学版, 2019, 21(3):234-237.

5. 顾薇. 文化差异视角下英汉隐喻翻译策略研究[J]. 海外英语, 2018(17):114-115.

6. 王庆, 陈卉. 英语专业学生英汉隐喻翻译能力培养研究[J]. 山东外语教学, 2018, 39(3):105-114.

Секция №3
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ
ТРАНСФОРМАЦИИ МЫШЛЕНИЯ

Н.Н. Алигаева
Академия ФСИИ России
(Россия, Рязань)
nigar-0520@mail.ru

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МИФ
ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В последние десятилетия в нашей стране, в связи с распространением короткоформатного контента в медиапространстве, актуальность приобрели исследования феномена «клиповое мышление». На базе отдельных высших учебных заведений реализованы исследования данного феномена на группе обучающихся одной возрастной категории, но сравнительных анализов с другими лицами не осуществлялись, поэтому сложно сделать выводы об отличии мыслительных процессов различных поколений. Также исследователи за пределами России считают, что его проявления в большей степени связаны именно с глобальной цифровизацией, а научных исследований по теме практически невозможно встретить. Но не оспорим тот факт, что с доступом к различным социальным сетям и информационному потоку люди ежедневно потребляют огромное количество контента. Давление информационного шума приводит к потере способности к концентрации, анализу и синтезу приобретённой информации, затруднённости в запоминании и дальнейшем воспроизведению, оскудению языка, увеличенному использованию заимствований.

В современной отечественной науке данному понятию посвящены труды следующих исследователей: И.С. Абдрахманов (2018), Д.О. Березуцкая (2015), А.Р. Григорян (2022), В.К. Колобаев (2022), К.А. Кочетков (2016), Ю.А. Кошкарлова (2020), К.Г. Кречетников (2015), Д.В. Масленникова (2018), В.В. Нечунаев (2018), Г.В. Орлова (2018), А.А. Павлова (2023), И.Г. Пендикова (2016), А.А. Саблина (2019), Т.А. Сеницына (2022), В.Л. Цветков (2023), Е.В. Чупракова (2020), Е.Н. Яркова (2019), Д.А. Ясакова (2022) и другие.

Согласно К.Г. Кречетникову данный тип мышления оказывает сильное влияние на учебную деятельность: современные обучающиеся не способны осилить классические художественные произведения, у них снизился коэффициент усвоения знаний, а самое главное – это ведет к упрощению образовательного процесса, где педагоги вынуждены подстраиваться под особенности восприятия обучающихся. Это также неизбежно приводит к сложностям социализации выпускников вузов, длительности процесса их

профессиональной и социально-психологической адаптации [1, с. 63]. В.В. Нечунаев также выделяет особенности, характерные для современной молодежи: неразвитость навыков чтения, понимания, запоминания сложных текстов, ослабление памяти (в связи с постоянным доступом к интернету для поиска необходимой информации), затрудненность логических выводов, что изменяет восприятие рациональности, сложность быстрого перехода от мышления к деятельности, распространение плагиата, не понимание различий между информацией научной, квазинаучной и медийной, лёгкая манипулируемость, открытость к деструктивному влиянию через социальные сети [2, с. 182].

Г.В. Орлова отмечает, что одним из положительных влияний данного способа мышления является многозадачность, однако платой за это выступает рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст [3, с. 77]. Способность к многозадачности действительно является мифом: из-за неспособности четко концентрировать своё внимание и удерживать поток мысли человек постоянно переключается между делами, что приводит к низкой результативности в каждом из них. В открытых интернет источниках и некоторых статьях можно встретить положительное влияние данного феномена на психологические особенности человека, но к каждому варианту можно найти и свои опровержения. Самые распространённые также следующие мифы:

1) ускорение реакции: за счёт минимизации обработки и анализа поступившей информации происходит быстрая, «шаблонная» реакция на стимулы;

2) защита психики от перегрузки: данный способ мышления способен на непродолжительный период времени принести лёгкость в жизнь человека, однако процесс мышления, несмотря на свою трудоёмкость и энергозатратность, необходим человеку для полноценного функционирования и раскрытия собственного потенциала;

3) умение адаптироваться под имеющиеся условия: для создания чего-либо или изменения каких-то обстоятельств необходимо проявления волевых усилий и умственных способностей, поэтому наиболее легким способом является адаптация.

Таким образом, можно отметить, что в современном мире проявляются специфические особенности мыслительных процессов у молодого поколения. Попытки придать им положительное влияние заканчиваются разоблачением мифов. Насколько возможно появление данного «клипового мышления» в современных условиях – вопрос остается пока открытым. Однако невозможно исключить влияние информационного научно-технического прогресса на сознание людей и особенности их восприятия информации.

Список литературы

1. Кречетников К.Г. Учёт феномена клипового мышления в образовании // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 3-5. С. 62-64.
2. Нечунаев В.В. Преодоление клипового мышления у современных студентов // Reflexio. 2018. Т. 11. № 2. С. 181-207.
3. Орлова Г.В. Клиповое мышление ребенка: плюсы относительно, минусы очевидны // В сборнике: Психолого-педагогические проблемы развития ребенка в современных социокультурных условиях. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 75-79.

А.И. Архангельская
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
ArkhangelskayaAI896@mgpu.ru

ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Искусственный интеллект становится все более проникновенной и неотъемлемой частью нашей жизни. Он затрагивает различные области, начиная от автоматического перевода и голосовых помощников до самоуправляемых автомобилей и роботов-помощников. Однако, несмотря на достижения в этой сфере, некоторые вопросы остаются нерешенными: насколько близко мы приблизились к созданию искусственного интеллекта, способного думать так же, как человек? Возникает интересное противостояние между возможностями компьютерных систем и уникальностью мышления человека [1].

Исследования в области понимания работы человеческого мозга и его связи с искусственным интеллектом приводят к появлению новых технологий и алгоритмов, которые стараются моделировать или повторить процессы мышления. Разработчики стремятся создать компьютерные программы, способные анализировать информацию, делать выводы, принимать решения и даже "учиться" на основе новых данных. Однако, несмотря на все свои возможности, компьютерные системы все еще далеки от полного понимания и воспроизведения сложных процессов мышления человека. Возникает вопрос: возможно ли вообще создание искусственного интеллекта, способного сравниться с уровнем мышления человека?

Исторически сложилось мнение о том, что человеческий мозг имеет неповторимые качества, которые невозможно воспроизвести при помощи компьютерных алгоритмов. Однако последние достижения в области искусственного интеллекта вызывают сомнения в этой точке зрения [2].

Изучение и развитие искусственного интеллекта вызывает все больший интерес учёных и специалистов в области информационных технологий. В то же

время, возникает вопрос о возможности сравнения его с человеческим мышлением.

Роль искусственного интеллекта (ИИ) в моделировании человеческого мышления является одной из ключевых областей исследования в сфере когнитивных наук. ИИ предоставляет возможность создать компьютерные модели, которые могут имитировать различные аспекты человеческого мышления, такие как восприятие, понимание, обучение и принятие решений.

Одним из основных пересечений между ИИ и человеческим мышлением является разработка алгоритмов машинного обучения, которые способны самостоятельно учиться на основе опыта. Это подходит под концепцию некоторых теорий человеческого мышления, таких как коннекционизм, который утверждает, что знания формируются через связи между нейронами в головном мозге.

Кроме того, моделирование человеческого мышления с помощью ИИ может использоваться для создания новых методик диагностики и лечения психических расстройств. Например, компьютерные программы могут помочь в детектировании признаков депрессии или шизофрении на ранних стадиях, что позволит своевременно начать лечение [3].

Однако, несмотря на значительные успехи в данной области, существуют и ограничения. Взаимодействие искусственного интеллекта и человеческого мышления в реальном мире.

В современном мире мышление человека и искусственный интеллект становятся все более взаимосвязанными и пересекаются в различных областях жизни. Одним из примеров такого взаимодействия является использование ИИ в медицине. Системы искусственного интеллекта способны анализировать огромные объемы данных пациентов, выявлять скрытые закономерности и предоставлять точные диагнозы. Одновременно, люди используют свое мышление и знания для интерпретации результатов ИИ и принятия решений о лечении.

Ещё одной областью, где происходит пересечение ИИ и человеческого мышления, является автоматизация рабочих процессов. Например, в производстве роботы-манипуляторы выполняют сложные операции по сборке товаров на конвейерах. Однако эти роботы нуждаются в программировании, которое осуществляется людьми с использованием своего мышления и интеллекта.

В целом, взаимодействие человека и искусственного интеллекта имеет огромный потенциал для развития и совершенствования различных отраслей человеческой деятельности. Однако требуется постоянное исследование и обновление, чтобы преодолеть ограничения и эффективно использовать возможности ИИ.

Список литературы

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. – М.: Альпина нонфикшн, 2015, 304 с.
2. Бринк Х., Ричардс Д., Феверолф М. Машинное обучение. – СПб.: Питер, 2017, 336 с.: ил. – (Серия «Библиотека программиста»).
3. Брокман Джон. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте»: Альпина нон-фикшн; Москва; 2017, 247 с.

З.Н. Афинская
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
afin-zn@mail.ru

КОМБИНАТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК ФАКТОР СИНЕРГИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Синергийное мышление как важнейшая характеристика единства окружающего мира способствует взаимодействию различных научных дисциплин и раскрытию новых возможностей для трансформации терминологических систем, созданию комплексных или комбинативных терминов. Вслед за Г.Барановым, мы утверждаем, что комплексные термины, образованные благодаря метафоризации одного из их элементов, моделируются «на материале наук, весьма отдаленных» от предметной области первоначального знания, «но, тем не менее, обладающих в своих предметных областях некоторым сходством» [2, с. 339].

Термин *архитектоника* и прилагательное *архитектонический* используется в самых разных сферах знания – архитектуре, индустрии, социологии, политологии, философии, медицине, искусствоведении и др. Идея логической, конструктивной и эстетической связанности элементов целого в качестве семантической основы этого концепта позволяет постоянно расширять сферу его употребления (*новая архитектоника мирового содружества, моделирование архитектоники религиозного дискурса*). Понятие *архитектоника* журнала или книги предполагает необходимость соподчиненности их элементов наряду с требованием их гармонического сочетания.

Концептуальное пространство этого слова с учетом его эмоционально-психологического содержания оказалось в фокусе теории литературного языка. Архитектоника прозаического произведения, по акад. В.В. Виноградову [3, с. 67] подразумевает формирование символов, эмоций и смыслов в их сложном

переплетении, а также поток ассоциаций вплоть до случайного нагромождения деталей и немотивированное разрушение композиции. Семантика архитектурной прозы возникает в нескольких пластах произведения вследствие логического, эмоционального, символического мышления автора.

Благодаря архитектурному эффекту архитектурное сооружение «общается» со зрителем, вступает с ним в диалог. Как было убедительно высказано Л.А. Гоготишвили [4, с. 94-95], М.М. Бахтин в диалоге *Я и другого* видел поиск и установление координат нравственной архитектуры. Согласно М.М. Бахтину, архитектура – это то, что может существовать только вокруг конкретного человеческого существа [2]. Поэтому архитектура относится в большей степени к жизни окружающего мира, а не только к сконструированной системе мысли.

Во французском языке также происходит активный процесс создания комбинативных терминов с элементом *l'architecture* в разных ветвях науки (медицина, социология, политология, архитектура, урбанистика, герменевтика, постструктурализм и пр.): *l'architecture cérébrale, l'architecture des alliés de la classe ouvrière, l'architecture générale de la doctrine, l'architecture d'une cité intelligible, l'architecture synaptique* и пр. Образовав двучленные термины, *l'architecture* преодолевает свой традиционный лексикографический контур и участвует в неологизации терминов.

Во французском научном языке распространены также словосочетания с прилагательным *architectonique*, которое выполняет свою основную семантическую функцию – наделение некоего объекта одним из возможных качеств, важным в определенном контексте: *architectonique (outil de composition architectonique, fonction architectonique, une phase architectonique*. Например: «*Par sa fonction « architectonique », l'Etat coordonne le bien individuel et celui de la communauté*» («Благодаря своей «архитектонической» функции государство регламентирует индивидуальное достоинство и достоинство общества <...> – Пер. З.А.) [5].

Таким образом, концептуальное содержание терминологических единиц, участвующих в междисциплинарных исследованиях, модифицируется, отдаляясь в большей или меньшей степени от первоначальной дефиниции, зафиксированной в специализированных словарях и справочниках, но при этом эти единицы сохраняют свое первоначальное значение. Проведенное исследование обнаруживает значительную аналогию понимания термина и понятия *архитектоника* в русском и французском языках и развитие его терминологического потенциала, что обусловлено общими основами логического мышления. Во французской лингвокультуре понятие *l'architecture*, как и соответствующее понятие в русской лингвокультуре, актуализировано главным образом как идея гармонии структурированного знания.

Список литературы

1. Баранов Г. Философия метафоры. Модельно-семиотический подход. – Saarbrücken, Deutschland/ Германия, 2014.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7т. Т.1. – М.: Русские словари; ЯСК, 2003.
3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы Избр. Труды. – М.: Наука, 1976.
4. Гоготишвили Л.А. Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства. – 2-е изд. – М.: Дом ЯСК, 2011.
5. Montreil Pierre Olivier, « L’englobant/englobé », selon Ricoeur : une critique implicite de la raison néolibérale », *Raisons politiques*, 2013/4 (n°52), p.109-122. DOI : 10.3917/rai.052.01.09. URL : <https://www.cairn.info/revue-raisons-politiques-2013-4page-109.htm>. Date 17.05/2020.

Т.Д. Богачанова
Новосибирский архитектурно-строительный университет
(Россия, Новосибирск)
tdbogachanova@mail.ru

СТАТУС ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Современный мир сложно представить без использования сети Интернет, глобальной паутины, которая объединяет представителей разных социальных групп, национальностей, возрастов, интересов и т.д. При помощи киберпространства мы находим новую информацию, общаемся друг с другом, работаем, проводим дистанционное обучение [2] и т.д. Как источник необходимой информации, интернет не только предоставляет нам нужные сведения, но и получает от нас обратную связь посредством тех текстов, которые создают пользователи на различных сайтах в качестве статей, отзывов, рецензий, комментариев. Мы готовы делиться своими мыслями, сведениями, суждениями, опытом, актуализированными при помощи интернет-контента. В данной работе речь пойдёт об интернет-комментарии, как способе выражения метаязыкового сознания среднестатистического пользователя сети Интернет.

Мы исходим из того, что любой субъект речи является языковой личностью [5, с. 71], способной выразить свои чувства и эмоции посредством какого-либо текста. Интернет позволяет это сделать максимально открыто и понятно. Так, можно считать, что возникает своего рода коммуникация между автором-создателем текста в сети и другими пользователями, которые познакомятся с этим высказываем, возможно, дадут какую-то определенную реакцию, ответ, совет и т.д. в зависимости от темы, проблемы и степени вовлеченности в коммуникативный процесс.

Данный коммуникативный процесс затрагивает метаязыковые способности адресата и адресанта, т.е. способность мыслить о языке собственно языковыми категориями. В этот момент подключается языковое и метаязыковое сознание, первое с точки зрения Н. Д. Арутюновой, трактуется как «...спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в

обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как язык, речь» [1, с. 7]. Второй компонент коммуникативного процесса языковой личности определяется Н. Д. Голевым как «явление гносеологическое, так как в важнейших проявлениях данного феномена носитель языка встает «над» языком, выступая в роли субъекта, познающего язык во всех его ипостасях и самого себя как носителя языка» [3; 4, с. 7]. Метаязыковое сознание связано с языковым ввиду непосредственной речемыслительной деятельности [2]. Проявление языкового и метаязыкового сознания облекается в формальную текстовую форму, которая может быть определена как текст или метатекст. По мысли Н.П. Перфильевой, метатекст – это «результат метаязыковой деятельности Говорящего применительно к данному конкретному тексту и его компонентам» [7, с. 36].

К таким результатам речемыслительной деятельности можно отнести создание различных высказываний в сети Интернет. Участниками интернет-коммуникации могут продуцировать высказывания различных жанров и стилей, которые мы воспринимаем как метатексты или вторичные тексты, созданные на базу другого, исходного текста. С.М. Карпоян [6], Т. И. Стексова [9, с. 84] утверждают, что это речевой жанр, Л. Н. Степанова анализирует коммент – «специальный компонент в структуре сообщения на информационных ресурсах, развлекательных сайтах, в блогах и т.п., где каждый желающий может вступить в дискуссию с автором текста и/или другими комментаторами», И.В. Савельева полагает, что это вторичный текст – это результат метаязыкового сознания [8, с. 841]. Именно благодаря последнему высказыванию мы можем рассматривать интернет-комментарий как вторичный текст, который создается в условиях проявления метаязыкового сознания, соответственно, к нему применим ранее разработанный анализ вторичного текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7–19.
2. Богачанова Т.Д. Персонализация и деперсонализация в сфере языкового сознания (на материале вторичных текстов) : дисс. ... к. филол. н. – Кемерово, 2016.
3. Богачанова Т.Д. СДО как элемент современного образовательного пространства // Классические языки в современном профессиональном образовании : Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции

(с международным участием), Казань, 05–06 мая 2022 года: Казанский государственный медицинский университет, 2022. – С. 234 – 240.

4. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание – 271 онтологический и гносеологический феномен// Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1: Коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С.7 – 41.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд.8-е. М.: Книжный дом Либроком, 2014. 264 с.

6. Карпоян С.М. Эпистемические речевые акты в интернет-комментарии // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 5. – С. 38 – 43.

7. Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.

8. Савельева И.В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. № 3. – С. 839-849.

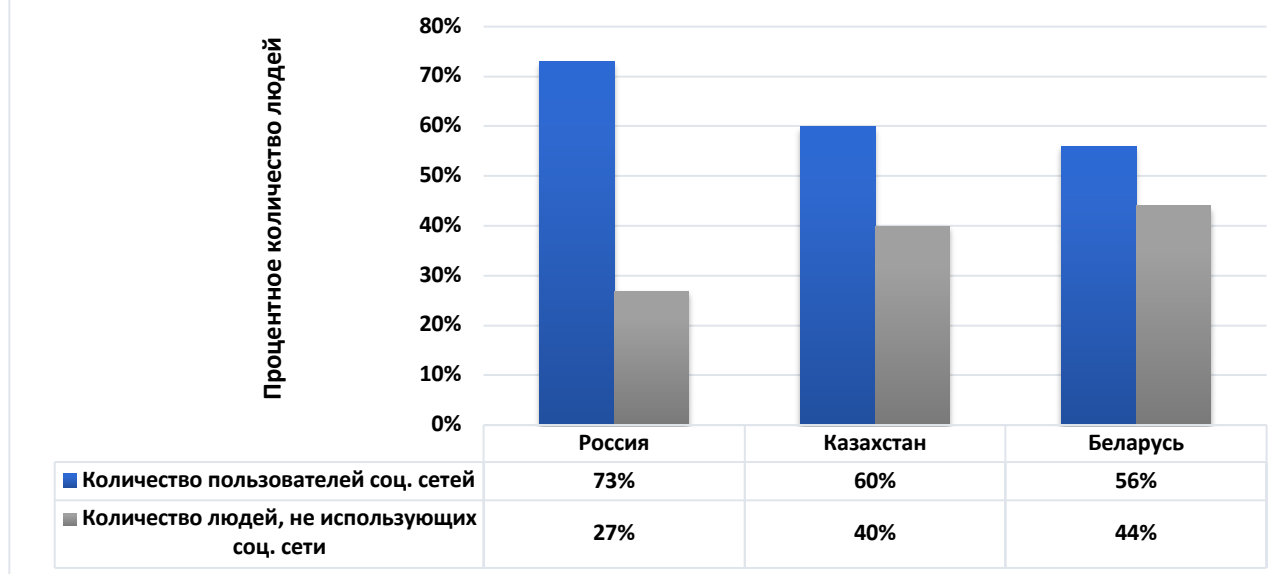
9. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр // Жанры речи. – 2014. – 1-2 (9-10). – С.81-89.

*Н.А. Болзан
Белорусский Государственный Университет
(Беларусь, Минск)
Nika.bolzan@gmail.com*

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МАТЕРЕЙ

В последние десятилетия наблюдается стремительный рост популярности социальных сетей. Согласно статистическим данным, в 2022 году аудитория социальных сетей в мире достигла 4,65 миллиарда пользователей, что составляет более 58% от общей численности планеты [12]. Как свидетельствуют другие отчеты, в странах СНГ аудитория социальных сетей наиболее большая: так, по состоянию на 2022 год в Беларуси социальными сетями пользуется более 56% , в России – более 73% граждан, в Казахстане – более 60% [13; 14; 15] (рис. 1).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СТРАНАХ СНГ В 2022 ГОДУ

Рис. 1 Использование социальных сетей в странах СНГ в 2022 году

Хотя использование подобных платформ несет определенные преимущества, такие как поддержание социальных связей и доступ к разнообразной информации, в академической литературе накапливается все больше свидетельств относительно их негативного влияния на психологическое благополучие пользователей [10; 21]. Особенно уязвимой категорией в данном контексте являются матери, в последние годы активно использующие социальные сети, чтобы получать советы по воспитанию детей, для социальной поддержки и т.д. Вместе с тем, в ряде исследований была продемонстрирована связь между использованием социальных сетей и симптомами депрессии, тревоги, низкой самооценкой у этой группы пользователей, что свидетельствует о влиянии социальных сетей на психологическое благополучие матери. Данная статья ставит целью проанализировать конкретные механизмы влияния социальных сетей на психологическое благополучие матерей.

Психологическое благополучие, как понятие в психологии, объединяет субъективное чувство счастья, удовлетворённость настоящим положением дел, оптимизм и в целом ощущение смысла собственного существования. Это понятие было введено и определено Н. Брэдбурном, который также ассоциировал его с аристотелевской концепцией "эвдемонии" – ощущения личностью внутренней полноты, блаженства, счастья [9]. Согласно Э. Динеру психологическое или субъективное благополучие соотносимо с тремя компонентами: удовлетворением (т.е. чувством насыщения личностных потребностей), приятными и неприятными эмоциями [7].

В академической литературе существуют неоднозначные утверждения о влиянии как интернета в целом, так и социальных сетей в частности на

психологическое благополучие матерей. Некоторые исследователи утверждают, что интернет-платформы позволяют женщине посредством участия в онлайн-сообществах не только делиться информацией, связанной с собственным опытом материнства, но и обогащать этот материнский опыт получением информации от других пользователей-матерей, что развивает адекватное материнское самосознание и в целом способствует росту личностного благополучия [16; 18].

Тем не менее, другие исследователи подчеркивают, что социальные сети транслируют идеализированный, оторванный от действительности, образ женщины, восприятие которого матерью может привести к осознанию собственной неполноценности, а также развитию чувств родительского стресса, некомпетентности в семейных вопросах [19]. Это связано с тем, что социальные сети, по мнению ряда исследователей [4; 5; 6; 8], в наибольшей степени воплощают в себе концепцию "симулякров", введенную французским философом Жаном Бодрийяром. Согласно данной теории, в современном постмодернистском обществе реальность подменяется "гиперреальностью" - миром симулякров – копий без оригинала, или искусственно сконструированных образов, лишенных своего референта в реальности, но осознаваемых людьми как подлинные объекты [2].

Одним из ярких примеров такого симулякра, конструируемого в пространстве социальных сетей, является и образ "идеальной матери", транслируемый в блогерской среде. Блогеры — это пользователи интернета, регулярно публикующие записи личного характера в формате дневниковых заметок или комментариев в сети интернет, преимущественно в социальных сетях и микроблогах. В отличие от традиционных СМИ, основным контентом блогов являются субъективные суждения и оценки самого блогера, касающиеся его личной повседневной жизни или отдельных аспектов окружающей действительности, в случае материнских блогов такой действительностью выступает транслируемая ею семейная среда. По мнению Амирова В. М., «материнская» блогосфера в современном мире является одним из стремительно распространяющихся жанров коммуникации в социальных сетях и включает в себя блоги, связанные со здоровьем детей, психологическими отношениями матери с детьми, обучением и образованием детей и др. [1]

Анализируя феномен материнских блогов в Instagram, Верпатова О.Ю. [4] выделяет основные элементы представляемого блогерами образа «идеальной матери»:

1. Демонстрация полноценной традиционной семьи с гармоничными взаимоотношениями между супругами;
2. Проявление исключительно позитивных эмоций во взаимодействии с детьми;
3. Подчёркивание успехов и достижений детей;
4. Демонстрация активного образа жизни и разнообразного досуга;
5. Акцент на соответствии стандартам женской привлекательности.

Такой набор характеристик, по сути, воплощает архетип идеала материнства, сформировавшийся в культурной традиции. Но в изображении, транслируемом блогерами, данный образ приобретает гипертрофированные, нереалистичные черты. В некоторых случаях, согласно исследованию Борисовой У.С. и Саввиновой М. В., в социальных сетях демонстрируется образ «мам-бизнесменов» или «мам-супергероев», которые одинаково успешны не только в вопросе воспитания детей, но и в деле предпринимательства [3], что также не всегда соответствует действительности. По замечанию Верпатовой О.Ю., матери-пользователи, просматривая подобный контент в социальных сетях, «потребляют симулякр успешного материнства, примеряя данную модель не себя» [4, с. 58].

Между тем, потребление подобного контента несёт в себе вполне реальные риски для психологического здоровья женщин. Так, отмечается прямая связь между временем, проведённым матерями в социальных сетях, а также потребляемым ими контентом на данных интернет-платформах, и ростом уровня депрессии и тревожности [20]. Сравнительный анализ образа жизни блогеров вызывает нередко у матерей сомнений в своих возможностях и способностях, ощущение неполноценности, хронической усталости, чувство стресса, нередко сопровождаемое потерей связи с ребёнком и превращением реального материнского опыта в его симуляцию в интернет-блогах, что не позволяет сформировать устойчивое психологическое благополучие матери [4].

Сходные результаты показало исследование Койна и др. [11]. Используя методику семантического дифференциала, авторы выявили, что у пользователей Instagram образ собственного материнства воспринимается более негативно после просмотра профилей популярных матерей-блогеров, что связано с высоким уровнем социального сравнения, и в некоторых случаях приводит к развитию депрессии. При этом разрыв между "реальным" и "идеальным" образами усиливается с ростом времени, проведённого в социальной сети. Хендерсон и др. также выявили наличие обратной зависимости между использованием социальных сетей и психологическим благополучием матери [17]. Матери, которые чувствовали со стороны блогеров давление быть «идеальными мамами», также испытывали чувство вины за то, что не соответствовали характеристикам этого идеала, и были в значительной степени подвержены стрессу. По замечанию исследовательницы М. Тейт, если материнское чувство вины постоянно, оно может привести к ложному осознанию собственной несостоятельности, что влияет не только на физическое, но и психологическое благополучие матери и ее способность быть продуктивным в воспитании детей [20].

Таким образом, конструирование гиперболизированного образа материнства в интернете не просто формирует искажённые представления у аудитории, но и несёт угрозу психологическому благополучию матерей. Для минимизации негативного эффекта матерям следует не только ограничено пребывать в социальных сетях, но критически осмысливать транслируемые в них образы и образцы поведения, что является залогом личностного благосостояния, ощущения успешности и востребованности в семье.

Список литературы

1. Амиров В.М. "Материнские" блоги: классификация и стратегии реализации / В. М. Амиров // Пользовательский контент в современной коммуникации : Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 апреля 2021 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. С. 107–109.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. С. 240.
3. Борисова У.С. Молодые матери-якутянки в социальной сети Instagram / У. С.
4. Борисова М.В. Саввинова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2019. № 3(15). С. 36–45. DOI: 10.25587/SVFU.2020.15.53607.
5. Верпатова О.Ю. Идеализации ролевого поведения в пространстве социальных сетей (на примере анализа образа идеальной матери). Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 4 (23). С. 54–59
6. Новиков В.Г. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен "антисоциальной" теории Жана Бодрийяра / В. Г. Новиков, С. В. Ковалева // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 1. С. 39–45. DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45.
7. Новикова Т.Е. Симулятивная сущность социальных сетей (на примере Instagram) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. №5 (22). С. 69–71.
8. Орлова Д.Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. №1. С. 28–36.
9. Протасов С.Ю. Фейк-ньюс и постправда в социальных сетях как неизбежное явление эпохи симулякров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. №06. С. 113–116. DOI: 10.37882/2500-3682.2022.06.17.
10. Болзан Н.А. Научные подходы к исследованию понятия "психологическое благополучие" / Н. А. Болзан // Живая психология. 2023. Т. 10, № 4(44). С. 31-38. DOI 10.58551/24136522_2023_10_4_31. – EDN BDZEAM.
11. Appel, H., Crusius, J., & Gerlach, A. L. Social comparison, envy, and depression on Facebook: A study looking at the effects of high comparison standards on depressed individuals. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 34(4). Epub: 2015. P. 277–289.
12. Coyne, S. M., MeDaniel, B. T., & Stockdale, L. A. "Do you dare to compare?" Associations between maternal social comparisons on social networking sites and parenting, mental health, and romantic relationship outcomes, *Computers in Human Behavior*, 70. Epub: 2017. P. 335–340. DOI:10.1016/j.dhb.2016.12.081

13. Digital 2022: Global overview report [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 26.2023).
14. Digital 2023: Belarus [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus> (дата обращения: 26.11.2023).
15. Digital 2023: Kazakhstan [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan> (дата обращения: 26.11.2023).
16. Digital 2023: The Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 26.11.2023).
17. Hall W. & Irvine V. E-communication among mothers of infants and toddlers in a community-based cohort: A content analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 65. Epub: 2009. P. 175–183.
18. Henderson A., Harmon, S., & Newman, H. The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74(11-12). Epub: 2019. P. 512–526 . DOI: 10.1007/s11199-015-0534-5.
19. McDaniel B. & Coyne S. & Holmes, E. New Mothers and Media Use: Associations Between Blogging, Social Networking, and Maternal Well-Being. *Maternal and child health journal*. 16. Epub: 2011. P. 15–17. DOI: 10.1007/s10995-011-0918-2.
20. Pitts, V. Illness and internet empowerment: Writing and reading breast cancer in cyberspace. *Health*, 8. Epub: 2004. P. 33–59.
21. Tate M. The Impact of Social Comparison via Social Media on Maternal Mental Health, within the Context of the Intensive Mothering Ideology: A Scoping Review of the Literature. *Issues in Mental Health Nursing*. 44. Epub: 2023. P. 1–17. DOI: 10.1080/01612840.2023.2238813.
22. Woods H. C., & Scott, H. #Sleepyteens: Social media use in adolescence is associated with poor sleep quality, anxiety, depression and low self-esteem. *Journal of Adolescence*, 51. Epub: 2016. P. 41–49.

*О.А. Бугайчук
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
BugaichukOA549@mgpu.ru*

ОТ «КЛИПОВОГО» МЫШЛЕНИЯ К ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Термин «клиповое мышление» сегодня входит не только в тезаурус психолого-педагогической науки, но и активно применяется в межличностном общении, популярной периодике, литературном дискурсе. При этом, следует отметить, что коннотация данного термина чаще негативная. Под клиповостью

мышления понимают фрагментарность восприятия информации, неспособность личности ко вдумчивому анализу больших текстов или сложных визуальных объектов, стремление к получению яркой, краткой информации для получения общего представления об объекте окружающей действительности, подходе, методе и многом другом.

Анализируя причины возникновения, различные трактовки понятия и признаки клипового мышления Вячеслав Лазаревич Цветков и Александра Андреевна Павлова приходят к выводу, что клиповое мышление нарушает баланс психических процессов, усиливая или ослабляя специфические свойства той или иной сферы. Так как человек игнорирует использование логического мышления, он все чаще регулирует свою деятельность, опираясь на эмоционально-образное восприятие. При этом, как отмечают исследователи, можно наблюдать снижение аналитических способностей и критического мышления, являющихся предпосылками творческой деятельности, фрагментарность усвоения знаний и неумение последовательно их воспроизводить. Эти изменения, как подчеркивают современные ученые, особенно важны для сознания молодёжи, воспитанной в экранной и медийной культуре [4].

С другой стороны, человек-творец, как субъект социального бытия, является источником развития цифрового общества. Несомненно, инновационные цифровые технологии, открывая новые возможности, делают мир проще и удобнее. С помощью нового способа получения информации через интернет-ресурсы представителям современного поколения часто знания доступны уже в готовом виде. Легкое получение любого рода информации по запросу сильно облегчает и экономит время человеку.

Социальные сети и прочие коммуникационные агрегаторы позволяют человеку найти свой «идеальный» мир. Общение по интересам происходит почти мгновенно при настройке определенных фильтров. Комфортный мир, новый друг, удобное взаимодействие в приемлемое для тебя время лишает человека мира реального. Вербальное общение, эмоции, критическое мышление, взаимодействие перерастает в виртуальную личность с вымышленным ником и параметрами поиска. В цифровом мире почти нет проблем, социальных и бытовых требований. Фокус внимание размыт, неудобные ситуация можно обозначить удобной и выгодной позицией. За красивой картинкой личность забывает о том, что виртуальное общество создано кем-то, туда принимаются люди по определенным параметрам, некоторая «удобность» определённых категорий людей необходима для достижения целей другой более продвинутой личности. Как только человек «устаёт» от данного общества, по новым параметрами и запросам находят новые коллеги и друзья. Сменить круг общения в социальной сети – быстрое решение проблемы. Не даёт человеку возможность разрешать трудности, коммуницировать, находить выход из сложной ситуации. У личности отсутствует потребность в нахождении истины, точек опоры, потребности глубокого погружения в проблемную область.

Получается, «клиповое мышление» приносит большой вред развитию личности, но формируется оно во многом благодаря наличию цифровой среды, без которой существование современного общества невозможно. Что же делать системе образования в таком контексте?

Четкий ответ на данный вопрос дает отечественный ученый Пронин В.В., который пишет, что идеология борьбы с клиповым мышлением если не порочна, то обречена на неудачу. То, что его можно «отменить» - миф. Прежде всего, «клиповое мышление» у подростков проявляется более ярко, но на самом деле оно начало внедрение в нашу цивилизацию очень давно – не одно десятилетие назад, а если обратиться к истокам, то и не один век. Клиповое мышление – это вектор в развитии отношений человека с информацией [2].

Следовательно, целесообразно говорить о необходимости адаптации системы образования к наличию клипового мышления через акцент на развитие его «противовеса» - логического и критического мышления [1; 3]. Учить выбирать, «фильтровать», проверять и анализировать полученные входящие данные с целью понимания необходимости, достоверности и релевантности сведений. Развивать критическое мышление, позволяя себе не терять идентичность, видеть цифровой мир, как мир возможностей. Например, социальные сети использует для общения с близкими людьми на дальних расстояниях, обмен опытом с коллегами из других стран. Подбирать информацию из большого количества проверенных источников и т.д. Миграция в социальных группах дает возможность человеку мыслящему задуматься о комфорте вокруг и внутри себя, посмотреть критически на свое окружение. Запросы в интернете меняются в связи с действиями человека с целью более интересных позиций в жизни. Мыслящий человек осознает свои права и обязанности в виртуальном мире. Грамотное потребление, соблюдение норм электронной конфиденциальности создают базовую защиту личности в цифровом пространстве.

Таким образом, погоня за быстро меняющимся миром, скроллинг по огромному потоку информации не дает возможности человеку чувствовать и понимать себя, свои мысли, осознавать и четко озвучивать свои истинные потребности. Заданные параметры быстро меняющейся цифровой среды задают гонку, в которой бегущий пока проигрывает. Теряя свою аутентичность, следуя «требованиям» сети, человек загоняет себя в рамки, называя это свободой и правом выбора. Система образования должна учитывать современную реальность и «не бороться с ветряными мельницами», а создавать условия для развития логического, критического мышления, способности к анализу и синтезу, исследовательских способностей.

Список литературы

1. Вороненко А.И., Терешкова А.Н. Адаптация системы образования к «клиповому мышлению» // Эпоха науки. 2020. №24. С. 288 – 292.

2. Пронин В.В. Клиповое мышление студента в дистанционном обучении // Вестник ННГУ. 2014. №2-2. С. 468 – 471.

3. Рекомендации по разработке комплекса мер по преодолению дефицитов в функционировании (поддержке) институтов воспитания и социализации подрастающего поколения в современном мегаполисе / Арапова П.И., Борисова М.М., Воропаев М.В., Куприянов Б.В., Львова А.С., Любченко О.А., Муродходжаева Н.С., Никитина Э.К., Савенков А.И., Савенкова Т.Д., Серебренникова Ю.А., Смирнова П.В.. Монография. Москва, 2022. – 128 с.

4. Цветков В.Л., Павлова А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. С. 317322.

А.М. Гильманова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
Gilmanova.ais@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «КЛИПОВОГО» МЫШЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

С развитием цифрового общества возникло явление «клипового» мышления, которое предполагает восприятие информации фрагментарно, небольшими частями и яркими образами [1, с. 110-112]. В результате появились новые социальные сети, адаптированные к этому формату, где информация распространяется быстро, но часто ограничена по глубине содержания.

С новым подходом к получению информации через интернет-ресурсы современное поколение обнаруживает, что знания часто доступны в удобном и легко усвояемом виде. Однако, такой способ получения знаний имеет некоторые негативные последствия. Он может снижать ценность творческого мышления, поскольку информация представляется в готовом виде, и не требует активного участия и критической оценки со стороны получателя. [2, с. 172]

Используя эмоциональное и образное воздействие с помощью графических изображений, видеороликов и рекламных роликов, часто можно оказать сильное влияние на людей с «клиповым» мышлением. Эти индивиды обладают ограниченной способностью к критическому мышлению и воспринимают материалы в мозаичной форме, без осмысления. Как результат, отрицательным аспектом «клипового» мышления становится уменьшение критического подхода к информации, что может привести к самообману или открытой подверженности влиянию мошенников, экстремистов и террористов. Пользователи с фрагментарным сознанием на компьютере часто не могут критически оценить сообщения и установить причинно-следственные связи между событиями [Там же, с. 174].

«Клиповое» мышление можно описать как психологический процесс познания, при котором люди воспроизводят большой объем разнообразной информации без учета причинно-следственных связей. Оно характеризуется непоследовательностью, разнообразием воспринимаемых данных, ослабленными навыками анализа и структурирования, быстрым переключением между фрагментами информации и отсутствием полного понимания окружающей реальности [4, с. 317-322].

Молодое поколение развивает «клиповое» сознание на основе «клипового» мышления. В то время как «клиповое» мышление относят к процессу и методу получения информации, «клиповое» сознание характеризуют как фрагментарное и мозаичное формирование действительности у современных людей [Там же].

Американский исследователь Лев Манович выделяет несколько ключевых характеристик клипового мышления: недостаток концентрации при работе с сюжетами, стремление избегать одновременного выполнения нескольких задач, постоянный доступ к информации по требованию и желание мгновенно получать ответы на вопросы. Люди с клиповым мышлением воспринимают реальность как последовательность фактов, которые не связывают между собой. У них часто отсутствует понимание причинно-следственных связей и возможность комплексного и системного подхода к решению задач [5].

Клиповое мышление возникает в ответ на избыток информации. В результате клиповой культуры формируется клиповое мышление, которое рассматривается как умственный механизм, позволяющий человеку наилучшим образом адаптироваться к клиповой среде. Этот механизм становится особенно удобным для людей, у которых есть способность комфортно воспринимать множество мелькающих информационных фрагментов. Таким образом, клиповое мышление - тип адаптации, который помогает людям приспособливаться к современной действительности.

Однозначного ответа на вопрос, насколько «клиповое» мышление разрушительно или полезно для личности, до сих пор не было выявлено. Более того, этот вопрос все больше и больше волнует исследователей. С появлением новых технологий у современного человека возникает множество задач из разных сфер его жизни. Для справления с увеличивающимся объемом информации, человеку необходимо «экономить» его мыслительные ресурсы, в первую очередь выполняя действия, и только потом, если будет необходимо, понимая, что он сделал. Это влечет изменения в структуре современного информационного человека, поскольку ориентация на новые информационные технологии, науку и технику открывает новые возможности для человеческого организма [4, с. 317-322]. В будущем необходимо "найти новые ориентиры для развития личности, особенно в условиях цифровизации всего пространства личности" [3, с. 153-184].

В цифровом мире клиповое мышление имеет противоречивое воздействие на формирование личности. С одной стороны, оно стимулирует быстрое обучение и усвоение информации. С другой стороны, оно способствует поверхностности, ограниченному критическому мышлению и формированию ограниченных

представлений о себе и других. Однако, осознанное использование клипового мышления в сочетании с развитием медиа-грамотности и критического мышления позволяет эффективно использовать цифровое пространство для развития и самовыражения.

Список литературы

1. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире //Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. 2009. Т. 120. С. 110-112.
2. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества //Общественные науки и современность. 2013. №. 2. С. 169-176.
3. Зеер Э.Ф., Церковникова Н.Г., Третьякова В.С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. №. 6. С. 153-184.
4. Цветков ВЛ., Павлова А.А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 317–322.
5. Manovich L. The Language of New Media. The MIT Press. 2002.

П.П. Дашинимаева
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
(Россия, Улан-Удэ)
pdash@bsu.ru

ВНУТРИСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД, ИЛИ, ПОЧЕМУ В СЕМИОЗИСЕ ТКАНЬ ТЕКСТА СТАНОВИТСЯ БЛЕДНО-СЕРОЙ?

Как Уиллард Куайн красноречиво утверждал, значений нет, поскольку чёрные нити фактов и белые нити «соглашений» в процессе строительства предложений перекрашиваются в бледно-серый цвет [3, с. 181]. Данная красивая метафора указывает на закономерность неоднозначного прихода к окончательной версии речевого поведения, подразумевающую априорную многослойность участвующих в процессе естественного семиозиса компонентов.

Итак, что такого особенного происходит до входа во внешнюю речь в коре мозга субъекта, что факты и конвенции перестают выступать параметрами смысла донесения? Об этом прямо или опосредованно написано огромное количество трудов, в первую очередь – философами (см. Беньямин 2004, Витгенштейн, 1994, Гадамер, 1988, Деррида, 200, Пирс, 2000, Рассел, 1999, Рикер, 1995-1997, Сепир, 1993, Фуко, 1994, Шлейермахер, 2004, Carnap, 1959, Morris, 1938, Quine, 1960, и др.), далее лингвистами и лингвосемиотиками (см. Апресян, 1974, Лотман, 1996, Степанов, 2010, Телия, 1996, Шахнарович, 2006, Якобсон, 1978, McDonald, 2000 и др.), наконец, теоретиками перевода (см. Бархударов, 1975, Гарбовский, 2004,

Нойберт, 1968, Швейцер, 1988, Baker, 1992, Koller, 1989, Reiß, 1971, Wang, 2007 и др.).

Речь идет об описании прагматики речемышления, которая как раздел семиотики Пирса и Морриса постепенно отпочковалась и сформировала отдельную дисциплину «прагмалингвистика» (философию «эгоцентрических слов» по Ю. С. Степанову) с наиболее обобщенным определением базового понятия и цели как “the study of language usage” [4, p. 5], “the study of meaning as communicated by a speaker (or writer) and interpreted by a listener (or reader)” [6, p. 3], “cognitive, social, and cultural study of language and communication” [5, p. 1].

В данной работе мы суживаем научный интерес до перцептивного аспекта – будь то это интерпретация затекстовых мыслей (“interpretation that explain how extra meaning (in a broad sense is ‘read into’ utterances without being encoded in them” [4, p. 11]), или предречевая рефлексия, т.е. интроспекция своего потенциального речевого акта. Последнее можно изложить как внутреннее «Эго», контролирующее самого субъекта и локализующееся как «Я» в пространстве и времени, как «Я» в отношении к акту говорения и, наконец, как «Я» относительно его внутреннего «Эго» [1, с. 375; 2].

В проблеме научения (само)восприятию можно предложить разные варианты решения с точки зрения операционализации соответствующего ментального процесса. К примеру, можно применить наиболее обобщенную классификацию, каким образом интерпретатору следует использовать пространственный и временной типы восприятия внешнего мира и в каждом из них далее попытаться определить дейктическое и символическое по К. Бюлеру, при этом вычленив и определившись с пресуппозицией – тем, что и в какой степени мы – воздействующий и (потенциальный) воспринимающий – знаем предметную ситуацию и во что мы верим и чему доверяем до начала рассуждений. По мере продвижения в интерпретативной деятельности от пресуппозиции как общности предзнания к овнешнению помысленного в телах языкового знака (в терминологии Е.Ф. Тарасова) наши разнородные ментальные схемы претерпевают стадии видоизменения.

В связи с тем, что кратко изложенная выше перцептивная активность носит ненаблюдаемый извне характер, потому является для ученых «крепким орешком» и сегодня, порождая множественные вариации на тему. Здесь лишь отметим ее представление Ю.С. Степановым в трехмерной концепции языка как движения по убыванию энергетической силы (или релевантности) семиотического знака «до тех пор, пока знак, как это имеет место в абстрактной семиотике, не становится только информационным явлением» [Там же, с. 124].

Подчеркивая актуальность и важность принятия атомарности подхода к описанию прагматики семиозиса в части созревания мысли для себя в мысль для другого (до манифестации помысленной цепочки во внешней речи), предлагается расширить известную классификацию типов перевода Романа Jakobson (1985) включением четвертого – внутри-/интрасемиотического, и расположить все четыре согласно траектории естественного. механизма восприятия речи в

межкультурной коммуникации: межсемиотический $\geq$ внутрисемиотический $\geq$ внутриязыковой $\geq$ межязыковой перевод.

Первые три описывают перцептивную активность понимания исходного сообщения как результата его интерпретации и прихода к решению тактики реагирования. Первый этап восприятия подразумевает трансфер вербальных знаков (текста) в ментальные схемы, что подразумевает первичное понимание, второй – ту самую стадию видоизменения понятого для себя и адаптирование фреймов и других ментальных схем применительно к коммуниканту, на третьем – перебор и подбор в уме более релевантных с точки зрения коммуникативной цели паттернов и лексических единиц. В случае монокультурной коммуникации 4-е звено не реализуется.

Как представляется, изложенное нововведение может внести определённый вклад в методологическое устройство представления перцепции, поскольку современные научные проекты должны быть нацелены на формирование навыков операционализации мыслительных действий, обеспечивающее обучающихся осознанием полимерного представления актуального семиозиса и развитием их культуры учебного и научного мышления. При осознанном управлении своим когнитивным механизмом интерпретации они легко поймут, почему в речемышлении ткань текста становится бледно-серой.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Язык и метод : К соврем. философии языка. Москва : Языки рус. культуры, 1998. 779 с.
2. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. Москва: Прогресс, 1985. Сс. 361-368.
3. Hacking, I. Why Does Language Matter to Philosophy? Cambridge Univ. Press, 1975. Ch.3. P. 157–187.
4. Levinson, S. C. Pragmatics. Cambridge Univ. Press, 1983.
5. Verschueren, J. Understanding Pragmatics. Oxford Univ. Press, 1999. 295 p. Yule, G. Pragmatics. Oxford Univ. Press, 1996. 138 p.

Е.С. Зимакова

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Россия, Владимир)
zimakova2014@ya.ru*

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЯХ

Человеческий язык характеризуется двусмысленностью, расплывчатыми описаниями и сложными контекстами. И все же машинам удастся автоматически генерировать тексты, которые, по крайней мере, кажутся

правдоподобными. Современные системы искусственного интеллекта, такие как языковые модели, программы машинного перевода или алгоритмы генерации изображений, основаны на нейронных сетях. Их структура основана на зрительной коре нашего мозга: нейроны построены в несколько слоев подряд и связаны друг с другом синапсами. Например, если кто-то хочет передать изображение в такую программу, оно сначала преобразуется в список чисел (каждый пиксель соответствует одной записи). Затем нейроны первого уровня принимают эти числовые значения. Нейронная сеть – это алгоритм, созданный по образцу человеческого мозга. Самая сложная задача при обработке речи – преобразовать передаваемые слова в соответствующее математическое представление [1].

Обладая возможностями, алгоритмы искусственного интеллекта, такие как ChatGPT, несомненно, принесут пользу. Что касается текущей версии ChatGPT, то ее функциональность в основном состоит из двух широких областей: базовой языковой модели и встроенной в нее функции чата, которая обеспечивает удобство использования. Языковые модели, в первую очередь GPT-1, -2 и -3, существуют уже несколько лет и обучаются на огромных объемах данных. В центре внимания находятся тексты, доступные в свободном доступе из Интернета, но также и программный код, который также широко доступен в виде программного обеспечения с открытым исходным кодом, курсов программирования или примеров кода [2].

Любой, кто загружает в ChatGPT код и спрашивает, получают ли они ошибки или уязвимости, получает ответы уже сегодня. Не всегда они имеют смысл, и часто система отказывается предоставлять информацию из-за встроенных фильтров, но опять же, это только начало. Поэтому некоторые профессионалы призвали классифицировать эти базовые модели в целом как ИИ высокого риска [3].

Одна неверная инструкция может привести к аннулированию всей программы, поскольку она не даст значимого результата. И что, на самом деле, еще хуже: найти эти ошибки может быть очень сложно. В конце концов, в разработке программного обеспечения обслуживание внешнего программного кода, как правило, требует гораздо больше усилий, чем первоначальная разработка [2].

Один из тех, кто хорошо разбирается в инструментах разработки программного обеспечения, - Себастьян Эрдвег. Он возглавляет Рабочую группу по языкам программирования в Университете Йоханнеса Гутенберга в Майнце, Германия, и уже экспериментировал с Copilot, а недавно также попробовал ChatGPT для этой цели. Например, Эрдвег рассказывает о диалоге, в котором он снова и снова просил ChatGPT исправить определенное ошибочное место в коде. «Именно это ИИ и сделал, предложив мне новую программу, в которой это место было фактически исправлено», - сообщает исследователь. «Однако это привело к тому, что в то же время что-то сломалось в другом месте». И, предложив решить новую проблему, в конечном итоге возникло своего рода замыкание круга,

в котором снова возникла предыдущая уязвимость. Следовательно, ИИ не понимает ни того, что он делает, ни диалога, который он ведёт по этому поводу», - предупреждает Эрдвиг. Тем не менее, функциональность ChatGPT также произвела впечатление на компьютерного учёного: «Для простых примеров программирования это отлично работает» [Там же].

Однако даже в случае систем машинного обучения с желаемыми целями и задачами возникает вопрос о роли человека. Человеческий контроль в конце цепочки принятия решений также имеет решающее значение, потому что потенциальные факторы, влияющие на принятие решений ИИ, растут. Давно известные проблемы, такие как расовая предвзятость в данных обучения, приводящая к дискриминационным решениям, вышли бы на новый уровень. Теперь существует опасность того, что эти системы сами будут генерировать потенциально расистские или сексистские данные и изображения. Это может создать порочный круг, потому что, в конце концов, эти изображения и данные также есть в Интернете и могут быть использованы в будущих обучающих данных [3].

Таким образом, обсуждая риски систем искусственного интеллекта необходим крайне продуманный подход к вопросу этически оправданного использования ИИ, позволяющего избежать воспроизведения существующих шаблонов и односторонностей. Также необходимо качественное обучение систем (обучение с подкреплением на основе обратной связи с людьми – RLHF). Только когда люди обучают системы, программа научится не использовать неприемлемый контент и не принимать односторонних решений.

Список литературы

1. Бишофф М. Как ИИ учится объяснять себя / – URL: <https://www.spektrum.de/news/sprachmodelle-auf-dem-weg-zu-einer-erkluerbaren-ki/2132727> (дата обращения: 16.11.2023).

2. Брандштеттер Т. Будущее программирования? / – URL: <https://www.spektrum.de/news/kuenstliche-intelligenz-die-zukunft-des-programmierens/2127042?cleverPushBounceUrl=https%3A%2F%2Fwww.spektrum.de%2Fartikel-archiv%2> (дата обращения: 14.11.2023).

3. Вольфангель Е. Что должно быть разрешено искусственному интеллекту? / – URL: <https://www.spektrum.de/news/ki-regulierung-was-soll-kuenstliche-intelligenz-duerfen/2165157> (дата обращения: 18.11.2023).

Ф.И. Карташкова, Е.А. Вансяцкая
Ивановский государственный университет
(Россия, Иваново)
kartashkova@rambler.ru
e_vansyatskaya@yahoo.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ДЕТЕЙ КАК МАРКЕРЫ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В докладе будут представлены результаты исследования невербального поведения детей на материале англоязычной литературы для детей. Невербальное поведение детей в гендерном аспекте (мальчики и девочки) практически не освещено в лингвистической литературе, что определяет научную новизну и актуальность данного исследования. В докладе предпринимается попытка установить корреляцию этапов социализации ребенка и видов невербального поведения при выражении эмоций ребенка. Исходной для нас является позиция Карла Роджерса, согласно которой личность является результатом социализации человеком общественных форм сознания и *поведения* (курсив наш). В этой связи представляется важным установить, как невербальное поведение социализирующегося индивида соотносится со степенью его социализации.

В связи с тем, что эмоции участвуют в формировании идентичности личности, особый интерес представляет изучение процесса овладения ребенком системой невербальных действий при выражении эмоций, что будет способствовать пониманию того, как формируется личность, как идет процесс вставания ребенка в социокультурный контекст. У детей на начальном этапе формирования социализации преобладают неконтролируемые невербальные действия, или иначе говоря, психофизиологические реакции (ПФР). Данное положение вполне согласуется с теорией телесного разума, которая оказалась в фокусе внимания в последние десятилетия ученых различных гуманитарных наук [3;4;6]. Согласно данной теории именно лимбическая часть мозга является эмоциональным центром и реагирует на окружающий мир рефлекторно, проявляясь в произвольных движениях различных частей тела. ПФР неразрывно связаны с эмоциями, на что неоднократно указывали ученые [1, с. 117]. Для коммуникантов-детей наиболее ПФР динамики цвета лица: покраснение и побледнение, языковыми номинациями которых служат предикативные фразы *her face flushed* и именные словосочетания *a faint blush*. Также весьма распространены респираторные ПФР, включающие изменения дыхательного ритма – *she gasped* и звуковые симптомы – *scream, shriek*. Еще одним частотным видом ПФР произвольных реакций служит ПФР слезоотделения *weep*.

Наряду с психофизиологическими реакциями при выражении эмоций для детей характерна эксплуатация специфических невербальных действий [5], ассортимент которых достаточно широк и принципиально отличен от данного вида невербального поведения взрослого человека. Специфику невербальных действий коммуникантов-детей составляют изменения тела в пространстве *hopped on one foot with excitement*, движения, сокращающие дистанцию между коммуникантами *the two clung together*, определенные действия с адапторами *leaned her head against the wall*.

Сравнительный анализ гендерной специфики невербального поведения коммуникантов-детей показал, что наиболее характерными для лиц обоих полов являются фонационные, респираторные и мимические НВК, языковыми номинациями которых служат глаголы с семантикой говорения, дыхания и зрения *said, cry, sighed, look*, модифицированные языковыми единицами, семантика которых маркирует вектор испытываемой эмоции *softly, disgustedly, proudly*. Анализ гендерной специфики языковых номинаций невербального поведения детей-коммуникантов выявил, что при выражении отрицательных эмоций у мальчиков преобладают фонационный, респираторные и миремические НВК, в то время как для девочек кроме двух первых из указанных более характерны мимические НВК. При выражении положительных эмоций коммуниканты-мальчики чаще всего эксплуатируют мимические и жестовые НВК, а в группе коммуникантов-девочек преобладают фонационные и тактильные виды невербального поведения [2]. Подчеркнем, что для детей типично искреннее выражение своих эмоций путем эксплуатирования специфических невербальных действий и посредством психофизиологических реакций. В результате социализации в группе детей старшей возрастной группы естественный характер выражения эмоций сменяется: контролируемые НВК начинают занимать более значительное место, часть из которых отражает условно принятые и этикетные нормы поведения. Это объясняется тем, что в процессе социализации дети начинают осознанно контролировать эмоции. При этом на передний план, наряду со способностью к контролю, выходит и определенный социальный опыт [7, р. 424-429]. Проходя процесс социализации, дети отходят от открытого проявления своих эмоций и прибегают к таким демонстрационным правилам, как маскировка и подавление эмоций, овладевая умением сдерживать внешние проявления своего эмоционального состояния, что необходимо для того, чтобы соответствовать конвенциональным нормам социального контекста.

Список литературы

1. Боголепов Н.К. Клинические лекции по невропатологии. – М.: Медицина, 1971. – 432 с.
2. Вансяцкая Е.А. Эмоции в невербальном поведении детей: на материале англоязычных художественных текстов. – Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 162 с.

3. Дилтс Р. Фокусы языка: изменение убеждений с помощью НЛП. – СПб.: Питер, 2012. – 256 с.

4. Исенина Е.И. Загадки интерсубъективности: младенцы и взрослые // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-19 октября 2013 года). – Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2013. – С. 73-79.

5. Карташкова Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 108-113.

6. Наварро Дж., Карлинс М. Я вижу, о чем, вы думаете. – Минск, 2010. – 330 с.

7. Saarni, C. Children's Understanding of Display Rules for Expressive Behavior // Developmental Psychology, 1979, 15. PP. 424-429.

*Т.А. Кононова
Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ
(Россия, Новосибирск)
teka712@mail.ru*

*В.А. Жаббаров
Военный университет министерства обороны РФ
(Россия, Москва)
gabbarovslava@mail.ru*

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Великие полководцы, такие как Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Кутузов и Георгий Константинович Жуков – продемонстрировали свой необыкновенный военный талант и силу своего полководческого мышления, размышляя критически и показывая высокий уровень профессионального мастерства, нестандартного мышления в атмосфере опасности в обстановке боя. В основе решения служебно-боевой задачи, стоящей перед военнослужащим, лежит критический анализ обстановки.

На современном этапе перед мировой общественностью стоит очень серьезная проблема по недопущению распространения терроризма и экстремизма на территориях мирных государств. Военнослужащим, для успешного выполнения служебно-боевых задач, необходимы не только профессиональные знания в определенной военной специальности, но и умение подвергать мыслительному анализу факторы боевой и опасной обстановки. Служебно-боевая деятельность командира требует от него не только строгого следования

имеющимся нормам, но и определённой самостоятельности в оценке ситуаций и критическом осмыслении информации в процессе принятия управленческих решений.

Академик Эдвард Глейзер, ввел в науку термин «Критическое мышление», которое впервые появилось в академических кругах и научной литературе в середине двадцатого века, и было направлено на поиск доказательств того, чтобы поддержать, либо дискредитировать определённое убеждение или аргумент [1].

Целесообразно проанализировать само понятие критического мышления. Есть в научной литературе множество различных определений данного феномена. В большинстве своём, они (определения) строятся на таких основах, как убеждения (уверенность), правда и точность. В общем, критическое мышление – это такой вид мышления, который помогает нам понять, должны ли вы поверить некоторым утверждениям и насколько сильно вы должны поверить в это. Поскольку вы должны верить в только то, что верно, критическое мышление, как мы уже сказали ранее, это искусство быть правым [1].

Актуальность критического мышления и его место в современном мире, это стремление к беспристрастности, рациональность, стремление оценивать явления и события исключительно на основе логики (анализа, обобщения, умозаключения), умение выделять противоречия в суждениях и т.д. Это суть критического мышления, которая состоит в потребности максимально освободиться в своих оценках, суждениях, действиях от субъективных или навязанных представлений о мире.

Критическое мышление, определённое таким образом, не обязательно является отрицательным разрушительным или «критикующим» мышлением; часто, это очень позитивная деятельность производящая подлинные знания и удовлетворительное чувство оправданной уверенности в этом знании. Это также не что-то противопоставляемое или враждебное творческому или латеральному мышлению.

Деятельность по управлению подразделением в мирное и военное время направлена на поддержание воинских подразделений в состоянии постоянной готовности к началу боевых действий. В условиях мирного времени реальный противник отсутствует, поэтому, чтобы поддерживать постоянную боевую готовность, создаётся специальная система достаточно жестких требований и норм, находящее своё отражение в процессе подготовки слушателей мыслить критически, это характеризуется построением логических умозаключений, созданием согласованных между собой логических моделей и принятием обоснованных решений [2].

Критическому мышлению военнослужащих, также присуще высокое морально-политическое и психологическое состояние, позволяющее эффективно выполнять любые задачи в любых условиях, как в мирное, так и в военное время, поскольку они определяют уровень профессиональной подготовки и успешность выполняемой деятельности [1].

С нашей точки зрения, необходимо обучать будущих офицеров и военнослужащих анализировать, мыслить, критически оценивая обстановку при выполнении служебно-боевых задач. Данный навык мы предлагаем формировать посредством тренинговой работы. Нами разработаны ряд упражнений на развитие у курсантов критического мышления. Таким образом, мы можем сделать вывод, что развитие критического мышления происходит, в тесной взаимосвязи интеллектуальных возможностей и умственного развития тогда, когда военнослужащие самостоятельно проявляют интерес к познанию нового. И самое главное – критически должен мыслить офицер (преподаватель), а развитие своего собственного критического мышления позволит ему применять новые методы и подходы в педагогической деятельности.

Список литературы

1. Бархаев Б.П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера [Текст] / Б.П. Бархаев, А.Г. Караяни, В.Ф. Перевалов, И.В. Сыромятников. – М.: Воениздат, 2006. – 488 с.
2. Караяни А.Г. Прикладная психология [Текст]/ А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
3. Новожилов В.Ю. Основы психологической самопомощи [Текст]: Учеб.-метод. пособие / В.Ю. Новожилов, Л.В. Куликов, В.А. Суворов. – М.: Изд-во журнала «На боевом посту», 2008. – 158 с.
4. Теплов Б.М. «Ум полководца» (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам – В кн.: Теплов Б.М. Избр. труды. В 2-х т. - Т.1. - М., 1985 – с. 223 – 305.

И.П. Кузнецова
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
irena-pav@mail.ru

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В современном мире с каждым днем увеличивается глобальное информационное пространство, создаются новые информационные технологии и появляются новые источники информации. В последнее время возрастает интерес к нейролингвистическим исследованиям, применением искусственного интеллекта в процессе обучения, развитию критического мышления, инновационным методам перевода. В условиях новой лингвистической реальности важно развивать не только лингвистические стороны перевода, но и критическое мышление обучающихся, акцентируя внимание на сложности информационно-семиотического процесса.

Сегодня обучение иностранным языкам активно осуществляется при помощи коммуникативного подхода, но в то же время перевод остаётся важнейшей составляющей образовательной деятельности. При переводе, как правило, делается основной упор на лексические, стилистические и грамматические аспекты, но для эквивалентного перевода из иностранных СМИ, особенно при переводе текстов военно-политической тематики, важнейшим остаётся понимание культурных, социальных и экономических различий языковой среды. Средства массовой информации как инструменты влияния в эпоху глобализации используют новейшие информационные технологии, различные мультимедийные средства передачи информации для широкого распространения и информационного воздействия на аудиторию. Наибольший интерес для критического осмысления и адекватного перевода иноязычных статей представляют статьи, связанные с политической и военной темой. Как правильно отмечают в своей работе Гаврилов Л.А. и Зарипов Р.И., что в средствах массовой информации на реципиента информации оказывается определенное системное воздействие с определенными целями и задачами [1]. Общеизвестно, что чем популярнее журналист и чем влиятельнее СМИ, тем сильнее оказывается воздействие на потребителя информации, на формирование массового сознания. По мнению Элисон Кук Сатер перевод помогает осознавать, что студенты одновременно являются переводчиками и объектами собственного перевода. И переводческий процесс с иностранных языков помогает глубже воспринимать сложность окружающего мира, конкретные контексты и языковые нюансы [2]. В настоящее время критическое мышление является необходимой характеристикой будущего специалиста. Критическое мышление при переводе текста – это умение всесторонне анализировать и интерпретировать информацию, активно решать конкретные когнитивные задачи, понимать основной посыл иноязычного текста.

В общественно-политических текстах англоязычных СМИ активно используются красноречивые метафоры, фразеологизмы и неологизмы, экспрессивная лексика для создания и закрепления определенного имиджа политических партий или отдельных политических лидеров. В статье ежедневной американской газеты “The Washington Post”, посвященной предубеждения в Сенате США, используются следующие фразы: трансконтинентальный гигант (transcontinental behemoth), жесткие партийные списки (rigid partisan lines), филибастер (filibuster). В процессе перевода вышеперечисленных фраз могут возникнуть определенные трудности, в частности правильного понимания политической лексики. В статье известной британской газеты “The Gardian” освещающей международные события, связанные с вооруженным конфликтом между Израилем и Палестиной в секторе Газа, употребляются сокращенные названия вооруженных сил, например, солдаты ЦАХАЛа (IDF soldiers) и ХАМАС (Hamas) И так же активно используется специальная военная терминология: переносные ракеты (portable missiles), наземное наступление (ground offensive) и многое другое [4].

Для адекватного перевода текстов на военно-политическую тему важно не только знать перевод специальной терминологии, но и понимать текущую общественно политическую обстановку в мировом сообществе, критически оценивать происходящие международные события, постоянно развивать и совершенствовать лингвистические навыки. Следует отметить, что развитие критического мышления будущего специалиста является важнейшим фактором в образовательном процессе, который можно совершенствовать при переводе иноязычных текстов.

Список литературы

1. Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И. Особенности языка массовой коммуникации в условиях информационно-психологической войны//Военно-филологический журнал. 2020, №1, с.15-23.
2. Cook-Sather A. Education is Translation: A Metaphor for Change in Learning and Teaching. Philadelphia. University of Pennsylvania Press. 2006, 208 p.
3. Monika Mathur. The hidden biases at play in the U.S. Senate. [Электронный ресурс] URL: <http://www.washingtonpost.com> (дата обращения 26.11.2023)
4. Peter Beaumont. Fifteen Israeli soldiers killed as fighting intensifies in Gaza [Электронный ресурс] URL: <http://www.theguardian.com> (дата обращения 26.11.2023)

*А.Э. Левицкий
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
andrelev@list.ru*

РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ: ПОЗИЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Современный человек живёт в сложном мире, где переплетается информация о реальных событиях, действиях и индивидов, так и их виртуальных близнецах-феноменах [6]. Человеку необходимо отличать, о какой из ипостасей отражения мира идёт речь. Дело в том, что виртуальное, как правило, построено по образцу и подобию реального. Это относится, в первую очередь, к оценке существования и действий так называемого искусственного интеллекта, т.е. ряда программ, генерирующих информацию, находящуюся в интернет (виртуальном) пространстве. Кроме этого, виртуальная сущность фактически является носителем и передатчиком информации теми каналами, которыми пользуются источники, находящиеся в мире реальном (см., напр., Левицкий 2023).

Жизнь в компьютерной игре, хоть и построенной в основном по модели реальности, чётко противопоставлена своим прототипам [2;3;4]. Не вызывает никаких сомнений соотношения реального и виртуального в пространстве художественных произведений (см., напр., теорию возможных миров (Я.

Хинтиikka [5]) и т.ж. Красных В.В [1]; [4] и др.). Художественный вымысел или фейки в публицистике построены на принципе представления нереального в форме реального. Если в первом случае, речь идёт о том, что раскрывается творческое начало его автора, то во втором – стоит цель исказить реальную картину событий, явлений или действий определённых индивидов. Однако и в первом, и во втором случаях авторами являются реальные люди, знаем ли мы их имена или нет. В создании художественной «реальности» в театре и кино, к примеру, задействован целый коллектив, состоящий из людей творческих специальностей, каждый из которых (драматург, режиссер, композитор, сценограф, хореограф, художник и актёр) призван внести свой вклад в представлении вымышленного как реального.

Попытки создания возможного мира в форме художественного повествования, как и современные цифровые технологии, с одной стороны, основаны на данных реального мира, а, с другой стороны, существует как его альтернативна. Проекция реального мира на мир виртуальный позволяет достичь правдоподобности, в частности, в рамках игрового компьютерного дискурса. Вместе с тем, творцы виртуального пространства не ставят перед собой цели достичь полного соответствия реальности. Его гибридизация из элементов реального и нереального отражается во внешнем виде персонажей, их действиях, именах, коммуникативных контактов с игроком и между собой. Заслуживают внимания в ходе описания виртуального мира артефакты, объекты живой и неживой природы, а также их действий. Виртуальные миры преобразуют реальность за счет изменения формы, размера, соотношения части и целого, движения и т. п., выводя человеческое представление за рамки повседневного опыта. Попадая в мир, похожий на настоящий и выстроенный программистом, игрок получает новые возможности в плане мышления и поведения как активный персонаж.

Нами была поставлена задача выявить особенности восприятия реального и виртуального 80 студентами II курса бакалавриата и магистратуры факультета иностранных языков и регионоведения 18 – 23 лет. Опрос проводился в ноябре 2023 года в письменной форме. Опрошенным были предложены следующие вопросы: Где существует виртуальный мир? Кто живет в виртуальном мире? Что находится в виртуальном мире? Если бы Вам удалось создать виртуальный мир, какой бы он был? Какая музыка звучит в виртуальном мире? Что есть в виртуальном мире в отличии от реального мира? Что есть в реальном мире в отличии от виртуального мира? Если Вы играете в компьютерные игры, какие эмоции Вы переживаете? Какие компьютерные игры Вам нравятся? Почему?. Полученные ответы были сопоставлены с данными, предоставленными нейросетью <https://gpt-chatbot.ru/>. Данный чат-бот с искусственным интеллектом разработан компанией OpenAI и способен работать в диалоговом режиме, поддерживающий запросы на естественных языках. ChatGPT — большая языковая модель, для тренировки которой использовались методы обучения с учителем и обучения с подкреплением [7].

В целом, ответы искусственного интеллекта отличались большим абстрактным характером и объёмом информации. Студенты же были достаточно конкретны и давали ответы, характеризующие их личностные параметры. Вместе с тем, ответы студентов заслуживают внимания исследователя, что и планируется осветить в докладе.

Список литературы

1. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). — М.: Диалог — МГУ, 1998. — 352 с.
2. Левицкий А.Э. Человек и искусственный интеллект: в чём отличие? (проблема концептуализации мира) // Когнитивные исследования языка. — 2023. — Т. 56, № 5. — С. 124 – 129.
3. Левицкий А.Э., Миронова А.С. Реальное и нереальное в пространстве компьютерного игрового дискурса // Топология филологического поиска: Сб. научн. тр. / Ред.-сост. Козлова О.Н. — М.: КДУ, Добросвет, 2022. — С. 158 – 165.
4. Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Проекция будущего с точки зрения прошлого (на материале английских народных сказок) // Мир лингвистики и коммуникации. — 2022. — №4. — С. 26 – 38.
5. Хинтиikka Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопросы философии. — 1975. — №6. — С. 38 – 50.
6. Samoylova, E. Virtual World of Computer Games: Reality or Illusion? // Procedia - Social and Behavioral Sciences. — 2014. — #149. — P. 842-845.
7. URL: <https://gpt-chatbot.ru/>

С.С. Лифанова
Министерство иностранных дел России
(Россия, Москва)
Slifanova@yandex.ru

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

Перевод как форма работы с текстом порождает большое количество вопросов и споров в сугубо лингвистических кругах и шире, в междисциплинарном ключе. Именно междисциплинарный взгляд на проблемы перевода позволяет методически обогатить инструментарий исследований в данной области. В частности, хорошо разработанная теория задачного пространства в психологии (А. Ньюэлл, Г. Саймон) может описать ряд затруднений, возникающих у переводчика в процессе работы с текстом и, как следствие, помочь при подготовке начинающих специалистов по переводу. Опираясь на метафору «поиска решения», данная теория описывает процесс решения любой мыслительной задачи. «Задачное пространство» включает в себя исходное и целевое состояние задачи, а также ряд промежуточных состояний. Все

они представляют собой репрезентации задачи. Решение заключается в отыскании последовательности переходов, которые ведут от исходного состояния к цели. Шаги к решению обеспечиваются (ментальными) операторами. Лингвистические задачи в полной мере относятся к разряду мыслительных задач, с чем согласны многие лингвисты (В.М. Алпатов, Б.Ю. Городецкий, А.Н. Журинский, А.А. Зализняк, Н.И. Лауфер, Т. В. Напольнова и др.).

Перевод текста можно описать как задачу (цель, заданную в определенных условиях) или шире, как проблему (когда целевое состояние не четко определено и с необходимостью требует доформулирования для решателя). На практике это означает, что переводческая задача может быть относительно структурированной, когда речь идет о поиске языкового эквивалента, подборе семантически корректного языкового средства и т.д.; или же перевод текста, каким бы малым он не был, становится проблемной ситуацией для переводчика, поскольку он сталкивается с целым рядом затруднений: формулирование целей (напр., выбор стилистики перевода, поиск смысла или выбор культурно-специфичной модели) и поиск средств их достижения (анализ грамматики текста, выбор языкового эквивалента и проч.) [3]. В целом схема работы над переводом представляет собой взаимосвязь процессов восприятия текста, его декодирования с языка оригинала, затем интерпретации и последующего кодирования на требуемый язык. Процессы эти протекают не линейно и зачастую вступают в сложные связи взаимообуславливания и верификации. В рамках данных процессов могут появляться многочисленные ошибки разного уровня и, соответственно, процесс обучения и подготовки переводчика идет по пути выявления частотных ошибок в реализации того или иного процесса и их предотвращение (напр., обучение пользованию тезаурусом, корпусами текстов и т.д.).

Дополнительная сложность заключается в том, что на этапе репрезентации проблемной ситуации уже возможны искажения, приводящие к неверному поиску решения (подбору средств выражения). Среди них когнитивные ошибки восприятия, к которым относят и хорошо разработанную в лингвистике проблему контекста и уже, проблему работы с фреймами в тексте. Фрейм как ментальное образование, совмещает в себе стереотипный образ и структуру данных для его представления. Он позволяет говорящему символично и кратко выразить в высказывании переживаемое состояние сознания. Посредством фрейма переводчик имеет возможность провести пересимволизацию, которая может быть проведена с помощью комплекса переводческих действий, включающих в себя замену средств символизации, межфреймовую трансформацию, замену сети терминалов, замену комбинации символ/задание отсутствие, замену стереотипной ситуации [2]. При обучении переводчиков особое внимание должно быть уделено навыкам вычленения фреймовых структур в оригинальном тексте и их грамотной пересимволизации с целью избегания ошибок, связанных с базовым уровнем когнитивного восприятия.

Возвращаясь к анализу переводческой деятельности с позиций теории задачного пространства, можно говорить о важности корректного построения

репрезентации проблемного поля лингвистической задачи по переводу текста так как репрезентация задаёт вектор поиска операторов поиска решения задачи и приводит к нахождению решения. В исследовательском плане перед нами стоит задача изучения репрезентаций лингвистических переводных задач в различных условиях, к примеру, в настоящее время находится в разработке экспериментальное исследование различий построения репрезентаций при переводе с родного языка на иностранный и с иностранного на родной [1]. В исследовании будут оцениваться методы работы с фреймами, структурные и функциональные особенности репрезентации переводчика. Одной из переменных будет служить опыт переводческой деятельности. Объект исследования: художественный перевод с/на испанский язык. Общая гипотеза исследования: репрезентации в случае разнонаправленного перевода будут отличаться сложностью, а сам процесс решения лингвистической переводческой задачи будет различаться набором ментальных операторов.

Вопрос изучения структурно-языковых модификаций требует постоянного рассмотрения и уточнения с привлечением теорий и методов смежных дисциплин, что привносит необходимую динамику в разработку методов обучения студентов лингвистических направлений.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: Академия; СПб.: фил. фак. СПбГУ, 2004. – 346 с.
2. Гусаров Д.А., Гусарова Н.С, Семенов А.Л. Перевод: фрейм – единица мысли и речи. // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика – № 3. – 2014. – С.79-86.
3. Серова Т.С., Коваленко М.П., Кушова И.В. Типы и функции контекстов при переводческом чтении исходного текста и порождении вторичного текста перевода. // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики – № 2. – 2020. – С.20-38.

*П.О. Малиновская
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
polina_malinovskaya_99@mail.ru*

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПЕДАГОГА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Главным источником развития и укрепления ресурсов здоровья человека является систематическая двигательная активность на протяжении всей жизни человека. Именно физическое воспитание, предмет «Физическая культура» в образовательных учреждениях призваны формировать у человека потребность в укреплении здоровья, систематических занятиях физической культурой и

спортом. Однако современная система физического воспитания в процессе своего развития и совершенствования обнаруживает ряд противоречий. Главными из них являются:

- противоречие между ведущими ценностями здорового образа жизни и отсутствием мотивированной потребности большинства населения в регулярных занятиях физической культурой и спортом;
- несоответствие провозглашаемых целей физического воспитания и реальных возможностей их осуществления для каждого отдельного человека;
- наличие в государственном образовательном стандарте по физической культуре содержательной линии «Оздоровительные системы физических упражнений» и недостаток научно обоснованных рекомендаций по содержанию и методике обучения навыкам оздоровительной деятельности;
- необходимость комплексного формирования здорового образа жизни (ЗОЖ)

Культура здоровья – это часть общей культуры человека, направленная на сохранение и укрепление своего здоровья.

Культура здоровья личности характеризуется жизненными позициями человека (наличием позитивных целей и ценностей); грамотным и осмысленным отношением к своему здоровью, природе и обществу; организацией здорового образа жизни, позволяющего активно регулировать состояние человека с учетом индивидуальных особенностей организма, реализовывать программы самосохранения, самореализации, саморазвития, приводящие к гармоничному единству всех компонентов здоровья и целостному развитию личности.

Методы преподавания- способ взаимодействия между учителем и учениками, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения.

В связи с этим всем актуализируется проблема методов и средств преподавания. За основу методов преподавания (обучения) мы будем брать автора: Н.А. Бернштейна.

Мы хотим найти проблемы в подходе обучения у преподавателей нынешнего поколения и предложить решение при помощи средств и методов. Каким должен быть педагог, его личностные характеристики и поведение по отношению к обучающимся. Авторитет педагога — это, прежде всего, средство воспитательного воздействия на учащегося. Авторитетной личности как бы авансируется успех. Личности, признающей авторитетной, приписывается компетентность и в других областях. Происходит как бы иррадиация авторитета. Авторитет учителя — это сложный феномен, который качественно характеризует систему отношений к педагогу. Отношения учащихся к авторитетному педагогу положительно эмоционально окрашены и насыщены. И чем выше этот авторитет, чем важнее для воспитанников науки, основы которых преподает учитель, тем справедливее кажутся его требования, замечания, тем весомее каждое его слово "Для ребят идея неотделима от личности, - писала Н.К. Крупская. - То, что говорит любимый учитель, воспринимается совсем по-другому, чем то, что говорит

презираемый или чуждый им человек". Только при правильных взаимоотношениях можно учить и воспитывать. Не утрачивать, не льстить, а понять, подобрать особый ключ к каждому. В связи с этим актуализируется проблема авторитета учителя на становление личности обучающегося.

Список литературы

1. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды / Н.А. Бернштейн. – под ред. В.П. Зинченко. – Москва : МПСИ, 2008. – 688 с
2. Нгуен С.Т. Физическое воспитание и методы преподавания физической культуры 2 / С.Т. Нгуен. – Хошимин: Хошин., 2014. – 130 с.
3. Боярская Л.А. Методика и организация физкультурно-оздоровительной работы / [науч. ред. В. Н. Люберцев]/, 2017. – 120 с.

*И.И. Миронович
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
MironovichII@mgpu.ru*

МОДЕЛЬ СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СПО

Модель сопровождения профессионального развития научно-педагогического труда преподавателя СПО выступает как неотъемлемая составляющая в условиях интеграции профессии, профессионального труда и изменяющихся стандартов образования. Одним из актуальных вопросов становится развитие профессиональной метакомпетенции – компетенции самопроектирования педагогом своей профессиональной деятельности. Важными психологическими феноменами в этом развитии являются профессиональная цель и личная профессиональная миссия преподавателя СПО.

Как отмечает С. А. Дружиловым, профессионализм человека включает не только достижение им высоких производственных показателей, но и особенности его профессиональной мотивации, системы устремлений, ценностных ориентаций и смысла труда – то, что формирует профессиональное самосознание. [1]. В свою очередь, модель сопровождения профессионализма научно-педагогического труда преподавателя СПО можно представить в виде трех блоков, каждый из которых является важной составляющей процесса формирования и реализации профессиональной траектории развития преподавателя.

Модель сопровождения развития профессионализма научно-педагогического труда преподавателя СПО можно представить в виде трех блоков, каждый из которых – важная сторона процесса разработки. и реализации

профессиональной траектории развития преподавателя – своеобразного моста, связывающего профессиональное прошлое, настоящее и будущее преподавателя.

Первый блок модели отображает процессуально-временные характеристики профессионального развития и представлен в виде схемы, которая показывает профессиональное настоящее, прошлое и будущее преподавателя (рис. 2).

Рис. 2. Процессуально-временные характеристики профессионального развития

Из схемы видно, что настоящее, прошлое, будущее, будущее в настоящем – составляющие профессиональной жизни преподавателя СПО. Круг – движение во времени жизни преподавателя с акцентом на направлении развития – профессионализм.

Второй блок модели отражает профессиональное поведение и отношения преподавателя и студента в рамках профессионально ориентированного образовательного процесса. Взаимодействие между преподавателем и студентом становится неизбежным и проявляется в их отношениях и поведении (рис 3.).

Рис.3. Профессиональное поведение и отношения преподавателя и студента

В.Е. Ключко в своих исследованиях подчеркивает, что, когда происходит соответствие между взаимодействующими сторонами, неизбежно возникает взаимодействие. В результате этого взаимодействия проявляется отношение между сторонами, и соответствие закрепляется в продукте, который изменяет и систему, и среду обитания [2]. При этом построение отношений и поведение преподавателя в системе профессионального образования основывается на осознании собственных потребностей, мотиваций и компетентности личности. Одновременно важно учитывать аналогичные показатели и потребности студента во время взаимодействия.

Третий блок модели содержит описание технологии деятельностного сопровождения развития профессионализма научно-педагогического труда преподавателя СПО и представляет структурные составляющие процесса разработки персонального профессионального развития (рис 4.).

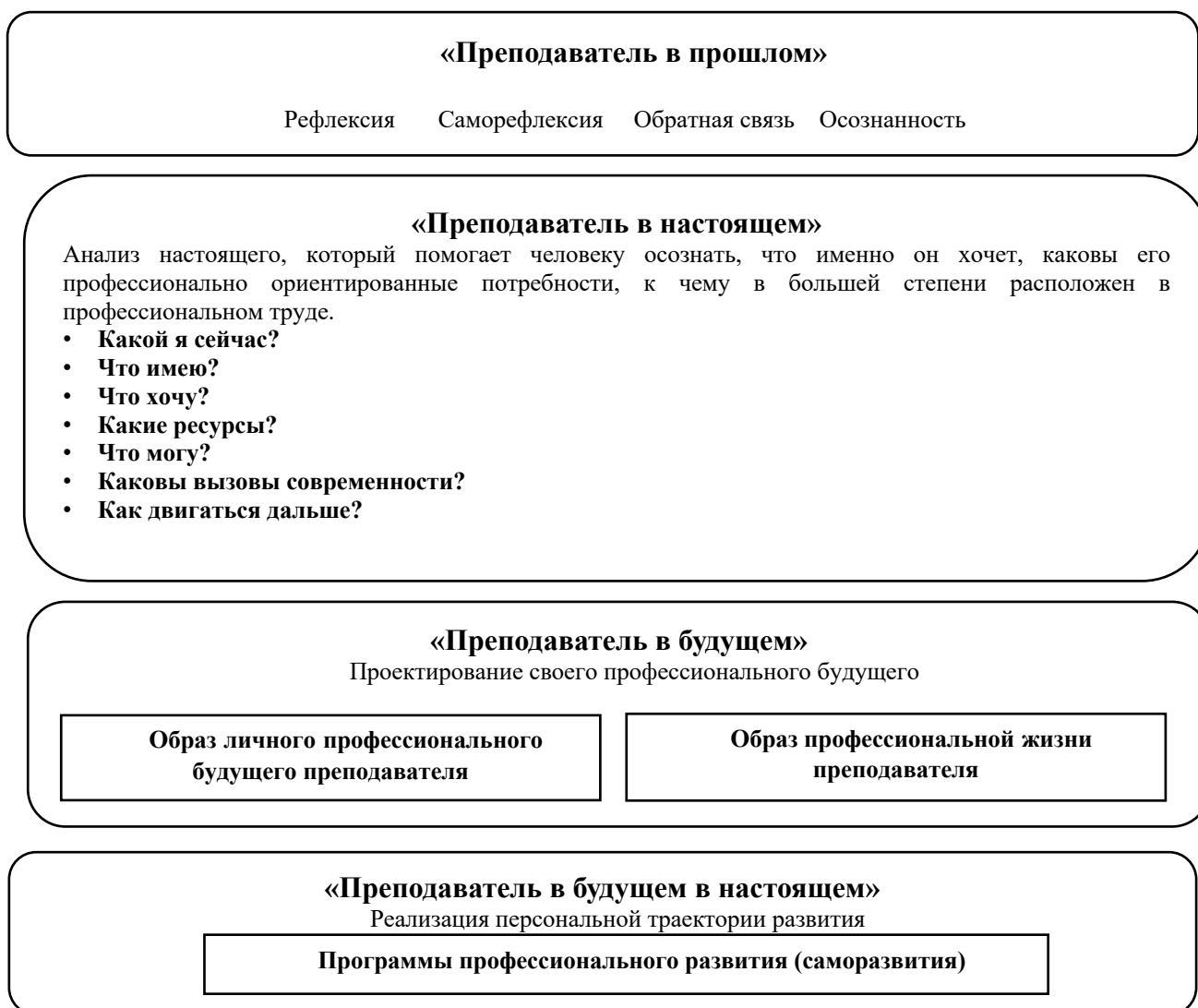

Рис. 4 Технологии деятельностного сопровождения развития профессионализма

В результате работы над моделью профессионального развития преподавателя СПО формируется система, которая связывает потребности, мотивации, компетенции и поведение преподавателя в качестве субъекта профессионального труда. Это является основой проектирования будущего профессионального видения преподавателя в системе СПО.

Список литературы

1. Дружилов С.А. Влияние профессиональной группы и профессионального сообщества на становление и сохранение индивидуального профессионализма / С.А. Дружилов // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 3. – Ч. 5. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49885> (дата обращения: 20.11.2023)

2. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах : проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) / В.Е. Ключко. – Томск : Изд-во Томского университета, 2005. – 174 с.

*Э.А. Мусенова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
m-elya@yandex.ru*

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАЗВИТИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Проблема развития эмоционального интеллекта (ЭИ) наиболее актуальна в дошкольном возрасте, так как это время является периодом становления психических функций, личностных образований. Термин «эмоциональный интеллект» впервые употребили Джон Майер и Питер Сэловей. Авторы под ним понимали способность воспринимать и выражать эмоции, понимать их и объяснять, ассимилировать эмоции и мысли, регулировать собственные эмоции и эмоции других людей. Осознание собственных эмоций и эмоций других людей детьми рассматривали Г.М. Бреслав, Е.И. Изотова, Я.З. Неверович, М.А. Нгуен, О.М. Прусакова, и другие. Многие психологи считают, что ЭИ важнее *hard skills* и IQ для успеха в карьере [1, с. 65].

Безусловно, одну из важных ролей в становлении психических функций дошкольника играют специально подготовленные специалисты- педагогов. То есть подготовка будущих педагогов и как следствие их готовность к становлению психических функций дошкольника являются значимыми в этом процессе.

Многоаспектность понятия профессиональной готовности обуславливает большое количество различных позиций специалистов, рассматривающих его в своих исследованиях. Понятие профессиональной готовности является универсальным, интегративным понятием, т.к. традиционно рассматривается как готовность к какой-либо деятельности, способность осуществлять определённые действия. В обозначенном аспекте готовность следует определять, как набор квалификационных характеристик, систему определённых требований к специалисту, его знаниям, умениям, личностным качествам, то есть как профессиональную готовность [3; 4, с. 111].

Профессиональную готовность учёные рассматривают, исходя из общих принципов изучения профессиональной деятельности, принципов единства деятельности и сознания, взаимосвязи внешних и внутренних условий (С.Л. Рубинштейн), единства личности и деятельности (А.А. Леонтьев), ведущей роли активности в целенаправленной деятельности (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев).

Иногда понятие профессиональной готовности отождествляется с понятием профессиональной подготовки, которая в самом общем плане представляет собой формирование готовности к профессии, устойчивую ориентацию на выполнение трудовых заданий. Профессиональная готовность есть не только результат, но и цель профессиональной подготовки, которая реализуется за счёт определённого структурирования содержания профессионально-педагогического образования [8, с. 166].

Основными компонентами готовности к педагогической деятельности являются теоретические и методологические знания, профессиональные прикладные навыки, позитивное отношение к такому виду деятельности, которое, основываясь на принципе ведущей роли мотивов в активизации личности, определяется как основное [9, с. 224].

Под профессиональной готовностью понимается определённый уровень развития личности, временное ситуативное состояние, отношение, механизм регуляции деятельности, особое длительное или кратковременное психическое состояние, концентрация сил личности, направленных на осуществление определённых действий. Готовность может быть интерпретирована на уровне ценностных ориентации, это и качество, и состояние, и динамический процесс [9, с. 166]. Готовность имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю, которые теснейшим образом взаимосвязаны. Необходимо отметить, что готовность – не только следствие воздействия со стороны внешних организационных факторов, но и результат активности самого человека. В.А. Сластенин отмечает существование своего рода противоречия: «профессиональную подготовку осуществляют внешние (по отношению к человеку) структуры (институты, университеты), а профессиональное становление человека является в основном результатом его собственного, внутреннего движения, когда профессионализм становится ценностью для личности».

Как видно, понятие профессиональной готовности рассматривается с разных точек зрения. Для понимания готовности будущих педагогов к развитию эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста необходимо обратиться к компонентам профессиональной готовности.

Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. выделяют следующий состав компонентов в структуре готовности к профессиональной деятельности [2, с. 51]:

- мотивационный, включающий наличие интереса к профессии, позитивного отношения к профессиональной деятельности;
- ориентационный, предусматривающий обладание ориентированием в профессии, знаний особенностей данной профессиональной деятельности, её специфики, требованиях к личности и т.д.;
- операционный, включающий владение необходимыми знаниями, умениями, профессиональными навыками, способами, приёмами, методами работы и т.д.
- волевой, заключающийся в умении владеть собой при выполнении своих функциональных обязанностей, осуществлять самоконтроль и т.д.;
- оценочный, включающий умение оценить свою деятельность, соотнести её с деятельностью мастеров в данной отрасли и т.д.

А.И. Мищенко в готовности педагога выделяет относительно самостоятельную мотивационную, теоретическую, практическую готовность, а также креативность, как готовность и способность к продуктивному педагогическому творчеству [5, с. 44].

В нашем исследовании, мы согласны с утверждением Н. Н. Моисеевой о том, что раскрытие содержания понятия профессиональной готовности учителя к профессиональной деятельности необходимо рассматривать применительно к конкретному виду деятельности, исходя из её специфики (в нашем случае это готовность будущих педагогов к развитию эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста) [6, с.44].

Если говорить о готовности будущих педагогов к развитию ЭИ детей дошкольного возраста, то прежде всего нужно обратиться к концепциям эмоционального интеллекта. Изучив литературные источники по данной проблеме, мы пришли к выводу, что для решения вопроса о диагностике и развитии эмоционального интеллекта важно как можно яснее представлять, что должно подлежать диагностике и развитию, и иметь теоретическую модель, или концепцию [7]. Наиболее понятной и логической нам представляется концепция эмоционального интеллекта Савенкова А.И. [Там же], а именно в концепцию эмоционального интеллекта закладывается как минимум три группы критериев: когнитивные (кристаллизованные знания); регуляторные (способность управлять своими эмоциями и воздействовать на эмоциональную сферу других); поведенческие (способность применять социальные знания при решении неизвестных проблем):

1. Когнитивные:

- Знания о людях, знание специальных правил, понимание других людей;

- Социальная память (память на имена, на лица);
- Социальная интуиция — распознавание эмоций и чувств, определение настроения, понимание мотивов поступков других людей, способность адекватно воспринимать наблюдаемое поведение в рамках социального контекста;
- Социальное прогнозирование — формулирование планов собственных действий, отслеживание своего развития, рефлексия собственного развития и оценка неиспользованных альтернативных возможностей.

3. Регуляторные:

- Эмоциональная выразительность, эмоциональная чувствительность, эмоциональный контроль;
- Сопереживание — способность входить в положение других людей, ставить себя на место другого (преодолевать коммуникативный и моральный эгоцентризм);
- Степень склонности к психическому заражению и собственные суггестивные возможности;
- Эмпатия, способность вчувствования в событие, объект искусства, природу;
- Установление эмоциональных связей с другими, разделение состояния другого или группы.

3. Поведенческие:

- Социальное восприятие — умение слушать собеседника, понимание юмора;
- Социальное взаимодействие — способность и готовность работать совместно, способность к коллективному взаимодействию и коллективному творчеству, как высшему типу этого взаимодействия;
- Социальная адаптация — умение объяснять и убеждать других, способность уживаться с другими людьми, открытость в отношениях с окружающими;
- Способность к саморегуляции — умение регулировать собственные эмоции и собственное настроение;
- Способность эффективно работать в условиях стресса.

Исходя из выше представленной концепции, можно представить основные направления по развитию ЭИ детей дошкольного возраста, выраженных в когнитивных, регулятивных и поведенческих критериях в соответствии с возрастными особенностям. Для подготовки будущих педагогов к развитию ЭИ дошкольников необходимо учитывать эти составляющие.

Изучив компоненты профессиональной готовности, определив критерии развития ЭИ детей дошкольного возраста, мы понимаем, что у будущего педагога должны быть сформированы теоретические знания, отражающие основные проблемы развития эмоционального интеллекта дошкольников; сформированы практические умения и навыки, определяющие специфику профессиональной (педагогической деятельности), направленной на развитие ЭИ дошкольников; сформированы профессионально важные качества личности, необходимые для профессиональной (педагогической) деятельности, направленной на развитие

эмоционального интеллекта дошкольников, развиты устойчивые мотивы профессиональной деятельности.

Таким образом, совокупность компонентов профессиональной готовности будущих педагогов к развитию ЭИ детей дошкольного возраста можно представить следующей схемой: теоретическая готовность; практическая готовность; эмоционально-ценностная готовность. Данные компоненты и будут являться целью и результатом подготовки будущих педагогов в рамках обозначенной проблемы.

Список литературы

1. Андреева И.Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта// Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57-65. URL <https://andreeva.by/predposylki-razvitiya-emocionalnogo-intellekta.html> (дата обращения: 01.11.2023).

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности/ Минск: БГУ, 1976.176 с.

3. Кетриш Е.В. Готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования: монография/ Е. В. Кетриш. Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2018. 120 с. - URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0653-2> (дата обращения: 05.11.2023).

4. Коробинцева М.С., Лапшина Л.М. Формирование готовности педагога к работе с детьми с задержкой психического общеобразовательной школы: учебно-методическое для студентов ВУЗов/ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2023. 111 с. ISBN 978-5-907610-86-6.

5. Мищенко А.И. Формирование профессиональной готовности учителя к реализации целостного педагогического процесса: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01, утв. 15.07.02. М. 1992. 44 с.

6. Моисеева Н.Н. Формирование психологической готовности будущего учителя к субъект-субъектному взаимодействию: автореф. дисс. ... к. психол. наук: 19.00.07, утв. 15.07.02. Самара, 2007. 25 с

7. Савенков А.И. Можно ли прогнозировать жизненный успех?// Школьный психолог. 2006 №6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psy.1sept.ru/index.php?year=2006&num=9> (дата обращения 15.11.2023).

8. Хозяинов Г.И. Педагогическое мастерство преподавателя / Москва: Высш. шк., 1988. 166 с. ISBN 5-06-001202-6.

9. Хозяинов Г. И. Мастерство педагога в процессе образования и обучения / М., Физическая культура, 2006. 224 с.

Н.И. Нелюбин
Омский государственный педагогический университет
(Россия, Омск)
nelubin2001@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТА МЫШЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Один из главных симптомов, характеризующих нисходящую линию трансформации субъекта мышления в цифровой среде – это утрата им способности к установлению рефлексивной связи с экзистенциальным измерением собственной идентичности на фоне непрерывно обновляющегося потока информации. В жизненном укладе современного человека, отрешенного от экзистенциальной стороны мышления, преобладают фрагментарные и симулятивные способы бытия. Р. Мэй отмечал, что уже представители раннего экзистенциализма рассматривали в качестве наиболее серьезной угрозы грядущей дегуманизации «... присоединение мышления к механизмам, подрывающим индивидуальную ценность и решительность» [4]. С появлением новых технических устройств, способствующих быстрому доступу к информации и ее оперативному обмену, доля времени, затрачиваемое на осмысленное присутствие человека в мире, скорее сокращается, чем возрастает. То же самое можно сказать и о доле личностно-смыслового отношения к «поглощаемой» информации. И.Т. Касавин описал ситуацию познания в условиях «информационного общества» так: «... познающий субъект настолько пленен сообщениями, поступающими отовсюду, что практически утратил всякую когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию» [3, с. 48]. Ему не остается ничего иного, кроме как погрузиться в нескончаемый «интеллектуальный серфинг», являющийся ментальной проекцией интернет-серфинга. Беглая и отстранённая (напрочь лишённая ценностно-смыслового отношения) ориентация в поисковых системах сегодня подменяет способность самому строить ориентировочную основу для продуцирования осмысленного знания.

Своеобразным квази-интеллектуальным трендом сегодня становится присоединение виртуальных интеллектуалов к возвышенным и смыслоёмким высказываниям, которые поставляются модераторами соответствующих виртуальных групп в качестве готового философского или психологического «десерта». Чтобы размышлять над текстом-оригиналом необходимо совершать напряженную работу мышления, размещать и удерживать читаемый текст в пространстве-времени собственного понимания, «вычерпывать» авторские смыслы и привносить в него свои. Но это очень сложная и трудоёмкая деятельность, которая обязывает читателя к особой самодисциплине и сосредоточенности, к сопротивлению мотивам избегания познавательного напряжения.

Все это невыносимо для «интеллектуала-сёрфера», предпочитающего экстенсивно «скользить» по новостной ленте образовательного сообщества.

В иерархии познавательных отношений homo digitalis с миром и с самим доминирует стремление руководствоваться экономичными, упрощёнными, эвдомонически-ориентированными концепциями и объяснительными схемами, которые элиминируют настоящее познавательное напряжение, «усыпляют» критическую рефлексию, позволяют поддерживать и воспроизводить образ удобного и условно понятного мира и соответствующий образ себя в нем. Словами С.С. Хоружего, homo digitalis все глубже погружается в «недород бытия» и приписывает ему онтологические характеристики [5].

М.М. Бахтин, В.В. Бибихин, В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили отмечали, что онтология настоящего мышления сопряжена с онтологией поступка: «Настоящая мысль существует ровно и только в той мере, в какой она имеет смелость вдруг поступить, не потому что мысль медленно и постепенно подвела нас к решению, а потому что она вдруг расступилась в поступок...» [2]. Поступающее мышление, с точки зрения М.М. Бахтина, может осуществляться только на основе отсутствия у личности «алиби в бытии» [1], иначе оно вырождается в инструмент производства «пустых концептов». Мысль-поступок требует особого участливого, ответственного отношения субъекта мышления к познаваемому, особого волевого усилия, направленного на преодоление инерции недомыслия.

Мышление homo digitalis является своеобразным эрзацем осмысляющего раздумья. Оно лишь инструмент на страже эгоцентрического мировоззрения, концептуальное ядро которого составляют эвдомонически-ориентированные образы и концепты жизни, элиминирующие настоящее познавательное напряжение. К основным функциям, которые реализуются человеком посредством такого эрзаца мышления, следует отнести: нивелирование познавательного напряжения и поддержание иллюзии «понятности»; бегство от экзистенциальных ситуаций мышления в ситуации квази-интеллектуальной игры, не связанные с риском и ответственностью; создание и рационализация эвдомонически-ориентированных образов и концептов жизни; редуцирование самопознания к наивной квази-рефлексивной интроспекции актуального образа Я, «вписыванию» его в контекст удобных, эгоцентричных и «экономичных» доктрин психологического благополучия.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Том I. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. 958 с.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 2015. 577 с. URL: http://bibikhin.ru/uznay_sebya (дата обращения: 12.11.2023).
3. Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. С. 46-57.

4. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение. URL: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/meuro04/txt07.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

5. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.

П.Л. Новикова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
novapoline@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Начало 21 века характеризуется глобальными изменениями в сфере человеческих отношений и взаимодействия. Эти изменения касаются в т.ч. и языка, его функционирования и развития. Традиционные интерактивные модели общения трансформируются и видоизменяются, непосредственное личное общение постепенно заменяется виртуальным. Всемирная эпидемиологическая ситуация, общая цифровизация, политическая повестка оказывают влияние на экономическую, социальную, культурную, духовную области образа жизни современного общества, что находит свое отражение в речевой деятельности его членов.

Совокупность микро- и макрофакторов влияющих на процесс общения можно разделить на 4 основные группы: социальные, психологические, культурные, информационно-технологические. К социальным факторам относятся изменения в области непосредственного взаимодействия на уровне взрослый-ребенок, интенсивный образ жизни родителей приводит к тому, что непосредственному личному общению уделяется меньше времени, в некоторых случаях гаджеты полностью заменяют ребенку совместное времяпрепровождение. Психологические факторы играют ключевую роль в процессе общения, они влияют на то, как мы воспринимаем информацию, как реагируем на нее и как взаимодействуем с другими людьми.

Современный мир цифровых технологий оказывает значительное влияние на психическое развитие и формирование личности детей начиная с самого раннего возраста. Актуальные данные свидетельствуют о том, что современный ребенок в возрасте 3-5 лет начинает пользоваться гаджетами и имеет доступ в Интернет. И, если, в дошкольном возрасте преобладает виртуальная игровая деятельность (онлайн-игры, «развивашки» и пр.), то к младшему школьному возрасту ребенок уже не представляет своей активности без гаджетов или компьютера, т.к. многие обучающие программы и ресурсы располагаются на

различных интернет-платформах и уже с первого класса ребенок под руководством педагога полноценно пользуется различными образовательными порталами, что способствует «... развитию познавательной активности детей, созданию благоприятного эмоционального фона, социализации личности» [2].

Исследователи отмечают влияние диджитализации на различные сферы развития ребенка: когнитивную, эмоционально-личностную, коммуникативную, социальную. Закономерно повышается и актуальность изучения вопросов влияния цифровых технологий на психическое и психосоциальное развитие детей, а также развитие коммуникативных навыков.

Особую актуальность данный вопрос получает в момент перехода ребенка из социальной ситуации развития (далее ССР) дошкольного возраста, в ССР младшего школьного возраста. В дошкольном возрасте дети начинают формировать свои первые дружеские отношения. Они учатся устанавливать контакты с другими детьми и взрослыми, развивая навыки эмпатии, взаимопонимания и поддержки в этом возрасте активно осваивают новые слова, строят простые предложения и изучают основы общения.

Социальные сети и онлайн-коммуникация также влияют на развитие социально-коммуникативных навыков. В сети младшие школьники могут сталкиваться с такими проблемами как кибербуллинг но, одновременно, они могут находить поддержку и дружбу в виртуальном пространстве [1]. Благодаря цифровизации пространства возрастает объем информации, облегчается ее поиск и получение, устанавливаются социальные контакты, поддерживаются социальные связи на уровне взаимодействия с обществом. Здесь стоит отметить, что, виртуальное общение частично заменило школьникам общение «онлайн», что влечет за собой изменения в структуре коммуникативной модели младшего школьника, что и обусловило актуальность нашего исследования. Также следует отметить недостаточную изученность вопроса места диджитализации в структуре социальной ситуации развития. Методологической основой для нашего исследования послужили работы Л.И. Божович, В.В. Давыдова, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин, Д.И. Фельдштейн, О.А. Карабанова и др. «Решение специфических задач, которые ставит перед ребенком вовлекающая его информационно-коммуникационная среда, оказывает влияние на содержание его психического развития — формы и пути развития, зону ближайшего развития, виды деятельности, приобретаемые ребенком новые психические свойства и качества, способы совладания с трудными жизненными ситуациями. Это определяет противоречие со старой ситуацией развития, приводит к слому прежних и построению новых отношений с социальной средой, а следовательно, к новой ССР. В свою очередь, такие изменения становятся важным компонентом возрастных кризисов развития» [3].

Таким образом, в результате использования интернет-технологий дети, с одной стороны, имеют доступ к огромному объему информации что способствует их личностному развитию и образованию, но с другой, непосредственное общение постепенно вытесняется суррогатным виртуальным.

Список литературы

1. Артюнина Г.П., Ливинская О.А. Влияние компьютера на здоровье школьника
2. Гуляева Е.В., Соловьева Ю.А. Компьютерные игры в жизни дошкольников // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 5-12.
3. Кудинова Е.Б. Влияние гаджетов на современных школьников / Е. Б. Кудинова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 16 (150). — С. 464-465. — URL: <https://moluch.ru/archive/150/42638/>

*Т.А. Паначёва, Е.С. Холопова
Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Россия, Екатеринбург)
romanovatanya1312@mail.ru
shikitti@gmail.com*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Течение научно-технологического прогресса в современном мире послужило источником для развития цифровизации в образовательной среде. Пандемия коронавирусной инфекции в 2021 году актуализировала проблему цифровизации образования и обусловила резкий скачек распространения обучения с использованием дистанционных технологий. Абсолютно все образовательные организации и программы в России перешли на дистанционное образование. Условия вынужденного, принудительного перехода на удалённое обучение, сказались на готовности образовательных организаций к переходу на удалённый формат обучения, не готовы оказались как сами организации, столкнувшиеся с техническими трудностями, педагоги, чья педагогическая деятельность ранее не предполагала цифровой формат, так и обучающиеся, лишившиеся «живого» общения в процессе обучения. Несовершенства системы дистанционного обучения при вынужденности и обязательности его введения в образовательный процесс, сопровождалось негативными факторами, повлиявшими на психологическое благополучие участников.

Вышесказанное обуславливает необходимость изучения этих факторов и степени их влияния, выявления того, каким образом цифровизация образования отразилась на психике участников образовательного процесса. Основной проблемой в рамках исследования является трансформация стиля мышления в результате введения дистанционных образовательных технологий, а также взаимосвязь погружённости личности в цифровой вакуум и способности психики воспринимать новый опыт, менять точку зрения и установки.

Цифровизация – повсеместный процесс распространения и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества: экономику, культуру, образование и т.д. [1, с.112].

Цифровизация образования влечёт за собой снижение физической активности человека, вследствие чего происходит изменения психофизиологических функций и анатомо-физиологического строения индивида. Таким образом, цифровизация образования может оказать воздействие на стиль мышления и гибкость психики.

В психологической науке мышление рассматривается как «процесс познавательной деятельности человека, характеризующейся обобщённым, опосредованным отражением предметов и явлений действительности в их существенных связях и отношениях, в основе которого находится комплекс когнитивных и метакогнитивных умений, навыков и установок» [2, с. 36]. Автор А.К. Белоусова определяет стиль мышления – как характерный набор функций, актуализируемых человеком в различных ситуациях решения задач. Зарубежные авторы А. Харрисон и Р. Брэмсон определяют такие стили мышления: синтетический, аналитический, прагматический, реалистический, идеалистический [4, с. 66].

Следующая характеристика мышления – ригидность. Ригидность – затруднённая в изменении намеченной индивидом программы деятельности в условиях, объективно требующих её перестройки [3, с. 50]. Ригидность как свойство психики объединяет различные психические процессы: когнитивные, эмоциональные, мотивационные. Также ригидность может касаться свойств личности, черт, проявляя себя в нежелании меняться, развиваться.

Исследование трансформации психологических особенностей в результате цифровизации образования проводилось на выборке 107 человек, выборка состояла из студентов и преподавателей разных образовательных организаций. Исследование проводилось онлайн, использовались методики: «Опросник ригидности» А.Г. Шмелёва, опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона в адаптации А.А. Алексеева, также специально разработанная анкета, направленная на получение данных о вовлеченности респондента в цифровые технологии.

По результатам анкеты выяснилось, что большая часть опрошенных сталкивались с дистанционным обучением. На данный момент возможностью дистанционного обучения пользуются 43,2%. Также больше половины опрошенных высоко оценивают необходимость цифровых технологий как в повседневной жизни, так и в образовательной сфере. Более того, большая часть респондентов ответили, что проводят за компьютером или другими гаджетами более 4 часов с образовательными целями.

В результате исследования выяснилось, что большая часть опрошенных предпочитают аналитический стиль мышления, что может быть связано с взаимодействием с компьютерными технологиями – закономерности работы которых заключаются в алгоритмах, программах, схемах. Также обнаружена взаимосвязь между временем ежедневного пользования информационными

технологиями и степенью ригидности психики. Таким образом, чем больше индивид ежедневно проводит времени в цифровом пространстве, тем более ригидной становится его психика, это может быть связано с «замкнутостью» цифрового пространства, иными словами – цифровым вакуумом, находясь в котором индивид не воспринимает информацию не интересующую его, противоречащую его точке зрения, расширяющую его кругозор, вследствие чего отстраняет себя от получения нового опыта. Также обнаружена отрицательная взаимосвязь между степенью ригидности и способностью мыслить синтетическим стилем. Таким образом, можно предположить, что развитие синтетического стиля мышления препятствует ригидности и развивает лабильность мышления.

Список литературы

1. Гордеева Е.В., Мурадян Ш.Г., Жажоян А.С. Цифровизация в образовании // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2021. - №4-1. - С. 112-115.
2. Добрин А.В., Лопухин А.М. Содержательные характеристики вероятностного стиля мышления: теоретические основы исследования // Психология образования в поликультурном пространстве. - 2019. - №2(46). - С. 32-48.
3. Мазур Е.Ю., Пересько Е.В. Исследование ригидности(лабильности) мышления у студентов-психологов. // Вестник УМЦ. - 2019. - №3(24). - С. 48-55.
4. Михайловская Д.М. Исследование стилей мышления в юношеском возрасте // Весенние психолого-педагогические чтения. - 2021. - С. 66-69.

*К.С. Петрова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
Petrovaks056@mpgu.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОООБРАЖЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С ОВЗ В УСЛОВИЯХ МЕДИАДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Инклюзивное образование играет важную роль в развитии воображения подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Медиадеятельность предоставляет подросткам с ОВЗ возможность познавать и интерпретировать мир через различные медиаформаты. Медиаобразование является важным инструментом для развития воображения у подростков с инвалидностью [1].

Развитие воображения у подростков-инвалидов требует особого подхода и внимания. Для развития творческого воображения у детей с ОВЗ необходимы особые подходы, стратегии и методы. Важно создать безопасную среду, в которой дети с ОВЗ могут свободно выражать свое мнение и интересы.

Адаптивные программы и приложения могут быть использованы для развития творческих способностей детей с ОВЗ.

Визуальная коммуникация может быть особенно важной для детей с ограниченными возможностями передвижения или слуха.

Для успешного развития творческого потенциала учащихся необходимо знать уровень развития их творческих способностей. Внимание и поддержка со стороны учителей являются важными для работы с детьми с ОВЗ.

Для развития творческих способностей детей с ОВЗ необходимо создать стимулирующую среду и свободу выбора видов деятельности. Использование готовых образцов, фото, схем и других наглядных пособий помогает детям с ОВЗ развивать свое воображение и создавать уникальные изделия [2;3].

Развитие воображения у детей с ОВЗ требует последовательной и регулярной коррекции, т.к. обучение детей с ОВЗ требует учета особенностей их физического и психического развития, а также психологических особенностей.

В работе с детьми-инвалидами важно использовать сопровождение развития и оздоровление для достижения наилучших результатов.

Психологическое сопровождение направлено на создание условий для полноценного развития и формирования прогрессивной личности у детей с ОВЗ.

Задачи психолога-педагога включают повышение уровня профессиональной компетентности педагогов и родителей, а также помощь детям в решении проблем, связанных с обучением и социализацией.

Список литературы

1. Александровская Э.М., Кокуркина, Н.И., Куренкова, Н.В. Психологическое сопровождение школьников / Э.М. Александровская, Н.И. Кокуркина, Н.В. Куренкова. - М.: Академия, 2022. - 208 с.

2. Борисова Н.В., Прушинский С.А. Инклюзивное образование: право, принципы, практика / Н.В. Борисова, С.А. Прушинский. - Владимир: Транзит-ИКС, 2019. - 412 с.

3. Варенова Т.В. Коррекция развития детей с особыми образовательными потребностями: учебно-метод. пособие / Т.В. Варенова. - М.: Форум, 2019. - 272 с.

*Г.В. Порицкая
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
poritskayagv672@mgpu.ru*

**ПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ:
ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ТЕХНОЛОГИЯМ**

В настоящее время складывается такая ситуация, что в учебных заведениях СПО ежегодно возрастает доля иностранных студентов, прибывающих на обучение из стран, ставших независимыми после распада СССР.

Как правило, такие студенты отстают в освоении учебного материала от студентов-резидентов. На первый взгляд, это можно было бы объяснить тем, что студент-иностранец хуже владеет русским языком, на котором ведётся обучение. Однако, не всё так очевидно. Например, при изучении точных и технических дисциплин, где роль языка обучения не так велика, как при изучении гуманитарных дисциплин, студенты-иностранцы в среднем также успевают хуже, нежели студенты-резиденты. Более того, можно предположить, что «двуязычные» студенты должны быть, не менее интеллектуально развиты по сравнению с «одноязычными».

Причина такой разницы при освоении учебных дисциплин, возможно, кроется в отличии от российской образовательной системы образовательных систем в странах, откуда прибыли студенты-иностранцы.

Как показывают исследования учёных-когнитивистов, большую роль в усвоении знаний играет методология обучения, направленная на развитие психологического процесса восприятия учебного материала до абстрактно-понятийного мышления.

Если допустить, что системы школьного образования в различных странах в разной степени развивают понятийное мышление, то тогда именно степенью развития понятийного мышления студента в значительной мере будет определяться его способность к обучению вообще и тем или иным предметам, в частности. Выявив степень развития понятийного мышления у студента можно попытаться создать коррекционный комплекс, направленный на развитие когнитивных способностей студента.

С целью предварительного замера мною было принято решение провести сравнительное тестирование студентов учебного заведения на предмет развития понятийного мышления, которое планируется завершить в магистерской работе.

Понятийное мышление.

Термин «понятийное мышление» в психологии появился не так давно. Его ввел советский ученый Лев Семенович Выготский [1]. С 1924 по 1934 год он изучал, как сознание влияет на образ мыслей человека. И пришел к следующему выводу — то, как человек думает, зависит от следующих факторов: умения видеть истинную суть явления, способности отыскать причину происходящего, умения предвидеть последствия, навыка обращения с информацией, умения ее систематизировать, способности выстраивать полную картину происходящего.

Лишь те, кто обладает данной формой мышления, способны грамотно разобраться в любой ситуации. Остальные, а по некоторым данным их около 80%, думают, что правы лишь потому, что так думают именно они. Любую ошибку они объясняют вмешательством извне.

Инструменты понятийного мышления.

Понятийное мышление не является врождённым. Оно нарабатывается в процессе взросления, более глубокого знакомства с окружающим миром, обретения нового опыта и знаний. Более того, его формирование требует определённого уровня развития и владения определёнными инструментами когнитивного восприятия.

Основные инструменты понятийного мышления:

- абстракция – выделение основных признаков и способность оперировать ими вне конкретной ситуации и безотносительно данного предмета в будущем;
- анализ – изучение составных частей или признаков предметов и явлений;
- обобщение – сведение разных понятий в единую категорию;
- синтез – способность объединять части в целое;
- систематизация – сведение категорий в логическую систему;
- сравнение – сопоставление явлений или событий между собой.

Понятие как таковое имеет две особенности. С одной стороны, это итог некоего мыслительного процесса. С другой стороны, это начало и возможность нового мыслительного процесса, но уже на более высоком уровне. Чтобы лучше понять эти особенности, следует рассмотреть составные элементы понятийного мышления [2].

Составные элементы понятийного мышления.

Понятийное мышление – это высший уровень мыслительных процессов. Это больше, чем просто абстрактное мышление или способность к обобщениям. Понятийное мышление требует владения всеми инструментами, и только тогда оно сможет стать логичным и целостным.

4 основных элемента понятийного мышления:

- понимание единства противоположностей;
- понимание причинно-следственных связей процессов и явлений;
- понимание родовой и видовой иерархии понятий;
- понимание сущности процессов, явлений, умение различать главные и второстепенные признаки.

Для чего нужно понятийное мышление:

- для взаимопонимания в обществе, семье, на работе;
- для донесения окружающим информации, которую нельзя продемонстрировать наглядно;
- для понимания причинно-следственных связей явлений и процессов;
- для понимания процессов и явлений, которые нельзя проверить эмпирическим путём;
- для понимания сути, родовой и видовой иерархии предметов, процессов, явлений;
- для принятия решений и адекватного осознания их последствий;
- для синтеза, анализа, сравнения, обобщения и систематизации явлений, признаков, процессов.

Как видим, роль понятийного мышления многогранна. Встает вопрос: а можно ли его развить? Или нужно лишь ожидать естественного взросления

ребёнка и уповать на то, что его понятийное мышление сформируется на должном уровне само по себе? Вовсе нет! Более того, свои мыслительные навыки можно улучшить даже во взрослом возрасте!

Типовые ошибки восприятия и их исправление:

Чётких возрастных ограничений по пунктам нет, и вы всегда можете ставить задачи уровнем выше или, как гласит одна из концепций Льва Выгодского, в «зоне ближайшего развития». В двух словах, зона ближайшего развития – это то, что ребёнок уже в состоянии осознать, но ещё не может понять самостоятельно и нуждается в помощи взрослого.

Разумеется, приёмов развития понятийного мышления намного больше. Сформировать понятийное мышление без обучения невозможно, оно приобретается только в ходе изучения наук, поскольку сами науки построены по понятийному принципу: в их основе базовые понятия, над которыми выстраивается пирамида науки.

Развивать понятийное мышление могут и взрослые, но им это придётся делать самостоятельно: читать книги, смотреть новости, изучать экономические обзоры, попытаться освоить новое хобби и профессию. В таком активном режиме инструменты понятийного мышления задействуются быстрее, и, как следствие, мышление развивается лучше.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. — Издательство "Лабиринт", М. , 1999 — 352 с.

2. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012 – 288 с.

Е.В. Рыбакова

Уфимский университет науки и технологий

(Россия, Уфа)

evrybakova19@mail.ru

Д.Г. Рыбаков

ММИГ «Белая Речь»

(Россия, Белорецк)

DRK17@yandex.ru

**КЛИПОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ И МЫШЛЕНИЕ КАК РЕСУРСНЫЙ
КОМПОНЕНТ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

С точки зрения антропологии любой инструмент, любое техническое устройство и объект применения в обиходе человека являются его вынесенными функциями – продолжением возможностей его организма: топор как вынесенная

из организма рука, транспорт как аутсорсинг ног, таблетка фестала как заместитель секрета внутренней железы. Языковые ресурсы инструментарно обеспечивают функционирование интеллекта и коммуникации [5; 2], способствуют ориентированию и стилевому оформлению самоидентификации человека – и в цифровом формате стремительно расширяют границы возможной эффективности индивида, сообщества, корпорации, цивилизации.

Но, как топор дополнительно развивает руку, транспортная инфраструктура задаёт условия для изменения условий функционирования ног – так и языковые средства осваивают новые области актуализации и сферы применения, интегрируют с техномиром [6], обнаруживая эволюционный ресурс адекватно технологическим вызовам современности.

Ученик, педагог, исследователь включают в свой обиход всё более широкий набор информационно-технологических устройств постоянного продуктивного применения, рационализируя, расширяя, совершенствуя свой лингво-технологический потенциал, вербальный интеллект, оперативно-структурный инструментарий, культуру языка в меняющемся контексте общественных, образовательных и профессиональных отношений. Возможно, проблема диджитал-зависимости детей во многом определяется не только целенаправленным вовлечением детей производителями, дистрибьюторами в потребление энтропийно направленной цифровой продукции, но и недостаточностью готовности взрослого мира эффективно реализовать личное ИТ-функционирование в развивающемся взаимодействии с сенсомоторной, практикоориентированностью, экозанятостью, интересубъектной реализованностью более традиционного регистра. Будучи ответственной моделью саморазвития для детей, взрослый мир стал бы более здоровым партнёром растущих поколений и меньше испытывал тревог в отношении саморазвития детей.

Например, страхи информационной экспансии утратили актуальность уже в начале этого века: и дети справились в основном, и взрослые оказались более адаптивными, чем мы ожидали – при адресной поддержке. Более того, проведённые нами исследования показали, что современные пожилые граждане тоже оказались более адаптивны к возрастным вызовам при условии целесообразной диджитализации жизнедеятельности.

Наступил период переживаний взрослых по поводу клипового восприятия, мышления, идентификации молодёжи. Было бы, действительно, небезопасно, если бы произошло именно замещение словесно-логического мышления клиповым. Однако клип как единица образного информационного потока [4], определённая во времени (поскольку дети и молодёжь в клинически здоровой ситуации меняют стимульные модули), при эффективном взаимодействии с остальными видами мышления [5] открывает простор для экономичных, интегративных, интуитивных вариантов организации когнитивной функции.

Анализ текущей занятости и развития растущих поколений обнаруживает не слишком оптимистичную картину реализованности их мыслительно-языковых

ресурсов в образовательной среде: перегруженность групп и классов, дефицит креативной и субъектной самоактуализации, примат репродуктивной занятости языка и мышления (от чего предостерегала ещё Н.К. Крупская в 1936 году! Да и ФОП-2023 продвигает более ответственные тренды в образовании) и осознанной деятельности в ущерб эффективной интеграции сознания и подсознания, целенаправленного и спонтанного инициирования мышления, чувственного и аналитического мышления. Быть может, не вполне гармонично, недостаточно эффективно – но взаимодействие различных форм мышления создаёт базу для потенциального качественного прорыва в эволюции человеческого гнозиса.

Синергируя, антропогенез и техноразвитие порождают новую версию мыслящего человечества [7; 6], и какие компоненты мы включим, уже включаем в эту сферу – вопрос ответственного функционирования и саморазвития.

Список литературы:

1. Безуглова Н.П.. Человек и культура: свобода или зависимость? - Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств, 2014.7

2. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - № 1. - 2002. - С. 55-67;

3. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. М., 1985;5

4. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете // Флогистон. - 2003. - 14 февраля. [Электронный ресурс] - URL: <http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml>.

5. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. Вып.1. - М., 1997;

6. Пупышева И.Н. Языковая личность - расширение сетевых коммуникативных горизонтов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2012. - № 10. [Электронный ресурс] - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-rasshirenie-setevyih-kommunikativnyh-gorizontov> (дата обращения: 16.09.2016);

7. Hall E. Beyond culture. N.Y.; London, 1990;

И.В. Соболев

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

(Россия, Санкт-Петербург)

A-one007@mail.ru

**КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК АВТОМАТИЗАЦИЯ ОПЕРАЦИЙ
МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ**

СРЕДСТВ

На сегодняшний день в гуманитарных науках большое внимание уделяется феномену клипового мышления, высказываются опасения насчет того, что распространение современных методов потребления информации ведет к снижению интеллектуального уровня молодежи.

Клиповое мышление как научное понятие было введено в Э. Тоффлером и обозначалось как поверхностное и фрагментарное знание [10]. Другие исследователи, такие как Бейбутов Д.А. и Михайлова Т.Л., определяют его как «отображение внутреннего разнообразия информации в виде физических и виртуальных объектов без учета их связности, характеризующееся алогичностью, временной и пространственной рассинхронизацией, высокой скоростью подачи фрагментов, отсутствием логики в построении ряда образов» [1]. Другими словами, ряд отечественных и зарубежных исследователей считают, что распространение клипового мышления ведет к утере системного знания, неспособности к мышлению в понятиях и ухудшению уровня интеллекта населения [9]. Клиповое мышление часто напрямую связывается с развитием информационных технологий, в частности с широким распространением аудиовизуальных средств передачи и потребления информации [4]. Но исследования данного вопроса практически не касаются анализа мышления как деятельности, имеющей специфические закономерности развития в рамках общественно-исторического процесса.

Если рассмотреть мышление как деятельность, то в своей структуре она содержит мотив, цель, задачи, действия и операции. В развитии психики можно проследить следующую закономерность: мышление изначально существует как внешняя деятельность с предметами, при том, что эта деятельность осуществляется совместно со взрослым. Взрослый направляет ребенка, берет на себя функции целеполагания, что означает следующее – взрослый опосредованно определяет действия ребенка в предметной деятельности, поскольку действия подчиняются цели деятельности как образу желаемого результата. Затем, функция целеполагания интериоризируется, то есть переходит из интерпсихической сферы в интрапсихическую – ребенок начинает сам ставить цель деятельности, а значит начинает самостоятельно определять свои действия. В дальнейшем, вместе с развитием деятельности, происходит сдвиг мотива на цель – цель обретает функции мотива, становится предметным содержанием потребности по закону параллельного подкрепления. К тому же, если то, что ранее было целью, становится мотивом, развиваются новые цели, которым начинают соответствовать новые действия [8].

Что происходит с действиями, которые были раньше? Из осознанных шагов по достижению цели, они превращаются в неосознанные операции, определяемые задачами – на уровне индивида на этом развитие деятельности заканчивается. На уровне социально-исторического организма операции экстериоризируются в технические средства, то есть выносятся не только за

пределы сознания, но и за пределы индивида [7]. Подобное произошло с мнестической деятельностью – во многом, она была вынесена за пределы индивида с развитием письменности. Таким же образом происходит и развитие мышления в человеческом обществе – ряд его операций частично или полностью выносятся вовне. Современные технические средства обладают способностью искать и отсеивать информацию, рутинная интеллектуальная работа постепенно заменяется нейросетями [2]. Историческая необходимость вынесения психической деятельности вовне состоит в освобождении ресурсов психики и дает возможность осуществления новых видов деятельности.

Так, клиповое мышление представляет собой такое мышление, ряд операций которого осуществляется с помощью технических средств. Ведет ли это к ухудшению умственных способностей населения? Существует большое количество авторов, связывающих снижение интеллекта и развитие информационных технологий [3; 5; 6]. Но, как правило, данные исследования в конечном итоге основываются на значимых корреляционных связях между снижением показателя IQ и количественными данными о распространенности информационных технологий. Делать вывод о существовании причинно-следственной связи из корреляционной является методологическим нарушением, поскольку могут существовать сторонние переменные, определяющие данные статистические величины.

Таким образом, нельзя сделать однозначный вывод о том, что мышление, операциональный компонент которого частично выносится вовне с помощью технических средств, является из-за этого несистемным и алогичным, поскольку: 1) на данный момент нет достаточного количества экспериментального материала, доказывающего данную причинно-следственную связь; 2) замещение операций с помощью технических средств является закономерным процессом развития деятельности на общественном уровне.

Список литературы

1. Бейбутов Д.А., Михайлова Т.Л. Мир как конструкт клипового сознания, или о будущих сценариях человечества //Международный студенческий научный вестник. – 2017. – №. 4-4. – С. 585-589.

2. Боев П.В. Особенности проявления технологической безработицы в современной мировой экономике //Конкурентоспособность территорий. – 2020. – С. 163-165.

3. Горбачева А.Г. Человеческий интеллект: возможные изменения под влиянием информационных технологий и высокотехнологичных устройств // Идеи и идеалы. 2014. №1 (19).

4. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества //Общественные науки и современность. – 2013. – №. 2. – С. 169-176.

5. Карпов А.В., Воронова Т.А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени //Человеческий капитал. – 2021. – №. 8. – С. 22-28.

6. Кушнир Н.В. и др. Влияние интернета на интеллект //Электронный сетевой политематический журнал" Научные труды КубГТУ". – 2015. – №. 12. – С. 161-185.

7. Леонтьев А.Н. Автоматизация и человек //Психологические исследования. – 1970. – Т. 2. – С. 3.

8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - 1-е изд. - М.: Политиздат, 1975. – 130 с

9. Старицына О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // АНИ: педагогика и психология. 2018. №2 (23)

10. Тоффлер Э. Третья волна //Народное образование. – 2008. – №. 2. – С. 55-61.

М.Д. Соломатина
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
mashakimva@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ИЗО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В рамках занятий изобразительной деятельностью цель учителя не только развить визуально-пространственное мышление, привить хороший вкус, помочь ученикам увидеть красоту в произведениях искусства и окружающем мире, но и научить самовыражению, самопознанию и самоопределению через рисунок. Одной из главных задач преподавания искусства является развитие у ребенка интереса к внутреннему миру человека, способности осознания своих внутренних переживаний и пониманию своего самоопределения. Главной целью данной статьи является изучение того, как через рисунок дети учатся узнавать себя. Анализируя литературу по классической психологии можно выделить несколько трактовок термина «самоопределение». И.С. Кон видит сущность самоопределения в четкой ориентировке и определении своего места во взрослом мире [1, с. 333]. С.Л. Рубинштейн считал, что самоопределение выступает как момент самодетерминации т.к. в нем выражается активная природа субъективного, т.е. внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия [2]. Выделяют три вида самоопределения: жизненное, профессиональное и личностное. В связи с психологическими особенностями младших школьников работа по жизненному и профессиональному самоопределению носит больше просветительский характер, а личностное в большей степени раскрывается на уроках ИЗО. Младший школьный возраст – это дети с 6(7)-10(11). В этот период интенсивно развиваются психические и физические качества ребенка. Становятся более подвижными нервные процессы, усиливается эмоциональность и возбудимость. В этом возрасте внимание достаточно рассеяно и идет сильная утомляемость. Уроки рисования как

инструмент для самоопределения школьника являются наиболее доступными и действенными т.к. они: учат ребенка контролировать свои эмоции и чувства, повышать самооценку, снижают уровень стресса и агрессии, раскрывают творческие способности, правильно расставлять приоритеты, способствуют уменьшению волнения, стеснения и застенчивости. Понимание ребенка, что имея успех в отображении эмоций, чувств, мыслей через занятия творчеством, у него открывается возможность реализовать себя не только в творчестве, но и в общении со сверстниками и окружающим миром. Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что занятия на уроках ИЗО являются важными и значимыми в обучении младших школьников.

Список литературы

1. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978, с.333.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999, с. 720.

Е.С. Сухарева
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
dayzlike@yandex.ru

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

С развитием искусственного интеллекта (ИИ) возникают новые перспективы и риски для трансформации мышления. Системы машинного обучения (МО) достигли значительных успехов во многих областях: обработка и анализ данных, криптография, классификация и распознавание, прогнозирование, автоматизация, обучение, создание интеллектуальных ассистентов, переводчиков и систем обработки естественного языка. Машинное обучение — это «теория и практика создания машин, способных выполнять различные полезные действия без явного программирования» [1].

С ростом зависимости от технологий и ИИ, возникают риски, связанные с утратой человеческой свободы, анонимностью и угрозой безопасности данных. Трансформация мышления может привести к потере индивидуальности и унификации под воздействием алгоритмов ИИ. Взаимодействие человека и ИИ открывает пересечения в области этики, ответственности и контроля за технологическим развитием. Появляются системы, способные анализировать информацию, обучаться на основе опыта и принимать решения. ИИ реализует задачи, требующие вычислительной мощности и аналитических способностей, но не обладает человеческими качествами, такими как эмпатия, творческое

мышление, эмоциональный интеллект, интуиция, личностный смысл, самосознание, сознание.

Системы машинного перевода на основе ИИ позволяют быстро переводить тексты с использованием контекстуальных моделей. «Сложность моделирования в компьютерной лингвистике связана с тем, что естественный язык — большая открытая многоуровневая система знаков, возникшая для обмена информацией в процессе практической деятельности человека» [2]. Обработка естественного языка (Natural Language Processing) или NLP-технологии позволяют компьютерам понимать и обрабатывать естественный язык, что используется в чат-ботах, анализе текстов, ответах на вопросы и т.д. Развитие контекстно-чувствительных моделей NLP приблизит ИИ к человеческому общению. Системы анализа тональности на основе ИИ определяют эмоциональную окраску текстов; системы ИИ обучают языку и анализируют огромные объемы данных из социальных медиа для выявления трендов. «Однако попытки улучшить качество систем анализа тональности упираются в большое количество разнообразных проблем...: оценочные факты, учет сферы действия отрицаний, учет нереального контекста, обработка сравнений и многое другое» [3].

Множество типов нейронных сетей предназначены для решения задач: классификация изображений, распознавание текста и образов, анализ видео, обработка последовательных данных, таких как естественный язык, генерация текста, изображений. «Нейронные сети (НС) представляют собой одну из самых мощных и гибких моделей машинного обучения. Они построены по аналогии с нервной системой человека, состоящей из множества связанных нейронов» [4]. НС состоят из нейронов, объединённых в слои. «...обучение — это поиск набора значений весов всех слоёв в сети, при котором сеть будет правильно отображать образцы входных данных в соответствующие им результаты» [5]. Каждый искусственный нейрон в слое связан с нейронами в следующем слое и принимает входные данные, умножает их на соответствующие веса и применяет функцию для генерации выхода, что аналогично тому, как нейроны в мозге обрабатывают электрические сигналы.

Значения синаптических весов в НС определяют, насколько важны различные входы для конкретного нейрона. В процессе обучения веса оптимизируются с использованием различных алгоритмов, таких как градиентный спуск, чтобы минимизировать ошибку. Концепция оптимизации весов схожа с тем, как мозг человека адаптируется и улучшает способность обрабатывать информацию на основе опыта. В НС это происходит путём изменения весов синапсов для улучшения способности модели предсказывать или классифицировать данные, а мозг человека изменяет силу синапсов в ответ на стимуляцию и обучение.

Активационные функции применяются к выходу нейрона для введения нелинейности в модель, что позволяет моделировать сложные нелинейные взаимосвязи в данных. Нейроны в мозге обрабатывают входные сигналы и передают сигналы другим нейронам с использованием сложных нелинейных

механизмов. Нелинейное поведение нейронов в мозге позволяет обрабатывать сложные сценарии. Активационные функции в НС позволяют им адаптироваться к сложным входным данным как нейроны мозга адаптируются к разнообразным и динамическим стимулам, и изменяют свои синапсы укрепляя или ослабляя связи в процессе обучения. Оптимизационные алгоритмы, например градиентный спуск, используются для минимизации функции потерь и обновления параметров модели. Как в МО, так и в мозге обучение связано с коррекцией ошибок. В мозге, это происходит через процессы, связанные с пластичностью синапсов и обучением на основе опыта. «Основным численным методом современной оптимизации является метод градиентного спуска» [6]. Алгоритмы оптимизации направлены на минимизацию потерь, что отражает стремление системы к уменьшению ошибок и улучшению производительности, это релевантно для процессов в мозге.

Таким образом, человеческий мозг и нейронные сети, используемые в сфере языка, обладают общими принципами и подходами. Как человеческий мозг, так и нейронные сети способны обрабатывать и понимать последовательные структуры данных. Нейроны в мозге человека связаны друг с другом через синапсы, а НС используют веса и связи между искусственными нейронами для представления и обработки информации. Как в мозге, так и в НС применяются активационные функции для введения нелинейности и создания сложных взаимосвязей между элементами системы. Мозг и нейронные сети способны обучаться на основе опыта и адаптироваться к новым ситуациям. Оба обладают иерархической структурой. НС в настоящее время далеки от полной имитации функциональности человеческого мозга. Тем не менее, они оказываются полезными инструментами для обработки языка и решения различных задач в этой области.

Список литературы

1. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных : учеб. пособие. Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. — 269 с.
2. Бурков А. Машинное обучение без лишних слов. — СПб.: Питер, 2020. — 192 с.: ил.
3. Григорьев П. «Нейросеть. Пошаговое руководство по генерации картинок и текста» . ООО «Издательство АСТ». 2023
4. Шолле Ф. Глубокое обучение на Python. 2-е межд. издание. — СПб.: Питер, 2023. — 576 с.: ил.
5. Гасников А.В. Современные численные методы оптимизации. Метод универсального градиентного спуска: Учебное пособие. — 2-е изд., испр. — М.: МЦНМО, 2021. — 272 с

6. Chien J.-T., Chang Y.-L. Bayesian sparse topic model. Journal of Signal Processing Systems. — 2013. — Vol. 74. — Pp. 375–389.

*С.А. Трофимова
Новосибирский государственный педагогический университет
(Россия, Новосибирск)
sonaytrof@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Дети с особыми образовательными потребностями обучаются в общеобразовательной школе инклюзивно. Для них создаются «гибридные обучающие пространства, включающие как реальное, так и виртуальное с использованием современных информационных технологий» [1, с. 66].

«В современной специальной психологии мышление является одним из самых исследуемых психических процессов. Но при этом, проблема особенностей понятийного мышления у школьников младшего школьного возраста с особенностями интеллекта остаётся актуальной и мало исследованной» [2, с. 105].

В основе психической деятельности лежит понятийное мышление, которое является интеллектуальной составной частью. Оно включает в себя выработку разумных стратегий, способов деятельности и других психических качеств человека. В процессе развития понятийной системы формируется направленность личности и ее ценности. По мере развития понятийного мышления происходят изменения в функциях познавательных процессов. Высшей формой выражения действительности в виде понятийного мышления является синтез, объединение и создание основного понятия из уже существующих мыслительных процессов.

У детей с интеллектуальными нарушениями понятийное мышление развивается с той же последовательностью, что и у детей с нормой развития. Однако, если говорить о детях с «особенностями», их мышление и развитие в целом проявляются через первичные и вторичные дефекты.

Среди младших школьников с особыми образовательными потребностями процент детей с уровнем понятийного мышления, соответствующим норме колеблется от 8% до 15%, в то время как в группе нормотипичных детей этот процент равен 75-80%. Степень отставания развития понятийного мышления по результатам диагностики у детей 7-8 лет с особыми образовательными потребностями различная: неполный анализ объекта из-за сниженного восприятия; обобщения в большинстве случаев носят описательный характер; более характерно выделять различия, чем сходства и обращать внимание на второстепенные признаки.

Низкая способность обобщения считается одним из самых слабых процессов мышления у младших школьников с интеллектуальными нарушениями. Данное нарушение сопровождается нарушением других мыслительных процессов, таких как синтез, анализ, сравнение и абстрагирование. Если говорить о младших школьниках, то они фокусируются на внешних наглядных признаках и функциях объектов, не учитывая их связи в системе. Часто дети с интеллектуальными нарушениями делают обобщения на основе ситуационной схожести, ища внешние признаки предметов, близких по времени или пространству. Особенности понятийного мышления у младших школьников с интеллектуальными нарушениями главным образом связаны с особенностями их мыслительных процессов.

Анализ, а точнее неполноценность данного процесса, сильно сказывается на другом мыслительном процессе — синтезе объектов. Дети в младшем школьном возрасте, имеющие нарушения интеллектуального развития, не могут устанавливать связи с предметами, поскольку выделяют только отдельные части и признаки в них. Таким образом, если нарушается целостность представления об объекте, то нарушается и синтез.

Объективность — одна из особенностей мышления детей с интеллектуальными нарушениями. Данная характеристика обозначает то, что учащиеся младших классов не способны понять, что скрывается за зрительным образом объекта. Дети с интеллектуальными нарушениями склонны сосредотачиваться на запоминании, а не на изучении новых вещей или событий.

Еще одной особенностью у детей младшего школьного возраста с интеллектуальными нарушениями можно считать неспособность понять условности и обобщения образов при объяснении метафор и крылатых выражений, фразеологизмов. Если школьник младшего возраста запоминает метафору в определенной ситуации, то он не сможет перенести ее на другие ситуации или понять смысл этой метафоры.

У младших школьников с интеллектуальными нарушениями уровень понятийного мышления ниже возрастной нормы, также у них отмечаются особенности в процессах понятийного мышления по сравнению с нормативно развивающимися младшими школьниками.

Список литературы

1. Кожемякина О.А. Опыт организации дистанционного режима обучения для детей с инвалидностью и особыми образовательными потребностями в общеобразовательной школе // Вестник практической психологии образования. – 2021. – Т. 18, № S1. – С. 65-70. – EDN SUMPUB.

2. Кожемякина О.А., Катенева С.Г. Особенности формирования понятийного мышления детей с особыми образовательными потребностями в общеобразовательной школе с помощью современных информационных технологий // Современная реальность в социально-психологическом контексте -

2023 : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 15–16 марта 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. – С. 105-108. – EDN ZWRVHW.

А.А. Цветкова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
alina.tswetkova2012@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Проблема соотношения искусственного интеллекта (ИИ) и мышления человека уже не первый десяток лет будоражит умы исследователей из разных областей научного знания. Ведутся бесконечные дискуссии о перспективах развития ИИ, о его способности и возможности полноценно заменить человеческое мышление, а также об этичности и других философских аспектах данного вопроса. На сегодняшний день существует гипотезы о «сильном» и «слабом» ИИ. «Сильным» или «универсальным» (General Artificial Intelligence) можно будет считать ИИ, которому полностью или хотя бы частично присущи следующие основные характеристики: он должен обладать интеллектом не ниже человеческого, а также самосознанием (т.е. способностью к рефлексии), и быть способен обрабатывать чувственную информацию (т.е. испытывать ощущения) [3]. «Слабым» же (Weak, или Narrow Artificial Intelligence) называют уже существующий прикладной ИИ, который с помощью определенных алгоритмов может решать узконаправленные задачи (например, играть в шахматы или распознавать человеческую речь). Однако, он не способен научиться чему-то принципиально новому и вынужден «думать» исключительно по сценарию.

Данные гипотезы рожают два полярных подхода к пониманию данной проблемы. Одни исследователи считают, что создание «сильного ИИ» не заставит себя долго ждать, и человечество находится на пороге грандиозного прорыва в этой области. Другие же придерживаются мнения, что ИИ так и останется инструментом решения конкретных задач, но никогда не сможет существовать абсолютно самостоятельно. Также известна фантастического характера теория о гипотетическом создании «суперинтеллекта» (Superintelligence), который будет «намного умнее лучших человеческих мозгов практически во всех областях, включая научное творчество, общую мудрость и социальные навыки» [1].

Безусловно, скорость развития ИИ и масштабы его распространения практически во всех сферах жизни человека впечатляют, но и одновременно настораживают. Какая участь постигнет человечество, если однажды машина всё же сможет не просто подражать работе мозга человека, а полностью заменить её? На данный момент ИИ лишь эмулирует некоторые когнитивные способности

человека, такие как способность анализировать и запоминать информацию, обучаться на собственном опыте, решать различные задачи и даже выдавать какое-то подобие креативности за счёт компиляции уже существующего материала. Но другие свойственные человеку сложные психофизиологические явления, такие как восприятие, мышление, эмоции, внимание и т.д. для даже самых «умных» машин пока остаются вне зоны досягаемости.

Одним из основных препятствий является отсутствие у систем ИИ сознания, которое является высшим уровнем отражения окружающей действительности, а также высшей формой саморегуляции. Соответственно, они лишены возможности как чувственного (ощущения, представления) так и логического познания (суждения и умозаключения). По С.Л. Рубинштейну мышление — это опосредованное (основанное на раскрытии связей, отношений) и обобщённое познание объективной реальности [4]. Но машины не имеют субъективного опыта и сформированной этим опытом базы знаний. Для проведения мыслительных операций, таких как анализ, синтез, сравнение, обобщение, конкретизация и систематизация ИИ необходимо получить эту базу знаний извне и на её основе с помощью искусственных нейросетей (построенных по принципу биологических нейронных сетей) самостоятельно «учиться» их выполнять с каждым разом всё более качественно. Отдельно стоит упомянуть абстрактное мышление, которое требует нестандартного подхода, а значит, его практически невозможно задать алгоритмами и формулами.

Нельзя отрицать бесспорные преимущества ИИ перед способностями мозга человека. Так, ИИ способен мгновенно запоминать информацию и обрабатывать колоссальное её количество в кратчайшие сроки, а также невероятно быстро обрабатывать данные [2]. Но даже при всех своих положительных качествах, уровень развития ИИ пока не может претендовать на полную осознанность своих действий и автономность от человека. Пожалуй, это и к лучшему, учитывая довольно распространённые предостережения о «восстании машин». Остается только гадать, кто будет нести ответственность за гипотетически возможную технологическую сингулярность, когда это приведет к обращению ИИ против своих создателей.

Список литературы

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром ; пер. с англ. С. Филина. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
2. Иоселиани А.Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, вып. 4. – С. 102-107.
3. Малышева Д.С., Касимов А.В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 3. – С. 75-85.

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 712 с.: ил

Н.В. Шацова
Институт Психологии Творчества
Павла Пискарева
(Россия, Москва)
nvshatsova@gmail.com

ЛОГИКА СТАНОВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В данных тезисах нами выделено понятие критическое мышление из огромного поля семантических смыслов, сделан экскурс в историю вопроса, предложены механизмы эффективного функционирования критического мышления с использованием современных психотехнологий: методов коучинга и самокоучинга.

В поле семантического многообразия терминов и понятий мы определяем критическое мышление как систему суждений, которую применяют для анализа информации, интерпретации явлений, оценки событий, а также для последующего составления объективных выводов.

Критическое мышление – это важный soft skill человека актуального времени. Человек с развитым критическим мышлением обладает целым набором навыков – это наблюдательность и умение обосновать свою точку зрения, гибкость мышления, сосредоточенность на изучении информации и способность применять аналитические навыки в самых разных ситуациях, а также умение выходить в метапозицию для оценки реальной ситуации и объективного видения.

Корни критического мышления уходят в глубокую древность в Античную Грецию, где 2 500 лет назад зародилась философия. Родоначальником критической философской установки считается легендарный Сократ (470-399 до н.э.) [5]. Он создал знаменитый метод вопрошания и ведения диалога, который приводит собеседника к осознанию собственных представлений о мире. «Я знаю, что ничего не знаю. Но другие не знают и этого» - фраза-квинтэссенция критического мышления. Зарекомендовавший себя эффективный метод вопрошающего сомнения в диалоге – это, когда философ задает собеседнику испытующие вопросы, отвечая на которые, собеседник отмечает противоречие и понимает истинность или неполноту своих представлений о реальности, в которой ранее он не сомневался. Сомнение в псевдоочевидностях – цель сократического диалога. Сократ рассматривал диалог как вопросно-ответный метод поиска истины, в котором участвуют как минимум 2 человека. Первый задает вопросы и направляет диалог, второй – отвечает и размышляет. Так мы получаем майевтику – метод рефлексивного совместного размышления,

продуктивного диалога. Майевтика [2] помогает рождению истины. Целенаправленная постановка вопроса и совместный поиск истины – вот задача, которую решает майевтика и прокладывает путь к аргументированному дискурсу. Сократический метод [Там же] – это самая известная стратегия преподавания критического мышления.

Мышление – свободный акт познания по Сократу и способ познания бытия. Неужели только в диалоге между двумя людьми может быть достигнуто понимание сути вещей? На наш взгляд, Сократ заложил основу коучингового подхода, в основе которого лежит идея поиска ответов на поставленные вопросы через акт критического мышления в ходе диалоговой беседы. Возможен ли самостоятельный процесс самопознания, без участия философа, управляющего процессом беседы? На наш взгляд, подходом к самостоятельной выработке критического мышления может стать *самокоучинг*. Речь идет о практической философии, где, в ходе внутреннего диалога, человек может посмотреть на ситуацию с разных точек зрения, используя навык критического мышления, который, на наш взгляд, заключается в следующей формуле (Рис. 5), предложенной в рамках метода «Парадигмальный анализ» [3, с. 17] (метод четверичности) П.М. Пискаревым, ректором Института Психологии Творчества:

ДЕЙСТВУЙ	ОСОЗНАЙ
ПОДУМАЙ	ОСТАНОВИСЬ

Рис. 5. Рамка «Rescue»

Что может позволить человеку осознать необходимость остановиться и подумать, а только затем действовать? Это навык, который вырабатывается практикой. Основное, что мешает человеку критически мыслить – это автоматические мысли, содержащие в себе глубинные ограничивающие убеждения, возникающие моментально. Навык проверки достоверности, полезности и функциональности такой мысли приводят к действиям, кардинально меняющим реальность.

Сократический внутренний диалог в аспекте самокоучинга для проверки достоверности, полезности и функциональности мысли может выглядеть следующим образом:

1. Какое может быть другое объяснение ситуации?
2. Какие другие причины могли повлиять на эту ситуацию?
3. Что самое плохое может произойти?
4. Какой сценарий самый лучший?

5. Какой вариант развития событий самый реалистичный?
6. Что будет, если я изменю эту мысль?
7. Как эта мысль продвигает меня в моем вопросе?

По данным Всемирного экономического форума [1] критическое мышление входит в десятку самых важных и востребованных навыков к 2025 году. Чтобы решать сложные этические, экономические и экологические проблемы в будущем, нужно учиться работать с информацией и собственным мышлением уже сейчас, так как критическое мышление помогает нам ориентироваться в потоках информации в обыденной жизни, а также является методологической базой в научном познании мира.

Список литературы

1. Всемирный экономический форум. [Электронный документ]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/events/the-jobs-reset-summit-2020/> (Дата обращения 24.11.2023).
2. Зайкина Д.С. Метод Сократа в практике когнитивно-поведенческой психотерапии. 2020. [Электронный документ]. Режим доступа: http://filos.oreluniver.ru/abyss_issue/13/4 (Дата обращения 24.11.2023).
3. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная методология гуманитарного знания. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Специальность 19.00.01 (общая психология, история психологии). – Ярославль, 2019. – 461 с. [Электронный документ]. Режим доступа: <https://iamcenter.ru/wp-content/uploads/2020/05/DoktorDisserPiskaryov.pdf> (Дата обращения 24.11.2023).
4. Солопова М.А. Майевтика // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – ISBN 978-5-244-01115-9.
5. Чумаков А.Н. Философия: учебник / под ред. проф. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. – 459с.

Т.А. Шова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
shovata@mgpu.ru

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ КОНТРПЕРЕНОСА

Впервые о феномене контрпереноса заговорил З. Фрейд на состоявшемся в Нюрнберге II Международном психоаналитическом конгрессе в марте 1910 года, введя в докладе понятие «встречного перенесения» [2]. Эта идея Фрейда о встречном перенесении, а именно контрперенос и его сложностях, является

важным вкладом в психоаналитическую технику и остаётся актуальной для исследований до сегодняшнего дня.

По теории З. Фрейда контрперенос связан с эмоциональными реакциями и ассоциативными образами, которые переживаются аналитиком, и рассматривался как процесс, который может влиять на аналитическую работу и приводить к искажениям в интерпретации аналитика. После Фрейда многие авторы продолжали работать над тем, чтобы углубить и расширить понимание контрпереноса. Дальнейший толчок в разработке данной темы в психоаналитической литературе был дан тогда, когда контрперенос стали рассматривать как важное явление, помогающее психоаналитику лучше понять своего пациента [4].

Таким образом, **контрперенос** – это естественный процесс любой психологической практики и является важным, так как может углубить психологическое исследование и «расширить» клиента. Но часто специалистам сложно отследить этот процесс, а следовательно, есть риск уйти от процесса психологического консультирования клиента, в свой собственный, тем самым, увеличить вероятность навредить клиенту.

Гипотеза исследования заключается в том, что в процессе психологической практики специалист может употреблять в речи, обращённой к клиенту, определённые слова, словосочетания и другие средства языка, указывающие на наличие контрпереноса в психотерапевтическом контакте. Такого рода языковые средства будем называть **речевые маркеры контрпереноса**.

По Л.С. Выготскому, речь рассматривается как «форма существования сознания (мыслей, чувств, переживаний) для другого, служащая средством общения с ним, и форма обобщенного отражения действительности» [1]. В речи обнаруживается сознание индивида и его образ картины мира с определенной системой значений, понятий. Л.С. Выготский определил значение в качестве единицы сознания и выявил, что именно значение хранит культурно-историческую информацию и передавать ее от субъекта к субъекту посредством языковых знаков. То каким образом индивид подбирает языковые знаки для оречевления процессов сознания, свидетельствует об определённой связи этих знаков с системой значений, а также о наборе мыслей, чувств и переживаний относительно предмета говорения. Следовательно, относительно конкретного предмета речи, посредством языка может быть выявлено система значений и связей между ними.

На основании психосемантических исследований В.Ф. Петренко, психологическая структура значения является системой ассоциативной связи слов [3], и в свою очередь, именно ассоциации помогают добраться в глубинные слои психики, где структура значения выражена в ассоциативной связи. По ассоциациям можно понять мотивы, установки, потребности индивида и тем самым можно предположить, что **речевой маркер** – это знак, опосредованно связанный со значениями, эмоциями, мыслями или переживаниями,

находящимися в структуре сознания индивида. Речевые маркеры, который выражаются в речи говорящего, могут рассматриваться как **заменитель внутренних переживаний индивида.**

Таким образом, за речевым маркером контрпереноса может скрываться личностные переживания специалиста, относительно озвученной клиентом темы, которое и вводит специалиста в контрперенос. Данные, которые мы планируем получить в ходе ассоциативного эксперимента, на такие слова-стимулы как «контрперенос» и другие, может сформировать большой пласт для исследования речевых особенностей сознания практикующих психологов относительно такого психотерапевтического процесса как контрперенос.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. / Выготский Л.С. Собр. соч. В 6-ти т. Т.2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
2. Лейбин В. М. Психоанализ: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / В. М. Лейбин. - 3-е изд. - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2019. - 588 с.
3. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. - 3-е изд. - М: Эксмо, 2010. - 480 с.
4. Циантис Д. Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков / под ред. Дж. Циантиса [и др.; пер. с англ. А. Н. Багрянцевой]. - М: Когито-Центр, 2005.- 148 с

О.В. Щепелев
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
steplighter@yandex.ru

РАЗГОВОРНЫЙ КЛУБ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Вопрос развития критического мышления студентов традиционно вызывает интерес у многих исследователей в области лингводидактики [1, с. 127; 3, с. 106; 4, с. 159; 5, с. 195; 6, с. 15; 7, с. 371; 8, с. 124;]. Развитие критического мышления становится все более востребованным в свете внедрения основных положений и установок антропоцентрической лингвообразовательной парадигмы, в центре которой находится учащийся как субъект учебно-познавательного процесса.

Применительно к обучению устной иноязычной речи отчетливо проявляется потребность в применении особых форм организации лингвообразовательного процесса, которые бы позволили более эффективно развивать неподготовленную устную речь студентов в сферах общеразговорной и профессионально ориентированной тематики.

Развитие критического мышления в процессе обучения устному общению на иностранном языке предполагает решение студентом проблемных вопросов, применения умений не только представить, но и убедительно аргументировать свою точку зрения, провести анализ возможных альтернативных точек зрения, продемонстрировать способность к многоаспектному рассмотрению различных явлений.

Одним из наиболее действенных способов достижения данных задач в процессе обучения устной иноязычной речи является метод *дискуссии*. В настоящее время существует множество видов дискуссий, которые помогают развивать критическое мышление учащихся [2, с. 141]. Однако до сих пор не решен вопрос их рационального использования на занятиях в вузе, где применение дискуссий носит скорее эпизодический, чем регулярный характер.

В качестве основных способов обучения иноязычной устной речи до сих пор используются подготовленные и заранее выученные монологи и диалоги. При этом вовлечение студентов в неподготовленную устную речь является явно недостаточным. Также не решен вопрос о том, какие виды дискуссий и в какой последовательности целесообразно использовать на различных этапах обучения иностранному языку в вузе. Недостаточно исследована проблема организации разговорного клуба в вузе и возможность включения в него различных видов дискуссий с учетом разноуровневости его участников и требований реализуемой программы обучения студентов.

Решением данного вопроса могло бы послужить обретение разговорным клубом особого статуса в науке как интерактивной разноуровневой технологии, позволяющей эффективно развивать критическое мышление и творческие способности его участников в процессе обучения иноязычной устной речи.

Список литературы

1. Белякова Е.А. Развитие критического мышления у студентов педагогического вуза при работе с аудиотекстом на занятиях по иностранному языку // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 2, № 3. – С. 127-130.
2. Кларин М.В. Технология дискуссии в образовательном процессе. // Народное образование. – 2015. – № 5 (1448). – С. 139-151.
3. Лукьянова М.И., Гмызина Г.Н., Старостина Н.Н. Развитие критического мышления студентов в процессе изучения иностранного языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 104-112.
4. Мосина М.А., Пермьякова М.З. Роль дискуссии как средства развития критического мышления в рамках интегрированного обучения иностранному языку и зарубежной литературе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2018. – № 14. – С. 154-160.

5. Туласынова Н.Ю. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 112. – С. 193-197.

6. Туласынова Н.Ю. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Якутск, 2010. – 203 с.

7. Шайхутдинова Х.А. Дискуссия на уроке иностранного языка как средство развития критического мышления. // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-2. – С. 370-374.

8. Шукурова И.В., Чеснокова Н.Е. Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений подготовки на основе учебных иноязычных текстов // Научно-педагогическое обозрение. – 2021. – № 2(36). – С. 124-134.

О.В. Щербакова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
o.scherbakova@gmail.com

ДЕФИЦИТЫ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕСФОРМИРОВАННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ

Одной из задач современного образования является формирование системы когнитивных навыков, которые впоследствии смогут быть применены к иному (по сравнению с учебным) материалу и в выходящих за рамки учебного контекста ситуациях. Самые сложные когнитивные навыки, дающие доступ к пониманию скрытых, неочевидных связей между предметами и явлениями, позволяющие формулировать обобщенные закономерности, выходить за пределы непосредственного опыта, а также предсказывать развитие событий на основе имеющейся информации, традиционно связывают с развитием высшей формы мышления – понятийного [4;9]. Этот вид мышления формируется не спонтанно, за счет созревания нейронального субстрата, а в результате целенаправленного систематического обучения [5].

Одним из показателей сформированности понятийного мышления – и одновременно инструментом его развития – является навык смыслового чтения. В соответствии с классическими нормами умение понимать смысл прочитанного (в т. ч. переносный) ожидается от детей уже в начальной школе [3;8]. Однако, согласно современным данным, затруднения в понимании смысла прочитанного текста наблюдаются и в более позднем возрасте [Баранова, 2008]. А в ряде наших работ было показано, что аналогичные сложности испытывают взрослые люди, успешно обучающиеся в вузах и обладающие психометрическим интеллектом, превышающим средненормативные показатели.

Например, было обнаружено, что пониманием смысла притч на высоко обобщённом (с выделением значимых связей между внутритекстовыми элементами) уровне характеризуются лишь 6,5% ответов респондентов, а более 1/3 ответов характеризуются крайне низким уровнем понимания [12]. Позже полученные результаты были реплицированы [2]. В другом исследовании [1] было показано, что при чтении художественного рассказа высшей степени понимания достигают лишь 7% респондентов, а среди ответов доминируют интерпретации, характеризующиеся средним и низким уровнем понимания. Наконец, в работе, направленной на понимание более простого текста, основанного на перечислении фактов и не содержащего переносного смысла, было выявлено, что выделение основной идеи прочитанного с последующим обобщением представляет сложность для большинства респондентов [6]. Несмотря на объективно низкие показатели понимания, сами респонденты оценивали текст как несложный, а собственные ответы как успешные. Это говорит как о затруднениях с пониманием прочитанного, так и о метакогнитивных дефицитах и соответствует результатам других исследований на данную тему [7; 10; 11].

Описанные результаты (полученные на различных выборках и с использованием разных стимулов) хорошо согласуются друг с другом и говорят о недостаточной сформированности навыка понимания текста – в т.ч. понимания переносного смысла – у современных молодых взрослых. Это может указывать на сложности с формированием понятийного мышления, которому не уделяется достаточного внимания в системе образования. Причиной такого положения вещей могут являться особенности современных образовательных практик (смещение внимания с формирования (мета)когнитивных навыков на приобретение разрозненных и конкретных знаний, не позволяющих выделять сущностные признаки познаваемого объекта и самостоятельно обобщать информацию) и ранняя стихийная цифровизация образовательной среды. Одним из путей решения проблемы может стать целенаправленное формирование навыков понятийного мышления в школе и трансформация существующих образовательных практик на основе доказательных исследований.

Список литературы

1. Аверьянова В.А., Щербакова О.В. Связь когнитивных и эмоциональных особенностей с пониманием имплицитных смыслов вербальных текстов // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Психология XXI века», 21–23 апреля 2021 года, Санкт-Петербург. – 2021. – С. 63–64.

2. Андрущенко Е.А., Гольштейн Ю. Р., Щербакова О.В. Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различным уровнем эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. – 2020. – Т.66. – №6. – С. 66–80.

3. Баранова А.В. К проблеме развития навыков смыслового чтения // Восточно-Европейский научный вестник. – 2008. – №1(13). – С. 4–6.

4. Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 2. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Л. С. Выготский. Психология. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. – С. 262–511.
6. Исаева Т.Е., Щербакова О.В. Взаимосвязь полноты понимания текста и выраженности интернет-зависимого поведения // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Психология XXI века», 21–23 апреля 2021 года, Санкт-Петербург. – 2021. – С. 52–54.
7. Осорина М.В., Щербакова О.В., Аванесян М.О. Проблема метакогнитивной регуляции: нормативные требования и непродуктивные паттерны интеллектуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Педагогика. Социология. – Вып. 2. – 2011. – С. 32–43.
8. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2004.
9. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
10. Щербакова О.В. Информационно-энергетическая организация некоторых паттернов метакогнитивной регуляции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Педагогика. Социология. – Вып. 3. – 2012. – С. 103–114.
11. Щербакова О.В. Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. – 2019. – №1(39). – С. 165–181.
12. Shcherbakova O.V., Nikiforova N.A. Fables Comprehension in Healthy Adults: Does IQ Matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – Vol. 15. – N 2. – P. 222–231.

Секция № 4
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГА

В.Р. Балкунова
Южный Федеральный университет
(Россия, Ростов-на-Дону)
balkunova@sfedu.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ МЫШЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ
РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО

В последнее время теория когнитивных стилей в области преподавания русского языка как иностранного активно рассматривается методистами с точки зрения повышения эффективности обучения с помощью учёта индивидуальных особенностей иностранных студентов. Однако сравнительно мало исследований в данной области ориентировано на младший школьный возраст, в связи с чем наблюдается нехватка методического материала при обучении детей 8-9 лет русскому языку как иностранному. Многими специалистами отмечается необходимость более глубокого анализа проблемы когнитивных стилей детского мышления в русле методики преподавания РКИ, а также создания учебных пособий для учащихся младшего школьного возраста с учётом их типов познавательной активности.

Понятие «когнитивного стиля» рассматривается рядом учёных. К таковым относятся М.А. Холодная, Е.Г. Будрина, М.А. Кузнецова и многие другие [1;2;3]. Так, М.А. Холодная объясняет термин «когнитивный стиль» как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своём окружении», которые опираются на разность восприятия индивидуума в контексте оценки наблюдаемого, что указывает на специфичность склада ума и личностные отличительные особенности интеллектуального поведения [3; с. 51]. Уникальность психолого-педагогических условий при работе с детьми подчёркивает А.Х. Яхьяева, которая рассматривает их познавательную деятельность через призму закономерностей «учебного, воспитательного и образовательного процесса» [4, с. 308]. В данном смысле основу обучения младших школьников составляют факторы, способствующие естественному приобретению навыков посредством рефлексии и в процессе формирования когнитивных стилей, что значительно упрощает приобретение практических умений, поскольку новые предметы могут познаваться таким же естественным образом, как и окружающий мир. В связи с вышесказанным следует отметить важность создания живого коммуникативного пространства при обучении русскому языку как иностранному. Однако теория когнитивных стилей

рассматриваемой возрастной группы является неоднозначной и не в полной мере изученной. Например, Е.Г. Будрина и М.А. Кузнецова говорят о незавершённости формирования когнитивных стилей и специфичности их проявления в данном возрасте, отмечают импульсивность и полезависимость учеников, а также подчёркивают не строго определённые, но имеющиеся индивидуальные различия, на которые следует опираться учителям при работе с детьми 8-9 лет [2, с. 87]. В данном смысле учителю РКИ следует часто менять виды активности на уроке, поскольку импульсивность возможно дисциплинировать заинтересованностью обучающихся. Полезависимость должна учитываться при подготовке заданий, с помощью которых возможно научить вычленять существенные закономерности функционирования языковых единиц с опорой на визуальные средства обучения. Существует мнение, что качественная программа обучения должна соотноситься с когнитивными стилями учеников, а также «треть тренировочных упражнений должна быть направлена на их развитие» [Там же, с. 203].

Подводя итоги, отметим, что учёт когнитивных стилей мышления при обучении РКИ групп младшего школьного возраста положительно влияет на мотивацию учеников и их восприятие дидактического материала. Изучение специфики когниции в детском возрасте требует особого внимания, поскольку она основательно отличается от взрослой и подростковой, из чего следует вывод о непродуктивности работы с детьми, изучающими русский язык как иностранный по материалам, разработанным для более взрослой возрастной группы. Дальнейшее исследование характера когнитивных стилей мышления, преобладающих у детей, позволит разработать дифференцированные упражнения, которые затем могут быть использованы для создания учебника по РКИ для обучающихся младшего школьного возраста.

Список литературы

1. Будрина Е.Г. Связь когнитивного стиля узкий/широкий диапазон эквивалентности с академической успеваемостью в младшем школьном и младшем подростковом возрастах / Е.Г. Будрина, М.А. Кузнецова. – 2018. – №4. – С.87-91.
2. Жданович О.А. Учёт когнитивных стилей учащихся при обучении русскому языку как иностранному онлайн. – 2021. – №1. – С. 197-204.
3. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – Спб.: Питер, 2004. – 384 с.
4. Яхьяева А.Х. Младший школьный возраст: психолого-педагогические условия развития интеллектуальных способностей. – 2018. – №4. – С. 306-311.

А.В. Беляева
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
Belyaevaav542@mgpu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖЕЙ РАЗНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Актуальность изучения психологических особенностей межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения обусловлена несколькими факторами [1;2].

Во-первых, современное образование сталкивается с вызовами быстро меняющегося общества и технологий. Разные поколения преподавателей, имеют разные ценности, убеждения и подходы к образованию. Понимание и учет этих различий помогает создать благоприятную среду для межгрупповой адаптации и сотрудничества.

Во-вторых, межгрупповая адаптация преподавателей в колледжах имеет прямое отношение к качеству образования, которое они предоставляют студентам. Успешная адаптация позволяет преподавателям эффективно работать в команде, обмениваться опытом и инновациями, что способствует повышению уровня образования и развитию колледжа в целом.

В-третьих, психологические особенности межгрупповой адаптации преподавателей могут оказывать влияние на их самооценку, мотивацию и профессиональное развитие. Некорректная адаптация может привести к конфликтам, стрессу и снижению работоспособности преподавателей, что отрицательно сказывается на их эффективности и удовлетворенности работой.

Цель данного исследования связана с изучением и описанием психологических особенностей межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения и на основе полученных знаний оптимизировать взаимоотношения в коллективе.

Для достижения поставленной цели необходимо поставить и решить данные задачи:

1. изучить психологические особенности межгрупповой адаптации преподавателей разных поколений в колледжах;
2. определить основные факторы, влияющие на успешность межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения;
3. изучить взаимосвязь между психологическими особенностями преподавателей и степенью их адаптации к коллективу колледжа;
4. исследовать влияние разных поколений преподавателей на образовательный процесс и успех студентов;
5. выявить особенности взаимодействия и коммуникации между преподавателями разных поколений в колледжах;

6. определить стратегии и методы поддержки и содействия межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения;

7. исследовать влияние возрастных и поколенческих различий на эффективность работы преподавателей в колледжах;

8. определить роль лидерства в процессе межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения;

9. изучить влияние социальной поддержки и организационной культуры на межгрупповую адаптацию преподавателей колледжей разных поколений;

10. предложить рекомендации по созданию благоприятной среды для успешной межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения.

Для проведения исследования необходимо выбрать несколько образовательных учреждений. В данной работе представлен анализ Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Московский государственный колледж электромеханики и информационных технологий», педагогический состав: 110 человек, принадлежащих к разным возрастным поколениям.

Для изучения рекомендовано использовать следующие диагностические методики:

1. Методика «Межгрупповая адаптация»;
2. Методика «Психологические особенности поколений»;
3. Методика «Конфликтологический стиль»;
4. Методика «Социометрический анализ»;
5. Методика «Уровень эмоционального благополучия»;
6. Метод наблюдения и анкетирования.

Выбор конкретных методик зависит от целей и задач исследования, а также доступности исследуемой выборки преподавателей колледжей разного поколения.

Объектом данного исследования являются психологические особенности межгрупповой адаптации преподавателей разного поколения.

Предметом данного исследования является изучение психологических особенностей межгрупповой адаптации преподавателей колледжей разного поколения.

Список литературы

1. Ткаченко Н.Н. Социально-психологическая адаптация студентов в образовательной среде разного типа [Текст] / Н. Н. Ткаченко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – № 4 (25). – С. 358-360.

2. Булгаков А.В. Вовлеченность в профсоюзное движение в контексте межгрупповой адаптации разно поколенных групп / А. В. Булгаков [Текст] // Психология профессиональной деятельности: проблемы, современное состояние и перспективы развития. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 20-25.

Т.М. Большакова
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)
tmbolshakova@herzen.spb.ru

ПОЛИКОДОВЫЙ ХАРАКТЕР ШКОЛЬНОГО НОРМАТИВНОГО ДИСКУРСА КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ АДРЕСАНТ-АДРЕСАТНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Цель исследования заключается в изучении поликодовой специфики текстов, входящих в состав нормативного дискурса начальных школ современной Германии. Школьный нормативный дискурс рассматривается как коммуникативно-речевой процесс, реализующийся в совокупности текстов, главной институциональной целью которых является нормативная регуляция поведения учащихся в период их пребывания и обучения в учебных заведениях.

Исследование проводилось на материале 100 текстовых единиц, представляющих речевой жанр *Schulregeln* 'Правила поведения в школе'. Тексты были отобраны в 2022 году на официальных интернет-сайтах немецких начальных школ.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что поликодовость нормативных текстов является результатом усилий коллективной дискурсивной личности – представителей администрации и педагогических коллективов немецких начальных школ – по созданию общего с адресатами-учащимися когнитивно-психологического пространства. Последнее выступает необходимым условием для восприятия и адекватной интерпретации детьми нормативных требований. Для описания неразрывного единства адресант-адресатных отношений в исследовании используется понятие «адресант-адресатной дискурсивной личности» [1; 2, с. 253]. Целесообразность применения этого термина подтверждается также фактами экстралингвистического характера, например, участием детей-адресатов в процессе текстопорождения в отдельных учебных заведениях и в создании рисунков, использующихся в невербальном оформлении правил поведения.

Структура адресант-адресатной дискурсивной личности включает в себя две коллективных личности. Коллективная дискурсивная личность педагогов понимается как коллективный субъект социальной интеракции, который осуществляет в институциональном пространстве школы нормотворческую деятельность. Коллективная дискурсивная личность адресатов объединяет в себе представителей ученического сообщества, вовлеченных в процесс по восприятию и декодированию правил поведения. Текстовая экспликация нормативного импульса имеет адресантно-значимый статус, а модус реализации импульса – адресатно-значимый.

Возрастные особенности субъектов нормы, обуславливающие их когнитивные и психофизиологические характеристики, например, доминирование образного мышления, являются тем основополагающим фактором текстообразования, который требует от адресантов действий, направленных на создание единого с адресатами коммуникативного пространства. Паралингвистические средства, имеющиеся в распоряжении педагогов, играют в этом процессе важную роль.

В ходе исследования было установлено, что все отобранные для анализа тексты демонстрируют отсутствие монокодowości. Специфика процесса креолизации текстов заключается в выборе определенных средств и их комбинаций с целью реализации одного из двух подходов. Первый заключается в создании условий для облегчения адресатам восприятия и понимания текстов. Он осуществляется с помощью графических паралингвистических средств – шрифтами, курсивом, набором прописными буквами в массиве строчного, подчеркиванием, нумерацией и др.

Второй подход, опирающийся на реализацию дидактического принципа наглядности, предполагает широкое использование средств знаково-символического и изобразительного характера, обеспечивающих поддержку интерпретационной деятельности детей-адресатов с помощью ярких, запоминающихся образов. К таковым относятся таблицы, пиктограммы, фотографии, рисунки, иллюстрации. Многие тексты, отражающие применение этого подхода, демонстрируют разнообразие способов комбинирования различных средств. Адресанты используют для иллюстрации нормативных требований детские рисунки или рисунки, стилизованные под детские; фотографии детей; фотографии правил поведения, написанных детским почерком и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что поликодowości школьных нормативных текстов разных типов является результатом актуализации адресант-адресатных дискурсивных личностей, при которой выбор имеющихся в распоряжении адресантов потенциальных возможностей по невербальному оформлению текстов обуславливается, с одной стороны, их коммуникативной компетентностью, а с другой, особенностями языкового сознания адресатов, их картины мира и эмоциональной сферы.

Список литературы

1. Синельникова Н. Л. Специфика адресант-адресатных отношений в масс-медийном дискурсе // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальная коммуникация». Том 21 (60). 2008. № 1. С.140-153.

2. Синельникова Н. Л. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 13 (184). Вып. 22. С.253–261.

И.В. Вашунина
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического
развития РФ
(Россия, Москва)
vashunina@yandex.ru

ОБРАЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Эффективность учебного процесса не в последнюю очередь зависит от преподавателя. Что ждут от преподавателя студенты, что их раздражает и мешает им сосредоточиться на учебной деятельности – ответы на эти вопросы были получены в результате анкетирования.

Всего было опрошено 100 человек. Респонденты – студенты РУДН 3 курса. Студентам было предложено ответить на 20 вопросов, часть из которых предполагала положительный или отрицательный ответ, а другая часть – выбор ответа из предложенных вариантов.

Установлено, что половина респондентов (50 человек) сталкивалась в том, что преподаватель в вузе повышал на них голос (две трети из них утверждают, что это единичный случай, а треть – что это постоянное явление). С повышением голоса учителем в школе сталкивались 82 процента респондентов (чаще в старших классах, в половине случаев это постоянное явление).

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что они предпочитают преподавателя, который демонстрирует свой положительный настрой: улыбается (93 процента) и шутит (100 процентов) на занятиях. В действительности улыбку преподавателя отмечают 64 процента опрошенных, шутки – все 100 процентов.

Проявление преподавателем отрицательных эмоций создает помехи учебному процессу: 90 процентов студентов утверждает, что недовольный вид преподавателя на экзамене мешает им отвечать (с ним сталкивались 70 процентов респондентов), 25 процентов отталкивает недовольный и мрачный вид преподавателя на занятии.

Приблизительно половина респондентов сталкивалась с ситуацией, когда преподаватель необоснованно затрагивает их личную сферу (25 процентов столкнулись с вопросами личного характера, 49 процентов с субъективной характеристикой студентов со стороны преподавателя). Это вызывает негативную реакцию у половины опрошенных.

В преподавателе студентов больше всего раздражает (респонденты могли выбрать несколько ответов) неумение преподнести материал (46 процентов), недовольный и мрачный вид (25 процентов), неуместные замечания студентам (36 процентов), чрезмерная строгость (39 процентов), нежелание понимать проблемы студентов (36 процентов).

Практически не обнаружено предубеждения по отношению к молодым преподавателям – выпускникам вуза: только каждый пятый считает, что молодые преподаватели допускают ошибки из-за отсутствия опыта. В то же время три

четверти респондентов считают, что старые преподаватели не совсем понимают молодое поколение и ведут себя со студентами не всегда правильно.

Приблизительно половине респондентов безразличен пол преподавателя, в другой половине предпочтение отдается почти в равной степени мужчинам и женщинам лекторам, в большей степени женщинам преподавателям практики.

38 процентов респондентов не обращает внимания на внешний вид преподавателя. Тех, кто обращает внимания на внешний вид преподавателя, отталкивает (респонденты могли выбрать несколько ответов) неаккуратность (90 процентов), неухоженные волосы (60 процентов), вызывающий внешний вид и/или прическа (32 процента).

Полученные данные позволяют сделать несколько выводов.

Очевидно, что студенты хотят видеть положительно настроенного, дружелюбного преподавателя, который не затрагивает их личную сферу.

Отмечено наличие признаков профессионального выгорания педагога: повышение голоса, недовольный вид (в большей степени у школьных учителей, меньше у преподавателей вуза), субъективные оценки. Школьные учителя более подвержены профессиональному выгоранию, чем преподаватели вузов – подавляющее большинство опрошенных сталкивались с его признаками в школе, и только половина опрошенных в вузе.

Интересный факт представляют собой ожидания от педагогов, касающиеся понимания студентов. Более трети респондентов раздражает нежелание педагога понимать проблемы студентов и чрезмерная строгость («чрезмерная» – это оценка студентов в соответствии с их ожиданиями). И большинство респондентов считают, что возрастные преподаватели иногда не совсем правильно ведут себя со студентами, потому что не понимают их. То есть, в настоящее время можно констатировать стремление студентов к тому, чтобы их понимали и вникали в их проблемы тогда, когда они сами этого хотят. При этом интерес преподавателя к их жизни, когда студенты этого не хотят, вызывает негативную реакцию. Так же реагируют респонденты и на проявление преподавателем недовольства.

Такое отношение к преподавателям свидетельствует о довольно высокой степени инфантильности современных 20-летних молодых людей, наряду с чем отмечается также их тяга к свободе [1].

Список литературы

1. Свободные, но инфантильные индивидуалисты: чем нынешние 20-летние отличаются от поколения их родителей? [Электронный ресурс] // МИР 24. URL: <https://mir24.tv/articles/16404315/svobodnye-no-infantilnye-individualisty-chem-nyneshnie-20-letnie-otlichayutsya-ot-pokoleniya-ih-roditelei> (дата обращения 12.10.2023).

*А.Н. Викторова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Калининград)
ViktorovaAN137@mgpu.ru*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Д.С. Лихачев не раз говорил о значимости речевого портрета личности: «Вернейший способ узнать человека его умственное развитие, его моральный облик, его характер прислушаться к тому, как он говорит [1]. Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры».

Речь и речевые средства играют ключевую роль в коммуникации между людьми. Они включают в себя не только слова, но и интонацию, жесты, мимику и другие невербальные элементы. Речевые средства для коммуникации между людьми включают в себя различные способы выражения мыслей и идей, а также умение слушать и задавать вопросы. Это может включать в себя использование убедительных аргументов, ярких примеров, личных историй успеха, аналогий и метафор. Также важно обращать внимание на тон и стиль общения, стремясь быть дружелюбным, но при этом уверенным и авторитетным.

В психологии, речевой портрет – это описание индивидуальных особенностей речи человека, включая его лексический состав, стиль общения, интонацию, манеру речи и т. д. Речевой портрет может быть использован для анализа личности, выявления ее характеристик и особенностей коммуникации [2;3].

Позитивное и вдохновляющее обращение к собеседникам также играет ключевую роль в успешной коммуникации, подчеркивая их ценность и важность их мнения. Активное поощрение и поддержка инициатив также способствует созданию атмосферы доверия и взаимопонимания в общении между людьми.

Речевой портрет руководителя педагогического коллектива может быть описан как четкий, убедительный и вдохновляющий. Он обладает отличными коммуникативными навыками, способен выступать перед коллективом с ясными и убедительными выступлениями. Руководитель проявляет уважение к мнению каждого члена коллектива, поощряет открытость и конструктивный диалог. Он также обладает способностью эффективно управлять конфликтами и находить компромиссы в сложных ситуациях. Речевой портрет руководителя включает в себя способность вдохновлять и мотивировать своих подчиненных, поддерживать их инициативы и помогать им в профессиональном росте.

Руководитель педагогического коллектива также обладает отличной организационной и планировочной способностью, что позволяет ему эффективно распределять обязанности среди членов коллектива и управлять процессом

обучения и воспитания. Речевые средства, используемые руководителем педагогического коллектива, обычно отличаются определенными особенностями, учитывая его роль как образовательного лидера и администратора. Вот несколько особенностей речевых средств, которые часто проявляются у руководителя колледжа:

1. *Академический язык*: Руководитель колледжа обычно использует формальный и академический язык в своей коммуникации, особенно при обращении к факультету, студентам и родителям. Он может использовать специфическую терминологию, связанную с образованием и управлением образовательными учреждениями.

2. *Вдохновляющая коммуникация*: Руководитель колледжа часто обращается к общественности, студентам и персоналу с вдохновляющими выступлениями, направленными на мотивацию и поддержку. Он может использовать речевые средства, способные вдохновить аудиторию и подчеркнуть важность образования.

3. *Убедительная коммуникация*: В своей роли руководитель колледжа может применять убедительные речевые средства для поддержания целей колледжа, привлечения финансирования, привлечения студентов и поддержания статуса колледжа в образовательном сообществе.

4. *Доступность и эмпатия*: Руководитель колледжа может использовать речевые средства, которые подчеркивают доступность и эмпатию к студентам, факультету и персоналу, создавая атмосферу взаимопонимания и поддержки.

5. *Административная коммуникация*: В своих коммуникациях руководитель колледжа часто использует ясные и точные инструкции, особенно при обращении к административному персоналу, чтобы обеспечить эффективное управление и выполнение обязанностей.

В целом, речевые средства руководителя колледжа отражают не только его умение эффективно коммуницировать, но и его роль в формировании образовательной среды и достижении образовательных целей.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Земля родная: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1983. – с.31.
2. Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания [Электронный ресурс] // HqLib.ru. 2012. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101>. (дата обращения: 25.11.2023).
3. Сиротинина О.Б. От чего зависит эффективность коммуникации? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 5-17. EDN: YPFGMT.

Н.В. Вишневецкая
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
vishnevetskajanv@mgpu.ru

ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА К ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В условиях международной нестабильности преподавателям иностранного языка как никогда нужно уметь грамотно выражать себя в профессиональном сообществе, а потребность в межкультурном профессиональном педагогическом диалоге на английском языке не снижается в современных реалиях. Это связано со спецификой деятельности преподавателя иностранного языка в вузе, предполагающей активное участие в различных профессиональных событиях.

Языковая картина мира складывается как упорядоченный результат культурно-языкового опыта всего говорящего на данном языке сообщества [1, с. 9], в этой связи необходимо целенаправленное обучение преподавателей общению в профессиональной межкультурной среде и их приобщение к профессиональной картине мира представителей англоязычного лингвосоциума [3]. Для этого требуются специальным образом спроектированные учебные материалы, позволяющие практиковать речевое поведение в имитированных ситуациях межкультурного общения, благодаря чему происходит формирование профессионально значимых качеств в ходе совмещения учебной деятельности с контекстом профессионального труда [5, с. 249].

В ходе нашего исследования, проведённого в период с 2020 по 2022 год, была разработана технология обучения преподавателей лексическому компоненту социолингвистической компетенции – способности, позволяющей преподавателю учитывать социальную обусловленность межкультурного общения, обеспечивающей участника межкультурной коммуникации различными стратегиями речевого поведения; умение делать выбор из этого множества, исходя из параметров социального контекста [2, с.112].

Спроектированный нами курс, построенный на описываемой технологии, основан на следующих аспектах: обеспечение опоры на профессиональные аутентичные тексты и видеозаписи; использование приема социолингвистического анализа аутентичных материалов; применение интерактивных методов, воспроизводящих механизмы иноязычного общения в аудиторных условиях: метод кейсов и ролевая игра, основанные на межкультурном непонимании.

В ходе реализации курса мы осуществили системный мониторинг результатов участников и пришли к следующим выводам: вводный срез в начале курса показал низкий уровень сформированности социолингвистической компетенции; на первых занятиях не прослеживалось использование обучающимися профессионального языка, они затруднялись с ответами на

вопросы социолингвистического характера. Кроме того, обучающиеся демонстрировали склонность к языковой догадке о значении незнакомых профессиональных лексем на основе исключительно русскоязычной профессиональной картины мира. В дальнейшем был зафиксирован постепенный прогресс в развитии у магистрантов рецептивных и продуктивных социолингвистических умений, включая умение проводить социолингвистический анализ текста/видео и представленной в нем коммуникативной ситуации; способности ориентироваться на вербальное выражение элементов профессиональной картины мира партнера (профессиональные дискурсивные формулы), и постепенный уход от традиционной модели работы с профессиональными текстами, не предполагающей упор на анализ социолингвистического контекста. Мы отследили динамику уровня усвоения лексического компонента социолингвистической компетенции (по созданным предварительно критериям) и обнаружили, что магистранты повысили навыки как продуцирования, так и понимания профессиональных текстов/видео, приобрели готовность участвовать в такого рода коммуникативных ситуациях и демонстрировать собственное лингвистическое кредо, которое отражает личность говорящего [4, с. 333].

Сложившиеся межкультурные реалии диктуют необходимость более глубокого понимания межкультурных профессиональных особенностей. Возрастает роль иностранного языка как средства ведения диалога культур с представителями других стран и средства расширения возможностей самореализации современного человека [5, с. 60].

Список литературы

1. Баранова К.М. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира / К. М. Баранова, О. Г. Чупрына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 8–15. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-6-8-15. – EDN VLRPFР.

2. Вишневецкая Н.В. Социолингвистическая компетенция преподавателя иностранного языка как объект рассмотрения / Н. В. Вишневецкая // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 4. – С. 29-34. – EDN JYQWSZ.

3. Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики / Е. Г. Тарева, А. В. Анненкова, О. А. Гаврилюк [и др.]. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2020. – 272 с. – ISBN 978-5-4469-1737-2. – EDN JRGICT.

4. Савкина Е.А. Адресат как участник педагогического дискурса: социолингвистический аспект / Е. А. Савкина // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов / Институт иностранных языков МГПУ. Том ЧАСТЬ 1. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. – С. 333-337. – EDN DVCWMR.

5. Тарева Е.Г. Концептуальные основы учебника по профессиональной коммуникации для подготовки лингвистов / Е. Г. Тарева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 15. – С. 246-250. – EDN KYSXYR.

Е.Б. Дементьева
Педагогический колледж №1 имени Н.А. Некрасова
(Россия, Санкт-Петербург)
anleda@mail.ru

ОТ ПЕРВОПОНЯТИЯ К ПОНЯТИЮ КАК РАСШИРЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ГОРИЗОНТА В КАРТИНЕ МИРА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

В системе педагогического образования сегодня происходят изменения, направленные на гуманизацию процесса обучения, изменение роли преподавателя и обучаемого. Преподаватель уже не только носитель и передатчик научной информации, но и организатор познавательной и творческой деятельности студентов, получающих профессию учителя. Не вызывает сомнений тот факт, что создание условий для развития прежде всего думающей личности будущего педагога требует несоизмеримо больше сил и умений, чем простое формирование знаний, умений и навыков. Вместе с тем современная ситуация требует от будущего учителя овладение такими профессиональными компетенциями как: сформированной потребности в непрерывном профессиональном самообразовании и саморазвитии; умения работать с профессиональной информацией и конструировать новое знание с помощью слова; владение речью и невербальными средствами выражения.

Очевидно, что настоящий мастер слова обращается в своей педагогической деятельности к такому ресурсу, как понятийный аппарат. Сегодня стоит пересмотреть многие понятия с точки зрения современных процессов и смыслов, придавая им новое дыхание. Ведь вся умственная жизнь человека в культуре – это расширение личного словаря понятий и постепенное их переосмысление, поиск того предельно ёмкого языка, на котором можно говорить о главном как с самим собой, так и с другими людьми, а также дальше транслировать смыслы своим ученикам. Понятия выступают для педагога инструментами интеллектуального творчества, а также ставят проблемы перед мышлением. Первопонятия – это смысловая энергия, где в наименьшем выражен максимум мыслительного содержания, то есть основа осмысленного бытия в культуре. Согласно культурологу и лингвисту М. Эпштейну к первопонятиям, например, можно отнести следующие: «вера», «жизнь», «свобода», «судьба», «жизнь», «дом», «народ». Если использовать не концептивный, а проблемный подход к понятиям, то можно рассмотреть их не как итог, а как предпосылку процесса мышления [3, с. 19]. Богатство смыслов задаёт ментальный горизонт и многообразие контекстов использования, вскрывает культурный код нашего общества, что позволяет

приобрести новый смысл самой профессии учителя, призванной прежде всего работать со словом. Таким образом, переход от описательно-аналитического подхода в педагогике к проблемно-культурологическому, раскрывающему способность «взрывать сознание» и обозначать новые точки роста в культуре будущего учителя, позволит тем самым расширить ментальный горизонт его сознания.

Так, например, подчёркивая чрезвычайную важность сохранения и приумножения национальных культурных традиций в слове, К.Д. Ушинский вводит в научный оборот педагогики категорию (первопонятие) народности, которая у него имеет выраженную ментальную окраску. Он характеризует ее как осознание самим народом своего национального «Я», стремление сохранить его и способствовать развитию во всех сферах жизни. Народность, считает К. Д. Ушинский, является единственным источником жизни народа в истории. Ему принадлежит крылатая фраза: «Народ без народности – тело без души, которому остаётся только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность. Народность объединяет в единое целое личность и государство, она есть «источник жизни государства и каждой личности» [2, с. 122]. Таким образом, ментальность не есть результат деятельности индивидуального сознания, а выражает обусловленные коллективными представлениями верования, традиции, имплицитно содержащиеся в сознании в форме первопонятий «событие», «судьба», «совесть», «право», «мудрость», отражая установки, мотивы и модели поведения. Данное понимание можно расширить и даже «почувствовать» обучающимися на лекции путём глубокого анализа первопонятий, которые в отличие от юнгианских архетипов принадлежат к сфере коллективного сознания, а не бессознательного, являясь первоэлементами общечеловеческого ментального опыта.

Если обратиться к картине мира будущего учителя, которая отражает данный ментальный опыт, то всё выше сказанное, позволяет сделать вывод о том, что сегодня как никогда в преподавательской работе философия выполняет ключевую роль в её формировании. Значение использования как самой философии, так и философских методов в расширении ментального горизонта обучающихся заключается в следующем. Во-первых, философия развивает у будущих педагогов осознанное отношение к окружающему миру и к самому себе. Во-вторых, философия формирует системное мировоззрение, широкий кругозор, критическое и абстрактное мышление, необходимое в современной жизни. В-третьих, философия способна формировать смысл самого образования и задавать вектор его развития [1, с. 8].

Таким образом, формирующаяся личность будущего учителя сегодня остро нуждается в интеллектуальной и нравственной поддержке, которая заключается не столько в готовых ответах, сколько в эффективном их поиске, постановке проблемных вопросов с помощью наполненных смыслом понятий и их первопонятий, расширяющих ментальные горизонты сознания. И не важно учителем или педагогом какого предмета или курса является человек, ведь миссия

педагога – нести великое русское слово, что отражает «вечное» предназначение педагогики.

Список литературы

1. Философия для школьников и дошкольников: материалы научно-практической конференции «Философия для детей». / Под общей ред. К.В. Романова, Е.М. Сергейчик. – СПб.: СПб АППО, 2014.

2. Чапаев Н.К., И. П. Верещагина Современные проблемы ментального воспитания в свете педагогических идей К. Д. Ушинского / Историко-педагогический журнал, № 1, 2012.

3. Эпштейн М. Первопонятия: ключи к культурному коду / Михаил Эпштейн – М.: КоЛибри, 2022.

*С.В. Демидович
Институт дополнительного образования БГУ
(Беларусь, Минск)
DemidoSV@bsu.by*

ПРИМЕНЕНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Целью учебного процесса на подготовительном факультете для иностранных студентов является формирование в процессе обучения не только необходимого объема знаний по различным дисциплинам, но и того необходимого объема мыслительных операций, которые помогут студенту ориентироваться в информационном потоке, который ожидает его на первом и последующих курсах вуза. Для формирования необходимого объема знаний и операций мышления преподаватель-предметник, в данном случае, преподаватель физики, ставит задачи выявить у студентов пробелы в знаниях, полученных ими на родине; используя полученную информацию о базисном предметном уровне, помочь студентам как можно быстрее включиться в учебный процесс на русском языке; научить их осмысленно воспринимать материал по предмету; конспектировать лекции по специальности и участвовать в семинарских занятиях, оперируя терминологией курса. На подготовительных отделениях для иностранных граждан периодически всплывает вопрос о том, с перевесом в какую сторону должен вести занятия преподаватель-предметник. Одни утверждают, что главное – помочь сформировать грамотную языковую базу спецпредмета, уделяя больше внимания конструкциям русского языка, отрабатывая их на простейших примерах по физике. Другие считают, что важнее посредством погружения в учебный материал, корректируя различную базовую подготовку по предмету, добиваться разносторонней (языковой и предметной) мыслительной деятельности обучающегося [2, с. 164]. Сторонники второго подхода, учитывая стремительный

рост визуальной коммуникации, активно внедряют в учебный процесс креолизованные физические тексты. Поскольку «в речевом общении креолизованный текст предстаёт сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 17], благодаря чему реализуется полисенсорный принцип обучения, нацеленный на использование разных каналов получения информации для достижения положительных результатов учебной деятельности.

Креолизованный текст на уроках физики подготовительного отделения для иностранных обучающихся представлен в виде логических матриц текста. Логические матрицы – это таблицы или опорные схемы изучаемого материала, которые включают в себя идеи (крупные логические части понятия, явления, процесса и др.) и входящие в них факты. Объёмный теоретический материал представленный в виде такого изображения, позволяет экономить учебное время и дифференцировать процесс обучения. Представленный текст имеет информативную функцию, которая, объединяя вербальный компонент и матрицу, способствует снятию ряда языковых трудностей при восприятии и воспроизведении текста.

Схемы с опорными словами, графическими обозначениями, условными знаками выполняют роль своеобразного ключа, с помощью которого восстанавливается контекст; знание алгоритма работы со схемой активизирует мыслительную деятельность обучающихся, развивает память, мышление, языковую догадку [3].

Представляем пример оформления креолизованного текста для изучения темы «Электрический заряд» в виде логической матрицы (рис. 6). Предложенная информация воспроизводится преподавателем, студенты следят за логической цепочкой изложения материала. Затем студенты тренируются рассказывать текст по данной опоре. В качестве домашнего задания предлагается наполнить схему дополнительными фактами и образами (изображение взаимодействующих зарядов, ввод в терминологию слов «притягиваются», «отталкиваются», «разноимённые заряды», электроскоп, «одноимённые заряды», демонстрация электризации и т.д.)

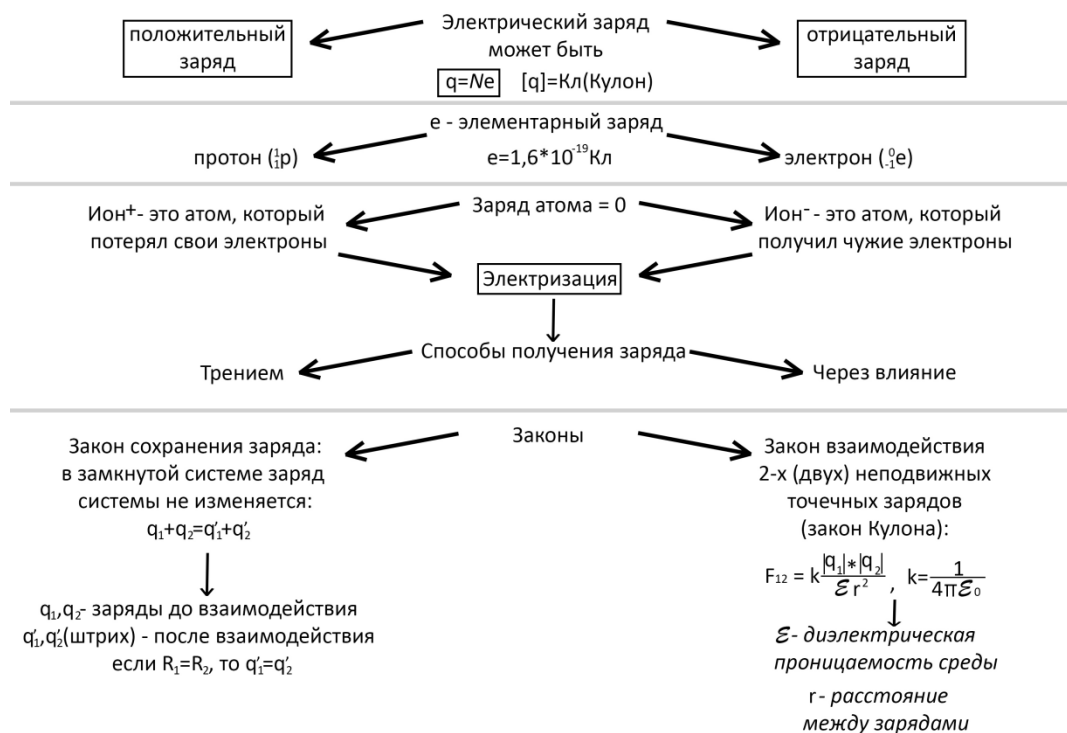

Рис. 6 Логическая матрица

Так как видеотекст также является средством креолизации вербального текста, то на занятиях по физике активно используется специально подобранный видеоматериал, который создаёт дополнительные возможности для развития умений и навыков в различных видах научной речевой деятельности. В основном видеоматериал демонстрируется после проверки домашнего задания на следующем уроке, когда подразумевается, что студенты выучили новую лексику. Например, к данному тексту предлагается просмотр следующего видео: <https://www.youtube.com/watch?v=f8Z1gnDSUq8>

Использование креолизованных текстов на уроках физики для студентов иностранцев подготовительных отделений сегодня является необходимым и полностью оправданным. Через применение современных способов визуализации создаются благоприятные условия для развития социально-эмоциональных навыков (кооперации, коммуникации), креативности, навыков работы с информацией (анализ, структурирование, интерпретация, моделирование, др.). Это не только удобная форма представления информации, но и совершенно новый подход к ее восприятию и усвоению.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М. Издательский центр «Академия», 2003. - 128 с.

2. Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в системе довузовского образования [Электронный ресурс]: сб. ст., посвящ 60-летию системной подготовки иностр. граждан в Белорус. гос. ун-те. Вып. 4 / редкол.: Е. П. Любецкая (гл. ред.) [и др.]. <https://elib.bsu.by/handle/123456789/298499>

3. Кузнецова Е.Г. Средства креолизации учебных текстов в методике преподавания русского языка как иностранного // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 2. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28632>

А.Н. Калайдов
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
(Россия, Москва)
79851170994@yandex.ru

А.А. Рюкина
Московский университет имени С.Ю. Витте
(Россия, Москва)
ryuanastasiya@yandex.ru

К ВОПРОСУ РИСКОГЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Категория «риск» уже прочно вошла в современный научный обиход и приобрела междисциплинарный статус. Однако далеко не все области деятельности человека могут быть подвержены статистической обработке по причине малой способности к формализации моделей их реализации. Так, сказанное может относиться к психологическим, экономическим, социальным процессам, в которых в той или иной мере может присутствовать коммуникативный риск, так как «любые коммуникации значительно повышают риски» [3, с. 69].

Лингвисты определяют **коммуникативный риск** как «возможность наступления опасности, неудачи в процессе или в результате коммуникации» [1, с. 8].

В настоящее время в научной литературе большое внимание уделяется проблемам **рискогенности** речевого общения, в том числе педагогического: «обозначаются типы коммуникативных рисков, причины их возникновения и способы преодоления в различных сферах деятельности, предлагаются способы преодоления коммуникативных рисков, анализируются риски неправильного понимания заимствований, риски применения демагогических приемов в политическом дискурсе, риски в речи руководителей и т.д.» [Там же, с. 8].

Педагогическое общение, как и любая разновидность процесса коммуникации, может быть рассмотрено как взаимодействие субъектов и объектов коммуникативного риска. Но, прежде чем говорить о природе педагогического коммуникативного риска, необходимо задаться его субъектом и объектом.

Субъект риска – его источник. Исходя из названия и приведённых примеров, можно определить в качестве субъекта коммуникативного риска человека (индивидуума), социальную группу, часть общества, общество в целом, государство (его представителя или лидера) и даже группу (коалицию) государств.

Объект риска – то, что может пострадать в результате реализации опасности. Данную дефиницию можно рассмотреть двояко. С одной стороны, объект коммуникативного риска можно описать теми же понятиями, что и субъект коммуникативного риска. Будем называть их объектами риска первого типа. При этом необходимо понимать, что коммуникация, как правило, включает двух или более респондентов, и, таким образом, адресант и адресат могут одновременно являться и субъектами, и объектами коммуникативного риска. С другой стороны, в ряде случаев реализации коммуникативного риска появляются производные от группы первого типа: например, деловая репутация, разрыв контактов или отношений, развязывание конфликтов и т.п. По аналогии назовём их объектами коммуникативного риска второго типа (рис. 7).

Рис. 7. Иллюстрация процесса коммуникации с обозначением субъектов, объектов первого и второго типа коммуникативного риска, прямых и обратных связей

В некоторых случаях объекты коммуникативного риска второго типа приводят к материальным ущербам, которые можно оценить в денежных единицах, единицах массы, длины и т.д. В этом случае показатель риска можно представить как произведение частоты реализации некоего деструктивного

события и среднего ущерба в результате его реализации, т.е. по существу как отношение ущерба к некоторому промежутку времени [2, с. 107]:

$$\text{Показатель риска} \left[\frac{\text{ущерб}}{\text{время}} \right] = \text{частота} \left[\frac{\text{события}}{\text{время}} \right] \cdot \text{средний ущерб} \left[\frac{\text{ущерб}}{\text{события}} \right]$$

Но в ряде случаев речь может идти о нематериальных активах, которые измерить привычными в деловом мире единицами измерения не представляется возможным. И в том, и в другом случае мы имеем дело, в первую очередь, с вербальными и невербальными проявлениями коммуникации между субъектами и объектами коммуникативного риска, а это при их формализации потребует применения или математического аппарата, построенного на нечётких понятиях, или экспертных систем. Говоря о том, как субъекты риска выстраивают своё общение в различных формах, мы неизменно приходим к понятию качества коммуникации.

Качественные характеристики коммуникации в процессе трансформации в понятия объекта риска в итоге приводят к появлению некоторых количественных изменений (вполне допустимо их последовательное превращение с учётом изменения определённых качественных характеристик).

Список литературы

1. Иванова Т.В. Юридическое консультирование: коммуникативные риски / Т.В. Иванова, О.В. Никитина // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2020. – № 1 (2). – С. 5–17.
2. Калайдов А.Н. К проблеме оценивания информационной культуры педагога (риск-ориентированный подход) / А.Н. Калайдов, А.А. Рюкина // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2022. – №3. – С. 103–110.
3. Федюнина С.М. Управление рисками и коммуникативными практиками современности / С.М. Федюнина, А.В. Федорова // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. № 1. – С. 68-77.

*А.В. Кулебякина
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
kulebyakinaav668@mgpu.ru*

ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В сфере образования педагогический профессионализм играет решающую роль в формировании успешной образовательной среды. В этом контексте

вербальный интеллект педагога является ключевым элементом коммуникации и отражением его профессионализма. Тема нашего исследования – вербальные маркеры профессионализма педагога среднего профессионального образования. Целью нашего исследования является выявление вербальных маркеров и их описание. В нашей работе предполагается решить следующие задачи:

- Сформировать онтологические предпосылки – доказанные знания за пределами нашего исследования, на которые мы в дальнейшем будем опираться;
- Собрать корпус текстов, содержащих вербальные маркеры;
- Выработать методику анализа вербальных маркеров;
- Провести анализ и описание вербальных маркеров;
- Сформулировать рекомендации для педагогов относительно образовательного процесса.

В нашем исследовании мы опираемся на теорию личности А.Н. Леонтьева, которая позволяет нам сформулировать следующие положения. Концепция личности через призму деятельности, предложенная А.Н. Леонтьевым, является важным аспектом понимания внутренней структуры и развития человека. Согласно этой концепции, личность формируется и проявляет себя в процессе активной деятельности, в которой индивид взаимодействует с окружающей средой. Личность есть особое качество, которое природный индивид приобретает в системе общественных отношений [5, с.7]. Леонтьев писал, что «исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию» [Там же, с. 83]. Деятельность здесь рассматривается не только как внешнее поведение, но и как внутренний процесс, объединяющий цели, средства и смыслы. Каждый тип деятельности имеет свои особенности и влияет на формирование личности по-разному. При этом Леонтьев упоминает, что деятельность каждого отдельного человека зависит при этом от его места в обществе, от условий, выпадающих на его долю, от того, как она складывается в неповторимых индивидуальных обстоятельствах [Там же, с. 37]. Иными словами, в разнообразных видах деятельности человек вступает в разнообразные социальные отношения с другими людьми, именно в совместной деятельности формируется личность и именно такие социальные отношения обслуживаются языком, являются демиургом языка. Говоря о связи языка и личности, сформируем ещё одно положение, на которое мы будем опираться в нашем исследовании. Вся совместная деятельность погружена в речь, и в этой деятельности формируется языковая личность.

По Ю.Н. Караулову, языковая личность определяется как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, <...>, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств.» [2, с. 38]. Языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения

действительности и в) определенной целевой направленности [Там же, с. 245]. Понятие «языковая личность» является интегральным, объединяющим различные аспекты языка и личности. Ю.Н. Караулов, изучая языковые аспекты личности, подчеркивает, что язык - не просто инструмент общения, но и зеркало мышления и личностных черт человека. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще [Там же, с. 38]. Концепция Ю.Н. Караулова учитывает влияние социокультурного контекста на формирование языковой личности. Социальные и культурные факторы оказывают влияние на способы использования языка, создание уникальных языковых моделей и формирование образа мира.

Термин образ мира мы трактуем согласно определению А.Н. Леонтьева: «... в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире [6, с. 258]. Многомерность образа мира во многом определяется и самой деятельностью, когда мир воспринимается через призму профессии.

Основой предлагаемой Е.А. Климовым многоплановой структуры образа мира профессионала является предположение о том, что специфика профессиональной деятельности детерминирует и некоторую специфику образа мира, а профессиональная деятельность – это один из факторов типизации индивидуальных образов мира. Это в свою очередь определяет личность языковую и оказывает определённое влияние на языковое сознание. «Эта закономерность (зависимость устройства мира, в котором живет „вот этот“ человек, от усвоенных слов и связанных с ними идей) распространяется не только на „окружающую среду“ (предметную и общественную), но и на собственное тело человека» [3, с. 26-27].

Вербальные маркеры профессионализма педагога невозможно исследовать в отрыве от погружения в термин профессионализма. С точки зрения Е.А. Климова, профессионализм рассматривается «...как определенная системная организация сознания, психики человека», структура которой включает компоненты, обеспечивающие изучение «...человека как целого (личности, субъекта деятельности)»: его образ мира, направленность и творчество, его праксис и гнозис, его информированность о профессии, знания, опыт и культуру профессионала; его психодинамику и эмоционально-волевую регуляцию в осложненных профессиональных ситуациях [4, с. 378]. Таким образом, в нашем исследовании мы опираемся на концепции А.Н. Леонтьева, Ю.Н. Караулова, Е.А. Климова в парадигме деятельностного подхода. Касаемо определения вербальных маркеров, мы используем трактовку Ю.А. Горностаевой, которая определяет данное языковое явление как «вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, неподдающегося параметризации явления.

При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление» [1, с. 94].

В контексте исследования вербальных маркеров профессионализма личности педагога, изложенные концепции позволят нам рассмотреть субъекта не только как просто исполнителя своей профессиональной роли, но и как активного участника образовательного процесса, социальных отношений, формирующего собственную личностную структуру через совместную деятельность. Профессиональный педагогический диалог, обогащенный разнообразным профессиональным языковым инструментарием, способствует эффективному образовательному процессу.

Список литературы

1. Горностаева Ю.А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса / Ю. А. Горностаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018 а. – № 8 (86). – Ч. 1. С. 91-94.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: уч. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1995. 222 с.
4. Климов Е.А. Психология профессионала. - М.-Воронеж, 1996. 400 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения, М.: Педагогика, 1983, с. 251-261.

*М.А Левицкова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
levitskova@gmail.com*

СИМУЛЯКРЫ И ГИБРИДНАЯ ВОЙНА

Современный человек приспосабливается жить в мире симулякров раньше, чем он знакомится с теми же самыми процессами в реальности.

В данной работе речь идет о собственно симулякрах, т.е. симулякрах третьего порядка (по Жану Бодрийяру), а также о дополнительно выделяемых симулякрах четвертого порядка.

В симулякрах третьего порядка «смысл имеет только соотнесенность с моделью» [3, с. 124]. «Это не просто копии, для которых нет оригинала, это копии, само существование которых характеризуется утратой реальности» [5].

Военные конфликты все в большей степени становятся гибридными, с возрастающим компонентом информационной войны. В условиях глобального мира новостная лента – это непрерывный поток информации. Наличие войны в информационном поле, не уменьшает, а напротив увеличивает реакцию на войну, когда она становится реальностью.

С одной стороны «в информационной войне будущего не будут иметь значение реальные события и факты, а только созданные, тиражированные, интерпретированные для целевой аудитории с учётом их потребностей, интересов, зависимостей, в строго ограниченных шаблонах изложения для лёгкого восприятия и принятия на веру» [6].

Но когда военные действия прорываются с непосредственную реальность человека, то это потенциально может сопровождаться такими явлениями как когнитивный диссонанс, крушение картины мира, дереализация, культурный шок, посттравматическое стрессовое расстройство.

И обнаружение реальности войны, которая прежде казалась обезвреженной телевизионным экраном, даже если ситуация вокруг нее нагнеталась и были и предыстория и сопутствующие события, продуцировавшие страх.

Так как зона поражения войны, даже если она воспринимается в большей части опосредовано, и здесь можно выделить различное восприятие: когда война как будто происходит здесь по эту же сторону телевизионного экрана, и война, которая воспринимаются находящейся за некоторой экранной завесой (часто сопровождающейся и культурной завесой).

Если война становится в первую очередь внутренним конфликтом из-за того, что какие-то ценности мирного времени отменимы. И обнаруживается, что общность сознания меньше, чем казалось, что входит в некоторую базовую опцию по умолчанию.

Симулякры хотя и не воспринимаются реальными, но занимают огромную часть сознания. В большинстве случаев они потребляются на ежедневной, практически ежечасной, основе.

Обнаруживается бесчисленное число фактов и обстоятельств, каждая репрезентация которых для субъекта становится вторичной (третичной и множественной), которые он узнает все равно так же опосредованно, через телевидение, интернет и мессенджеры, и большинство из которых уже проинтерпретированы множеством способов. По сути, внутри субъекта, они просто компилируются. А тем более в ситуации, когда ты сталкиваешься в реальности, с какими-то событиями раньше, чем в новостях. И новости становятся повторной репрезентацией реальности.

На протяжении как минимум последнего столетия человек привыкает ко многим процессам происходящим в мире как к симуляции. Он поглощает потоки образов. Он условно воспринимает приблизительное местонахождение разных субреальностей (своей частной жизни, работы, телевизионной реальности, какой-то обитаемой им части интернет-пространства, информационных сетей, каналов в мессенджерах).

Тут можно рассмотреть такой критерий, как доля, с которыми распределяется внутри обыденного дня человека информация глобальная (внешняя, массовая) – собственно информация, и информация частная, личная, естественная (часто включенная внутрь отношений).

Существование реальности в виде симулякров дает сверхвозможности для манипулирования реципиентом высказывания.

Согласно Жану Бодрийяру *«И так же, как и все, что преобразуется в психическое, становится предметом бесконечных спекуляций, так все, что преобразуется в информацию, становится предметом спекуляций, которым нет конца, и приводит к полной неопределенности. На наших телеэкранах нам остается лишь симптоматическое чтение эффектов войны, либо эффектов дискурса о войне, или полностью спекулятивных стратегических оценок»* [2, с. 37]. И человек согласно Ж. Бодрийяру в указанном процессе *«выступаем в качестве меновой стоимости»* [2, с.16].

Важным фактором является и то, что *«в информационной войне стирается классическая оппозиция рациональности и иррациональности, где возможно разделение на реальное и мнимое»* [4].

Представление о мире не соотносится с реальностью. Медиаграмотность и критическое мышление даже если помогают видеть признаки пропаганды или фальсификации информации, но бесконечное множество симулякров подрывают доверие к любой информации, другое отрицательное последствие – апатия, индифферентность.

Процесс верификации информации, с учетом непрерывного информационного потока, в реальности для обычного человека (не сделавшего для себя это профессией или миссией) практически недоступен, и в большинстве случаев сводится к работе с информацией, без доступа к фактам реальности, и субъективного сформированного уровня доверия к имеющимся источникам информации. Каждому из которых можно сопоставить набор симулякров. Симулякры прекрасно можно сотворить из чего угодно, в том числе сделать копию человеческих ценностей, или сами ценности выдавать за копии.

Постоянное сосуществование прямо противоположной информации, каждая из которых, не только конфликтует с собой, но в порядке уведомления проговаривает за человека, какие именно ценности он предает, принимая противоположную сторону относительно транслируемой данного информационного агента, нейтральная сторона также критикуется.

При этом риторика большинства СМИ (как провластных так и оппозиционных) транслируют крайнюю степень директивности. Все это способствует как условной адаптации (в том числе через искажение личности), так и дезадаптации человека (отгороженности от социума).

При этом человек, продолжающий жить в пространстве симулякров, сейчас столкнулся с тем, что вынужден переживать разрушение симулякра (что сопровождается дезориентацией). Человек понимает мнимость симулякров, но

были ли они частью интерьера или они были частью структуры, каркаса мира человека.

То есть у телевизионного дискурса – на земле, в реальности, обнаруживается его двойник. То есть у копии (симулякра) есть оригинал, исходник, и обнаружение оригинала разрушает симулякры.

При этом длительное взаимодействие с эфемерными симулякрами потенциально приводит к неблагоприятным последствиям в виде снижения реакции на реальные угрозы.

При этом недостатком критического мышления является то, что оно работает на субстрате самой информации, то есть в большинстве случаев должно оперировать с несколькими источниками информации, не имея непосредственного доступа к этим событиям в реальности.

Симулякр не предполагает многомерности реальности, и реальность прорывается через него. Симулякры усваиваются некритично, базируются на структурах сознания задействованных в мифе. Они производятся в форсированном режиме: копирование и компилирование чего-то – преподносится за норму мышления, в прикладных сферах буквально еще на фазе обучения преподносится как образец.

Человек привык жить среди симулякров, они уже давно стали его средой обитания, ареалом. И он как минимум на периферии сознания сознает весь этот подлог реальности, но подлог этот культурно обусловлен, человек просто выбирает что-то из заранее выдаваемого набора.

Но война/военные действия своим приходом обнаруживают реальность, обнаруживают несоотнесенность ни с чем. Она – голый факт, с социальными и экономическими последствиями. Но как мировоззренческий кризис – острая фаза оказалась всячески сглажена обыденностью, и для последствий столько есть заранее готовых причин к чему их можно присоединить, чему их можно приписать.

Но скорее всего это лишь кратковременное обнаружение реальности, которое будет освоено действующей системой, и где-то при помощи политических технологий из этого уже создается новый симулякр.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: Рипол-классик, 2016. – 224 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011 – 392 с.
4. Безлепкин Н.И. Симулякры информационной войны и защита общества от их деструктивного воздействия.
5. Панкратова А.В. Симулякр четвертого порядка как итог процесса симуляции.

6. Пичугин В.Г., Годунова Л.А. Концепция информационной войны будущего.

В.А. Михеев
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
vyacheslav.mikheev@gmail.com

КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Руководитель педагогического коллектива – это важнейшая фигура в образовательном учреждении, чья речь не только информирует и координирует работу сотрудников, но и вдохновляет, мотивирует и направляет их на достижение общих целей. Профессиональные навыки и качества руководителя проявляются через *речевую коммуникацию*, которая в свою очередь выступает как *речевой портрет*, отражающий индивидуальность и стиль определенного человека.

Речевой портрет – это «зеркало» личности, которое отражает через свою речь индивидуальные черты, привычки, уровень воспитания, нравственности и морали, мировоззрение, сформированные под воздействием социокультурной среды, в которой родился, вырос и развивается человек [2, с. 100].

С помощью *речи и стиля общения* руководитель формирует свой образ в глазах участников образовательного процесса – обучающихся, педагогического коллектива, родителей и руководства образовательной организации.

А.П. Чехов писал, что «...для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считать таким же неприличием, как не уметь читать и писать ...все лучшие государственные люди ..., лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами красноречия» был усыпан путь ко всякой карьере» [3].

Речевой портрет руководителя педагогического коллектива представляет собой сложное и многогранное явление, которое объединяет в себе профессиональные и бытовые, константные и изменчивые характеристики. Он является основным инструментом коммуникации в процессе управления коллективом и оказывает значительное влияние на его эффективность и успех.

Константность речевого портрета руководителя педагогического коллектива является одним из основополагающих факторов успешного руководства и эффективной коммуникации в образовательной сфере. Речевой портрет руководителя представляет собой особый стиль коммуникации, который характеризуется постоянством и последовательностью, устойчивостью в использовании определенного лексического и грамматического арсенала. Кроме того, предъявляет требования к культуре речи, стилю общения и способности правильно интерпретировать и понимать слова и высказывания других людей.

К константности можно отнести речевой этикет. *Речевой этикет* – это система правил речевого поведения и устойчивых формул вежливого общения. Владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение [1, с. 4].

Постоянство речевого портрета руководителя обеспечивает единство коммуникации внутри педагогического коллектива и способствует формированию благоприятного профессионального климата. Руководитель, выступая с ясными и конкретными речевыми выражениями, создает у подчиненных четкую модель коммуникации и оказывает положительное воздействие на общую эффективность деятельности коллектива.

Одним из основных аспектов речевого портрета руководителя является умение быть понятным и доступным для всех членов организации. Разнообразие профессиональных задач и обязанностей педагогического коллектива требует от руководителя использования разнообразных коммуникативных стратегий, чтобы общение было понятным и эффективным для всех коллег.

Речевой портрет руководителя должен быть соответствующим контексту и задачам, которые перед ним ставятся. В разных ситуациях, таких как совещания или беседы с родителями, руководитель должен уметь адаптировать свою речь, чтобы быть максимально эффективным и убедительным.

Наряду с константностью в речевом портрете руководителя педагогического коллектива присутствует такая характеристика как изменчивость. Эту особенность логично рассматривать с точки зрения лидерства.

Лидерство – это не просто качество, а искусство, требующее глубоких познаний, многогранного подхода и умения адаптироваться к разнообразным условиям. Таким образом, изменчивость речевого портрета руководителя педагогического коллектива – это способность адаптировать свою речь к различным ситуациям и обстоятельствам, учитывая потребности и особенности своего коллектива и других участников образовательного процесса.

Во-первых, изменчивость речевого портрета позволяет руководителю адаптироваться к индивидуальным особенностям каждого педагога в коллективе. Умение подбирать подходящие слова и тон особенно важно при обратной связи, мотивации и поддержке педагогического персонала. Такие моменты, как личные достижения, трудности, индивидуальные потребности и цели, требуют неповторимого речевого воздействия, для каждого конкретного педагога.

Во-вторых, изменчивость речевого портрета помогает руководителю адекватно реагировать на ситуации и эмоциональные состояния членов коллектива. Успешное лидерство подразумевает умение разрешать конфликты, демонстрировать *эмпатию* и устанавливать партнерские отношения. В этом контексте изменение тона, темпа, выбор слов помогает создать атмосферу доверия и понимания, способствующую конструктивному диалогу и решению проблем.

В-третьих, изменчивость речевого портрета помогает руководителю эффективно коммуницировать с различными аудиториями. Педагогический коллектив – это насыщенная социальная группа, в которой каждый педагог имеет

свою уникальную роль и функцию. В связи с этим, руководитель должен уметь адаптировать свой стиль речи под каждого педагога, учитывая его профессиональные интенции и потребности.

Исследование речевого портрета руководителя педагогического коллектива играет важную роль в определении эффективности коммуникации и взаимодействия внутри коллектива.

Константность речевого портрета руководителя играет определяющую роль в формировании эффективного образовательного процесса. Умение ясно и последовательно выражать свои мысли и идеи, адаптировать свою речь к различным ситуациям и быть доступным для всех участников коллектива помогает достичь лучших результатов и создать благоприятный климат в образовательном учреждении.

Изменчивость речевого портрета руководителя является неотъемлемой составляющей успешного лидерства. Подбирая правильные слова и приемы общения, руководитель устанавливает эффективную коммуникацию, способствующую повышению профессиональной мотивации и развитию коллективного духа. Такой лидер не просто мотивирует, но и вдохновляет своих педагогических подопечных на большие свершения, делая их работу настоящим призванием.

Таким образом, анализируя как константные, так и изменчивые черты речевого портрета, можно определить эффективность коммуникационных стратегий руководителя и улучшить профессиональный климат в образовательной организации, сотрудничество и взаимопонимание в коллективе.

Список литературы

1. Инютина Т.С. Речевая культура педагогов-руководителей учреждений начального и среднего профессионального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013
2. Михеев В.А. Речевые портреты в реальном и виртуальном общении // Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: Материалы международной научно-практической конференции. 2022
3. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. -14-е изд.: Флинта: Наука, 2008. – 315 с.

*В.А. Молчанова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
v.a.rybina@yandex.ru*

КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Педагогический коллектив во главе с руководителем являются неотъемлемым элементом жизнедеятельности различных структур образовательной среды, начиная с общеобразовательных учреждений и заканчивая частными учебными организациями. Ввиду своей массовости, широкой распространённости, а также оказания непосредственного влияния на обеспечение эффективного функционирования образовательной системы, в особенности слаженной работы педагогического коллектива, такая профессия как директор и завуч (заведующий учебной частью) учебной и воспитательной организации представляет собой особый интерес для исследования. Несомненная важность этого рода деятельности обуславливает необходимость в составлении речевого портрета представителей данной профессии.

Несмотря на то, что изучение речевого портрета началось сравнительно недавно, данный феномен привлекает к себе все больше и больше внимания. Основоположником и родоначальником понятия «речевой портрет» является М.В. Панов, первым предпринявший попытки создания фонетических портретов на основе речи известных исторических личностей [2]. Далее его идеи были подхвачены и развиты такими не менее известными лингвистами, как Е.Д. Поливанов, Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Т.И. Ерофеева, В.Д. Черняк, К.Ф. Седов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Т.М. Николаева, С.В. Леорда. Изучение речевого портрета не утихает и по сей день и находит свое отражение в современных диссертационных исследованиях таких авторов, как Ц. Чжиянь, И.М. Нурбагамаева, Д.С. Гордашникова, Д.В. Павлов, О.Н. Варламова и др., которые придают данному явлению новые формы и прочтения.

Стоит отметить и тот факт, что по мере исследования феномена «речевой портрет» менялись варианты подходов к его рассмотрению. Так, лингвистами Е.Д. Поливановым [3, с. 231] и Е.А. Ярмаховой [4, с. 44] обсуждались разграничения понятия «речевой портрет» на коллективный (черты, присущие всем представителям конкретной социальной группы, возрастной группы, профессии и др.) и индивидуальный (черты, присущие только каждому конкретному индивиду, уникальный набор качеств, как языковых, так и психологических, поведенческих и др.).

Кроме того, необходимо учитывать и то, что коллективные черты, характеризующие руководителей педагогических коллективов, как и социально-профессиональные характеристики, имеют тенденцию к изменению с течением времени, приобретению новых аспектов, то есть не являются по своей сути статичными, не говоря уже об индивидуальных чертах, наличие которых довольно сложно прогнозировать, что несомненно необходимо учитывать при составлении речевого портрета представителей данной области деятельности.

Принимая во внимание тот факт, что каждый руководитель педагогического коллектива в свою очередь является личностью с присущими только ей уникальными чертами и характеристиками, как языковыми, так и поведенческими, но также и с набором определенных характеристик, объединяющих его/ее с другими представителями той же области деятельности,

по нашим предположениям, модель построения речевого портрета должна несомненно учитывать как коллективные, так и индивидуальные черты, а также должна быть рассмотрена с учетом своей изменчивости. По нашему мнению, один из возможных способов описания речевого портрета может быть основан на предложенной ранее Ю.Н. Карауловым модели описания языковой личности, которая предполагает рассмотрение следующих уровней, а именно: 1) нулевой – структурно-семантический (показывает уровень владения языком в целом); 2) первый – когнитивный (актуализация имеющихся знаний и суждений языковой личности, составляющих когнитивное пространство языкового сознания); 3) высший – прагматический (описание целей, задач и мотивов, способствующих формированию языковой личности) [1, с. 3-10].

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю.Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. – Москва, 1989. – С. 3–10.
2. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов // Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
3. Поливанов Е.Д. Фонетика интеллигентского языка / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
4. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 191 с.

*А.Р. Раджабова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
Lisyabrik@mail.ru*

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ В МЕЖГРУППОВОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

В современном обществе вопрос гендерного фактора в коммуникации с разных сторон рассматривали ряд авторов: Белая Н. В., Коноваленко И. В., Максимова О. Б., Маслюк Н. В., Остапенко А. Б., Авдулова Т. П., Гаранович М. В., Горшко Е. И., Ефремов В. А., Кошенова М. И. и др.

Проведенные ранее исследования с различных точек зрения помогают более глубоко понять суть проблемы, поскольку вопросы гендерных коммуникативных взаимодействий можно рассматривать под разными углами: исторический, социологический, социально-психологический и пр. Однако в настоящее время

абсолютно недостаточно изучена проблема гендерной коммуникация в студенческой среде. У современных студентов выражена негативная коммуникативная установка в общении. Статистически подтверждается связь между гендером и наличием завуалированной жестокости как компонента негативной коммуникативной установки в процессе коммуникативного взаимодействия.

Цель – исследование особенности гендерных различий в выборе речевой стратегии в межгрупповой коммуникации студентов.

Задачи – на основе исследования создать рекомендации на основе социальных и культурных аспектов для помощи в речевом взаимодействии юношей и девушек в студенческой среде. Создание системы заданий, направленной на преодоление социокультурных трудностей диалогического общения с представителями противоположного пола.

Где проводить исследование – Педагогический колледж.

Возможный результат – Развитие у молодёжи необходимых коммуникативных качеств.

Какие методики диагностические будем принимать – эмпирическое исследование, диагностика.

Коммуникационный процесс — это процесс обмена информацией между двумя или более людьми. Его цель – обеспечить передачу и понимание информации, являющейся предметом обмена. Если взаимное понимание не достигается, то коммуникация не состоялась, из чего следует, что обе стороны играют в ней активную роль.

Процесс коммуникации возможно осуществлять при наличии следующих основных элементов: отправитель, сообщение, канал связи, получатель.

Функции теории коммуникации.

Познавательная функция, выполнение которой, во-первых, предполагает описание изучаемого объекта (явления), накопление полученного исследовательского материала и его систематизацию, во-вторых, познавательная функция теории коммуникации направлена на разработку основных концептуальных парадигм, объясняющих механизмы коммуникации, информационного обмена, взаимодействия.

Методологическая функция теории коммуникации состоит, во-первых, в том, чтобы разработать эффективный способ научного познания коммуникативной реальности. Во-вторых, эта функция состоит в выработке исходных принципов познания для всего комплекса коммуникативных исследований в рамках наук коммуникативного цикла.

Прогностическая функция — она предполагает, во-первых, определение ближайших и отдаленных перспектив развития социальной коммуникации; во-вторых, заблаговременное проведение научных экспертиз разрабатываемых и вводимых технических систем коммуникации с точки зрения ожидаемого от них эффекта;

Практическая (инструментальная) функция теории коммуникации позволяет решить такие важные проблемы, как оптимизация процесса коммуникации, выработка рекомендаций для достижения стратегии эффективной коммуникации, учет объективных и субъективных факторов коммуникационного процесса.

Метод сравнения представляет собой познавательную операцию, основанную на суждениях о сходстве -или различии объектов. С помощью сравнения выявляются их качественные и количественные характеристики. Главное условие использования данного метода состоит в наличии общего основания (признака), по которому сравниваются изучаемые объекты.

Одним из широко используемых в социогуманитарном знании методов сравнения является **сравнительно-исторический**. С его помощью познаются различные ступени развития одного и того же явления или сосуществующих явлений, имеющих некое общее основание.

Социологический метод представляет собой совокупность приемов конкретных социологических исследований, направленных на сбор и анализ эмпирических данных, отражающих реальное состояние коммуникативных процессов в обществе.

Контент-анализ обращён к содержательной стороне информации. Это экспериментальный метод, в первую очередь рассчитанный на изучение деятельности средств массовой информации путем систематической числовой обработки, оценки и интерпретации формы и содержания сообщения информационного источника.

Интент-анализ – метод, с помощью которого изучается проблема целенаправленности вербальной коммуникации. Интент-анализ разрабатывается главным образом в рамках психологической науки и исходит из того, что человеческая речь представляет произвольное (т.е. преднамеренное) действие. **Метод наблюдения** применяется при сборе предварительного материала исследования и контроле полученных эмпирических данных.

Функции теории коммуникации.

Познавательная функция, выполнение которой, во-первых, предполагает описание изучаемого объекта (явления), накопление полученного исследовательского материала и его систематизацию, во-вторых, познавательная функция теории коммуникации направлена на разработку основных концептуальных парадигм, объясняющих механизмы коммуникации, информационного обмена, взаимодействия.

Методологическая функция теории коммуникации состоит, во-первых, в том, чтобы разработать эффективный способ научного познания коммуникативной реальности. Во-вторых, эта функция состоит в выработке исходных принципов познания для всего комплекса коммуникативных исследований в рамках наук коммуникативного цикла.

Прогностическая функция — она предполагает, во-первых, определение ближайших и отдаленных перспектив развития социальной коммуникации; во -

вторых, заблаговременное проведение научных экспертиз разрабатываемых и вводимых технических систем коммуникации с точки зрения ожидаемого от них эффекта;

Практическая (инструментальная) функция теории коммуникации позволяет решить такие важные проблемы, как оптимизация процесса коммуникации, выработка рекомендаций для достижения стратегии эффективной коммуникации, учет объективных и субъективных факторов коммуникационного процесса.

Среди людей, с которыми общаются девушки и молодые люди, в большинстве своем равное количество людей обоих полов. На втором месте по предпочтительности коммуникации оказываются люди своего пола. Рассмотрим также вопрос стереотипизации поведения молодых людей и девушек в современном обществе. По мнению современного студенчества, несмотря на изменение роли девушки в обществе, в неформальной обстановке девушки и юноши имеют свой стиль общения, присущий каждому гендеру. И всего лишь 2% молодых людей считают, что нет разницы в юношеском и женском общении, среди девушек респондентов с таким мнением не оказалось.

Далее логично посмотреть на сложившиеся стереотипы в отношении поведения юношей и девушек в формальной обстановке. Интересен тот факт, что не зависимо от увеличения количества девушек, занимающих руководящие позиции, где общение происходит в жестких рамках деловых коммуникаций, большинство молодых людей и девушек полагают, что разница в деловом общении юношей и девушек скорее присутствует, и лишь менее 10 % молодых людей и девушек полагают, что разницы в деловом общении не существует, поскольку есть нормированный для таких случаев язык, набор выражений, которым стандартно пользуются как юноши, так и девушки. Такое процентное соотношение мнений может свидетельствовать о наличии стереотипа маскулинности и феминности в сознании современного студенчества.

В коммуникативном поведении молодежи большую роль играют стратегии психологической защиты, которые они используют. Если рассмотреть стратегии, которые выбирают девушки и молодые люди, мы увидим интересную тенденцию. Хотя в выборе стратегии агрессии типичное лидерство принадлежит мужчинам, а в выборе стратегии миролюбие – девушкам, заметна тенденция того, что многие юноши часто прибегают к стратегии избегания, что говорит о наличии у них склонности проявлять феминные черты.

Также заслуживают внимания данные, полученные при анализе различий в степени негативной установки в общении юношей и девушек, обучающихся в педагогических колледжах. Полученные данные показывают, что у современных студентов выражена негативная коммуникативная установка в общении. В данном случае статистически подтверждается связь между гендером и наличием завуалированной жестокости как компонента негативной коммуникативной установки в процессе коммуникативного взаимодействия. На основании эмпирических данных можно увидеть, что юноши больше склонны обладать

завуалированной жестокостью, а девушки – гораздо меньше, поскольку чаще выбирают стратегию миролюбия и ведут себя соответственно, не нарушая свой внутренний баланс. В этом смысле юноши чаще выбирают стратегию агрессии, что может сказываться и на показателях завуалированной жестокости, что говорит о необходимости проведения различных мероприятий, семинаров, практических тренингов для развития у молодежи необходимых коммуникативных качеств.

Список литературы

1. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй Международной конференции. М.: МГЛУ, 2002. – С. 57–65.
2. Ефремов В.А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира / В. А. Ефремов. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 184 с.
3. Коноваленко И.В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Коноваленко. – Омск, 2003. – 136 с.
4. Кошенова М.И. Влияние гендерных стереотипов на качество межличностного общения // Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клещиной. – СПб: Питер, 2003. – 479 с.

Е.Г. Рузнев
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
jeck7@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ДИЛЕТАНТИЗМА И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА

В процессе профессиональной деятельности педагоги используют различные вербальные маркеры, которые имеют значительное влияние на образовательный процесс. Эти маркеры играют важную роль в обеспечении эффективной коммуникации с учащимися и помогают достичь поставленных целей обучения.

Один из основных вербальных маркеров педагога – это язык, «система фонетических, лексических и грамматических средств, являющаяся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащая важнейшим средством общения людей [1, с. 5].

Четкое и ясное выражение мыслей, использование профессионального терминологического аппарата помогает учащимся лучше понять материал и не допускать недоразумений. Педагоги также могут использовать специальные методики, например, схемы, таблицы или графики, чтобы наглядно представить информацию и улучшить усвоение учебного материала.

Помимо языка, педагоги часто используют различные вопросы для активного вовлечения учащихся в образовательный процесс. Открытые вопросы, требующие развернутого ответа, помогают стимулировать мышление и аналитические способности учащихся. Закрытые вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет», эффективно используются для проверки понимания материала и усиления внимания.

Педагоги также активно применяют положительное подкрепление в своей работе. Утвердительные высказывания и похвалы помогают построить доверительные отношения между педагогом и учащимися, создают положительный эмоциональный фон и мотивацию для дальнейших достижений. Сочувствие и поддержка также являются важными вербальными маркерами педагога, особенно в случае возникновения трудностей или неудач.

Не менее важными являются и вербальные маркеры, связанные с некоторыми эмоциональными состояниями. Педагоги могут использовать эмоциональные выражения, такие как радость, удивление или одобрение, чтобы проявить интерес или эмоциональное отношение к учебному материалу или достижениям учащихся. Это помогает создать позитивную обстановку в классе и повышает мотивацию к изучению.

Вербальные маркеры педагога играют решающую роль в образовательном процессе, эффективно воздействуя на учащихся и создавая продуктивную атмосферу в классе. Четкое и ясное выражение мыслей, использование различных вопросов, положительное подкрепление, эмоциональные выражения – все это помогает педагогам быть успешными в их профессиональной деятельности и создавать благоприятные условия для обучения и развития учащихся.

В педагогическом процессе наблюдается неизбежное присутствие вербальных маркеров дилетантизма и профессионализма, которые играют важную роль в оценке работы педагога и качестве его преподавания.

Один из вербальных маркеров профессионализма педагога – четкость и ясность речи. Профессионалы умеют ясно и последовательно излагать материал, использовать специфическую терминологию в нужном контексте, точно передавать свои мысли и знания ученикам. Благодаря этому, они создают ощущение эксперта в своей области, способного донести необходимую информацию без потери смысла.

Другим маркером профессионализма является грамотность и правильное использование языка. Профессиональные педагоги обладают хорошим языковым багажом, что позволяет им выразительно и точно передавать информацию. Они не допускают грубых или некорректных формулировок, а также стараются избегать поверхностного использования языка. Умение языкового анализа, правильная грамматика и синтаксис важны для достоверной и точной передачи знаний.

С другой стороны, дилетанты часто проявляют вербальные маркеры своего неопытного подхода в работе. Один из таких маркеров – неясное и запутанное изложение материала. Дилетанты могут использовать многословие, отвлекаться

на побочные темы или непонятно объяснять основные понятия. Это создает путаницу у учеников и затрудняет их понимание предмета.

Другим маркером дилетантизма педагога является низкая языковая грамотность. Неправильное использование языка, грубые или некорректные формулировки создают впечатление некомпетентности у преподавателя. Ошибки в грамматике или неправильная лексика могут привести к неправильному пониманию или переводу информации студентами.

Вербальные маркеры дилетантизма и профессионализма педагога играют важную роль в оценке качества образовательного процесса. Ясность и грамотность речи являются характерными признаками опытных и квалифицированных педагогов, которые способны точно и эффективно донести знания до студентов.

Список литературы

1. Исламова Э.А., Болгарова Р.М. Введение в языкознание: учебное пособие. – Казань, 2016. – 81 с.

А.С. Худоян

*Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна
(Армения, Ереван)*

khudoyanani24@aspu.am

ВЛИЯНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГА НА МОТИВАЦИОННУЮ СФЕРУ УЧЕНИКОВ

Введение. В современном мире учебная мотивация учащихся постепенно снижается, наличие телефонов и компьютеров часто становится причиной отсутствия желания освоить что-либо самостоятельно, снижается интерес учащихся к учебному материалу. Важную роль в процессе решения этой проблемы может сыграть учитель, чьи личностные профессиональные качества имеют важное значение для учебной мотивации учащихся. П. М. Якобсон выделяет несколько видов учебной мотивации. Первый вид отрицательная мотивация: когда ученик учится не потому, что хочет, а потому, что должен. В случае положительной мотивации выделяются два важных фактора: в одном случае социальные устремления человека, в другом -личные, в обоих случаях есть внутреннее желание учиться. П. М. Якобсон также выделяет познавательные и социальные виды учебной мотивации. Познавательная зависит от содержания учебной деятельности, социальная связана с социальным взаимодействием с другими людьми [3].

А.К. Маркова отмечает, что правильный подход учителя, учет типа учебной мотивации ученика, может оказать важное влияние на повышение или снижение той же мотивации. Автором придаётся большое значение форме подачи и правильного выбора учебного материала, правильному сочетанию методов

поощрения и наказания и т.д. [2]. В этом плане важную роль может сыграть вербальный интеллект учителя. Вербальный интеллект позволяет человеку анализировать, систематизировать информацию с помощью речевых сигналов. По словам Г. Гарднера, именно благодаря вербальному интеллекту человек может хорошо запоминать письменную и устную речь, говорить убедительно, объяснять доступно, использовать юмор как составную часть речи, проводить сложные анализы на речевом уровне, уметь правильно воспринимать речь другого человека и воспроизводить ее в том же значении, понимать речь другого человека даже в том случае, когда он говорит запутанно, вызывать интерес и т.д. [4]. По словам Т. Армстронга, вербальный интеллект-одна из важнейших черт личности, поскольку он помогает свободно и непринужденно общаться. По мнению автора, существует заблуждение, что вербальный интеллект хорошо развит у людей, умеющих хорошо говорить, а на самом деле умение слушать – одна из важных составляющих вербального интеллекта. Вербальный интеллект может быть активным это способность человека строить устную и письменную речь и пассивным – способность понимать речь других людей [1]. Таким образом, очевидно, что большое влияние на формирование учебной мотивации учеников может иметь вербальный интеллект педагога.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что существует определенная связь между вербальным интеллектом учителя и учебной мотивацией учеников. В исследовании приняли участие 9 учителей и 30 учеников 8 класса Ереванской основной школы № 153 имени Рафаэла Ишханяна.

Испытательные методики и методы. Тест множественного интеллекта Г. Гарднера, метод беседы и опроса.

Результаты. В результате применения теста множественного интеллекта Г. Гарднера, у 4 из 9 учителей был выявлен высокий уровень вербального интеллекта. На втором этапе исследования была изучена связь между учебной мотивацией учащихся и вербальным интеллектом учителя с помощью метода беседы. В результате студенты выделили ряд факторов, которые связаны с вербальным интеллектом учителя и могут влиять на их учебную мотивацию: способность учителя слушать, понимать речь ученика, способность дать ученику возможность говорить и учитывать его мнение, организовывать дискуссии, доступным образом объяснять учебный материал. На третьем этапе исследования с помощью метода опроса мы исследовали связь между учебной мотивацией учащихся и уровнем вербального интеллекта педагога. Согласно анализу результатов, учителя с высоким уровнем вербального и межличностного интеллекта имеют большое влияние на учебную мотивацию учащихся. Заключение. Вербальный интеллект учителя играет важную роль в процессе развития учебной мотивации ученика.

Список литературы

1. Армстронг Т. Ты можешь больше, чем ты думаешь, М.: изд. Манн, 2022., 214 с.
2. Бадмаев, Б.Ц. Психология в работе учителя: В 2 кн. – М.: изд. центр ВЛАДОС, 2000., 240 с.
3. Якобсон, П. М. Психология чувств и мотивации, М: изд. центр МОДЭК, 1998., 304 с.
4. Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences 3rd Edition ISBN-13: 978-0465024339

А.В. Шестакова
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Россия, Москва)
a.shes@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

Определение уровня сформированности речевой компетенции в рамках изучения русского языка как иностранного (РКИ) обусловлено не только требованиями современного российского общества, но и трудностями, с которыми сталкиваются иностранные граждане в процессе коммуникации. Теоретические положения Жинкина Н.И. о творческой природе устной речи и интонации как особенности, формирующейся в коммуникации, составили основу разрабатываемой нами проблемы.

Обращение к раннему исследованию ученого «Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии» [1] обусловлено тем, что практика проведения устной части экзамена РКИ в настоящее время показывает роль и значение интонации в процессе коммуникации. В связи с этим, анализ теоретических положений Жинкина Н.И. в рамках нашего исследования приобретает актуальное значение.

Исследования Жинкина Н.И. показали, что процесс речевой коммуникации обусловлен творческой природой речи. Внутренняя речь человека как элемент речевой коммуникации обладает иными свойствами чем звуковой язык, «как развернется речь, говорящий и сам не знает, это процесс творческий и требует предварительной творческой обработки». Проблеме смысла и интонационной интерпретации слова как средства передачи мысли уделено приоритетное значение «всякое слово, поступающее из языка в речь, приобретает богатое внутреннее разнообразие и вместе с тем нерасторжимое единство», «мысль, передаваемая в речи средствами языка, бесконечная, а языковые средства – конечны». Таким образом, автор приходит к выводу, что «речь-язык выполняет творческие функции» [3].

Характеризуя особенности устной речи, Жинкин Н.И. неоднократно подчеркивает, что «смысл выражается не только в лексических значениях и их сочетаниях, он воплощается также и в интонации» [Там же, с. 216]. Выделяя интонацию, возникающую в самом процессе коммуникации, «нельзя заранее предрешишь, какой будет интонация данного предложения... интонация, даже бесславная содержит смысл» [Там же, с. 216]. Новая ситуация, определяющая цель или задачу участника коммуникации (в нашем исследовании - выполнение экзаменационного задания) вводит его в определенное эмоциональное состояние, в котором интонация связывает текстовые компоненты (фонемы, лексемы) и обеспечивает не только отдельные смысловые связи, но и процесс разговорной коммуникации. Необходимо отметить, что у отдельных испытуемых эмоциональное разнообразие интонации стимулирует активность речевой деятельности при том, что их лексический потенциал различен. Эти положения имеют ключевое значение в нашем исследовании, раскрывая смыслообразующую и многообразную палитру интонации.

К важным выводам, на наш взгляд, необходимо отнести исследования Жинкина Н.И. по проблеме интонации в письменной речи. Характеризуя процесс чтения и письма, он неоднократно подчеркивал, что «интонационный компонент в обоих случаях выполняет важную роль. Читающий должен вычитать ту интонацию, которая вписана в текст» [3]. А это является сложной аналитико-синтетической работой.

Основная цель первого этапа исследования - психологический и лингвистический анализ устной речи иностранных граждан в процессе проведения экзамена по русскому языку как иностранному. Исследование проведено на базе МЦЯТиОПМ РУДН, были использованы отдельные методические и контрольно-измерительные материалы открытого банка заданий, разработанные ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений» устной части экзамена по русскому языку как иностранному. Для сбора речевых данных был использован метод включённого наблюдения в жанрах диалогической и монологической речи. Выборка составила 75 человек иностранных граждан в возрасте от 25 до 45 лет.

В рамках нашего исследования была выделена особенность использования речевой интонации в диалогической и монологической речи и ее зависимость от внешнего стимула (текстового или визуального). В частности, наблюдения показали, что интонация в большей степени используется в диалоге. В монологе, при описании изображения, использование и регуляция интонации зависит от сюжета описываемого изображения, предварительного ознакомления с темой монолога, сформированности уровня речевой компетенции. Был проведен анализ случаев самокоррекции при повторах отдельных элементов монолога, стратегии говорящего коммуникативной установке и роли интонации на дискурсивном уровне.

Необходимо отметить особенности, которые мы наблюдали при чтении задания монологической речи. 1. Испытуемые не понимали или с трудом

понимали значение отдельных слова текста если их графическое начертание не вызывало слуховых представлений. 2. Непонимание смысла отдельных слов задания приводило к непониманию смысла задания в целом или к искаженному пониманию. 3. При общем описании рисунка у большинства возникает проблема соотношения воспринимаемого (рисунок, картина, фотография) и умения высказать, описать увиденное словами в соответствии с предложенным заданием. Важно отметить, что применяема лексика варьировалась от скудной, однообразной до художественно выразительной. К аналогичным выводам пришел и Жинкин Н.И.

В стремлении активно участвовать в процессе речевой коммуникации с целью выполнения экзаменационного задания мы отмечаем, что большинство участников эксперимента постоянно используют интонацию в диалогической речи. Регуляция интонации в монологической речи сопряжена с определенными трудностями: психологическими, лингвистическими, социальными. Необходимо отметить, что при проведении диалога на проявление речевой интонации влияют следующие факторы: умение использовать высказывание, тип коммуникации, ситуация общения. Мы пришли к выводу, что осознание смысла высказывания участником диалога определяется его интеллектуальным и эмоциональным потенциалом, уровнем образования, общим социальным уровнем развития, степенью адаптации и интеграции в России (участники эксперимента – иностранные граждане). Результаты исследования подтверждают данный вывод: представители отдельных республик Средней Азии в большей степени имеют только начальное образование или не имеют образования, традиции национальных культур не позволяют большинству женщин вести социально-активный образ жизни в России; представители европейских стран и стран африканского континента (в эксперименте принимают участие представители Конго, Никарагуа), наоборот, имеют высшее образование или являются студентами российских вузов, быстро адаптируются к новым условиям, их устная речь насыщена интонационной палитрой и позволяет решить отдельные трудности коммуникации.

Список литературы

1. Жинкин Н.И. Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.00. - Москва, 1946. - 397 с.

2. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. (Избранные труды). Составление, научная редакция, текстологические примечания, биографический очерк С.И.Гиндина. - Издательства «Лабиринт», М.,1998. - 368 с.

3. Жинкин Н.И. Психолингвистика: избранные труды./ Составление и предисловие К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2009.- 288с.: ил. Серия ФЛ («Психолингвистика»).

4. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений»
<https://fipi.ru/inostr-exam>

Секция № 5 (ауд. 522)
НОМО POLITICUS КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

О.Ф. Ахметгареева
Российская таможенная академия
(Россия, Москва)
oksanafed1979@mail.ru

**РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА:
ВЗГЛЯД ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ**

Сегодня человечество вынуждено выживать и существовать в условиях высочайшей напряжённости, связанной с широким спектром социальных и экономических проблем, а также проблем, связанных с безопасностью жизни как отдельного индивида, так и отдельных государств. Согласно исследованию Университета Центрального Арканзаса и статистического портала Statista в настоящее время в мире насчитывается 61 продолжающийся конфликт [3]. Безусловно, противоречия, которые приводят к вооружённому противостоянию, не могут благотворно влиять на психологическое состояние человека и его жизнедеятельность. В современном мире, где процесс порождения и восприятия информации характеризуется беспрепятственностью, что делает обмен данными достаточно интенсивным, общество стало гораздо более информированным – как относительно мировых событий, так и касаясь происшествий в отдельных регионах. Соответственно, немаловажную роль играют особенности восприятия внешнеполитического образа разных стран, что формируется преимущественно под влиянием СМИ, владеющих и реализующих различные манипуляционные технологии с целью оказания воздействия на массового адресата. Таким образом, в обществе формируются образы и стереотипы как результат транслируемой информации, что позволяет говорить о том, что сформированное общественное мнение (в т.ч. взгляды, стереотипы, образы и т.д.) является продуктом целенаправленного идеологического и интеллектуального воздействия, реализуемого через многочисленные коммуникационные каналы. В трудах многих авторитетных специалистов (И.М. Попова, Г.Г. Почепцова, М.М. Хамзатова и др.) рассматриваются способы и методы информационного воздействия, отмечая особую роль СМИ [2]. Мы обратились к изучению некоторых особенностей освещения Российско-Украинского конфликта, что позволило нам сделать вывод о том, что во многих случаях, за редким исключением, грузинские СМИ транслируют сведения, касательно данного конфликта сообщениями, не дающими полной и достоверной информации.

Например:

რუსი ოკუპანტების მიერ ზაპოროჟიეს ოლქზე სარაკეტო დარტყმის შედეგად ორი უკრაინელი მაშველი დაიღუპა. – Двое украинских спасателей погибли в результате ракетного удара российских оккупантов по Запорожской области (здесь и далее перевод наш – О.А.) [4].

В данном сообщении автор текста противопоставляет существительные «спасатель» и «оккупант» друг другу. Безусловно, спасатель ассоциируется с человеком, несущим мир, добро, готовность прийти на помощь в особенно сложной ситуации, в то время как оккупант несёт исключительно разрушение и является источником многочисленных бед населения того региона, куда ступила его нога.

რუსების თავდაცვის მეორე და მესამე ზღუდეები ასე უკვე აღარ არის დანაღმული, რადგან ამ სივრცეში გადაადგილება ხომ თავად რუს ოკუპანტებსაც უწევდათ. – Вторая и третья линии обороны русских больше не минуются, потому что российским оккупантам пришлось самим двигаться через это пространство.

საბედნიეროდ, რუსეთმა ეს ჯერ ვერ მოახერხა, მაგრამ ის, რაც მოხდა და ხდება ისრაელში, პირდაპირ ჯდება რუსეთის ინტერესებში - ისრაელისთვის სასწრაფო სამხედრო დახმარების აღმოჩენის პარალელურად, აშშ-მა უკრაინას შეუმციროს სამხედრო ტექნიკისა და საბრძოლო მასალის მიწოდება, რითაც აუცილებლად ისარგებლებენ რუსეთის საოკუპაციო ძალები. – К счастью, России пока не удалось этого сделать, но то, что произошло и происходит в Израиле, напрямую вписывается в интересы России - параллельно с оказанием срочной военной помощи Израилю США сократят поставки военной техники и боеприпасов на Украину, что определённо пойдёт на пользу российской оккупационной силы [5].

Как видно из примеров, новостные тексты грузинских СМИ достаточно однобоко освещают вооружённый конфликт и носят открытый антироссийский характер, где со стороны Грузии прослеживается активно насаждаемый негативный образ, стереотипы: «Россия – оккупант, агрессор, напавший на ещё одну мирную страну с целью захватить часть территорий» [1]. Субъекты информационного обмена, в данном случае СМИ и массовый адресат, проживающий на территории Грузии и владеющий грузинским языком, являются представителями определённых этносов со сложившейся национальной и политической культурой, и этот факт определяет специфику производства и восприятия той информации, которая является наиболее актуальной в настоящий момент.

В заключение необходимо подчеркнуть, что должна проводиться совместная и слаженная работа стран мирового сообщества по мирному урегулированию конфликтов, т.к. невозможно разрешать противоречия только военно-силовыми методами. Сила заключается не только в материальном выражении, нанесении ударов и штурмовых атаках. Есть сила, использующая

оружие духовное и интеллектуальное – сила слова, которое является оружием информационным, имеющим своей целью одоление зла и достижение идеологического превосходства над противником. Достоверное информирование широкой общественности должно быть одним из основных приоритетов.

Список литературы

1. Ахметгареева О.Ф. Языковые средства манифестации конфликта в политическом дискурсе : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ахметгареева Оксана Федоровна, 2022. – 186 с. – EDN UXEKCL.

2. Почепцов Г.Г. Как «переключают» народы. Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. К., 1998; Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. М., 2018.

3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5580440> (дата обращения: 23.11.2023).

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ambebi.ge/category/samkhedro> (дата обращения: 22.11.2023).

5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kvirispalitra.ge/putins-ukrainis-omis-israelis-omit-gadaparva-surs> (дата обращения: 22.11.2023).

Ф.Т. Ахунзянова
Костромской государственной университет
(Россия, Кострома)
farida.ahunzyano@mail.ru

«ХЕЙТИНГ» КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА³

Сегодня во взаимодействии с властью население активно использует социальные сети, мессенджеры, форумы, видеохостинги. На этих платформах граждане активно высказывают своё мнение, оценивают деятельность должностных лиц, задают вопросы, на которые специалисты органов власти в соответствии с законодательством должны реагировать – давать официальные ответы. Сама по себе подобная тенденция абсолютно положительна, поскольку в рамках идеалов свободы слова максимально приближает власть и общество к честному и открытому диалогу. Как справедливо отмечает М.М. Курячая, «именно из позитивной гражданской активности выросли и вырастают действенные институты гражданского общества, систематически и продуктивно

---

³ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-007

взаимодействующие с органами публичной власти в общепользовательных целях» [1, с. 108]. Однако другой – негативной – стороной такого взаимодействия становится гражданская активность, наполненная конфликтно-протестным потенциалом, субъекты которой зачастую превратно понимают предоставляемую свободу, сводя своё речевое поведение к диффамации, хулиганству и пропаганде экстремизма.

Распространенным явлением в сфере негативной гражданской активности становится так называемый «хейтинг» (англ. hating) или ненависть. В русском языке данное понятие обрело расширенный смысл, обозначая не только саму эмоцию, но и обязательный процесс её выражения. При этом, хотя риторика ненависти сама по себе и не является уникальным явлением, так как присуща общественной коммуникации в условиях конфликта социальных групп и личностей, однако цифровая реальность повысила скорость её распространения и обострила проблему посредством новых инструментов и платформ, способных превратить язык ненависти в инструмент стратегических коммуникаций или информационного воздействия. Очень ярко это проявилось в 2020 году на фоне пандемии коронавируса и ещё ярче проявляется в 2022–2023 гг., когда ненавистнические мотивы буквально «расцветают» на фоне происходящей на Украине специальной военной операции.

В Словаре русского языка ненависть означает «чувство сильной вражды и отвращения», а вражда – «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [2]. В цифровом диалоге власти и общества это чувство транслируется преимущественно на политическую сферу, трансформируясь в политическую ненависть. Диалогизируя с властью, хейтеры реализуют такие коммуникативные стратегии, как оценивающая (абсолютно негативная коннотация всего, что связано с представителями и / или действиями власти), дискредитирующая (публичное сообщение заведомо ложной или искажённой информации о представителях и / или действиях власти) и позиционирующая (виртуальная самопрезентация хейтера посредством выражения своего «особого» мнения). Цель политического хейтера – не конструктивная критика с выявлением сильных и слабых сторон, а голословное, бездоказательное, ничем не аргументированное обвинение. Как правило, при этом используется бранная и обценная лексика, информация нагнетается, гиперболизируется, в ход идут оскорбления и угрозы.

Повышенная общественная опасность политической ненависти обусловлена тем, что ею создаётся порочный замкнутый круг, формирующий враждебную психологическую обстановку в обществе, способствующую противоправной экстремистской деятельности и иным социальным девиациям. Кроме того, в рамках цифровых конфликтов стратегия ненависти обращается в манипулятивный инструмент, т.е. намеренное использование языка вражды для трансформации общественных настроений. Все это указывает на необходимость и справедливость жёсткой борьбы с любыми проявлениями политической ненависти и вражды, начиная с модераторских мер ответственности (направление адресных предупреждений о недопустимости нарушений принятых норм

общения, ограничение возможности создания групп или вхождения в группы, удаление из групп, закрытие доступа к контенту, распространение на специальных вкладках информации о таких пользователях и их публичное осуждение), вплоть до ответственности юридического характера.

Список литературы

1. Курячая М.М. Проблемы сетевого взаимодействия граждан и органов публичной власти / М. М. Курячая // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества : сборник материалов международной научно-практической (онлайн) конференции (23 декабря 2020 г.) / Белорусский государственный экономический университет ; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – С. 106–109. [Электронный ресурс]. – URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/89204> (дата обращения: 10.09.2023)

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (А–Д). – М. : Издательство «Азъ», 1992. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 10.10.2023)

И.О. Беляева
Армавирский государственный педагогический университет
(Россия, Армавир)
MoYo2035@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» ПРИ ПОМОЩИ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Одной из фундаментальных проблем современной лингвистики является взаимоотношение языка и мышления. Пытаясь переосмыслить процессы познавательной деятельности и её место в языковой картине мира, все больше исследователей подчёркивают важность анализа лингвистического и когнитивного уровней в сложных синтаксических структурах, что представляет собой значительный сдвиг в современной научной парадигме. Как показывает анализ профильной литературы тема каузативов изучается учёными-лингвистами с 60-х годов прошлого века и рассматривается в основном в рамках морфологических и лексических каузативов, аналитических каузативных или причинно-следственных конструкций, в которых глагол не всегда обладает каузативной семантикой. Так, например, выражение категории каузативности может быть передано при помощи лексических (каузативные глаголы), морфологических (аффиксы) и синтаксических (каузативные конструкции) средств в предложениях. Как отмечает В.П. Недялков, под термином каузативные глаголы понимаются глаголы широкой семантики, выражающие причинность

(т.е. обусловленность) субъектом определённого действия/состояния объекта [Недялков, 1971, с. 20]. Помимо этого, представляется необходимым указать на краткое трактование каузации, предложенной Г.Е. Корниловым, А.А. Холодовичем и В.С. Храковским, которое понимается как все то, что «можно описать словами “сделать так, чтобы...”» [Корнилов, 1969, с. 238-259]. На наш взгляд, данное определение не в полной мере раскрывает суть каузативов, поскольку в силу причинно-следственной связи, по определению, субъект лишь совершает определённое действие. Очевидно, стоит расширить понимание каузальных глаголов, добавив, что глагол может выполнять некое действие, менять свое состояние, а также приобретать качественно новые признаки. Рассмотрим некоторые варианты реализации каузативных конструкций (далее – КК) в англоязычных медиатекстах, посвящённых подписанию указа о прекращении существования республики Нагорный Карабах от 28 сентября 2023 года. Материалом исследования послужили новостные статьи британских электронных изданий *The Economist* [3] и *The Guardian* [4].

В отрывке статьи под заголовком ‘A humanitarian disaster is under way in Nagorno-Karabakh’ употребляется КК с глаголом *to make* ‘делать’: *Russia’s president did nothing when Azerbaijan **made** a military incursion into the sovereign territory of Armenia last year* [3]. Входя в группу аналитических (открытых) каузативов, которые рассматриваются как особый вид аналитических форм английского языка, глагол *to make* определяет ситуацию следующим образом: «X(Чужой) каузирует Y(Чужой) сделать/прийти в состояние P(Свой)». В связи с этим, данная КК является эксплицитной, потому как читателям не нужно восстанавливать неназванные компоненты КК в контексте, как например, принадлежность к категории «Свой», которая актуализируется в тексте при помощи прилагательного *sovereign* ‘суверенный’ и указания территории страны *Armenia* ‘Армения’. Глагол *to make* употребляется в форме активного залога и субъект каузирующей ситуации выражен словосочетанием *the sovereign territory of Armenia* типа *Adj + N + of + N*. В свою очередь, использование глагола *to make* во фрагменте медиатекста ‘Nagorno-Karabakh’s breakaway government says it will dissolve itself’: *The decree also said the local population must “familiarise themselves with the conditions of reintegration presented by the Republic of Azerbaijan” and **make** “an independent and individual decision” on whether to stay or leave the region* [4] показывает, что субъект каузативной ситуации не является факультативным компонентом в КК и выражается при помощи нарицательного существительного *the local population* при первом упоминании и местоимением *themselves* во втором. Данный фрагмент раскрывает реализацию бинарной оппозиции СВОЙ :: ЧУЖОЙ, где *the local population* ‘местное население’ без упоминания национальной принадлежности, противопоставляется *the Republic of Azerbaijan* ‘Азербайджанской Республике’.

Интересным представляется также использование глагола *to help* ‘помогать’: *In the short run Western governments should **help** Armenia cope with the big influx of refugees from Nagorno-Karabakh, and also **help** negotiate a fair — and*

hence enduring—peace deal between Armenia and Azerbaijan [3]. В приведенном фрагменте текста глагол to help употребляется для выражения оказания помощи, что схематически можно изобразить как «Агент → выражает → адресату [желательность] → выполнение действия в инфинитиве to help ‘помогать’», при этом последний компонент «выполнение действия» употребляется в связке с глаголами cope with и negotiate. Тем не менее, глагол to help на самом деле не указывает на причинно-следственную связь, как в примерах с глаголом to make. Вместо этого данный глагол правильнее было бы назвать обладающим дополняющей, а не причинно-следственной связью.

Таким образом, анализ отобранных статей показал, что медиатекстам присуще использование каузативного глагола to make. Каузативы помогают достичь напряжённости и остроты изложения событий, что присуще медиатекстам новостного характера. Глаголы каузативной семантики углубляют понимание причинно-следственной связи выполнения определённых действий/перехода к иным состояниям у читателя и способствуют повышению роли контекста, влияющего на реализацию оппозиции СВОЙ :: ЧУЖОЙ.

Список литературы

1. Корнилов Г. Е. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке. Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) [под ред. А. А. Холодовича]. – Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. – С. 238-259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35342290> (дата обращения 27.09.2023)

2. Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив // Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1971. – 179 с.

3. A humanitarian disaster is under way in Nagorno-Karabakh [Электронный ресурс] // The Economist – URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/09/28/a-humanitarian-disaster-is-under-way-in-nagorno-karabakh> (дата обращения 28.09.2023)

4. Nagorno-Karabakh’s breakaway government says it will dissolve itself Karabakh [Электронный ресурс] // The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/28/nagorno-karabakh-separatist-government-says-dissolve-azerbaijan-armenia> (дата обращения 28.09.2023)

М.В. Беляков
Московский государственный институт международных отношений РФ
(Россия, Москва)
belmax007@hotmail.com

О.И. Максименко
Государственный университет просвещения

БРИФИНГ: РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИПЛОМАТА

Брифинги, как одна из форм открытой профессиональной дипломатии, нацелены на информирование широкой общественности о происходящем в рамках внешнеполитического дискурса. Актором на дипломатических брифингах чаще всего выступает официальный представитель МИД. В Российской Федерации это директор департамента информации и печати М.В. Захарова. За последнее время брифинги кроме основной коммуникативной функции информирования приобрели ранее не свойственную им функцию оценки международных событий. Кроме того, жанр дипломатического брифинга за последние десять лет демонстрирует тенденцию переключения вербальных кодов в процессе выступления, основная цель которых – повышение эмотивности речи.

Рассмотрев с целью построения модели переключения кодов с позиции языковой личности (в трактовке Ю.Н. Караулова [2]) профессионального дипломата ряд брифингов М.В. Захаровой, опубликованных на официальном сайте МИД России (mid.ru), можно прийти к следующим заключениям. Во-первых, на переключение кодов влияет идиостиль сотрудника дипломатического ведомства, но необходимо уточнить, что брифинги проводятся официальным представителем и публикуются на официальном сайте, а это, исходя из исторически сложившейся дипломатической практики, должно в определённой степени ограничивать уровень их эмотивности [1]. Надо отметить, что брифинг сам по себе является сложным и эмоционально нагруженным коммуникативным актом. Так, например, брифинг М.В. Захаровой от 22.11.2023 продолжался 2,5 часа и включал собственно информативную часть, где были освещены 18 актуальных для современного мира тем, так и ответы на 26 вопросов. Приводимые далее языковые примеры взяты из этого выступления дипломата.

В тексте брифингов отмечаются высказывания, ранее не характерные для открытого профессионального дипломатического дискурса, что, в первую очередь, определяется остротой обсуждаемых проблем. Даже в информационной части брифинга наряду с дипломатическими клише, обладающими свойствами имплицитной оценочности (*проявить озабоченность, вызывать сожаление, тектонические изменения геополитики, демократический транзит, правовой нигилизм* и пр.), появляются морфологические неологизмы, что особенно характерно идиостилю М.В. Захаровой. К таким морфологическим неологизмам можно отнести образование как новых сокращений, так и имён существительных от аббревиатур по обычным для русского языка моделям: *еэсовский, постглобализация, западные непартнёры, агросырьё, гумгруз* и пр.), образование «вторичных» существительных (переворотчики, майдановцы). Переключение кодов происходит не только с эксплицитного на имплицитный, но также

переключается официально-деловой стиль речи на разговорный, что повышает эмотивность выступления дипломата, например: *бесстыдно разворачивается, в ужасе отшатнулись, цинично извращено, кровавые акции, достучаться* и пр.

К переключению стилистических кодов можно отнести и использование эмотивных конструкций в виде разного рода устойчивых сочетаний и фразеологизмов, близких к разговорному стилю. Эмотивная сила фразеологизмов в текстах официально-делового стиля заметно увеличивается, поскольку они появляются на общем фоне клишированных фраз и сухой нейтральной лексики: *поумерить аппетиты, загонять себя в ловушку, для этого можно назло отморозить не только уши* и пр.

Особенность идиостиля М.В. Захаровой, реализующаяся в формате брифинга, заключается в обилии синтаксических вопросительных конструкций. Так, в транскрипте рассматриваемого брифинга от 22.11.23, проверенного программой SEO-анализа glavred.ru, из 1007 предложений брифинга вопросительная конструкция встречается 91 раз. В нормативном дипломатическом тексте официально-делового стиля вопросительные конструкции нежелательны, но для идиостиля М.В. Захаровой характерна именно вопросно-ответная конструкция. Задавая вопрос, она сама предлагает ответ: *«США не осудили попытку захвата власти неконституционным путем? Почему? Потому что они осуждают только те попытки конституционных переворотов, в которых не участвуют»; «Где и когда они бывают правы? Когда же они говорят истину? Мне интересно»; «Где все эти деятели ЕС, которые тогда, в те месяцы 2013-2014 гг. говорили, что «тот, кто открыл огонь, тот и является зачинщиком» и должен быть проклят навеки. Это слова всего «коллективного Брюсселя». Где они? Сейчас придумают очередную нетленку, блог, статью ко всем этим событиям, найдут, как вывернуться»* и пр.

Поскольку жанр брифинга предполагает публичное выступление, ему свойственно обращение к слушателям: *«Вызывает удивление, что тракторы попадают под категорию товаров двойного назначения, а бензиновые двигатели (не смейтесь) – в категорию «предметов роскоши», а также формулирование определённого рода сентенций, способных играть роль мнемонической формулы: «Если начинаются двойные стандарты, стандарты заканчиваются».*

Таким образом, брифинг, как один из активно используемых жанров открытой профессиональной дипломатии, позволяет выявить характерные черты идиостиля современного дипломата. Эмотивные конструкции (восклицательные, вопросительные, повторы, инверсия и пр.), оценочный лексический компонент, отказ от политкорректности, но, вместе с тем, имплицитная оценочная эмотивность (слова и словосочетания, как имеющие, так и не имеющие соответствующий (эмотивный) компонент в семантике единицы, используемые для переключения стилистических вербальных кодов, вплоть до использования дисфемизмов) показывают, что в языке открытой дипломатии для достижения прагматической цели – объяснения сложных международных отношений и

конфликтных ситуаций в мире допустимо использование конструкций, свойственных другим стилям речи и иным видам институционального дискурса.

Список литературы

1. Беляков М.В. Проблема переключения вербальных кодов в дипломатическом дискурсе // Вестник МГОУ (электронный журнал) 2016. – №1. URL: www.evestnik-mgou.ru

2. Караулов Ю.Н., Чулкина Л.Н. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М., Изд-во РУДН, 2008. – 139 с.

А.А. Боронин

Государственный университет просвещения

(Россия, Москва)

inloco@inbox.ru

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Объёмы понятий «текст» и «дискурс» пересекаются, поэтому вполне логично приписывание тексту и дискурсу одних и тех же онтологических признаков. Категориальный репертуар, характеризующий текст и дискурс, может складываться исходя из методологических позиций исследователя: так, например, категории лимологичности [2; 3; 4] и лакунарности [5] вполне применимы для описания обоих вышеуказанных явлений.

Поскольку внутри общедискурсивного пространства эти категории могут быть универсальными, допустимо сличение разных видов дискурса, в том числе и тех из них, которые имеют принципиально разную природу своего бытования. Так, категориальный анализ англоязычного политического дискурса США возможно осуществлять, сравнивая актуализирующиеся в нем категории лимологичности и лакунарности с этими же категориями, находящими воплощение в англоязычном ольфактивном дискурсе.

В узком смысле ольфактивный дискурс может рассматриваться как коммуникативно-деятельностный феномен, выражающийся в разных формах оречевления и парасловесной актуализации рефлексии по поводу изделий парфюмерной промышленности (духи, парфюм, туалетная вода, одеколон и т.д.). Англоязычный ольфактивный дискурс связан, прежде всего, с типизированным именованием – в рамках одной языковой системы – указанных видов парфюмерной продукции.

В силу предельной интернационализации парфюмерного производства и использования большого числа именованных-англицизмов, с одной стороны, и амбициозных претензий американских правящих кругов, говорящих на одном из самом востребованных языков, на гегемонию в мире, с другой стороны, оба типа

дискурса характеризуются высокой степенью лингвокультурного экспансионизма, что специализирует категорию адресованности обоих типов дискурса.

Информативность как дискурсивная категория реализуется в обеих рече-деятельностных сферах посредством перевода в надлинейный информационный ряд набора определённых понятий (ср. американский политический дискурс: American Dream, Red Scare, challenge, terrorism, freedom, etc.), объем которых трансформируется до такой степени, что сличение с исходным денотативным («лексикографическим») значением вкупе с анализом расширено понимаемого вертикального контекста (ср.: [1, с. 49]) может обнажать высокую степень манипулятивности дискурсивно-прагматического плана. При этом необходимость семантического воспроизводства специализированной рече-деятельностной сферы (тема-рематические дискурсивные переходы, дискурсивную рекурсию, ввод вторичной информации /backgrounder/ и т.д.) способствует сужению (в т.ч. лакунизации) объёма ключевых понятий дискурса. Сходный процесс можно наблюдать и в американском ольфактивном дискурсе: так, компания Estée Lauder в 1985 г. выпустила заглавный аромат, используя для его обозначения дискурсивно оправданную номинацию Beautiful, а затем уже в новом столетии выпустила около полутора десятка ароматов с производными номинациями (например, Beautiful Belle, Beautiful Love, Beautiful Sheer, etc.).

Выявление общедискурсивных категорий, а также специфики их функционирования в определённых рече-деятельностных сферах представляет собой одно из плодотворных направлений современной англистики.

Список литературы

1. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47-54.
2. Боронин А.А. Лимнологические основы психолингвистики текста // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 37-44.
3. Боронин А.А. Интерпретация поэтического текста: к выработке метода (авто-комментарий, лимнологический и лакунологический подходы) // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Жана Пиаже [Электронный ресурс]: сб. ст. по мат-лам Междунар. научно-практич. семинара (20 апреля 2018 г.) / отв. ред. Н. Г. Елифанцева. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 38-43.
4. Боронин А.А. О некоторых аспектах дискурсивной лакунарности как коммуникативной универсалии // Психолингвистика и лексикография: сб. научн. тр. / Науч. ред. А. В. Рудакова. М.: Изд-во ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2022. С. 171-175.
5. Боронин А.А. К вопросу о лимнологичности как категории дискурса (на материале публикаций Василия Михайловича Пескова) // Журналистика и география. – Мат-лы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием. Т. 1. Воронеж: ВГУ, 2022. С. 15-18.

О.В. Коковихина
Военный университет министерства обороны Российской Федерации
(Россия, Москва)
olga_mil@inbox.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ДЕПУТАТОВ НЕМЕЦКОГО ПАРЛАМЕНТА)

Современный военно-политический дискурс дебатов в бундестаге ФРГ характеризуется в целом как оценочный дискурс и представляет собой совокупность оценочных высказываний по вопросам оснащения и финансирования бундесвера, участия бундесвера в зарубежных миссиях НАТО и ООН, о поставках вооружений в зоны военных конфликтов и др.

В связи с тем, что обсуждаемые предложения правительства, запросы от отдельных фракций и партий предполагают голосование с целью их принятия или отклонения, речи, выходящих на трибуну депутатов, отличаются ярко выраженной оценкой деятельности правительства, отдельных политиков, партий, событий и процессов.

Тексты речей демонстрируют своеобразие языковых личностей политиков, их умение использовать механизмы речевого воздействия в стремлении четко обозначить свою позицию с привлечением максимально выразительной положительной или отрицательной оценки.

Под оценкой в лингвистике понимается результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закреплённое в высказывании или элементах языковой системы оценочное отношение говорящего к предмету речи. В.Н. Телия определяет оценку следующим образом: «Оценка – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [2, с. 22-23]. Н.Д. Арутюнова подчёркивает, что оценка «связана с жизнедеятельностью человека», она «определяет выбор из некоторого ассортимента объектов или альтернатив» и «неотделима от сравнения» [1, с. 7-8].

Для иллюстрации выше сказанного приведём примеры из речей политиков от партии Die Linke («Левая партия»). Die Linke является оппозиционной партией, подвергающей острой критике все решения, связанные с увеличением расходов на вооружение, с пребыванием контингента бундесвера в других странах, с поставками оружия на Украину. Таким образом, фиксируем преобладание негативной оценки в военно-политическом дискурсе этой парламентской партии.

Анализ текстов речей депутатов от «Левой партии» позволяет представить некоторое обобщение языковых средств, реализуемых для выражения негативной оценки:

– существительные, имеющие отрицательную коннотацию: *Schaufensterantrag* ‘показушный запрос’. *Offensichtlich hat die AfD-Fraktion wieder mal zu viel Zeit; anders kann ich mir diesen – zumindest in weiten Teilen als **Schaufensterantrag** gestellten – Antrag nicht erklären.*

– существительные устаревшие, маркирующие высокий стиль: *Mär* ‘сказание, легенда, странная, невероятная история’. *Der Antrag beginnt auch gleich mit der Verbreitung einer **Mär** ...*

– существительные, прилагательные, глаголы, обладающие негативным значением: *marod* ‘изнурённый’, *sich verschlechtern* ‘ухудшаться’, *kaputtsparen* ‘довести до плачевного состояния путём длительного минимального финансирования’. *In den **maroden** Beschaffungsstrukturen, eine **kaputtgesparte** Bundeswehr.*

– разговорная лексика с негативной окраской: *durchdrücken* ‘продавить’, *verprassen* ‘транжирить деньги’. *Das **durchgedrückte** Bundeswehrbeschaffungsbeschleunigungsgesetz, das Verteidigungsbudget **verprassen**.*

– словообразовательные модели с приставками, имеющими отрицательное значение: *Inkompetenz* ‘некомпетентность’, *unzureichend* ‘недостаточно’.

– сравнение с положительным, по мнению говорящего, образцом. Оратор характеризует положение дел в военной сфере Франции, соседней с Германией страны, как положительное, на противопоставлении с чем строится негативная оценка состояния бундесвера: *Und ob Sie es glauben oder nicht: Dort schießen die Gewehre geradeaus, die Fregatten sind einsatzbereit und die Panzer fahr- und schießtüchtig.*

– использование метафоры: *Preisexplosion* ‘взрыв цен’. *Wieso gehen Sie nicht endlich die Problematik der regelmäßigen Preisexplosionen bei Beschaffungen für die Bundeswehr an? **Verdächtige** Stille ‘подозрительная тишина’.* *Doch zu diesem Thema herrscht bei allen anderen Parteien in diesem Hause so wie heute **verdächtige Stille**.*

– конструкции с отрицанием *nicht*: *nicht würdig* ‘недостойно’.

– словообразовательная модель существительных с суффиксами –ei, -erei, придающих слову отрицательное значение: *reine Augenwischerei* ‘показуха, очковтирательство’. *Es wäre **reine Augenwischerei** in der Hoffnung, einen Blankoscheck zu bekommen, und diesen Blankoscheck werden wir Ihnen nicht ausstellen.*

– фразеологические сочетания: *etw. aus dem Boden stampfen* ‘на голом месте’. *Bevor also der Herr Verteidigungsminister damit beginnt, in Litauen eine Garnisonsstadt **aus dem Boden** zu **stampfen** und die Bundeswehr mit schweren Waffensystemen dort irrsinnigerweise dauerhaft zu stationieren ...*

Эти и другие примеры показывают богатую палитру средств немецкого языка для выражения негативной оценки в военно-политическом парламентском

дискурсе, что подчёркивает особенности прагматического уровня языковой личности политика, а также соотносённость рационального и эмоционального в ее структуре.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.

*Е.М. Крижановская
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Пермь)
emkrizh@gmail.com*

**ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА
ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА
Д.А. МЕДВЕДЕВА)**

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова предполагает выявление и описание в структуре личности носителя языка трёх уровней: вербально-семантического (нулевого), тезаурусного (первого) и мотивационно-прагматический (второго). Характеризуя индивидуальный лексикон как репрезентанта вербально-семантического уровня в структуре языковой личности и подчёркивая недостаточность его изучения в отрыве от исследования других уровней для понимания особенностей языковой личности в целом, Ю.Н. Караулов отмечал два метода реконструкции индивидуального лексикона – при помощи ассоциативного эксперимента и посредством анализа дискурса, т.е. порождённых языковой личностью текстов. При этом исследователь делал вывод о том, что «путём анализа дискурса мы с большей степенью точности восстанавливаем состав лексикона, получая минимальные сведения о его устройстве, его конкретной структуре» [1, с. 107]. Поскольку «языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с разной степенью интенсивности проявляются как надиндивидуальные, так и индивидуальные черты» [2, с. 106], анализ речевых произведений профессионального политика позволяет выявить и описать некоторые основные черты индивидуального лексикона его языковой личности.

Данное исследование проводилось на материале интернет-текстов российского государственного и политического деятеля, заместителя председателя Совета Безопасности РФ, председателя партии «Единая Россия» Дмитрия Анатольевича Медведева. Анализируемые материалы были размещены политиком в авторском канале социальной сети «Телеграм» в период с 17 марта

2022 года по 31 июля 2023 года, общий объем исследованного материала составил 313 постов. В работе анализировались только текстовые материалы телеграм-канала Д.А. Медведева. Материал исследования был получен в результате сплошной выборки интернет-текстов за указанный период с использованием компьютерной программы оценки частоты лексем в тексте «Стемминг текста» (<https://gsngen.ru>) и функциональных возможностей программы Excel. Общее количество лексем в интернет-текстах выборки составило 8149, была выявлена абсолютная и относительная частота употребления всех выявленных лексем. Наиболее частотные лексем (100 единиц) были сгруппированы по их принадлежности к определённой части речи. В ходе исследования были получены следующие результаты.

Выборка из 100 самых частотных слов знаменательных частей речи текстов Д.А. Медведева представлена именами существительными, местоимениями, именами прилагательными, наречиями и глаголами. Наиболее частотны в лексиконе Д.А. Медведева имена существительные (здесь и далее лексем приводятся в порядке убывания относительной частоты): *Россия* (0,043441), *страна* (0,039637), *views* 'просмотры' (0,029451), *Медведев* (0,027856), *Дмитрий* (0,027856), *Украина* (0,027856), *США* (0,014480), *война* (0,013867), *мир* (0,013130), *оружие* (0,012271), *государство* (0,011903), *год* (0,011903), *гражданин* (0,010799), *Европа* (0,010553), *санкция* (0,010308), *НАТО* (0,010308), *люди* (0,008835), *режим* (0,008590) и др. Большинство приведённых слов составляют общественно-политическую лексику, что объясняется в первую очередь сферой профессиональной деятельности политика. Вместе с тем высокая частота употребления слов *views* 'просмотры', *Медведев*, *Дмитрий* объясняется спецификой современной интернет-коммуникации, в частности необходимостью автора подписывать созданные им тексты, а также возможностями автоматического подсчёта в социальной сети количества прочтений постов политика другими интернет-пользователями.

Высокая частота использования в текстах Д. А. Медведева местоимений *они* (0,077065), *свой* (0,073997), *наш* (0,039391), *мы* (0,031783) по-видимому, выступает одним из наиболее ярких проявлений основной оппозиции политического дискурса «свой – чужой». В анализируемых текстах местоимение *они* используется для обозначения западных стран, военно-политических объединений, отдельных политиков, занимающих откровенно русофобские позиции, а лексем *мы*, *наш*, *свой* служат для характеристики нашей страны, ее политических деятелей и патриотически настроенных граждан России. Активное использование имён прилагательных *государственный* (0,012149), *западный* (0,011290), *российский* (0,011044), *европейский* (0,010922), *военный* (0,010308), *международный* (0,009817), *украинский* (0,009081), *ядерный* (0,008958) в интернет-текстах Д. А. Медведева может объясняться актуальной политической повесткой дня. Этот вывод подтверждает и частотное употребление наречий *против* (0,007240), *теперь* (0,006258), *сейчас* (0,006013), *сегодня* (0,005768).

По-видимому, можно предположить, что на формирование индивидуального лексикона российского политика Д.А. Медведева оказывают влияние особенности современной интернет-коммуникации, специфика русскоязычного политического дискурса, характер профессиональной деятельности политика, черты его личности и высокий уровень развития языковых компетенций. Однако характер влияния названных факторов требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – СПб., 2013. – №5 (83). – С. 104-108.

Ю.М. Кузнецова
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук
(Россия, Москва)
kuzjum@yandex.ru

ЧЕГО БОЯТСЯ «ВЛАСТИ»? (ДАННЫЕ КАУЗАТИВНО-ЭМОТИВНОГО АНАЛИЗА ДИСКУССИЙ В ГОРОДСКИХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ)

Возникшие благодаря цифровизации общественного коммуникативного пространства новые формы демонстрации мнений и позиций различных участников социально-политического процесса значительно расширяют возможности мониторинга социальных запросов [2]. В частности, социальные сети представляют собой источник ценной информации об общих вопросах взаимодействия власти и общества [4], региональных особенностях такого взаимодействия [6], его отдельных содержательных и стилевых характеристиках, возникающих барьерах [5] и т. д. В силу своей значимости для формирования неконструктивных массовых реакций особо выделяется т. н. тревожно-фобическое информационное поле, базовыми конститuentами которого выступают субъекты и причины страха [1].

В настоящей работе описаны результаты исследования представлений участников сетевой коммуникации о страхах «властей», выявляемых с помощью каузативно-эмотивного анализа — нового метода интеллектуальной обработки текста [3]. Автоматическая идентификация на большом массиве данных упоминаемых в текстах эмоций (в том числе, страха), их субъектов и причин является его основной целью.

В качестве материала исследования был использован корпус комментариев в сетевых дискуссиях, размещённых в декабре 2020 г. – июле 2022 г. в открытых

городских сообществах города Курган на платформе социальной сети ВКонтакте. Всего были обработаны тексты около 60 тыс. дискуссий. Региональная локализованность анализируемого материала определяет его относительную содержательную гомогенность и стабильность состава участников сетевых сообществ на протяжении периода наблюдения.

Все обнаруженные анализатором в корпусе высказывания, содержащие эмотивные предикаты с семантикой страха (*бояться, (ис)пугаться, запугивать, угрожать*), были разделены по субъектам эмоций: *я / мы, ты / вы, другие*. Из последней группы были выделены конструкции, в которых в роли экспериенцеров упоминаются представители власти разного уровня: *чтобы нижние чинуши боялись народа! неужели ваша партия так боится огласки; наше правительство боится брать на себя ответственность* и пр.

Анализ связей между объектным и субъектным аспектами страхов, обсуждаемых в открытых сетевых сообществах, выявил наличие ролевой дифференциации фобических переживаний, атрибутируемых представителям «властей» и остальным субъектам.

Специфическими для «властей» являются, судя по частоте упоминания, прежде всего страхи перед групповыми «невластными» субъектами: *народом (и его гласом), толпой, простыми смертными и некими партизанами*. Далее следуют страхи перед субъектами власти более высокого по сравнению с экспериенцером статуса: *ВВП, президентом, главой города, губернатором, областной жилищинспекцией*, и перед утратой их покровительства (*остаться без хозяев*). Выявлены упоминания страха утраты статуса: *боятся за кресло и потерять власть*, в том числе, в результате *восстания, революции, свержения режима*. В настоящем своём положении «власти», по мнению участников сетевой коммуникации, опасаются раскрытия неудобной для себя информации (*огласки, шумихи, жалоб, принадлежности к Единой России*), принятия ответственных решений (*собственно брать на себя ответственность*, а также *общаться с жителями, объявить режим ЧС*) и наказания (*закона и статьи закона, уголовной ответственности, прокуратуры*).

За пределами группы «властных» субъектов такого рода причины страхов не упоминаются. Одновременно субъектам из этой группы не свойственны, согласно полученным данным, чаще всего атрибутируемые другим группам страхи болезни, определённых объектов, социальных отношений и действий.

Полученные результаты позволяют говорить о перспективности использования метода автоматического каузативно-эмотивного анализа в целях выявления субъектных и объектных характеристик тревожно-фобического поля открытой сетевой коммуникации. Ограничения применения метода связаны с непредикатными способами выражения эмоционального содержания в сетевом дискурсе.

Финансирование

Работа выполнена в рамках научной программы Национального центра физики и математики (направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах»).

Список литературы

1. Антропова В.В. Концептуализация страхов и фобий в дискурсах региональных СМИ: к методологии вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 23–31. DOI:10.15826/izv1.2021.27.1.003
2. Гаджиев Х.А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2. С. 81-97. DOI:10.19181/пко.2022.28.2.7
3. Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Смирнов И.В., Чудова Н.В. Каузативно-эмотивный анализ. Часть I. Методика изучения эмоциональных реакций пользователей социальных сетей // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 114-121. DOI:10.31857/S020595920020501-7
4. Ковшов М.А. Анализ современного состояния сетевой коммуникации власти и общества в интернет-пространстве // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3 (92). С. 30–36. DOI:10.24158/per.2021.3.4
5. Старцев А.А., Гришанин Н.В. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 5. С. 108-119.
6. Филатова О.Г., Хухрянская А.В. Специфика электронного взаимодействия власти и общества в регионах России // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. 6-16.

В.В. Ларионова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
larionovavv201@mgpu.ru

«ХРОНОЛИНГВИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН»

Хронолингвистика политического сознания россиян является одной из важнейших областей исследования, объединяющей лингвистику и политологию. Она направлена на изучение эволюции языковых и речевых процессов в политической сфере, а также на анализ связи между языком и политическими убеждениями и идеологиями.

В последние годы политическое сознание россиян претерпело значительные изменения, что требует специального внимания со стороны хронолингвистов. Опираясь на методы диахронического и синхронического исследования, они проводят анализ периодов в которых происходили

существенные изменения в обществе и политике России, и изучают влияние этих изменений на язык и речевые практики населения.

Одним из важнейших объектов изучения хронолингвистики политического сознания россиян являются политические речи и дискурсы. Языковые средства, используемые политиками, активно влияют на формирование и манипулирование массовым сознанием. Через лингвистический анализ таких речей можно выявлять общие тенденции в политическом мышлении народа, а также идентифицировать специфические слова и концепты, которые активно используются и влияют на формирование политического сознания российского общества.

Другим аспектом исследования хронолингвистики политического сознания россиян является изучение политических терминов и их эволюции. Слова и понятия, используемые в политическом дискурсе, на протяжении исторического периода могут изменять свой смысл и значимость. Анализ этих изменений позволяет не только проследить развитие политической мысли в России, но и понять, каким образом определённые термины могут влиять на формирование политического сознания россиян.

Понятию «политический менталитет» близко понятие «политическое сознание». Несмотря на терминологическую нечёткость, большинство авторов едино во мнении, что и политическое сознание, и политический менталитет представляют собой восприятие и интерпретацию субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, включают идеи, теории, взгляды, представления, чувства, настроения, иллюзии, заблуждения, традиции, обычаи, привычки масс людей, являющиеся отражением. В то же время политический менталитет может быть представлен как система, включающая политическое сознание и социальные представления в их функциональной полноте, но, кроме этого, еще и аффективные компоненты психики, определяющие виды переживания, формы политической активности и способы репрезентации политической составляющей картины мира политики и политических отношений. Изменение менталитета («сдвиг ментальности») в относительно устоявшемся современном мире определяются в значительной мере следующими условиями: степень аморфности или сформированности политической системы, наличие и уровень социальной аномии, выраженность демократических или авторитарных норм, формы власти и соотношение её ветвей, особенности информационного пространства [1].

Исследователи отмечают особую форму проявления российского политического менталитета – советскую ментальность, которая сформировалась в ходе адаптации российской ментальности к коммунистической идеологии и в процессе восприятия общественным сознанием советской действительности. С середины 1990-х гг. наблюдается улучшение отношений общества к советскому прошлому, вызванное тяжёлыми последствиями реформ. Как отмечает В. Никонов, «в обществе все отчетливее проявляется стремление к консолидации, согласию, обозначению исторической преемственности» [2, с. 184].

Хронолингвистика политического сознания россиян несет важную научную ценность и способствует более глубокому пониманию политических процессов в России. Используя лингвистические и политологические методы, она позволяет выделить основные тенденции и закономерности в развитии политического сознания россиян на протяжении исторического периода. Это важное исследование для развития политической науки и этики коммуникации. Разнообразие лингвистических особенностей политического дискурса в разных регионах и исторические изменения политического сознания россиян позволяют проследить эволюцию общественных ценностей и установок. Дальнейшие исследования в этой области позволят получить новые знания о строении политического сознания россиян и его влиянии на общественную и политическую жизнь страны.

Список литературы

1. Баранов Н.А. Политическое сознание современного российского общества, 2015, лекция №17
2. Никонов В.А. Российское и советское в массовом сознании, 2003, с.184

*С.А. Логвина
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Россия, Симферополь)
Svet.logvina@mail.ru*

ЭВФЕМИЗМ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ «КОММУНИКАТИВНОГО КОМПРОМИССА»

С возникновением понятия «информационно-психологическая война» изменился и взгляд на номинативные свойства такого лингвистического явления как эвфемизм, который стал играть важную роль как один из способов выхода из информационно-психологического противостояния. Овнешнение элементов эвфемистической категории в политическом дискурсе своей целью ставит нейтрализацию коммуникативного напряжения с помощью достижения «коммуникативного компромисса», как инструмента, посредством которого можно нейтрализовать коммуникативное напряжение, поскольку эвфемизм – будучи неотъемлемой, универсальной составляющей процесса коммуникации, является одним из базовых средств бесконфликтной политической коммуникации.

Исследуя особенности эвфемистической вариативности в политическом дискурсе, лингвисты пытаются определить какое место занимает эвфемизм при параметризации нормы и/или патологии формирования языковой личности политика [6]. Формирование нового политического мышления [2;4;5] в современных условиях обеспечивает необходимость изучения не только языковой личности как субъекта политического дискурса, но и континуум лингвистических,

экстралингвистических и паралингвистических способов, которые могут быть использованы для осуществления бесконфликтной коммуникации.

В своей работе мы исходим из теоретических допущений о том, что жёсткая связь между формой (планом содержания) и значением (планом выражения) эвфемистической лексической единицы отсутствует [1;3], поэтому прибегаем к психолингвистической концепции эвфемизма, которая дает возможность более широко трактовать изучаемый феномен и позволяет рассматривать эвфемистическую номинацию широко как полимодальный способ овнешнения фрагмента по тем или иным причинам «запрещенной реальности» «для меня здесь- и -сейчас», путем поддержания коммуникативного комфорта, за счет достижения коммуникативного компромисса.

Анализ политических текстов свидетельствуют о том, что стремясь нейтрализовать негативное воздействие новостного контента, политики прибегают к следующим вариациям формирования эвфемистического значения (будучи ограниченными объемом работы, представим лишь лингвистические компоненты эвфемии): замена слова или выражения с отрицательной коннотацией на более нейтральное или положительное («недоедание», «недостаточное питание», «неполноценное питание», «рацион, который не покрывает потребности организма», «пониженное питание» вместо «голод», «голодание»; «неудачное трудоустройство», «экономически неактивный» вместо «безработный»; «индустрия новостей», «уклоняться от категоричных заявлений», «приукрашивать правду», «оговориться» или «ошибиться» вместо «лгать»; сочетание противоположных по содержанию частей словосочетания («отрицательный экономический рост» вместо «кризис»; «отрицательный вклад» вместо «продажа с убытком»); отрицательная префиксация (так, вместо «лгать» употребляют «не проявлять открытости», быть «неискренним», «экономно обращаться с правдой») и т.д.

Исследуя языковые средства и речевые стратегии языковой личности как субъекта политического дискурса, их можно рассматривать в качестве способа реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности. Выбор эвфемизма как коммуникативной стратегии выражает отношение языковой личности политика к дискурсивному пространству, где языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются надындивидуальные и индивидуальные черты.

Список литературы

1. Артюшкина Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: дис... канд. филол. наук. М., 2001. 135 с.

2. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): дис. на соис. ученой степени канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 162 с.

3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 1999. С. 134.

4. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Киров, 2005. 159 с.

5. Самарина И.В. Политический миф и языковые манипуляции в СМИ // Язык. Дискурс. Текст. Междунар. науч. конф.: Труды и материалы. Ростов-н/Д.: РГПУ, 2004. Ч. 2. С. 178-179.

6. Цуциева М.Г. Языковая личность как субъект политического дискурса Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, Вып. 2, 2012. С.104-107

*Е.В. Малышева, Д.О. Петухова
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
ekkmal@bk.ru*

РОЛЬ ПРЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Средства массовой информации играют важную роль в формировании образа политической элиты России в мировом сообществе и в получении информации о стране за ее пределами. Через свои материалы, журналисты распространяют информацию о политической, экономической и культурной сферах жизни России за рубежом. СМИ могут оказывать влияние на изменение имиджа политической элиты России (к которой по роду своей деятельности может относиться политическая, военная, культурно-информационная, экономическая, бюрократическая) в зависимости от изменения ситуации в стране. Любопытно отметить, что в контексте освещения знаковых событий для России (например, Олимпиада в Сочи и Референдум о статусе Крыма) упоминание президента Российской Федерации В.В. Путина, министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, Вооружённых сил Российской Федерации (Армии России) и Российского Правительства, например, в газете «The Washington Post» в среднем значительно выросло. Так, из 50 статей за 2014-2016 гг. В.В. Путин упоминался в 45 статьях, С.В. Лавров – в 15, Российская Армия – в 38, а Российское Правительство – в 7. При этом, как правило, президент Российской Федерации был представлен как властный, жёсткий руководитель, бескомпромиссный, расчётливый, безжалостный, хладнокровный; министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров как умный, с тонким

чувством юмора, опытный, негиббемый, практичный, вызывающий уважение и страх; Армия России как хорошо подготовленная, слаженная, эффективная, высококвалифицированная, дисциплинированная и обученная, а Российской Правительство как авторитарное, ведущее агрессивную политику и стремящееся к укреплению своей власти.

Таким образом, можно отметить, что, если происходят значительные изменения в политической, экономической или социокультурной сферах жизни общества, именно средства массовой информации в значительной мере могут повлиять на то, как эти изменения будут представлены [1;2], так как под воздействием средств массовой информации не только формируется «направленное представление об объекте, совокупные речевые практики (дискурсии) политика/политиков в виде отдельного готового продукта – дискурса», но и определенный механизм «создания такого представления с учетом их целевого (функционального, прагматического и манипуляционного) применения или воздействия» [3;4;5].

Список литературы

1. Малышева Е.В. Международная научно-практическая конференция «Манипуляции и социум: язык, сознание, культура» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023, № 2. С. 155-159. Режим доступа: www.tverlingua.ru

2. Малышева Е.В., Алексеева Т.Д. Специфика формирования образа Советского Союза в политической карикатуре первой половины XX века // Советская темпоральность: антропологическое и социокультурное измерение: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 3–4 июля 2023 г.). Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. С.213-220.

3. Петухова Д.О., Малышева Е.В. Особенности формирования современного медийного образа политика // Язык и личность в полидисциплинарной перспективе [Электронный ресурс]: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 16-17 декабря 2022 года / ред. коллегия: С.В. Мыскин (отв. ред.), Е.Ф. Тарасов, В.Т. Кудрявцев. Электрон, текстовые дан. (5 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. С. 215–216. Режим доступа: <http://www.psycholinguistic.ru>

4. Романов А.А. Политическая лингвистика. М.-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2002. 191 с.

5. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA. К 75-летию профессора И.П. Сусова. Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. Москва - Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2002а. С. 23–30.

*Г.А. Марущак
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
fihtrik@gmail.com*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО БУЛЛИНГА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ 1996 - 2000 ГОДОВ)

Политический буллинг – это систематическое использование психологического давления и угроз для достижения политических целей. Он включает в себя широкий спектр тактик, таких как дезинформация, клевета, запугивание, унижение и манипуляция. Политический буллинг может быть направлен как на отдельных политических оппонентов, так и на целые группы людей или общественные организации. В России политический буллинг активно используется для подавления критики, контроля над средствами массовой информации и ограничения политической свободы. Это создаёт серьёзные проблемы для демократических процессов и нарушает права граждан. Изучение политического буллинга в России актуально для понимания его механизмов, последствий и разработки стратегий борьбы с ним [1].

Тема психолингвистических маркеров политического буллинга в России является актуальной, так как она позволяет изучать и анализировать специфические языковые приёмы и стратегии, используемые политическими деятелями в целях манипуляции общественным мнением и оказания давления на оппонентов. Это имеет важное значение для понимания политической коммуникации и её влияния на общественную дискуссию и принятие решений. Исследование психолингвистических маркеров политического буллинга помогает выявить техники манипуляции, разоблачить ложь и создать основу для критического анализа политической риторики.

Психолингвистические маркеры, такие как демонизация оппонентов, использование негативных стереотипов и создание атмосферы страха, используются для подавления критики и укрепления власти.

Активное осознание и осуждение политического буллинга в России необходимо для защиты свободы слова, разнообразия мнений и развития демократических процессов.

Предмет изучения политического буллинга – это различные формы и методы манипуляции, давления и запугивания, используемые в политической сфере для достижения своих целей. Это включает в себя такие явления, как дискредитация оппонентов, распространение ложной информации, угрозы, шантаж и другие способы, направленные на подавление и ослабление политической оппозиции или критиков. Тема психолингвистических маркеров политического буллинга в России является актуальной, так как она позволяет изучать и анализировать специфические языковые приёмы и стратегии, используемые политическими деятелями в целях манипуляции общественным

мнением и оказания давления на оппонентов. Это имеет важное значение для понимания политической коммуникации и её влияния на общественную дискуссию и принятие решений. Исследование психолингвистических маркеров политического буллинга помогает выявить техники манипуляции, разоблачить ложь и создать основу для критического анализа политической риторики [2;3]. В период с 1996 по 2000 годы в России были замечены случаи политического буллинга, связанные с конфликтами и соперничеством между политическими партиями и кандидатами. Это включало использование негативной рекламы, дезинформации, угроз и давления на оппозицию. В период 1996 - 2000 годов происходило формирование новых структур власти и политической системы в России. Политический буллинг играл значительную роль в этом процессе, поскольку он помогал укрепить позиции определённых политических сил, подавлять оппозицию и контролировать политическую среду. Политический буллинг в 1996-2000 годах имел негативное влияние на демократические процессы в России. Он ограничивал свободу слова, подавлял политическую активность граждан и создавал неблагоприятные условия для развития демократических институтов.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Политическая психология / А.Л. Андреев. - М.: Весь Мир, 2002. - 240 с.
2. Гуревич П.С. Политическая психология: Учебник для бакалавров / П.С. Гуревич. - М.: Юрайт, 2013. - 565 с.
3. Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопал. - М.: Аспект Пресс, 2012. - 342 с.

В.В. Матюшина

Московский Государственный институт международных отношений

(Россия, Москва)

vas-matyushina@yandex.ru

ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ НА СТИМУЛ *РОДИНА*

При проведении экспериментального исследования ставилась задача выявить взаимосвязь возрастной и гендерной идентичности с процессом формирования понятий общественно-политической направленности, в данном случае – понятия *Родина*.

Из возрастной и гендерной психологии известно, что определённые механизмы социализации обуславливают и влияют на поведение мужчин и женщин, причём данные механизмы являются уникальными для каждой

культуры, основанными на представлениях о сущности мужского и женского в той или иной культуре.

Данное исследование предполагало рассмотрение значения с точки зрения психолингвистических методов его изучения, одним из которых является метод свободных ассоциаций. Значение в психолингвистике понимается как образ сознания определённого понятия.

Итак, объектом изучения в исследовании выступает понятие, или образ сознания понятия – *Родина*, который выступает как стимул в свободном ассоциативном эксперименте.

Предметом изучения в исследовании являются оценочные ассоциации, данные на стимул Родина, и их возрастные и гендерные особенности.

Целью исследования заявлено выявление специфики возрастных и гендерных оценочных ассоциаций.

Цель подразумевает задачу определения возрастных и гендерных инвариантов образа сознания понятия *Родина*, разработку структурной модели возрастного и гендерного образа сознания.

Гипотетически полагается, что возрастной опыт и гендерные особенности проявляются в инвариантах образа сознания понятий, которые принадлежат к определенным возрастным и гендерным группам.

В исследовательскую группу вошли студенты из бакалавриата и магистратуры, мужчины и женщины соответственно. При выборе именно таких групп студентов мы руководствовались той точкой зрения, что на определённых возрастных этапах происходит изменение в формировании системы общепринятых ценностей и понятий, а значит, и в формировании образов сознания.

В исследовании приняли участие 100 человек студентов из бакалавриата и магистратуры, мужчины и женщины соответственно, по 25 человек каждой категории: 25 бакалавров мужского рода, 25 бакалавров женского рода, 25 магистров мужского рода, 25 магистров женского рода. Было предложено дать свободные ассоциации на слово-стимул Родина. Всего было дано 569 разных ассоциаций.

Самыми частотными ассоциациями, которые встречаются во всех возрастных и гендерных группах являются следующие ассоциации: *мать, страна, земля, любовь, патриот, Россия*.

Далее, в зависимости от особенностей возрастных и гендерных групп, ассоциации распределяются следующим образом:

Бакалавры мужчины	Магистры мужчины
Жизнь	Жизнь
Вера	Армия
Армия	Служба
Служба	Долг
Долг	Отечество

<p style="text-align: center;">Отечество Дом песня</p>	<p style="text-align: center;">Дом государство</p>
Бакалавры женщины	Магистры женщины
<p style="text-align: center;">Защита Жизнь Вера Спасать Гордость дух</p>	<p style="text-align: center;">Защита Отечество Стыд Своеобразие история</p>

В представленной таблице выделены общие ассоциации, встречающиеся во всех возрастных и гендерных группах. Невыделенными остаются ассоциации, характерные и уникальные только для определённой возрастной и гендерной группы.

Несомненно, следует сделать вывод о том, что мужчины и женщины разных возрастов по-разному воспринимают окружающую действительность, формирование образов сознания понятия *Родина* находится под воздействием гендерно-возрастных факторов.

Стоит сразу отметить, что количественно женщины обеих групп дали большее количество ассоциаций на предложенный стимул. Безусловно, это связано с известным постулатом о том, что у женщин больше словарный запас и лучше развита речь.

Из проанализированных анкет студентов явно следует, что студенты бакалавриата и магистратуры по-разному формируют образы сознания, на данный процесс оказывает влияние среда, деятельность, общение, процесс познания. Огромное влияние оказывает фактор обучения и образования. Например, только студенты мужского пола из магистратуры показали такую реакцию, как *Государство*, данную на стимул *Родина*. Это может как раз свидетельствовать о том, что к началу обучения в магистратуре в связи с определенным уровнем начитанности у студентов складывается социально значимая картина мира с чётко обозначенными общественно-политическими значениями в качестве образов сознания.

В период обучения от бакалавриата до магистратуры студенты проходят через этапы жизненного цикла от позднего подросткового возраста до ранней молодости. Это знаменует собой качественную перестройку всех сторон развития, когда возникают и формируются новые психологические образования, появляются новые интеллектуальные возможности, фиксируется развитие рефлексии, самосознания.

Студенчество вообще, а начало обучения в магистратуре в особенности, есть начало самостоятельной жизни, приобретение нового социального статуса – статуса студента.

Из таблицы видно, что реакции студентов мужского пола и в бакалавриате и в магистратуре хорошо встраиваются в гендерный мускулиновый стереотип, где мужчине определена роль защитника *Родины*. Хотя и женщины склонны думать о *Родине*, как о месте, которое нуждается в защите. Справедливости ради стоит отметить, что женщины употребляют данное понятие больше в эмоциональном смысле, возможно, имея ввиду образ женщины (матери)-заступницы из отечественного фольклора.

Большая эмоциональность женщин видна в таких оценках, как *Гордость* и *стыд*. *Гордость* – реакция, данная женщинами из бакалавриата, свидетельствующая об очень теплом чувстве по отношению к *Родине*. *Стыд* – реакция, данная женщинами из магистратуры. предположим их большую начитанность и более высокий уровень информированности (в подтверждение данного тезиса – также и наличие слова *История* при формировании образа сознания понятия *Родина*).

Итак, этап вторичной социализации, когда происходит выбор профессии, формирование идентичности и личного самоопределения в магистратуре характеризуется наличием образов сознания, свидетельствующих о возникновении у индивидов готовности к самостоятельной профессиональной жизнедеятельности, о выработке у них психологических структур самосознания периода ранней молодости, когда складываются ценности и смыслы для дальнейшей жизни.

А.А. Мачулис
Государственный университет просвещения
(Россия, Москва)
Artem-phd@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ УЭЛЬСА НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПАРЛАМЕНТЕ СТРАНЫ

Политическая коммуникация – это коммуникация, осуществляемая индивидуумами в рамках решения каких-либо политических проблем, а также та, в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата [Приводится по: 1]. С политической коммуникацией неразрывно связаны такие понятия как политический язык, политический дискурс, политический текст, которые непременно исследуются всеми, кто приступает к изучению процесса осуществления политической коммуникации.

В данной работе мы рассматриваем политический дискурс в рамках его ведения политической коммуникации как дискурс институциональный, так как объектом нашего исследования являются дебаты и речи в парламенте Уэльса.

Заметим, что Уэльс является одним из четырех конституционных королевств Великобритании и проводит свою собственную языковую политику,

основанную на признании уэльского (валлийского) языка наравне с английским в качестве официального языка на своей территории, а также на признании необходимости и важности решения вопроса о сохранении и поддержке валлийского языка как национального достояния Уэльса, прежде всего, для жителей этих территорий. Тем не менее, под влиянием исторических, социокультурных экономических и других факторов, английский язык все же занимает лидирующую позицию среди языков, используемых гражданами региона. Однако заметим, что в Уэльсе не всегда используется классический британский английский, а чаще – его валлийский диалект, который, безусловно, испытывает на себе сильное влияние валлийского языка.

Основными отличительными чертами политической коммуникации Уэльса можно считать предпочтение теми, кто ее осуществляет, устной формы общения, где особенно ярко проявляется ораторское мастерство политиков, а также использование этими же ораторами большого количества языковых средств выразительности и риторических приемов.

В политической риторике Британии заметно выделяется склонность ораторов к использованию ярких метафор [см. работы 3;4] и символов, которые помогают им создавать условия для более тесной и эмоциональной связи со своей целевой аудиторией. При этом главной целью использования политиком особых языковых средств и приемов в политической коммуникации является его желание выстраивать в своих речах такие риторические структуры, которые делали бы его выступление более запоминающимся, эмоциональным и убедительным.

Именно в рамках обсуждения вопроса об эмоциональности политической коммуникации в современном языкознании, мы нередко сталкиваемся с таким понятием как «гендерные стереотипы». Согласно А.В. Кирилиной, гендерные стереотипы представляют собой «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [2, с. 75]. Например, женщины могут позиционироваться как более эмоциональные и менее рациональные представители социума, что может выражаться в языковых особенностях изложения ими своих мыслей, влиять на их имидж в общественном и политической коммуникации. Мужчинам же напротив присуще удержание эмоций и скрывание уязвимостей [Приводится по: 2].

Среди множества языковых средств выразительности, эффективно используемых политиками Великобритании в политической коммуникации в целом и в Уэльсе, в частности, наше внимание привлекло наличие в такого вида коммуникации большого количества эпитетов. Если рассматривать использование языковых средств выразительности как инструмент для создания более эмоционального фона политической коммуникации, то справедливо было бы предположить, что женщины-политики Великобритании и Уэльса, в частности, склонны к более частому использованию эпитетов в политических текстах их выступлений в парламенте Уэльса в сравнении с мужчинами-политиками.

Мы рассмотрели фрагменты выступлений в парламенте Уэльса четырех мужчин и четырех женщин-политиков наиболее ярких представителей политического истеблишмента Уэльса 2022 – 2023 гг. [5].

Первый министр Уэльса Марк Дрейкфорд в своем выступлении в парламенте (всего 1837 слов) использует эпитеты всего 3 раза (0,16% от общего количества слов). Например: *'We need to make sure that the investment that the Welsh Government provides does not have any **unintended or perverse incentives** in it so that we end up attracting investment of the sort that we weren't intending to attract'*.

В политическом тексте выступления в парламенте Уэльса министра образования и валлийского языка Уэльса Джереми Майлза (всего 1261 слово) мы обнаружили 24 случая употребления эпитетов (1,90% от общего количества слов). Например: *'If I may, just on that, Chair, clearly, the **overwhelming majority** of children are in schools and they're entitled to our reforms', 'There's been a **significant increase**, as you say in your question, during the last period of COVID'*.

Воган Гетхинг, министр экономики Уэльса в ходе политической коммуникации в рамках выступления в парламенте Уэльса (всего 1961 слово) употребил 27 эпитетов (1,37% от общего количества слов). Например: *'You must spend all the money within financial years', is **a real problem.***, *'It's not just for households but actually for businesses and other **affected sectors**'*.

В тексте выступления другого политика, генерального советника Уэльса Мика Антонива (всего 2381 слово) было обнаружено 35 случаев употребления эпитетов (1,47% от общего количества слов). Например: *'There is a need for **regular engagement, for consistent engagement, and properly planned engagement** as well, <...> ', 'The Bill is obviously **something that is very significant**'*.

Среди женщин-политиков Уэльса, министр финансов Ребекка Эванс в своем выступлении в парламенте региона (всего 1723 слова) прибегала к употреблению эпитетов 21 раз (1,22 % от общего количества слов). Например: *'Those **specific investment** decisions are really not for the Welsh Government, but for the pension boards themselves'*.

Лесли Гриффитс, министр сельского хозяйства Уэльса в своем политическом тексте выступления в парламенте страны (всего 1175 слов) употребила эпитеты 15 раз (1,27% от общего количества слов). Например: *'Obviously, the agriculture Bill has food **absolutely at the heart** of it — **sustainable food production** as well'*.

В политическом тексте министра по вопросам изменения климата Джули Джеймс (всего 1751 слово) мы обнаружили 28 эпитетов (1,6% от общего количества слов). Например: *'So, that's why the taskforce is immediately focusing on overflows, and that's **the first important step** on the journey to **coordinated and focused action** in other areas.'*

И наконец, министр здравоохранения Уэльса, Элунед Морган в ходе выступления в парламенте страны (всего 1791 слово) употребила эпитеты 17 раз (0,95% от общего количества слов). *'If the Minister won't share with me my ambition*

to look forward to a fresh start, with new health boards, how about having a proper look back to learn more about the lessons that need to be learnt?'

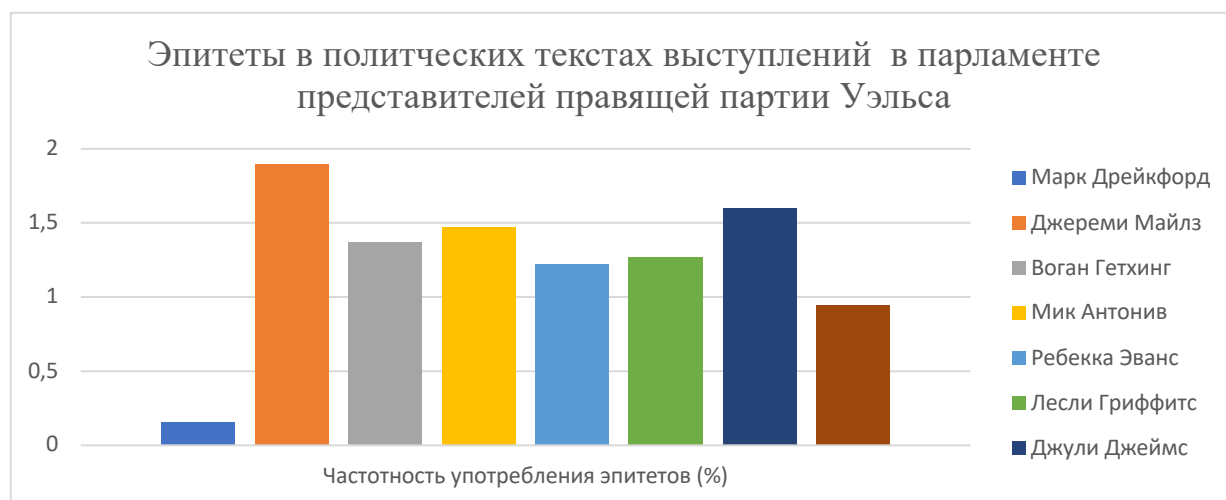

Рис. 8 Эпитеты в текстах выступлений политиков в парламенте Уэльса

Проанализировав количественные данные, мы обнаружили, что в основном мужчины и женщины-политики Уэльса в ходе своих выступлений в парламенте употребляют эпитеты одинаково часто (Рис. 8). Единственный политик, в политических текстах которого было обнаружено менее частое употребление эпитетов в сравнении с другими, это первый министр Уэльса, Марк Дрейкфорд. Мы связываем это с занимаемой политиком должностью и с его индивидуальной особенностью, отличительной чертой ведения политической коммуникации господина Дрейкфорда в целом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что анализ частотности употребления эпитетов в политической коммуникации представителей противоположных гендеров в ходе их выступлений в парламенте Уэльса не подтверждает полностью гендерный стереотип о том, что женщины-политики склонны к выстраиванию более эмоционального фона коммуникации. Это же утверждение может быть так же подтверждением стремления политических деятелей западных и европейских стран к уходу от гендерных стереотипов в том числе и в рамках политической коммуникации.

Список литературы

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т. 2006. 215 с.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 180 с.
3. Куприянова С.А. Исследование метафорического потенциала поэтического дискурса Р. Киплинга методом контент-анализа / С. А. Куприянова, И. О. Мазирка // Дискурсивные практики в современном мире : Материалы

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 112-116. – EDN JLSUBS.

4. Некрасова О.А. Эффективность психолингвистических методов в изучении языковой картины мира и языкового сознания этносов / О. А. Некрасова, И. О. Мазирка // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Москва, 21 апреля 2022 года / Редколлегия: Л.К. Гуриева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ИРОК", ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. – С. 133-142. – DOI 10.34755/IROK.2022.12.31.048. – EDN EIOIWJ.

5. Welsh Parliament. Plenary (08/03/2023). [Electronic resource]. Access mode: <https://record.senedd.wales/Plenary/13262#C490363> (дата обращения: 28.03.2023)

Н.Е. Медведева, Д.С. Буланова
Московский государственный университет
(Россия, Москва)
nemedvedeva@list.ru
daria.bulanova@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ВОЙНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Статья посвящена анализу особенностей использования метафоры войны в политическом дискурсе США в период распространения коронавирусной инфекции [2;3]. Пандемия коронавируса рассматривается как разновидность серьёзного глобального кризиса по ряду причин. Как следствие, кризис выявил несовершенство национальных систем здравоохранения, ускорив изменение экономических и деловых отношений и рост социальной тревожности. Данное обстоятельство нашло отражение в политических дискурсивных практиках, активно использующих метафоры, которые выступают в качестве ключевого приёма для концептуализации представлений о мире и окружающей действительности.

В политическом дискурсе метафоры выступают в качестве ключевого приёма при создании и продвижении определённых социальных и идеологических установок и для концептуализации представлений о мире и окружающей действительности. И в этом смысле метафора оказывается уникальным приёмом речевого воздействия для манипуляции общественным сознанием.

Материалом для анализа послужили тексты статей официальных СМИ США таких, как CNN, New-York Times и Washington Post, а также, выступления президента Соединённых Штатов Д. Трампа, опубликованных на официальных сайтах вышеуказанных изданий в период кризиса, вызванного пандемией COVID-

19. В анализируемых материалах было обнаружено тринадцать метафор на тему войны.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения метафоры войны в ситуациях, связанных с кризисным управлением [2]. Методологическую основу исследования составил дискурс и контент-анализы, позволившие проследить связь между речевым поведением и действиями социальных институтов (в нашем случае, государства и СМИ) для управления кризисной ситуацией в стране в период эпидемии COVID-19. В поле зрения были тематические группы метафорического использования военной лексики.

В статье делается вывод, что военная метафоризация политического дискурса в кризисный период коронавирусной инфекции явилась важным концептуальным инструментом, позволившим национальному правительству как осуществлять мониторинг текущей ситуации по коронавирусу в стране и мире, так и существенно влиять на конструирование общественного мнения.

Список литературы

1. Айнен К., Ричардсон Дж. Э. В контакте с прагма-диалектикой: в честь Франса Х. Ван Эмерена» / Под ред. Э. Т. Фетерис, Б. Гарссен, Ф. С. Хенкеманс. Амстердам: Джон Бенджаминс, 2011. С. 231-244.

2. Бондаренко И.В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52-60.

3. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастной политической лингвистики // Язык СМИ и политика. М., 2012. С. 77-121.

О.Ю. Мельник

Всероссийская академия внешней торговли

(Россия, Москва)

oymelnik@ya.ru

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА

Речевая агрессия является одним из самых обсуждаемых и исследуемых феноменов в области лингвистики, психологии, литературоведения, педагогики, политологии, социологии, юриспруденции и др. Выдвигается множество теорий по поводу причин возникновения, проявления, а также использования речевой агрессии, как в повседневной жизни, так и в сфере СМИ. Тщательного рассмотрения и пристального внимания заслуживает вопрос о средствах и способах выражения речевой агрессии в средствах массовой информации и в

условиях общения посредством сети Интернет, а также в высказываниях видных политических деятелей.

Средства выражения речевой агрессии включают в себя оскорбления, унижения, угрозы, насмешки и другие формы неуважительного отношения к оппонентам. Такие средства могут вызывать различные эффекты, в том числе укрепление позиций сторонников, усиление ненависти и конфликтов, а также ухудшение общественного диалога. С одной стороны, с помощью речевой агрессии возможно выразить отрицательные эмоции и чувства. Такая агрессия возникает, чаще всего, как ответная реакция на внешний раздражитель. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение нанести коммуникативный урон адресату. Политики, общественные деятели и другие публичные личности часто используют оскорбительные и агрессивные высказывания в адрес своих оппонентов.

Прямая речевая агрессия выражается в языке СМИ с помощью специальной оценочной лексики, среди которой встречаются примеры «лексов агрессии», инвективной лексики, жаргонизмов, эргативов и т.д. Существует множество различных классификаций выражения речевой агрессии, зависящих от типа, адресата и цели данного высказывания. Проведенный анализ видов речевой агрессии в СМИ позволяет говорить о эксплетивных, манипулятивных и имплицитных средствах ее выражения.

В данном исследовании мы рассмотрели случаи проявления речевой агрессии в отношении России в англоязычных СМИ. Образ России зачастую намеренно демонизируется, делается акцент на создании образа государства-врага. Приведём некоторые примеры. Президент США Джо Байден в своем выступлении (CNN эфир от 17.03.2022 г.) назвал Владимира Путина "кровавым диктатором, чистейшим бандитом, который ведет аморальную войну против народа Украины" ("*a bloody dictator, a real thug who is waging an immoral war against the people of Ukraine*"). Данное заявление в адрес Путина не является первым, ранее во время общения с журналистами президент США назвал Путина военным преступником "*a war criminal*" [1]. Эксперт по международным отношениям Грэм Эллисон в статье для "The National Interest" выразил своё негативное отношение к России, прибегнув в эксплетивному выражению речевой агрессии: «Какой бы демонической, какой бы разрушительной, какой бы хитрой, какой бы заслуживающей быть задушенной ни была Россия, факт состоит в том, что мы не можем убить этого ублюдка, не покончив с собой». ("*However demonic, however destructive, however devious, however deserving of being strangled Russia is, the brute fact is that we cannot kill this bastard without committing suicide*") [nationalinterest.org]. Журналист Грегори Файфер на страницах издания Foreign Affairs задается вопросом, "сможет ли Россия когда-нибудь быть нормальной", а также характеризует ее как "*Putin's Throwback State*" («Государство Путина – пережиток прошлого») [3]. Журналистка The Washington Post Энн Эпплбаум написала статью для журнала The Slate, в которой утверждала, что «Путинская Россия — антизападная держава с другим, более зловещим видением глобальной

политики». (*“Putin's Russia is an anti-Western power with a different, more sinister vision of global politics”*) [slate.com]. Британский писатель и учёный Кейр Джайлс в своей публикации написал: *“Russia has made its choice and confirmed it's a rogue state”* («Россия сделала свой выбор и подтвердила, что является государством-изгоем») [1]. Марк Бэннетт в своей статье газеты *“The Washington Times”* пишет: *“Russians` hatred for Americans is now turning lethal.”* «Ненависть русских к американцам становится смертельной угрозой». Английский глагол *“to hate”* – «ненавидеть» является глаголом агрессивного эмоционально-оценочного отношения [4]. Также в англоязычных СМИ распространено использование слов с отрицательно-оценочным значением: *“Russia's dirty tricks. How Putin meddles in Western democracies”* («Грязные трюки России. Как Путин вмешивается в демократию Запада») [economist.com]. *Why is Eritrea backing Russian aggression in Ukraine? Its prickly, isolated dictator has long been hostile to the West. Eritrea's solidarity with an imperialist, revanchist Russia is at first glance surprising.* («Почему Эритрея поддерживает российскую агрессию на Украине? Ее колючий, изолированный диктатор давно враждебен Западу. Солидарность Эритреи с империалистической, реваншистской Россией, на первый взгляд, удивительна») [2].

В последнее время уровень речевой агрессии в политическом дискурсе значительно вырос, что одновременно является и причиной и следствием многих конфликтогенных ситуаций, которые мы сейчас наблюдаем на международной арене.

Л.Ю. Мкртумян, А.О. Сафарян
Армянский государственный педагогический университет
имени Х. Абовяна
(Армения, Ереван)
mkrtumyan07@mail.ru
h.safaryan.1997@gmail.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТРЮИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 2018-2020 ГГ. В РА)

В рамках данного исследования нами были изучены виды трюизмов, особенности их применения в политических выступлениях трех важных для РА временных этапов: до и после революционные (2018г.), выступления во время пандемии (2020-21гг.) и выступления военного времени (2020г.).

В научной литературе трюизмы изучены в рамках методов внушения. Языковые приемы этого типа позволяют добиться желаемого результата, избегая привычки людей сопротивляться прямым инструкциям [1;3;4]. Психологические технологии внушения, в том числе и трюизмы рассматриваются как средства манипуляции сознанием, в качестве скрытого руководства общественным

сознанием и поведением людей, направленное на подстрекательство их к какому-либо действию или бездействию в соответствии с интересами манипулятора [2;5].

Цель нашего исследования - изучить особенности и виды трюизмов, используемых в политических выступлениях в качестве средства социально-психологического воздействия.

Методы исследования:

1. Метод социально-политического анализа данного исторического периода.
2. Метод контент-анализа.
3. Метод сравнительного анализа.

Исследование проводилось поэтапно: на первом этапе нами были классифицированы трюизмы; на втором были проанализированы политические выступления трех временных этапов: до и после революционные (2018г.), выступления во время пандемии (2020-21гг.), выступления военного времени (2020г.); на третьем этапе нами были проанализированы связи между типами трюизмов и характером политического выступления; на четвертом этапе мы проанализировали распределенность трюизмов в структуре политических выступлений.

Выводы:

В научной литературе недостаточно исследований по использованию трюизмов в политической сфере.

В научной литературе обсуждаются 5 основных видов трюизмов: простые, ложные, научные, трюизмы использующие время и пословицы.

В политических выступлениях до и после революционного времени (2018г.), во время пандемии (2020-21гг.) и военного времени (2020г.) чаще всего применялись простые трюизмы; количество ложных трюизмов было высоким в выступлениях военного времени; научные трюизмы использовались для повышения уровня доверия людей в пандемических выступлениях; трюизмы, использующие время, чаще всего применялись в революционных и послереволюционных политических выступлениях; пословицы-поговорки в изученных выступлениях почти не применялись, или применялись редко.

В политических выступлениях трюизмы используются в основном в предисловии для создания атмосферы доверия.

Список литературы

1. Алтунян А.Г. Алтунян А.Г., Анализ политических текстов: учебное пособие. –М.: Логос, 2014. -384с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.:Эксмо, 2000. – 484с.
3. Ром Н. Скрытое управление человеком. НЛП в действии - «Индивидуальный Предприниматель Ларин Владимир Евгеньевич». 2008. - 41 с.
4. Семинар с доктором медицины Милтоном Эриксоном (Уроки гипноза) / Ред. и коммент. Дж.К. Зейга; Пер. с англ. Т.К. Кругловой. –М.: Независимая фирма «Класс», 1994. -336с.

5. Шиллер Г., Манипуляторы сознанием. М.:Мысль, 1980. - 326с.

*Е.В. Муслиенко
Московский городской педагогический университет
(Россия, Лиски)
Lesley31@rambler.ru*

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЛИНИИ ВЗРОСЛОГО И ПОДРОСТКА НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Поступая в различные образовательные организации после школы, молодые люди погружаются в новые условия. Независимо от своего желания они становятся частью нового коллектива, и для многих это стресс. Подростки чувствуют себя неуверенно, обособленно, поскольку оказываются оторванными от привычной среды. Зачастую, испытывая неудовлетворённость собственным положением, именно в этот период студенты стараются максимально самоутвердиться и нередко делают это за чужой счет.

Главной особенностью юношеского возраста является становление самосознания и формирование «образа Я», состоящего из трех взаимосвязанных компонентов: познавательного, эмоционального и поведенческого. В этот период особенно высока потребность в достижениях. Каждый обучающийся стремится найти для себя ту сферу, в которой он сможет раскрыть свой потенциал и будет чувствовать себя максимально уверенно.

Актуальность темы обусловлена тем, что на первых курсах, когда идет процесс адаптации и самоутверждения, недостаточно высокий уровень «Я – концепции» приводит к возникновению острых конфликтных ситуаций, порой перетекающих в откровенный буллинг. Как правило, основной причиной является личная антипатия молодых людей, разная точка зрения на те или иные ценности, а также наличие высокого психологического напряжения в группе [1].

Поскольку основная воспитательная задача куратора на начальном этапе – помочь детям адаптироваться к новым условиям обучения, раскрыть имеющийся у них потенциал и начать работу по формированию здоровых отношений в коллективе, целью нашей работы видится подбор практических инструментов, которые способствуют повышению эффективности работы педагога в данном направлении. Ведь благоприятное положение студента в окружающей его среде содействует нормальному развитию его личности.

В ГБПОУ ВО «Лискинский промышленно-транспортный техникум имени А.К. Лысенко» мы провели небольшое социологическое исследование по методике К. Томаса и Р. Киллмана. Эта методика позволяет определить типичную линию поведения человека в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление. Согласно данным нашего мини-исследования, в котором приняли участие 102 человека, 41%

опрошенных выбирает компромиссную линию поведения, а 22% – предпочитают сотрудничество в решении спорных моментов.

Возникает вопрос: почему в студенческой среде так много конфликтов как внутри группы, так и между педагогами и обучающимися?

Как ни странно, во втором случае зачастую именно педагоги давлением собственного авторитета и желанием продемонстрировать своё превосходство углубляют возникающие спорные ситуации, переводя их в полноценный конфликт. Большинству студентов свойственно обострённое чувство собственного достоинства, максимализм, категоричность и однозначность нравственных критериев, жёсткий анализ своего и чужого поведения. Поэтому педагог должен быть аккуратен в своих суждениях, замечаниях и выводах. Взрослым людям недопустимо позволять себе оценочные суждения в адрес членов группы или высказывания, порочащие их достоинство. Это может стать отправной точкой для последующей травли [2, с. 400].

Вернёмся к первому случаю, когда конфликты возникают внутри студенческой группы. О причинах мы уже говорили выше. Имеет смысл упомянуть, что по данным того же исследования 20% обучающихся выбирают соперничество основной линией поведения, а оставшиеся 17% уходят в тактику избегания и приспособления. Таким образом, для столь маленькой группы достаточно высок процент людей, которые готовы «гнуть свою линию» и стремиться к удовлетворению собственных интересов, без учета мнения и желаний оппонента. Довольно большим является процент тех, кто постарается всеми возможными силами избежать открытого противостояния. Именно эти студенты наиболее уязвимы и могут стать потенциальными жертвами буллинга. Буллинг – это агрессия одних детей против других, когда агрессор и жертва находятся в неравных силах, когда один не может противостоять другому. Агрессия имеет тенденцию к цикличности. Неравенство сил и повторяемость – это два существенных признака буллинга [3, с. 39].

Поведенческая линия взрослого в работе с подростками и студентами очень важна. Ведь своевременно оказанная помощь и поддержка могут предотвратить настоящую трагедию. Главный механизм формирования ментального здоровья – это социализация и наличие эмоционально близкого взрослого человека. Как показывает практика, студенты, занимающие позицию соперничества, чаще всего оказываются агрессорами в проблемной ситуации. Они стремятся к самоутверждению, росту самооценки и своего положения в глазах сверстников. Эти дети отличаются вспыльчивостью, неуравновешенностью, и редко реагируют на критику.

Наблюдатели – самая многочисленная группа участников травли – в основном складываются из детей, выбирающих тактику компромисса. Основываясь на политике невмешательства, они испытывают жалость к жертве буллинга, но лишь небольшая часть готова реально помочь.

При этом нельзя считать данные поведенческие линии негативными. Здоровое соперничество помогает студентам развить в себе лидерские качества, а

умение идти на компромисс способствует созданию долгосрочных партнерских отношений с однокурсниками. В идеале для оптимального разрешения возникающих спорных моментов у каждого студента должны присутствовать все пять поведенческих линий, с соблюдением необходимого баланса.

Задача куратора – вести работу по сплочению студенческой группы таким образом, чтобы дети могли решать возникающие вопросы по принципу «здесь и сейчас», не боясь выражать своё мнение. Например, в ходе кураторского часа они говорят о том, что волнует их именно сейчас, обсуждают происходящее в группе, выражают свои мысли и чувства. Другой вариант этого правила – если кто-то что-то не понял или есть какой-то вопрос, задай его здесь и сейчас, чтобы не накапливать неясность, которая может ухудшить отношения в группе. Свободный обмен мнениями, обсуждение, внимание куратора как руководителя к настроению и мнениям всех членов группы, совместный способ принятия решений и управления создают основу для формирования сплоченного коллектива.

Помимо прочего, для обеспечения благоприятного психологического климата в группе, педагог использует различные приемы, способствующие более тесному знакомству и объединению студенческого коллектива. Это может быть «Интервью» – прием, в ходе которого дети задают друг другу разные вопросы, стремясь как можно больше узнать о своем новом окружении. Данное упражнение можно использовать с первокурсниками на этапе знакомства с группой. На любой стадии развития коллектива прекрасным средством объединения станет создание своих традиций. Традиции помогают вырабатывать общие нормы поведения, развивают коллективные переживания, украшают жизнь группы.

В запасе каждого педагога есть целый ряд различных приемов, позволяющих объединить студентов, задать позитивный тон и обеспечить благоприятный психологический климат в группе. Упражнения такого рода необходимо проводить в студенческих коллективах на регулярной основе, чтобы постоянно поддерживать в группе единство и неугасаемый интерес друг к другу. Ведь именно куратор каждый день создает и формирует своих студентов.

Список литературы

1. Ершова О.Н. Природа конфликтов в студенческой среде. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://infourok.ru/statya-na-temu-priroda-konfliktov-v-studencheskoj-srede-3513803.html> (дата обращения: 25.11.2023)
2. Журавлева А.В., Артемьева, Г.Н. Буллинг как деструктивный вид социального взаимодействия в подростковом возрасте. – Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». – 2023. – №10 (67), том 3.
3. Кривцова С.В., Шапкина А.Н., Малыгина М.П. Школьный буллинг: прояснение понятий // Вопросы психологии. – 2019. – № 3.

*Мусийчук М.В.
Магнитогорский государственный технический университет
имени Г.И. Носова
(Россия, Магнитогорск)
mv-mus@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮМОРА КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Нет ни одного рода шутки, из которого нельзя
было бы извлечь также и серьезного и важного.

М.Т. Цицерон
«Три трактата об ораторском искусстве»

Актуальность проблема изучения лингвокультурологических аспектов юмора, как одного из существенных проявлений общественного человека в основных сферах жизнедеятельности, обостряющихся в период военных действий является одной из центральных поскольку, нацеливает, прежде всего, на антропологические приоритеты в социально-коммуникативных процессах. Аксиологическая и прагматическая функции юмора проявляются в значительном диапазоне от доброжелательного до агрессивного юмора [2, с. 3].

Как подчеркивает В.Н. Телия, первостепенными задачами лингвокультурологии являются: «выявление способности носителей языка к культурно-языковой интроспекции; способности носителей языка к культурно-языковой интроспекции; Изучение когнитивно-языковых механизмов осуществления или референции языковых знаков к концептам культуры; исследования и описания способов ментально-языковой рефлексии над этой референцией; обнаружение в дискурсивных практиках различного типа индивидуальной или коллективной идентификации с установками культуры» [6, с. 14]. Смех, как культурное изобретение примитивных обществ описал К. Леви-Строс в «Мифологиях». Автор выделяет два типа смеха: «...смех который возникает от простого щекотания, носящего физический либо духовный характер, и торжествующий смех как культурное изобретение» [2, с. 130; 3]. «В силу особой близости комического к общественно значимым и всеобщим процессам оно доступно и внятно для всех народов», — пишет Ю. [1, с. 72]. Юмор национален и интернационален по своей сущности. Основания юмора тонко подмечены Ю. Боровым «... в самом содержании юмора есть что общечеловеческое» [Там же, с. 73].

Метод исследования: контент — анализ новостных сайтов Интернет и Telegram-канала. Всего проанализировано 289 текстов (единицей коммуникации

выступает текст как письменно фиксированная речь), содержащих юмор (остроумие) как оценку в речи политических лидеров России, и новостных сайтов Internet как ответная кризисная коммуникация на высказывания и действия отдельных представителей недружественных стран в период специальной военной операции.

Лингвокультурологические аспекты проявляются в остроумном дискурсе политических лидеров на основе пословиц и поговорок; креализованных текстов, в основе каких произведения живописи, кадры из кинофильмов и мультипликационных фильмов [4;5].

Так на основе произведений живописи такие приемы остроумия как: намек или точно наведенная цепь ассоциаций; смешение стилей или совмещение планов. На основе кадров из кинофильмов такие приемы остроумия как: буквализация метафоры; ирония как утчивая насмешка; сравнение как характеристика одного явления с разных точек зрения; намек или точно наведенная цепь ассоциаций. На основе мультипликационных фильмов построена на таких приемах остроумия: буквализация метафоры и намек или события (аллюзия), намек, в форме упоминания без подробного обсуждения предмета (претиоризация).

Юмор (остроумие) в сети Internet в период специальной военной операции отражают актуальную политическую и новостную повестку. Практическая значимость исследования состоит в выявлении лингвокультурологического потенциала юмора в качестве инструмента коммуникации для формирования общественного мнения. Юмор оптимизирует процесс воздействия на электоральные настроения, а также предстаёт в виде социального индикатора, отображающего настроения общества, что делает его востребованным в дискурсе кризисных коммуникаций в период военных действий.

Список литературы

1. Боров Ю. О комическом. М.: Искусство, 1957. 234 с.
2. Леви-Строс К. Мифологии. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб., 2001.
3. Мусийчук М.В. Юмор на грани или грани современного юмора в современных социально-коммуникативных процессах // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. Т. 9. № 3.
4. Мусийчук, М. В. Остроумие как кризисная коммуникация в Internet политических лидеров России в период специальной военной операции // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 3.
5. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Комическое как инструмент контрпропаганды в информационно-психологической войне на примере креализованных текстов в период специальной военной операции // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 1.

6. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. М.: Международные отношения, 1976.

В.Н. Нейман
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия
(Россия, Ханты-Мансийск)
vn.neyman@hmgma.ru

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В работе рассматриваются стратегии и средства речевого воздействия, используемые в политическом дискурсе, в рамках создания модели политического предвыборного высказывания. В качестве материала были использованы материалы предвыборных кампаний кандидатов на пост президента Российской Федерации в 2018 году (выступления П.Н. Грудинин К.А. Собчак, Г.А. Явлинского, Б.Ю. Титова).

Целью исследования является создание модели политического предвыборного высказывания на основе манипулятивных стратегий и языковых средств их реализации.

Методологической основой исследования послужили методы: наблюдения, классификации, систематизации, обобщения и описательный. Работа основывается на принципах системности, комплексности и детерминированности.

Важную роль для исследования играет выявление языковых репрезентаций манипулятивного воздействия на сознание адресата, в рамках межличностной коммуникации (Э. Берн, Е.Л. Доценко, Д. Майерс, П. Экман и др.) и массовой коммуникации (П. Бурдьё, Г.В. Грачёв, И.Л. Дергачева, С.Г. Кара-Мурза, Э. Кассирер, Г.Г. Почепцов, Г. Шиллер).

В процессе политической коммуникации соотношение «язык – реальность» может изменяться в сторону преобладания языка над действительностью. Этот процесс получил название «функция конструирования языковой действительности» (Е.И. Шейгал), «креативная функция языка» (Б.Ю. Норман) или «функция создания иллюзий» (А. Соломоник) [4, с. 219].

Учитывая классификации стратегий политического дискурса, представленные О.Н. Паршиной и О.Л. Михалевой, принимая во внимание цели, которые может преследовать кандидат можно назвать следующие наиболее часто встречаемые способы речевого воздействия: стратегия на повышение, стратегия на понижение, защита, театральность. Также выделяют такие стратеги как именование или навешивания ярлыка и стратегии убеждения и принуждения, как вербального аргументированного воздействие на адресата, метода воздействия на сознание с целью трансформации мировоззрения и поведения в целом [2].

На основании обзора критического анализа существующих коммуникативных стратегий, обладающих потенциалом манипулятивного

воздействия в российском предвыборном дискурсе разработана классификация лингвопрагматических средств: риторические фигуры и средства образности [1, с. 132], оппозиция «свой-чужой» [3], аффективный и эмоциональный синтаксис [5, с. 30-32].

На основе полученных научных результатов разработана модель политического предвыборного дискурса. Данная модель включает в себя различные этапы предвыборного высказывания, такие как «позитивная самопрезентация», «представление общенациональных ценностей», «негативная презентация других кандидатов», «самозащита», «убеждение электората отдать голос», а также стратегии воздействия и средства их реализации, чем отличается от существующих исследований. Все компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Для создания дискурсивной реальности политики нередко используют общепринятые предубеждения, верования, стереотипы, установки и ценности. Манипулятивные действия адресанта выражаются в трансформации дискурсивной реальности, создаются новые дискурсивные практики (гиперболизация, эвфемизация или элиминирование информации). Смысловое наполнение выступления зависит от семантической мотивации. С помощью осуществления компонентов дискурсивной структуры адресат воспроизводит свои когнитивные элементы в заданном для манипулятора направлении.

Результаты могут быть использованы в качестве рекомендаций по моделированию политического поведения перед выборами, а также применены для исследования политического дискурса.

Список литературы

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Издание 4-е, стереотипное. – Москва: КомКнига, 2006. – 288 с.
2. Нейман В.Н. Стратегии убеждения в предвыборном дискурсе политиков Российской Федерации и Чешской Республики / В.Н. Нейман // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2022. - № 8 (122). – С. 1-8.
3. Паршина О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (На материале политического дискурса) / Паршина О.Н. // Филол.науки. – 2004. – №3. – С.85-94.
4. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352с.
5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2006. – 136 с.

О.В. Новоселова
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Россия, Тверь)
olynov@mail.ru

МЕНАСИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ

Менасивные высказывания, менасивы или высказывания-угрозы являются непосредственной составляющей предвыборного дискурса отечественных и зарубежных политических деятелей [1]. Такие высказывания, как правило, являются заранее подготовленными (часто – письменно зафиксированными) спланированными вербальными практиками публичных выступлений политиков. Особый статус среди предвыборных менасивов занимают высказывания-угрозы, реализованные в ходе дебатов претендентов на самый высокий политический пост в стране [1; 2]. Специфика таких практик заключается в том, что они, безусловно, являются результатом подготовленного выступления их автора, который на протяжении всей предвыборной кампании реализует воздействующую коммуникативную функцию в форме практик различной интенциональности. Вместе с тем, предвыборные менасивы, функционирующие в коммуникативном пространстве политических дебатов, отражают сиюминутное, спонтанное аффицированное или дискомфортное эмоциональное состояние кандидата, так как реализуются в условиях агональной дискурсии и непосредственного контакта двух противоборствующих сторон.

Больше того, некоторые претенденты на самый высокий политический пост в стране считают уместным и оправданным провоцировать в состязательном противостоянии своих оппонентов на открытые столкновения и вводить их в дискомфортное эмоциональное состояние употреблением менасивных высказываний (также см.: 1;3). Например, формат дебатов позволяет политикам регулярно использовать менасивы с негативными последствиями, направленными в адрес оппонента. Ср., например, менасивы Джо Байдена *He can't stay in power. It won't happen. It won't happen, so vote* (First Presidential Debate, 2020); *Anyone is responsible for that many deaths should not remain as president of the United States of America* (Final Presidential Debate, 2020), менасивы Дональда Трампа *I could blow away your records like you wouldn't believe* (Final Presidential Debate, 2020); *I will show that to you tomorrow* (Final Presidential Debate, 2020), *If you did that in the private sector, you'd be put in jail, let alone after getting a subpoena from the United States Congress* (Second Presidential Debate, 2016) и менасив Хилари Клинтон *He owes the president an apology, he owes our country an apology, and he needs to take responsibility for his actions and his words* (Second Presidential Debate, 2016).

Представленные высказывания отражают дискомфортное эмоциональное состояние политика и являют собой менасивную «атаку» на оппонента. При этом, такие практики привлекают внимание к кандидатуре политика потенциальных

избирателей и иных представителей общественности, интересующихся политикой (ср. количество просмотров дебатов).

Таким образом, формат политических дебатов, предполагающий возможность мгновенной (непосредственной) обратной связи между его участниками, требует от политика концентрации внимания и умения логично излагать свою позицию по различным вопросам. Поэтому перед политиком, подготовленным к процедуре проведения дебатов, стоит задача отразить всевозможные менасивные «атаки» оппонента и ведущего, которые также находятся в некомфортном эмоциональном состоянии во время предвыборных дебатов.

Список литературы

1. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискуссии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 73–85. Режим доступа: www.tverlingua.ru

2. Новоселова О.В. Роль менасивного конструктора в предвыборных дебатах [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022а, №4. – С. 16-25. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

3. Новоселова О.В. Менасивные высказывания в предвыборном дискурсе Д. Байдена // Языки и культуры в современном мире: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва, 13–14 ноября 2022 г.). – М.: Издательство МЭИ, 2023. – С.221-223.

И.В. Кокурина, М.В. Ополовникова
Ивановский государственный университет
(Россия, Иваново)
inna-kokurina@mail.ru
omw@mail.ru

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СЕКТОРЕ ГАЗА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРИКАТУРЕ

Палестино-израильский конфликт, резко обострившийся в октябре 2023 года, нашел отражение в творчестве немецкоязычных карикатуристов, иллюстрирующих различные аспекты общественно-политического кризиса на Ближнем Востоке. Рассмотрим ряд особенностей, присущих карикатурам, посвященным данному вопросу.

В первую очередь следует отметить, что на основании подобного рода текстов можно проследить настроения населения Германии в отношении военного противостояния в секторе Газа. Многие немцы потрясены большим количеством жертв среди мирного населения и осуждают насильственный способ решения конфликта, не углубляясь в его причины и не поддерживая ни одну из

сторон. Так, ряд карикатур подчеркивает пессимистическое видение ситуации и отсутствие перспективы на мирное урегулирование. Это можно проследить, например, в работах *Friedhof Nahost (Кладбище Ближний Восток)* и *“Friedenspolitik” im Nahen Osten («Политика примирения» на Ближнем Востоке)*, на которых изображены могилы мира на Ближнем Востоке, а также могилы Израиля и Палестины. Эпитафия *«Покойся с миром»* транслирует мысль о том, что мнимая политика примирения может привести к уничтожению обоих государств.

Кроме того, во многих карикатурах устанавливается референция к другим странам и их политическим деятелям, непосредственно или опосредованно участвующих в конфликте (Джо Байден, Эрдоган, О. Шольц, Али Хаменеи, Урсула фон дер Ляйен и др., например, в карикатурах *Bidens Kriege (Войны Байдена)*, *Europas Nahost-Haltung (Позиция Европы в отношении Ближнего Востока)*, *Scholz in Israel (Шольц в Израиле)*, *Keine direkte Beteiligung (Непрямое участие)*, *Irans Rolle in Nahost (Роль Ирана на Ближнем Востоке)*). Наиболее частотными фигурами при этом являются политики ФРГ, что представляется закономерным, поскольку жителей Германии интересует прежде всего роль их собственного государства в урегулировании сложившейся ситуации. Многие карикатуры отражают критическое отношение к членам правительства и недовольство их нерешительными и зачастую двуличными действиями. Это ярко иллюстрирует карикатура *Baerbock in Nahost (Бербок на Ближнем Востоке)*, на которой министр иностранных дел одной рукой приветствует премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, а за спиной другой рукой протягивает деньги младенцу, которого держит боец исламистского движения ХАМАС. При этом А. Бербок сатирически представляется в качестве миротворца с оливковой ветвью и нимбом над головой.

Особый интерес вызывают семиотически гетерогенные тексты, которые оперируют прецедентными феноменами, актуализирующими различные культурные коды. К подобным случаям можно отнести изображения голубя мира (*Die Welt trifft Katar (Мировое сообщество встречает Катар)*, *Bombenhagel (Град из снарядов)*), быка и Европы как символов Евросоюза (*Nahost (Ближний Восток)*, *EU Haltung Nahost (Позиция ЕС по Ближнему Востоку)*), Сизифа (*Keine ruhige Kugel (Неспокойный шар)*, *Sisyphus (Сизиф)*), сатаны (*Zünder (Поджигатель)*, *Erntedankfest (Праздник урожая)*), смерти с косой (*Couchgespräche (Разговоры на диване)*, *Nahostkonflikt (Конфликт на Ближнем Востоке)*), нацистского орла (*Keine Zeit für Frieden (Нет времени для мира)*) и др.

С лингвистической точки зрения внимания заслуживают карикатуры, базирующиеся на обыгрывании фразеологических единиц. Вербальная часть содержит фразеологизм, верное понимание которого необходимо для правильной интерпретации смысла всей карикатуры, в то время как в иконической части визуализируется буквальное значение элементов фразеологического сочетания. Так, авторы используют фразеологизмы *Eiertanz vorführen (Eiertanz Scholz (Лавирование Шольца))*, *den Graben zuschütten (Nahost (Ближний Восток))* и др.

В заключение отметим, что культурные, социальные и общественно-политические условия, в которых находится автор карикатуры, а также его языковая картина мира формируют перспективу, с которой иллюстрируется военный конфликт на Ближнем Востоке, а также обуславливают выбор объектов сатиры и используемую палитру выразительных средств.

*А.А. Романов, Л.А. Романова
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
romanov_tgsha@mail.ru*

ДИСКУРСИВНО-МЕДИЙНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАПУГИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ И ПРОТИВОБОРСТВ

Дискурсивно - медийные практики суть проявления одного и того же менасивно - эристического феномена, связанного с активным распространением коммуникативно-пропагандистских посланий вирусного воздействия, направленных на подрыв в глобальном информационном пространстве репутационного капитала атакованного соперника [1]. Функционально-прагматическое предназначение медийных подрывных практик сводится к мифотворческому, искажённому конструированию как дискурсивно-медийной реальности, так и фактуально - референтной действительности, культивируя переоценку декартовской формулы “*cogito ergo sum*” на “*recito ergo sum*”.

Применение дискурсивно-медийного инструментария в условиях современного однополярного мира оказывается чрезвычайно эффективным механизмом по созданию кризисных ситуаций в политико-экономической борьбе с конкурентами как на глобальном уровне – между странами-соперниками, странами – оппонентами, так и на федерально-региональном или локальном уровне – между экономическими конкурентами и политическими соперниками за ресурсы, рынки сбыта и репутационный капитал.

Функциональное предназначение медийных инструментов в контексте упорной борьбы за своё превосходство *versus* доминирование интенсивно осуществлять агрессивно-атакующее влияние (воздействие, давление) как на социально-политические и экономические условия жизнедеятельности отдельных стран, наций, народов, кампаний, фирм, объединений, так и на эмоции, мотивы и поведение руководителей таких стран, производственно-финансовых и технологических объединений, общественных организаций, отдельных отраслей хозяйства, технологических корпораций и даже на отдельных граждан с целью переформатировать у них индивидуальную картину мира и изменить их личностные установки, формы поведения и культурно-исторические ценности.

Иллюстративным примером эффективной реализации информационно-коммуникативного инструментария в виде набора вербально - коммуникативных

и авербально-медийных технологий и практик по переформатированию ментальных установок граждан могут служить событийные материалы последних десятилетий по анализу всевозможных революционных преобразований – от «цветных революций», череды «арабских вёсен», украинских «майданов» с 2004 года по 2014 год до конкретных силовых операций по свержению руководителей Ирака («Буря в пустыне»), Ливии, Египта, Сирии.

Вскрытие и описание функционального механизма таких информационно-коммуникативных технологий и практик – задача чрезвычайной важности не только для специалистов по геополитическим процессам переустройства мира, но и для интегративного со-работничества для лингвистов, психологов, психолингвистов, медиа-лингвистов и журналистов, работающих в области массового сознания, когнитивной лингвистики, когнитивной безопасности, медиалингвистики и медиакоммуникаций. В сложившейся обстановке переустройстве мира эти задачи необходимо решать сегодня в первоочередном порядке для того, чтобы *научиться выявлять* функциональное поле деятельности обозначенного инструментарий, *вырабатывать* определённые навыки устойчивого противодействия таким технологиям у массового адресата и не *подпадать* под влияние (избегать, уходить от влияния) манипулятивного притяжения медийных коммуникативно-меметических практик с информационно-тематическим содержанием, сформированным и сконструированным под типовые фреймовые образцы-лекала агрессивно-деструктивных информационных “противоборств” и “атак”.

Однако, решение указанных задач не в последнюю очередь осложняется тем, что не всегда удаётся точно определить реальный прагмасемантический объём базовых понятий, отражающих функционально-тематическое содержание различного рода «противоборств», «противостояний», «атак» и «войн», связанных с реализацией социально-экономических, культурно-исторических рестрикций, санкционных заграждений, блокад и других, сходных с ними понятий по причине полисемичности их трактовок и многообразия подходов к толкованию указанных событийно-семиотических коммуникатов или коммуникативных конструкторов-событий.

В связи с этим назрела актуальность в разработке интегративной проблематики предметного поля исследования с обозначением междисциплинарного основания для её описания. С позиций функционально-семантического (лингво-прагматического) подхода важно рассмотреть ряд частных проблем, связанных с реализацией коммуникативных практик агрессивно-агональной дискурсии в социальной сфере нашего общества, в котором за последние двадцать лет резко возрос интерес к феномену коммуникативных агрессивных практик, что повлекло за собой порождение (генерацию) новых форм массовой коммуникации, реализуемых с целью дезруптивного (разрушительного) воздействия на выбранного в качестве объекта нападения и атак соперника. В этих условиях получили широкое признание

всевозможные типы, виды и подвиды (разновидности) агональных коммуникативных практик, в том числе и вербально-агрессивных практик “словесного боя”, которые нацелены на достижение безоговорочной победы над своими соперниками, оппонентами, противниками или конкурентами с использованием всевозможных средств вербальной эристики, что повлекло за собой проявление современной тенденции прагматического дрейфа боевой, состязательной баттл-дискурсии, расширяющей коммуникативно-функциональное пространство проявления её новых разновидностей, именуемых рэп-баттл или баттл-рэп.

Популярность в социально-медийном пространстве феномена информационно-политического, национально-культурного и агонально-эристического противоборства в его дискурсивно-интерактивном, коммуникативно-конструктивном выражении – «когнитивно-коммуникативный / вербальный баттл-конструкт» – обуславливает необходимость внимательного изучения данного явления как результирующего продукта новой реальности, а именно – реальности глобального присутствия в “инфосфере” широкого спектра противоречивых отношений, ценностей и поведенческих норм, усиливающих «анатомию человеческой деструктивности» [2] путём распространения «срежиссированных» и бенифициарно созданных (фреймированных) по типовому образцу вербально-батальных практик, которые нацелены на достижение безоговорочной победы над своими соперниками, оппонентами, противниками или конкурентами с использованием всевозможных средств вербальной эристики.

Список литературы

1. Романова Л.А., Малышева Е.В., Морозова О.Н., Романов А.А. Политическое ТВ-интервью в противостоянии постправдивым информационным посланиям // Военная журналистика в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С.183–194.

2. Фромм Э. Иметь или быть? Киев: «Ника-центр», 1998. 400 с.

Н.Н. Крюкова
Центр социокультурных экспертиз
(Россия, Москва)
post@anocce.ru

А.Е. Тарасов
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
garmisch@yandex.ru

П.А. Спиваков

**ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ АТТРИБУЦИИ ТЕКСТА,
СГЕНЕРИРОВАННОГО СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ): ИНВАРИАНТ, ИМПЛИКАТ И ПРОГРАММА
«ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС»**

Появление персональных компьютеров революционизировало обработку текстов. Порождение и обработка текста со временем стали основной задачей для персонального компьютера. Объем текстов, которые после небольшого обучения пользователь компьютера мог порождать, стало ограничиваться лишь скоростью клавиатурного ввода.

Когда из клавиатурного набора смогли «выжать» всё, возникла потребность в разработке программного обеспечения для обработки голосовой диктовки текста и распознавания рукописного текста. С большим или меньшим успехом обе задачи были решены ещё в прошлом веке.

Взрывное развитие Интернета в начале XXI века вызвало «кризис контента». Возможности рядового пользователя по порождению текста достигли физиологического предела. Возникла потребность в создании инструмента способного самостоятельному порождению – «генерации» – текста на заданную тему.

Решению задачи «автоматической генерации» текста способствовала разработка программ так называемого «искусственного интеллекта» (ИИ). Поначалу данные технологии в сфере генерации текста были ориентированы на узкоутилитарные задачи организации взаимодействия в системе «человек-машина». Появились многочисленные «голосовые помощники» и «виртуальные ассистенты».

Внедрение этих технологий позволило облегчить работу необученного пользователя по взаимодействию (выбору) услуг у конкретного поставщика. Однако поначалу всё ограничивалось простейшими действиями и распознаванием и ответным порождением небольшого количества слов или фраз. Решение задачи генерирования связного «литературного» текста в данный момент находится на начальном этапе.

Компании, разрабатывающие программы ИИ и предоставляющие услуги с использованием данных программ утверждают, что их «программный продукт» способен создавать большие массивы текста. При этом подобные тексты, по утверждению их разработчиков, обладают всеми признаками «литературного» текста, порожденного человеком – целостностью, связностью и законченностью. При этом целеполагание текста пока задается внешним оператором.

Несмотря на существующие технологические ограничения продолжают попытки использования квази-ИИ технологий в рамках информационного

противоборства. В условиях наличия у ведущих мировых держав арсеналов ядерного оружия и бурного развития средств его доставки (гиперзвуковые боевые блоки) военные столкновения превратились в набор прокси-конфликтов, исключающих прямое военное столкновение ядерных держав.

В прокси-конфликтах значительную роль приобрела информационная составляющая, иными словами, «поле боя» частично переместилось в Интернет. Эффективность «информационного» оружия способствовала развитию технологий борьбы с ним, и в частности, разработке и принятию правовых норм, вводящих персональную ответственность за создание и/или распространение текстов с различной степенью креолизации.

Уголовная ответственность предусмотрена за авторство текста, который наносит какой-либо ущерб. Например, за авторство текста, призывающего к совершению противоправных действий. Вполне очевидно, что по мере совершенствования технологии ИИ в информационное противоборство будут включаться тексты сгенерированные ИИ.

С точки зрения потенциальных правонарушителей, подобные тексты находятся в «правовом вакууме» так как ответственность разработчиков программ ИИ за противоправные действия с использованием технологий ИИ в части генерирования текста действующим законодательством не предусмотрена.

Программы генерации текстов сейчас разрабатываются и активно используются их владельцами для демонстрации «безграничных» возможностей ИИ, но показываемая ими эффективность в настоящее время невелика.

В разрешении подобной правовой коллизии определенную роль могла бы сыграть разработка моделей атрибуции текста сгенерированного ИИ.

Настоящим докладом мы предлагаем подход к разработке одной из возможных моделей атрибуции текста, сгенерированного ИИ, на основе анализа инвариантов и импликатов текста. Реализация модели будет осуществляться с использованием программы «Лингва-Экспресс».

Метод атрибуции на основе импликатов, положенный в основу работы программы, был разработан в 1974 г., а программа была реализована для ПК в 1998 г. коллективом авторов В.И. Батовым, Ю. А. Сорокиным, В.А. Варнавой, А.С. Чистопольским и А.А. Косолаповым. Программа «Лингва-экспресс» позволяет эксплицировать характеристики психологического уровня в текстах как вербального, так и иконографического (рисунков) оформления. Как было показано в многочисленных исследованиях, реализованных с помощью данной программы, эффект атрибуции на основе импликатов значительно выше эффекта атрибуции на основе формальных характеристик для текстов. Для достоверного вывода объем текста должен составлять ~300 слов, что позволяет работать с короткими сообщениями, характерными для современной блогосферы.

К.В. Урсул
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
ursul-16@mail.ru

В.И. Урсул
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(Россия, Москва)
vitalii_ursul@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В СМИ

Информационная картина мира культуроспецифична. Каждый народ на планете Земля исторически наделен своим набором лингвокультурологических особенностей, проявляющихся на разных языковых уровнях в границах сверхфразовых единств в тексте. Анализ этих особенностей позволяет ученым из разных областей знаний выйти на новый уровень осознания самобытности отдельно взятой нации. В данной ситуации нельзя отрицать тот факт, что научные исследования, направленные на выявление характерных особенностей языковой репрезентации национальной идентичности того или иного государства позволяют разрешить ряд проблем внутривнутриполитического масштаба, а также провести мониторинг проблем, существующих за пределами государства, на мировой арене. Так, «у нас в стране накоплен солидный опыт информационно-аналитического обеспечения ведения военных конфликтов. Этот опыт был порой как позитивным, так и негативным. В качестве примера можно привести события Первой мировой войны с высоким патриотическим подъемом на начальном этапе, который сошел на нет через пару лет после предательства политических элит и дестабилизации внутривнутриполитической ситуации» [1, с. 46]. Учитывая вышеизложенный факт, следует сказать, что в данном контексте решающая роль во многом ложится на плечи средств массовой информации.

Для победы в том или ином конфликте технического превосходства мало, должно быть еще информационно-психологическое превосходство [Там же, с. 48], достигаемое за счет определенного «настроения» текстами СМИ. Для создания комфортной для успешных военных действий атмосферы в ход идут разные средства, применяемые журналистами в новостных текстах радио и телевидения. На примере этих текстов можно четко проследить культурно-специфические средства воздействия на общество, как внутри страны, так и за ее пределами. Последнее, ко всему прочему, наглядно демонстрирует миру в целом, на что в своих максимумах может пойти государство для урегулирования внутривнутри- и внешнеполитической ситуации в стране и какую роль оно играет на мировой арене. Для анализа возьмем освещение арабо-израильского конфликта в российских и американских СМИ.

В эти выходные в саудовском Эр-Рияде пройдут сразу два чрезвычайных международных саммита. Потому что творящаяся уже второй месяц расправа над Газой стала кризисом не только региональным, но и глобальным, причем как с постоянной опасностью эскалации, так и уже с практически гарантированными тяжелейшими последствиями. Альтернативные атлантическим модели мировой архитектуры безопасности находятся только в процессе строительства — это и ШОС (потенциально паназиатский), и БРИКС (потенциально общемировой). Поэтому США пока ещё могут пытаться играть по старым нотам: в Европе — по натовским, а на Ближнем Востоке опираться на собственное военное превосходство, одновременно **используя свой любимый принцип "разделяй и властвуй"**. Россия и Китай однозначно против американской политики крышевания любых израильских безумств, но это лишь часть противоречий Москвы и Пекина с Вашингтоном. Борьба за Газу должны в первую очередь сами арабы и исламский мир [2].

*President Biden said on Wednesday that **the endpoint of the Israel-Hamas conflict has to be a Palestinian state that is "real," existing alongside an Israeli one** [3]. / В среду президент Байден заявил, что за разрешение конфликта между Израилем и «Хамас» всецело должно отвечать только находящееся в непосредственной близости Палестинское государство. В сложившейся ситуации это самая реалистичная и весьма действенная помощь региону.*

В вышеуказанных примерах наглядно прослеживается аналитический характер освещения арабо-израильского конфликта в российских СМИ, где журналисты для создания особой «драматургии» применяют яркие метафоры («играть по старым нотам») и прилагательные, характеризующие ту или иную сторону конфликта в отличительном ключе («любимый принцип "разделяй и властвуй"»).

Что же касается американских СМИ, то здесь стоит отметить сфокусированность на «придании силы» стороне конфликта с целью воодушевления, вдохновения на самостоятельное разрешение военного столкновения внутри проблемного региона (*'has to be a Palestinian state that is "real," existing alongside an Israeli one'*).

Список литературы

1. Бочарников И.В. Приоритетные направления информационно-аналитического обеспечения специальной военной операции // Под общ. редакцией В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М. : «Экон-Информ» – 2023. – С. 45-61.

2. Израиль остановит только общееисламский ультиматум Западу [Электронный ресурс]. РИА Новости, 2023. URL: <https://ria.ru/20231111/izrail-1908776438.html?ysclid=lpbskv52yt124928206> (дата обращения 23.11.2023).

3. Biden Says a 'Real' Palestinian State Must Come After War [Электронный ресурс]. The New York Times, 2023. URL:

<https://www.nytimes.com/2023/11/16/world/middleeast/biden-palestinian-gaza-hamas-israel-war.html> (дата обращения 23.11.2023).

Е.В. Чепкасов
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Россия, Санкт-Петербург)
shaman007@mail.ru

«ЯЗЫК НЕНАВИСТИ» В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

В этой статье я хотел бы коснуться острой темы – «языка ненависти», который помогает решать утилитарную задачу дегуманизации, расчеловечивания противника. «Язык ненависти» становится военно-политической необходимостью, как бы цинично это ни звучало, и помогает снять нравственные барьеры в любом противостоянии. Вместе с тем, не исключено, что само противостояние может быть порождено «языком ненависти», начавшись со словесной перепалки, все более ужесточающейся, переходящей в действие, а перепалка, в свою очередь, имеет настоящую причину, с которой все и начинается. О причинах российско-украинского конфликта я говорить не буду: об этом и так слишком много сказано. Остановлюсь на «языке ненависти», который предварял его острую фазу и сопровождает сейчас.

Более десяти лет, читая лекции по ораторскому искусству или спичрайтингу я, иллюстрируя миссионерский подтип религиозного красноречия, приводил пример проповеди, произнесённой в 2008 году диаконом Андреем Кураевым во время рок-концерта Юрия Шевчука (лидера группы «ДДТ») в Киеве, на стадионе. Чрезвычайно удачный пример, в котором показано, как оратор, чуждый для аудитории, подстраивается под нее, говорит на ее языке и имеет оглушительный успех. Сейчас, к сожалению, уже небезопасно использовать этот пример, поскольку христианская проповедь диакона Андрея, связанная с событиями в Грузии и Южной Осетии, несет в себе яркий антивоенный посыл. Кстати, теперь и Кураев, и Шевчук, не изменившие своих пацифистских взглядов и публично их высказывавшие после начала СВО, оштрафованы за дискредитацию российской армии, Шевчук лишился возможности давать концерты в России, а Кураев недавно эмигрировал.

В той проповеди, которую еще можно найти в Сети, отец диакон говорит: «Человек не может убить человека — рука не поднимается. И поэтому намеченную жертву нужно расчеловечить, лишить человеческого статуса. Человека низводят к обидной кличке, к неприятной черте. Человека убить нельзя, но можно убить хохла или москаля, кулака, беляка, грызуна, чеха...» Именно об этих «обидных кличках», способствующих расчеловечиванию, и пойдет речь далее. Причем я не буду рассматривать «язык ненависти» для внутреннего употребления на Украине или в России для борьбы с внутренними врагами

(«сепары», «колорады», «рогули», «титушки» или «либерасты», «ватники» и т.д.), а сосредоточусь на взаимном расчеловечивании основных сторон конфликта, т.е. украинцев и русских.

Интересно, что для народов, столь похожих по языку, культуре, имеющих общую историю и родственные связи, народов братских, а по словам В.В. Путина – просто одного разделенного народа – крайне сложно найти различия, достаточные для ненависти. И тут вступают в игру те самые «обидные клички». Их легко можно найти на форумах, в обсуждениях к тем или иным видео, в постах из социальных сетей. Для того, чтобы сэкономить место, я не буду делать ссылок, но простой поисковый запрос даст любознательному читателю достаточно материала по любому из слов «языка ненависти», о которых я поведу речь.

Начинать логично с названий стран. Со стороны украинцев используются слова «россия», «эрэфия», «рашка», «параша», «мордор», причем строчные буквы говорят о сугубом презрении. А с нашей стороны «язык ненависти» проявляется в словах «б.у.» («бывшая Украина»; одновременно аббревиатура намекает и на «бывшую в употреблении»), «руина», «урина», «окраина». Заглавные буквы тоже отменяются по аналогии. Разумеется, уважать жителей стран с такими названиями невозможно.

Теперь к самим жителям. Самые нейтральные и издавна употребляемые – это «москаля», «кацапы» для русских и «хохлы», «чубатые» для украинцев. Если не ставить себе задачи обидеться, то обидного в этих названиях мало. Они указывают на столицу (Москва) и на бороду (как цап – как козел) либо на оседлец (тот самый хохол, чуб); я неоднократно слышал до обострения, как украинцы и русские при общении друг с другом сами к себе иронично применяли эти названия (хотя кацапами себя именовали гораздо реже, чем москалями). Сейчас в эти слова все чаще вкладывают ненависть.

Расчеловечение русских со стороны украинцев сейчас выражается словами «орк», «пидор», «вата», «ватник», «рашист» и др. Расчеловечение украинцев со стороны русских сейчас выражается словами «сало», «салоед», «эльф» (по аналогии с «орком»), «свидомит» (сочетание «свидомого» с «содомитом»), «щевмерлик» (от первой строки украинского гимна: «Ще не вмерла Украина», кстати сам гимн часто называют песенкой про дохлую собачку: «щеня вмерла»), «небратья» и др.

Наверное, чтобы вновь почувствовать себя братьями, когда военные действия закончатся, украинцам и русским в первую очередь нужно будет отказаться от «языка ненависти», а потом начать долгий и трудный путь к этому поруганному братству.

В.И. Шляхов
Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)
shlyakhovv@mail.ru

К.Е. Агафонова
Российский биотехнологический университет
(Россия, Москва)
agafonovake@yandex.ru

БУЛЛИНГ, ТРОЛЛИНГ И ХЕЙТИНГ: ПРОЯВЛЕНИЕ НЕПРИЯЗНИ И НЕНАВИСТИ В ПОЛИТДИСКУРСЕ

Я хочу, чтобы к штыку приравняли стихи
В.В. Маяковский

Понятие о претекст-программе в лингвокогнитивистике является одним из основных в учении о превращении мыслей и эмоций в словесные тексты. Претекст-программы играют важную роль в упорядочивании и преобразовании отдельных мыслей и эмоций человека в понятные тексты для других людей [3, с.171-178]. Основная функция когнитивной претекст-программы состоит в том, чтобы подготавливать мысли, эмоции в языковом сознании людей к словесному воплощению. Претекст-программа «овеществляет», материализует мысли и чувства людей средствами языка. В эту программу входят схемы словесного воздействия на знания, поведение и эмоции людей, используемые ими речевые стратегии и тактики. Нетрудно предположить, что в претекстовых программах важную роль играют когнитивные действия, обеспечивающие уместное использование эмотивов в устных и письменных текстах. А.Н. Леонтьев писал, что «любое высказывание эмоционально, что в речи нет эмоциональной нейтральности» [1, с. 274].

Ниже будет показана трансформация дисфемизмов, входящих в перечень главных когнитивных средств речевой стратегии дискредитации, в троллинг, буллинг и хейтинг. Для этого нужно решить непростую задачу – показать эмотивную составляющую буллинга, троллинга и хейтинга.

Напомним, что собой представляют такие фигуры речевого воздействия, как троллинг и буллинг. Они распространены в политическом дискурсе и сравнительно недавно начали широко применяться.

Буллинг – словесное преследование, психологический остракизм, сплетни, насмешки, клички и т. п. (от англ. bully – хулиган, драчун, насильник). Буллинг, или травля, психологическая агрессия, используется в любом возрасте и в любой социальной сфере. Претекстом для травли могут быть политические или

религиозные убеждения, внешность, характер, пол, этническая принадлежность и т.п.

Троллинг – более распространенный вид речевого воздействия по сравнению с буллингом в речевой стратегии доминирования в политдискурсе. Стоит отметить, что троллинг нередко близок к дисфемизации, то есть грубому или нарочито стилистически сниженному обозначению изначально нейтрального понятия с целью придания словам негативной оценки людей или событий [5, с. 149]. Например, можно услышать слово «морда» вместо «лицо». Нередко троллинг сопровождается метасмыслом [4], реализующимся через иронию и насмешки над оппонентом.

В политическом дискурсе троллинг используют и чиновники, и политические соперники в качестве инструмента контроля над целевой аудиторией и господствующими там взглядами и позициями. Причём троллинг может быть направлен как на личность, так и на «массового оппонента». Известно, что троллинг нередко превращается в киберпреследование, то есть в кибербуллинг. Целью устного или письменного долговременного преследования в политдискурсе является умаление достоинства, престижа, авторитета политических противников или недругов в повседневной жизни.

В политдискурсе замечен переход от взвешенного применения фигур непрямо́й коммуникации, таких как ирония, эвфемизмы, к использованию жёстких речевых действий, которые превращаются в хейтинг или, другими словами, язык ненависти.

Следует отметить, что многие фигуры непрямо́й коммуникации в устном или письменном дискурсе нередко превращаются в более интенсивные по эмоциональной заряженности обороты речи. Так, ирония может превращаться в сарказм, дисфемия – в буллинг. Буллинг и дисфемизмы могут трансформироваться в оскорбления и насмешки, которые являются словесными выпадами в адрес политических соперников.

Отрицательные эмоции в претекст-программе служат инициатором создания текстов, их овеществления (термин Е.Ф. Тарасова). Например, в речевых тактиках буллинга отрицательные эмоции инициируют создание ложных слухов в целях дискредитации оппонента, стремятся даже к социальной изоляции «жертвы» буллинга.

Отметим, что расцвет различных форм троллинга и буллинга как в российской, так и на международной арене, приходится на период сложных политических или экономических ситуаций. Так, во времена холодной войны между Европейскими странами, США и СССР обострялись критические выпады в адрес друг друга. Так, Кукрыниксы создавали агитационные рисунки и плакаты во время Отечественной войны, Владимир Маяковский – «Окна РОСТА» во время гражданской войны. В современном политдискурсе отрицательные эмоции по поводу политики Западных стран трансформируются в словесные «штывки» хейтинга.

Рассмотрим подробнее значение слова «хейтинг». Неологизм «хейтинг» означает ненависть, проявление ненависти; поступки или высказывания, порождаемые ненавистью и яростью. Хейтить – открыто ненавидеть кого-то, проявлять эту эмоцию, проявлять ненависть устно или письменно.

Хейтинг включает в себя язвительные замечания, саркастические высказывания, навешивание ярлыков, оскорбления, нецензурную лексику в адрес оппонента и пр. Он может включать в себя и такие речевые тактики, как троллинг и буллинг.

Приведём пример из современного политического дискурса.

Обстоятельства общения. Заместитель председателя Совета безопасности РФ и председатель партии «Единая Россия» Д. А. Медведев регулярно публикует посты в своем Telegram-канале, критикуя власти Украины, Евросоюза и США. В очередной своей публикации он ответил на вопрос об особой резкости своих постов в Telegram.

«Меня часто спрашивают, почему мои посты в Telegram такие резкие. Отвечаю — я их ненавижу. Они ублюдки и выродки. Они хотят смерти нам, России. И пока я жив, я буду делать все, чтобы они исчезли» [2].

Комментарий. В данном примере дисфемизмы «ублюдки» и «выродки» трансформируются в буллинг и троллинг, так как подобные инвективы достаточно часто употребляются Д. А. Медведевым в его постах в адрес оппонентов. Свои эмоции неприязни политик не скрывает: «Я их ненавижу!», эти слова ярко демонстрируют повсеместно употребляющуюся в настоящее время в политдискурсе речевую стратегию хейтинга.

В заключение заметим, что такие новые средства речевого воздействия на общественное сознание, как троллинг и буллинг, обслуживающие речевую стратегию хейтинга, получили широкое распространение в политдискурсе. Они являются, в частности, словесным воплощением отрицательных эмоций, вызванных враждебной политикой Западных стран и Украины.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. Психологическое исследование речи [Текст] /А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: В 2 т. – Т. 1. – М.: Психология, 2009. – 591с.

2. Медведев объяснил резкость своих постов ненавистью к «ублюдкам и выродкам». – Коммерсант //Электронный ресурс. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5392867?ysclid=lpfd8lgpll765410897> Дата обращения: 26.11.2023

3. Тарасов Е.Ф. Принцип системности при анализе речевых процессов // Вопросы психолингвистики. №2(48). 2021.

4. Шляхов В.И. Речевая деятельность в психолингвистике: Сценарий русского речевого общения. – М.: ЛЕНАНД, 2018.198 с.

5. Шляхов В.И., Агафонова К.Е. От метафоры до фейков: Словесное воздействие на эмоции, знания и поведение людей, 2023. — 166 с.

Е.В. Яковлева
Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)
elexs@mail.ru

И.А. Кабанова
Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)
5671@mail.ru

ТЕРМИН «КОНСЕНСУС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Углубленное изучение характеристики эстетического воздействия, обнаруживаемой текстовыми материалами разной языковой, регистровой и дискурсивной принадлежности, все так же вызывает правомерный интерес широких языковедческих кругов.

Сегодня, когда доступ к информационному потоку ничем не ограничен, а предметные сферы, ценностные установки, мотивации, цели и способы их достижения авторами публикаций и медийных материалов разнообразны, особенности передачи информации будь то в личном общении в ходе полемического обмена мнениями или в общении заочном методом опубликования текстов в профессиональных изданиях или на медийных платформах – с необходимостью включают исследование явления языкового манипулирования.

В работах последних лет все чаще можно обнаружить стремление авторов защитить использование языковых манипулятивных средств, как одного из способов организации языкового материала. При этом оговаривается, что выбор средств языкового манипулирования определяет особенности передачи смыслового содержания текстовых материалов, что дает возможность рассматривать прием языкового манипулирования как «характеристику суггестивной окрашенности дискурсивных практик в разных типах дискурса», а его применение можно считать осуществляющимся по определенной модели, «учитывающей подтвержденные практикой теоретические положения психолингвистики о градации восприятия референтной аудиторией смыслового содержания предъявляемых ей текстовых материалов» [1, с.7].

Процесс языкового манипулирования, суть которого в побуждении реципиента к действию или восприятию заданного смысла определенного текстового сообщения или его части, оказывается объектом пристального внимания в психологической, социологической, педагогической и

лингвистической областях современного гуманитарного знания. И поскольку материалы разной дискурсивной соотнесенности, использующие богатый потенциал языковых и речевых особенностей литературной нормы того или иного национального языка, способны актуализировать многообразие смыслов, одним из которых является смысл достижения взаимопонимания между участниками коммуникативного акта, коммуникативной ситуации и, более широко, линейной последовательности тематически объединяемых ситуаций общения, изучение лексической единицы **консенсус** не утрачивает актуальности.

Современные специализированные лексикографические источники подробно описывают феномен термина **консенсус**, пополнившего словарный запас носителей и пользователей современного русского языка в конце 20-го века, с опорой на метаязыковой ресурс и понятийный аппарат многих областей гуманитарного знания. В самом широком понимании термином **консенсус** обозначается «*способ разрешения конфликта в ходе выработки решения, а также сам процесс принятия решения на основе общего согласия*» [2].

В связи со сказанным выше возникает правомерный вопрос о соотнесении терминов **консенсус** и **единогласие** и о том, являются ли эти термины синонимичными. Литература вопроса дает вполне определенный ответ: нет, эти термины синонимами не являются, поскольку достижение консенсуса предполагает выработку решения на основе следования принятым нормам и правилам, одним из которых может быть единогласие. Если факт единогласия считать одним из возможных критериев успешности принятия решения, оно окажется принятым в случае согласия с ним всех членов группы, полномочной такое решение принять [7, с. 2].

Далее, если рассмотреть значение термина **консенсус** в контексте современных социологических исследований, становится понятным, что в них речь идет о «*единстве мнений, суждений и о взаимном согласии людей*» [4]. Описываемое термином **консенсус** единство мнений членов социальной общности касается принципиальной для данной общности системы норм и целей, а также распределения и возможности изменения социальных ролей индивидуумов в ней. Таким образом обозначаемое термином **консенсус** понятие отражает степень, в которой индивидуумам в данной социальной общности могут быть свойственны как чувство солидарности с другими индивидуумами или их группами, так и чувство сопричастности традициям и обычаям данной общности.

Достижение консенсуса в интеллектуальной сфере является объектом социологических исследований. В современных академических работах **научный консенсус** определяется как «*согласованная оценка имеющегося фонда знания*» [Там же]. Есть все основания полагать, что это указывает на характерную особенность механизма достижения согласованности суждений в академической среде: они формируются не на основе предъявленных доказательств или опровержения их, а «в процессе неформальных дискуссий и личных взаимодействий ученых» [6], в которых обсуждение фактического материала может опосредоваться интуитивными оценками, сформированными мнениями, а

также оформляться отсылками к авторитетным суждениям профессиональной интеллектуальной элиты.

Особый интерес представляет роль научного консенсуса в сферах, открытых для формирования общественным мнением оценок решений, принимаемых профессиональным сообществом. На достижение консенсуса здесь влияют «не только принятые внутри научного сообщества критерии, но и давление общественного мнения», степень распространения исследуемых данных в средствах массовой коммуникации. Таким образом здесь термин **консенсус** приобретает значение «*согласия дисциплинарного научного сообщества относительно интерпретации тех или иных эмпирических данных либо концептуальных положений*» [Там же]. С большой долей вероятности можно говорить о том, что факты, относительно которых достигнут консенсус, становятся частью так называемого удостоверенного научного знания, а сам консенсус оказывается фактором порождения знания нового.

Теперь позволим себе обратиться к сфере прикладного академического знания и приведем пример определения значения термина **консенсус** в конфликтологии. Здесь термин **консенсус** определяется как, во-первых, *общее согласие по спорным вопросам*, во-вторых, как *согласованность взглядов и ориентаций субъектов*, в-третьих, как *метод принятия решений посредством сотрудничества*, и в-четвертых, как *соглашение, устраивающее обе стороны, на основе уступок* [3, с. 24].

И, наконец, в педагогической сфере и деятельности термин **консенсус** используется в значении «*общего согласия, достигнутого без голосования в ходе переговоров*». Ситуация, к которой в педагогике применим термин **консенсус** – это контекст для того, чтобы воспользоваться «одним из *способов принятия профессионального административного решения*» [5].

Таким образом, проанализировав результат примерной выборки определений термина **консенсус** с учетом его употребления как в широко понимаемом значении, так и со значением, принятым в таких специализированных сферах как философия, социология, конфликтология и педагогика, мы можем сделать несколько небезынтересных выводов предварительного характера относительно манипулятивной составляющей, обнаруживаемой определениями термина, а именно:

1. Наиболее часто встречающимся является разъяснение значения термина с помощью использования существительного **согласие** («взаимное согласие», «согласие научного сообщества», «общее согласие», «общее согласие по спорным вопросам», «общее согласие, достигнутое без голосования в ходе переговоров»). Создается впечатление, что стороны, участвующие в выработке решения, изначально являются союзниками и что их позиции не только не являются различными, но практически совпадают.

2. Неоднократно использованы однокоренные существительному **согласие** существительные **согласование**, **соглашение**, значения которых являются производными от значения единицы **согласие**, так как и процесс согласования, и

его результат в виде соглашения возможны при условии существования отношений согласия между сторонами («согласование оценки», «согласование взглядов», «соглашение, устраивающее обе стороны»). Можно прийти к заключению о том, что решения, принятые в результате достигнутого консенсуса, свидетельствуют об одобрении и, как следствие, принятии всех положений такого решения обсуждающими его сторонами.

3. Отмечается использование содержательно и ассоциативно близкого, хотя и не тождественного существительному **согласие**, существительного **единство**, использующегося в расширительном значении ‘схожесть’ («единство мнений, суждений»). В этом случае очевидно, что ‘схожесть’ вовсе не означает ‘тождественность’, однако именно такое значение реализуется в приведенных примерах.

4. Отдельно стоит рассматривать случаи обращения к существительным **способ**, **метод**, **процесс** («способ разрешения конфликта в ходе выработки решения», «способ принятия административного решения», «метод принятия решений посредством сотрудничества», «процесс принятия решения на основе общего согласия»), поскольку в таком значении термин используется для указания не на сам желаемый результат, а на инструмент его достижения. Получается, что в данном случае возможна подмена понятия, поскольку использование термина в таком значении нацеливает референтную аудиторию на восприятие возможного достижения результата обсуждения как на свершившийся факт, тем самым предвосхищая его.

Список литературы

1. Агаджанян Р.В. Средства языкового манипулирования в дискурсе. – АКД, Нальчик, 2020. – 22 с.
2. Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Консенсус>
3. Дмитриев А.В. Конфликтология: краткий терминологический словарь. – СПб: СПбГУП, 2012. – 66 с.
4. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Степина, 2001
5. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. – Москва: Высш. шк., 2004
6. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина, 2004
7. Tim Hartnett. Consensus-Oriented Decision-Making: The CODM Model for Facilitating Groups to Widespread Agreement. – New Society Publishers, 2011. -- 193 p.

Секция № 6 УНИВЕРСАЛИИ И СПЕЦИФИКАЦИИ ЯЗЫКА ОРГАНИЗАЦИИ

В.И. Биджиева
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева
(Россия, Карачаевск)
mariam-bi@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ КАК ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В ВУЗЕ

Бесспорно, язык, слово в жизни каждого человека играет главную роль, так как они помогают личности сосуществовать в социуме, общаясь с другими, себе подобными, индивидами. Язык является, как известно, средством реализации мышления человека, язык – мышление неразрывны. В этой связи формированию языковой личности должно уделяться пристальное внимание. «Личность определяется языковой прежде всего потому, – отмечает Сеница И.А., – что язык является главным средством выражения индивидуально-личностных черт человека в целом», поэтому правомерно говорить о существовании «языковой, правовой, экономической, актёрской и т. д. личности» [2, с. 38].

На современном этапе развития образования в России особо значимой является проблема формирования языковой личности педагога, который умел бы транслировать знания своим ученикам грамотно, точно, правильно, т.е. в соответствии с нормами современного русского языка.

Рассматриваемый нами вопрос «Становление будущего учителя начальных классов как языковой профессиональной личности в вузе» выбран нами не случайно: на «плечи» педагога начального звена обучения ложится основной этап (в школьном обучении) развития учащихся, так как вместе с ним дети начинают: осваивать теорию языка, воспринимать и самостоятельно создавать тексты, разные по языковой структуре; учатся пользоваться языком с обязательным учётом культуры, исторических, этнических, психолингвистических особенностей конкретного региона и т.д. Развитие учителя начальных классов как языковой профессиональной личности обуславливает стиль его методики преподавания (либеральный, авторитарный и т.д.); свидетельствует о педагогическом мастерстве, об интеллектуальном, духовно-нравственном развитии учителя.

Становление будущего учителя начальных классов как языковой профессиональной личности в вузе будет реализоваться наиболее успешно, если:

– будут рассмотрена степень изученности данной проблемы в научной, лингводидактической, психолого-педагогической и методической литературе;

– определены речевые умения обучающихся;

– речевая деятельность будет рассматриваться участниками учебно-воспитательного процесса как средство развития мировоззрения и духовно-нравственных качеств обучающихся, область их индивидуального сознания и поведения;

– будут определены и применены в практике учебно-воспитательного процесса в вузе концептуальные подходы к становлению будущего учителя начальных классов как языковой профессиональной личности и т.д.

Мы считаем, что становлению учителя начальных классов как языковой профессиональной личности в вузе способствуют целенаправленные усилия всех преподавателей вуза (в особенности, преподавателей филологического цикла). Будущий педагог должен чётко осознавать, что языковая профессиональная личность предполагает:

– владение языком как средством коммуникации не равноценно овладению языковыми средствами;

– умение создавать и воспринимать речевые тексты, которые соответствуют его профессионально-педагогической деятельности, а также принятым в социуме языковым и нравственно-этическим нормам.

Учителю, как языковой профессиональной личности, важно помнить, что: «языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1, с. 363].

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения / В.И. Карасик // Язык и культура: материалы II Международной науч. конф., Москва, 17-21 сентября 2003 г.: Тез. докл. – М., 2003. – С. 362-363.

2. Сеница И.А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века / И.А. Сеница. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2006. – 352 с.

Г.Е. Болотский
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
bolotskiige917@mgpu.ru

ИНТЕГРАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ С ЭМЕРДЖЕНТНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Мы рождены на свет с противопоставляющим умом, который можем использовать для удержания двух конфликтующих идей в конструктивном напряжении. Это напряжение мы можем применять, обдумывая свой подход к новой идее, превосходящей прежние. Если бы могли одновременно держать в

голове только одну мысль либо идею, мы бы не имели доступа к озарениям, на которое способно интеграционное мышление.

Томас К. Чемберлен в 1890 г. писал: «Следование единичной гипотезе по преимуществу приводит ум к единичной объяснительной концепции. Однако адекватное объяснение часто предусматривает смешение нескольких субстанций, которые в разных процентных отношениях и составляют обобщенный результат». Интеграционное мышление – это способность конструктивно реагировать на напряжение, вызываемое противоположными идеями, и вместо того, чтобы делать выбор в пользу одной за счет другой, достигать креативного разрешения напряженности в форме новой идеи, которая содержит в себе элементы противоположных идей, превосходя каждую в отдельности.

В этой статье нас интересует вопросы применения интеграционного мышления для построения разного рода эмерджентных систем. Что мы понимаем под этим термином?

Эмерджентность или эмергентность (англиц. от emergent «возникающий, неожиданно появляющийся») в теории систем — наличие у системы свойств, не присущих её компонентам по отдельности; несводимость свойств системы к сумме свойств её компонентов.

Существует много примеров систем с эмерджентными свойствами, например, группы людей, предоставленных самим себе, как правило, создают спонтанный порядок, а не бессмысленный хаос, которого часто боятся. Люди являются основными элементами социальных систем, которые постоянно взаимодействуют и создают, поддерживают или расторгают социальные связи. Но в данном случае нас будут интересовать подходы в организации мышления человека, которые позволяют создать творческие инновации с новыми, эмерджентными свойствами.

Сам процесс создания творческой инновации начинается с осознания пользы для людей, которая может быть вовсе и не связана с эстетической красотой конечного продукта. Именно понимание, чувство, интерпретация самому себе нового, эмерджентного свойства творческого продукта для потребителей и является ключевым катализатором интеграционного мыслительного процесса. Здесь мы, конечно, можем опираться на теории маркетинга, связанные с удовлетворением потребностей потребителя, но важно держать в голове один значимый факт – творческая система должна стать не только удовлетворяющей потребности, а именно эмерджентной – то есть с новыми, доселе неизвестными, свойствами и не присущими компонентам творческого продукта по отдельности. В качестве аналогии основы создания творческой эмерджентной системы можно опираться на цитату великого Микеланджело Буонаротти: «Я видел ангела в куске мрамора. И резал камень, пока не освободил его».

Другими словами, творческий инноватор должен изначально видеть и ощущать присутствие этого «ангела» у себя в сознании.

Здесь мы не можем обойти стороной вопрос интериоризации накопленного опыта, связанного с развитием интуитивного интеллекта, поскольку только с

помощью него мы способны ощутить этого «ангела» и выявить потенциальную пользу от реализации будущего творческого решения.

Благодаря такой интериоризации психика творческого инноватора приобретает способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в его поле зрения [1].

Таким образом, первым ключевым компонентом создания продукта с эмерджентными свойствами является интериоризация накопленного опыта, связанного с использованием интуитивного интеллекта в повседневной практике. Вторым значимым компонентом интеграционного мышления, на мой взгляд, является способность удерживать в сознании видение творческого продукта и в процессе прототипирования одновременно сопоставлять его композицию или конструкторское решение с требуемой модальностью необходимой системы с эмерджентными свойствами. Это, пожалуй, один из самых непростых подходов в мышлении, потому что важно одновременно удерживать в сознании две разные по сути составляющие – системную и интуитивную, связанную с требуемыми новыми свойствами конечного творческого продукта. И в процессе даже не технического, а «когнитивного» прототипирования не сбиваться с пути и не ошибаться в конструктивных особенностях прототипа.

Третьим значимым фактором мышления инноватора, создающего систему с эмерджентными свойствами, является принцип достаточности, то есть система не должна включать лишние элементы для обладания требуемыми свойствами. Для претворения этого в жизнь творческому инноватору важно также одновременно мыслить системно и чувствовать баланс.

И наконец, инноватор не может не получать в процессе творчества стимулы, которые позволяют ему создать то, что ранее никем не создавалось. И здесь интересны мысли советских ученых.

По гипотезе советского психофизиолога, биофизика и психолога, академика РАН (1991, АН СССР с 1987), доктора медицинских наук П.В. Симонова (1975), творческое начало в деятельности мозга представлено механизмами сверхсознания. Сверхсознание – это неосознаваемое рекомбинирование ранее накопленного опыта, которое побуждается и направляется доминирующей потребностью в поиске средств ее удовлетворения [2]. Коренное отличие от подсознательного состоит в том, что сверхсознательное создает различные, ранее никогда прежде не существовавшие проекты познания предмета. При этом оно в отличие от подсознательных «сновидений» не сводится к случайному рекомбинированию хранящихся в памяти следов. Деятельность сверхсознания определяется накопленным ранее опытом, задачей, которое ставит сознание, натолкнувшееся на проблемную ситуацию, и доминирующей потребностью субъекта. За сознанием остаются функции формулировки проблемы, постановки ее перед познающим умом, а также отбор порождаемых сверхсознанием гипотез путем их логической оценки. По П.В. Симонову сверхсознание (творческая интуиция) связано не столько с логикой науки, сколько с доминирующим

чувством в иерархии мотивов личности, что позволяет противостоять консерватизму прочно усвоенных догм.

Таким образом, мы приходим к выводу, что систему с новыми, эмерджентными свойствами возможно смоделировать, используя определенные интериоризированные подходы к мышлению, но во главе угла стоит все-таки особая иерархия мотивов личности, в которой закреплены созидательные для общества принципы, связанные с особой самоидентификацией человека.

При этом, по моему мнению, системы с новыми свойствами можно создать и в других областях человеческого взаимодействия, например, при создании пары «мужчина и женщина», или для управления сообществами. И здесь важно закреплять в сознании людей значения, способствующие достижению системой эмерджентных свойств, в том числе с помощью методов психолингвистики.

Список литературы

1. Мартин Р. Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры : пер. с англ. – М.: Издательство Юрайт, 2016 – 229с.
2. Психофизиология сознания и бессознательного / Костандов Э.А. – СПб.: Питер, 2004. – 167с.: - ил. (Серия «Учебное пособие»).

Е.Н. Бондаренко
Академия Государственной противопожарной службы
МЧС России
(Россия, Москва)
naturphilosophy@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЖАРНОГО И ПОНЯТИЕ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ»

Понятие профессиональная языковая личность моделируется на основе определённого дискурса, отражающего особенности восприятия и реакции на профессиональную деятельность, сформированную под её влиянием языковую картину мира и коммуникативную компетентность в реализации различных социальных ролей [1, с. 27-28]. При этом коммуникативно-компетентный уровень профессиональной языковой личности представляет систему умений для осуществления профессионального общения, обусловленного речевой ситуацией и целями профессиональной деятельности [5, с. 156]. Такая обусловленность речевой деятельности деятельностью профессиональной определяет уникальные требования к различным характеристикам общения: то, что в одной профессиональной среде будет оцениваться как неконструктивное и/или неприемлемое, в другой – станет критерием успешной коммуникации. В этом отношении различную трактовку может получить понятие «эффективность общения». Указанное понятие подразумевает высокий уровень владения

коммуникативной техникой и стратегическими ориентациями [3, с. 106], в нём актуализируются категории грамотности, экологичности и соблюдения норм речевого поведения [6, с. 61-65], при этом из него исключаются категории непринуждённости и игры в силу противопоставления профессионального общения развлекательному [4, с. 233], что не соответствует критериям эффективности общения в контексте изучения профессиональной языковой личности. Например, языковая личность пожарного формируется в рамках делового дискурса и дискурса экстремальности, подразумевающих различные коммуникативные умения и навыки. Если деловой дискурс требует совершенного владения письменной официальной речью, знания пожарно-технической терминологии и понятий управления, актуализации внимания на статусно-ролевых характеристиках партнёров по общению [2, с. 74], то дискурс экстремальности существует вне обозначенных требований: здесь на первый план выходит показатель рискогенности [8, с. 635], превалирование категории абсурдности в общении, а также спонтанности, вызванной устным характером взаимодействия, в ходе которого требование субординации устраняется, но сохраняется позиция доминантности в статусе «защищающего» (спасающего). При этом и в одном, и в другом виде дискурсивной практики присутствуют реализующиеся в них речевые феномены, способствующие эффективному общению, но нарушающие его традиционные лингвистические категории. То, что обозначается как «зона риска» в лексиконе языковой личности современника, поскольку влечёт за собой коммуникативный сбой [7, с. 96-100], у профессиональной языковой личности выступает ключом к осуществлению успешного речевого взаимодействия. Например, употребление слова «рукав» выступает фактически «проводником» в профессиональное сообщество или отражает уважительное отношение к пожарным, употребление лексической единицы «шланг» в коммуникации оценивается либо как некомпетентность, либо как желание нанести репутационный урон. Другой пример, кодифицирующий принадлежность к профессиональному сообществу пожарных и выполняющий контактоустанавливающую функцию в рамках делового дискурса, наречная группа *по гражданскойке* 'без формы; в гражданской одежде' не просто выступает маркером делового дискурса, но и является ненормативным образованием, что нарушает требование правильности речи, создавая между тем условие для эффективной коммуникации. Таким образом, критерии эффективного общения зависят от профессиональной принадлежности коммуниканта, в случае с языковой личностью пожарного эффективное речевое взаимодействие определяется иногда теми языковыми феноменами, которые квалифицируются как «риски» традиционной межличностной коммуникации. Кроме того, возникает дилемма между требованиями грамотной речи и кодифицирующим принадлежность к профессиональному сообществу ненормативным лингвистическим феноменам.

Список литературы

1. Гафиятова Э.В. Профессиональная языковая личность: к вопросу о создании типологического паспорта // Филология и культура. 2017, № 3. С. 26-33.
2. Криворучко И.С. Коммуникативная компетенция как основной механизм в осуществлении социального взаимодействия в сфере делового общения // Язык. Культура. Общество. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2016. С. 70-76.
3. Криворучко И.С. Проблемы определения эффективности делового общения // Культурная жизнь Юга России. 2010, № 2. С. 106-107.
4. Лехтянская Л.В., Куликова В.В. Эффективность делового общения – важный фактор в деятельности сотрудника предприятия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021, т. 10. № 3. С. 233-236.
5. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013, № 12: в 2-х ч. Ч. I. С. 150-157.
6. Сиротинина О.Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. 2018, № 1. С. 59-71.
7. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005, № 3. С. 96-100.
8. Чудина-Шмидт Н.В. Определение феномена «экстремальность» разными дискурсивными системами // Философия права. 2022, № 2. С. 75-81.

*В.В. Ганина
Ивановский государственный
химико-технологический университет
(Россия, Иваново)
vvganina@mail.ru*

*Ф.И. Карташкова
Ивановский государственный университет
(Россия, Иваново)
kartashkova@rambler.ru*

ОПИСАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИЯХ ИЗМЕНЁННОГО СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДОВ)

Невербальное поведение человека во многих случаях является основным ключом для понимания его истинного психоэмоционального состояния. Важно принимать во внимание разделение невербальных компонентов коммуникации (далее НВК) на контролируемые, неконтролируемые и специфические

невербальные действия. В психологии давно известно о существовании у человека изменённых состояний сознания (далее ИСС) [4;5]. Под этим термином принято понимать психическое состояние человека, индуцированное различными факторами, в том числе экстремальными условиями, которые обуславливают значительные отклонения в субъективных переживаниях в протекании психических процессов [2, с. 37]. Следуя пониманию ИСС у зарубежных учёных (Ч. Тарт, А. Людвиг, К. Мартиндейл), можно говорить о значительном отклонении от паттерна, так называемого, обычного состояния сознания, которое чувствует сам человек [1, с. 13].

Несмотря на детальную разработку модулей, описывающих ИСС, модуль языковой способности и речевой деятельности в работах ведущих теоретиков ИСС долгое время отсутствовал. Лингвистические закономерности ИСС на фонологическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях были установлены Д.Л. Спиваком [3]. Вместе с тем, в изучение коммуникативного поведения человека при ИСС должно включать также и исследование невербальной составляющей поведения человека. В фокусе внимания данного исследования находится описание различных НВК, которые сопровождают поведение человека при ИСС, в тексте художественных произведений. Материалом исследования являются романы Ф.М. Достоевского: «Преступление и наказание» и «Идиот».

Фактический материал свидетельствует, что в тексте романа при описании поведения человека в ИСС находят языковое отражение различные виды НВК. Типичными видами НВК в нашем материале являются фонационные (*в испуге вскричал*), мимические (*насмешливая улыбка опять искривила его губы*), пантомимические (*он едва двигался*), проксемные НВК (*стоял подле неё*), психофизиологические реакции (*он весь дрожал*), а также специфические невербальные действия (*взялся за колокольчик и дёрнул*). В соответствии с многоканальным характером невербальной коммуникации имеет место описание ряда НВК в одной ситуации (например, пантомимический НВК + фонационный НВК; мимический НВК + фонационный НВК; мимический НВК + пантомимический НВК + психофизиологическая реакция и др.), что позволяет детальнее передать психоэмоциональное состояние человека, а также интенсивность испытываемых эмоций.

Исследование англоязычных версий романов Ф.М. Достоевского «Crime and Punishment» и «The Idiot» интересно в плане языковой презентации невербального поведения персонажей. Проанализировав отобранные контексты, можно отметить, что в тексте английского перевода отсутствуют языковые номинации, описывающие соответствующие русские НВК, а также есть примеры, где английские языковые номинации отражают другие виды НВК в отличие от русского текста.

Список литературы

1. Гордеева О.В. Основные проблемы и направления теоретических исследований в психологии измеренных состояний сознания // Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия. М.: «Когито-Центр», 2012. С. 10-35.

2. Людвиг А.М. Измененные состояния сознания // Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия. М.: «Когито-Центр», 2012. С. 36-50.

3. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Издательский дома «Ювента», 2000. 296 с.

4. Ludwig A.W. Altered States of Consciousness // Altered States of Consciousness: A Book of Reading. New York, 1969. P. 9-22.

5. Tart C.D. Altered States of Consciousness: Putting the Pieces Together // Expanding Dimensions of Consciousness. New York, 1978. P.58-78.

*Д.Н. Горстка
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
dimaherpu@yandex.ru*

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВОСТОЧНОГО ЯЗЫКА

Современные реалии предъявляют преподавателям иностранных языков обязательство реагировать на стремительно меняющийся и активно – технологически и научно – развивающийся мир. Сегодня требуется работа в поликультурном пространстве, когда возрастает диалог культур между различными государствами, в частности, со странами Дальнего Востока. Преподавателю восточных языков, как наиболее востребованной сегодня педагогической профессии в России, мало быть специалистом, хорошо владеющим языковедческими знаниями, языковыми навыками, важно быть знатоком культуры страны преподаваемого языка. Важнейшее, что нужно усвоить, это специфику восточного менталитета и культуры, которые нашли отражение в языках. Понимание языка и культуры как единого целого, личная заинтересованность в изучении не только языка, но и культуры стран Дальнего Востока – вот что главным образом характеризует современного преподавателя восточных языков.

Личность современного преподавателя восточных языков характеризуется наличием таких структурных компонентов личности, как:

- мотивированность как в преподавании языка, так и в совершенствовании собственных знаний;
- нацеленность личности на результат;

- педагогическое самосознание, индивидуальный стиль, и креативность.

Личность преподавателя восточного языка должна характеризовать и система профессиональных компетенций [7, с. 36-37]. Главной из компетенций, которая должна быть сформирована у преподавателя восточного языка, является иноязычная коммуникативная [9]. Кроме того, целесообразно назвать следующие компетенции, необходимые преподавателям восточных языков сегодня:

- управленческая, выражающаяся в умении преподавателя восточного языка проектировать цели, планировать и организовывать работу, корректировать и анализировать достигнутые результаты [8, с. 46-48];
- инновационная, сводящаяся не только к владению инновационными методиками и технологиями преподавания, но и к разработке таковых [3, с. 155-157];
- рефлексивная, помогающая совершить анализ достигнутых результатов и допущенных ошибок [10, с. 313-315].;
- информационная, пожалуй, одна из центральных для всех педагогов сегодня, она подразумевает достаточно высоко развитый навык владения IT-технологиями для обслуживания потребностей образовательного процесса [4, с. 27-29].

Профессионально значимые качества личности преподавателя восточного языка заключаются в способности создать образовательную, развивающую среду, в которой становится возможным достижение образовательных результатов учащегося [2, с. 283-285]. Хороший преподаватель восточного языка способен организовать обучение таким образом, чтобы оно стимулировало интерес, желание вместе думать и дискутировать, ставить вопросы, проявлять независимое мышление., формулировать идеи, высказывать различные точки зрения [6, с. 36-37].

В данном контексте содержание профессионально-педагогической культуры раскрывается как система индивидуально-профессиональных качеств, ведущих компонентов и функций [1, с. 77-79]. Преподавателям, трудящимся в технических вузах, занимающихся преподаванием таких дисциплин как «Китайский язык для специальных целей», например, предъявляется, помимо всего прочего, необходимость владеть профессионально-ориентированной лексикой научно-технического характера. Здесь уже можно говорить об аксиологическом подходе и междисциплинарности как важных аспектах подготовки профессионала в отрасли обучения иностранным языкам [5, с. 44-54].

Разница между преподавателем восточного языка и преподавателем западноевропейского языка выражается в уровне сложности овладения языком и культурой страны изучаемого языка. Западноевропейские языки и восточнославянские, так или иначе, имеют гораздо более общую историческую, культурологическую, этнологическую и эволюционную основу. Как минимум это языки одной расы – европеоидов, поэтому понимание особенностей языка и культуры на межнациональном уровне не вызывает сложностей в силу их

общности и взаимосвязи, чего не скажешь о языках Дальнего Востока. Здесь разница межрасовая. Иной менталитет, иная история, культуры и понимание окружающего мира, заключённые в восточных языках, требуют от преподавателя восточного языка гораздо более глубокого погружения в культурологию, например, Китая, нежели Чехии, если сравнивать с преподавателем западноевропейского языка.

Список литературы

1. Александрович П.И. Педагогическая культура преподавателя вуза // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2012. №5. С. 77-79.
2. Гасанова Ш.С., Агамурдова Р.Ш., Сагидова М.Ч. Профессионально значимые личностные качества учителя иностранного языка как основа его профессиональной компетентности // МНКО. 2021. №4 (89). С. 283-285.
3. Джабраилова Л.Х., Умаров Х.А., Уруджева Н.У. условия формирования инновационной компетенции педагога // Журнал прикладных исследований. 2023. №6. С. 155-158.
4. Карданова Х.М., Карданов Т.Х. Формирование информационно-коммуникационной компетентности студентов в условиях цифровизации системы образования // Современное педагогическое образование. 2023. №1. С. 26-29.
5. Крупченко А.К. Аксиологические стратегии иноязычного профессионального педагогического образования // Преподаватель XXI век. 2019. №4-1. С. 44054.
6. Медведева Н.Ю. Профессиональная компетентность учителя при реализации ФГОС // Евразийский научный журнал. 2016. №1. С. 147-151.
7. Моисеева Т.В. Личность преподавателя иностранного языка как субъекта современной системы высшего профессионального образования // МНКО. 2023. №2 (99). С. 35-38.
8. Павлова Л.Н., Фортыгина С.Н. Педагогическое управление ученическим коллективом: ключевые показатели эффективности // Символ науки. 2022. №8-1. С. 46-48.
9. Сомова С.В. Личность учителя иностранного языка // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. ; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20192> (дата обращения: 10.11.2023).
10. Хижная А.В., Уракова Е.А., Корнусова В.М. Формирование профессиональных компетенций педагога профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №78-2. С. 313-315.

*Ю.С. Евдокимова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Алексеевка)
EvdokimovaYS021@mgpu.ru*

ЯЗЫКОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОПУТСТВУЮЩИЕ РИСКИ

В современном мире язык играет важную роль во многих сферах деятельности. От коммуникации в повседневной жизни до взаимодействия внутри организации. Именно через язык мы выражаем свои мысли, идеи и цели.

Каждый из нас имеет свою уникальную языковую личность, которая формируется под влиянием различных факторов, таких как культура, образование, социальная среда и личный опыт. Что же такое языковая личность?

В психологии понятие «языковая личность» относится к индивидуальным особенностям, связанными с языковым поведением и коммуникацией человека. Оно описывает, как язык и речь отражают уникальные характеристики личности и влияют на её взаимодействие с окружающими.

Языковая личность в психологии обычно рассматривается с точки зрения психолингвистики и социальной психологии. Она включает в себя различные аспекты, такие как:

- Лексический выбор: какие слова и выражения предпочитает использовать личность, и как они отражают ее интересы и ценности;
- Грамматика и стиль речи: какие грамматические конструкции, структуры и стиль речи характерны для данной личности. Например, некоторые люди могут быть более формальными и точными в использовании грамматических правил, в то время как другие могут предпочитать более разговорный и непринуждённый стиль;
- Фонетика и произношение: какие особенности произношения, интонации и акцента связаны с данной личностью. Эти особенности могут быть связаны с региональными вариантами произношения, индивидуальными привычками или языковыми влияниями;
- Стиль коммуникации и реакции на речь других: как личность выражает себя в коммуникации, какие предпочтения она имеет в общении и как она реагирует на речь других людей.

Языковая личность может также отражать наши эмоции, ценности и убеждения. Каждый из нас имеет свой уникальный способ выражать себя и взаимодействовать с другими людьми на языке.

Профессиональная языковая личность – это специфический аспект языковой личности, который относится к использованию языка в профессиональной сфере. Она описывает особенности коммуникации и стиля речи, которые характерны для определённой профессии или области деятельности.

Каждая профессия имеет свои уникальные требования к языковой коммуникации, а профессиональная языковая личность отражает эти требования. Развитие такой личности с точки зрения психологии является интересным и сложным процессом, связанным с различными перспективами развития и сопутствующими рисками. Рассмотрим эти перспективы и риски профессиональной личности в системе СПО.

Одна из перспектив развития языковой профессиональной личности – карьерный рост, который обусловлен мотивацией. Мотивация является важным фактором, который определяет желание и усердие в изучении и использовании языка. Профессионалы, чья мотивация основана на внутреннем интересе и удовлетворении от использования языков, имеют больше шансов на успешное развитие. Стремление к самосовершенствованию и достижению высокого уровня владения языком является ключевым фактором для развития языковой профессиональной личности.

Другая важная перспектива – это развитие языковых навыков и компетенций. Языковая профессиональная личность должна владеть не только грамматикой и лексикой, но и умением адаптировать свою речь к различным ситуациям и аудиториям. Психологический аспект здесь заключается в развитии коммуникативных навыков, эмоциональной интеллектуальности и способности эффективно взаимодействовать с людьми.

Можно выявить также сопутствующие риски развития профессиональной языковой личности. В первую очередь – это качество образования. Недостаточная подготовка преподавателей может привести к низкому качеству образования языковых профессионалов.

В современном мире существует множество языков и диалектов, поэтому ещё одним риском выступает стандартизация. Стандартизация языковых программ и учебных материалов является сложной задачей, чтобы удовлетворить потребности студентов, изучающих разные языки и культуры.

Ещё одним важным аспектом, является обновление знаний. Языковые профессионалы должны постоянно обновлять свои знания и навыки, чтобы быть в курсе последних тенденций в языковой области. Обучение преподавателей и доступ к ресурсам являются важными аспектами поддержки языковых профессионалов.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие и сопутствующие риски языковой профессиональной личности весьма обширны. Изучение языковой личности помогает понять, как язык отражает и влияет на наше мышление, поведение и взаимодействие с окружающими не только в повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности.

*Е.А. Елизарова
ГБОУ Школа № 887
(Россия, Москва)
evgeniya.trushkina@mail.ru*

МИССИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСТИНИЦЫ КАК ФЕНОМЕН НАРРАТИВА ОРГАНИЗАЦИИ

На сегодняшний день все больше компаний обращают своё внимание на формулирование миссий организации, так как заявление о миссии представляет собой неотъемлемую часть корпоративной стратегии различных компаний и ведущим коммуникативным элементом, связывающим интересы адресантов и адресатов [6, с. 260]. Тексты миссий, размещённые на официальных сайтах в сети Интернет, являются одной из форм нарратива, характеризующейся обязательной адресованностью в коммуникативном акте. Взаимодействие адресанта и адресата в сети характеризуется неполной ситуацией общения, при которой не происходит непосредственного контакта между автором текста и читателем. Тексты миссий гостиниц имеют ярко выраженную персуазивную направленность, так как «их задача – убедить клиентов компании покупать её продукцию» [3, с. 85]. Следует отметить, что тексты миссий также выполняют ещё одну коммуникативную цель – оценочную, связанную с созданием положительного имиджа гостиницы и с укреплением её лидирующих позиций.

Институциональный концепт «миссия» соединяет в себе три основные характеристики: выражает назначение определённого социального института, продвигает образ этого института в массовое сознание и определяет ключевые ценности социальной организации [2, с. 87]. Таким образом, тексты миссий гостиниц являются дискурсивной объективацией приоритетных ценностей гостиниц в рамках цифрового гостиничного дискурса.

Е.Ф. Серебренникова отмечает, что ценности представляют собой «обобщённые цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм или идеальных достижений» [4, с. 27]. В текстах миссий гостиниц отражается, в первую очередь, то, что любое гостиничное предприятие существует для удовлетворения потребностей своих клиентов в жилье и различных дополнительных услугах [5, с. 63]. Таким образом, адресант (в лице администрации и сотрудников гостиницы) с помощью текстов миссий убеждает адресата в возможности отеля соответствовать ожиданиям адресата и формирует положительный имидж компании.

Анализ ключевых слов помогает сделать заключения о доминирующих приоритетах и ценностях, опираясь на устойчивые, часто встречающиеся сочетания слов и их контекстное употребление. Для более точной визуализации частотности ключевых слов были использованы словарные облака, созданные с помощью программы Wordscloud. Размер букв слов в каждом облаке зависит от их частотности в корпусе. Облако слов позволяет выделить приоритетные темы

выделяется среди приоритетных ценностей, в то время как в англоязычных текстах эта ценность является одной из самых важных. Можно предположить, что такое расхождение связано с тем, что в англоязычной предметной сфере «гостиничное дело» категория сервильности занимает лидирующую позицию и четко указывает адресату на то, что в отеле будет обеспечен высокий уровень обслуживания. В русскоязычных текстах миссий «отдых» выделяется среди приоритетных ценностей, апеллирующих к желанию постояльцев отеля сменить вид деятельности. Для дальнейшего исследования представляет интерес изучение текстов миссий отелей во взаимосвязи с созданием имиджа отелей в Интернет-пространстве.

Список литературы

1. Викулова Л.Г. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции "свой" - "чужие" во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака "Чёрная тетрадь") / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2(12). С. 33-42.
2. Карасик В.И., Калыкова Э.А. Институциональный концепт «миссия»: ценностные характеристики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №2. С. 80– 90.
3. Погосян В.А. Заявление о миссии как гибридный речевой жанр // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. №133. С. 79-93.
4. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. – Москва: Тезаурус, 2011. С. 7-26.
5. Petkova E. A model of the vision, mission, objectives and strategies of the hotel company that determine the processes // Eastern Academic Journal. 2017. № 2. С. 60-68.
6. Sufi T., Lyons H. Mission statements exposed // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2003. № 15/5. С. 255-262. DOI 10.1108/09596110310482173

*Д.А. Ерастова, Д.А. Сошникова
Российский университет транспорта
(Россия, Москва)
di.91@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИСТА

Современная экономика зависит от условий глобализации, открытости мирового рынка, высокой конкуренции, а также взаимных деловых связей с

другими странами. Учитывая вышеуказанные факторы, важно понимать актуальные принципы компетенции экономистов сегодня – исследование методов приобретения навыков создания и удержания коммуникации (включая иностранные языки), способности убеждения и умений реализации коммуникации, удовлетворяющей этике бизнеса. Целью работы является выявление особенностей профессионального языка высококвалифицированного экономиста в наше время. Задачами исследования являются изучение сущности коммуникативной направленности кадров в сфере экономики и проведение анализа уровня сформированности коммуникативной компетенции современного экономиста. Объект исследования – специалист, обладающий широким кругозором и глубокими знаниями в области экономики; субъект исследования – профессиональный язык экономических процессов и явлений.

Известно, что профессиональный язык современного экономиста отличается от обычной речи своей точностью и специфичными терминами (коммерческими, финансовыми и др.), такими как "инфляция" (от англ. inflation – «вздутие»), "менеджер" (от англ. manage - «руководить, управлять», "бизнес" (от англ. business), которые имеют уникальное экономическое значение и используются для обозначения конкретных явлений или понятий [4, с. 166]. Язык деловой коммуникации не предполагает наличия эмоциональной лексики, однако современный специалист должен корректно пользоваться профессионализмами («неофициальными» названиями специальных явлений и понятий профессии) в речи, т.е. употреблять их в определённой профессиональной среде: например, «hard-up» – в значении «находиться в трудном финансовом положении»; «a white elephant» – крупное, бесполезное и чрезвычайно дорогое имущество [1, с. 34; 3, с. 399].

На основании аналитического подхода (анализа данных, проведения исследований, выявления факторов, влияющих на экономику) у специалистов появляется возможность использовать специфическую лексику и применять логику в своих аргументах и выводах, учитывая экономическую терминологию и сокращения для обозначения конкретных экономических показателей и концепций, например, GDP (Gross Domestic Product – ВВП), CPI (Cost Per Item – индекс потребительских цен), ROI (Return in Investment – рентабельность инвестиций) и другие. В России на сегодняшний день применяются бизнес модули, работающие с общей базой данных и интегрированные в единую комплексную систему, позволяя обеспечить оптимизацию процессов в компаниях, такие как ERP-системы (Enterprise Resource Planning) (рис. 11), где ключевыми особенностями являются функциональные блоки ресурсного планирования. Для современного экономиста требуется не только понимание данных систем автоматизации, но знание основных модулей и концепций, в частности бизнес-понятий: HR (Human Resources – человеческие ресурсы), Supply Chain – цепочка поставок, Sales and marketing – продажи и маркетинг и другие.

Рис. 11. Основные модули ERP-системы

Профессиональный язык экономиста должен быть нейтральным и основанным на фактах; приведённые аргументы и выводы, обоснованные существующими данными и исследованиями, должны нести только объективный характер. Утверждения современного экономиста зависят от личностного фактора эффективности профессиональной деятельности – убеждённости, поэтому слова «скорее всего», «вероятно» и «как будто», наоборот, подчеркивают неопределённость и неоднозначность экономической науки [2, с. 131].

Сегодняшний мир предлагает нам поток новых идей и возможностей, включая безграничные коммуникационные средства, инновационные продукты и бесконечные источники информации в Интернете, благодаря которым стало возможно осваивать теоретические аспекты экономики. В настоящее время, говоря о современном экономисте, становится очевидным, что специалист должен обладать набором определённых качеств, среди которых можно выделить следующие: владение деловым и официальным стилем речи, грамотное использование профессионализмов, коммуникабельность, знание иностранного языка и др.

Список литературы

1. Булычева В.П. Профессиональная лексика как средство образности в экономических текстах / В.П. Булычева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 32 (213). – С. 34.
2. Новикова И.А. Уверенность как фактор профессиональной эффективности сотрудников коммерческих организаций // И. А. Новикова, Г. Н. Замалдинова // Акмеология. – 2015. – С. 131.
3. Сердобинцева Е. Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка / Е. Н. Сердобинцева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 399.
4. Тихонова А.Н. Англоязычные заимствования в экономической лексике русского языка / А. Н. Тихонова, А. Ш. Яруллина // Казанский вестник молодых учёных. – 2018. - №3 (6). – С. 166.

Р.С. Жамкоцян, Г.К. Григорян
Армянский государственный педагогический университет
имени Х. Абовяна
(Ереван, Армения)
Ruzanna_rom84@mail.ru
gayanca@yahoo.com

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ОТНОШЕНИЯ К ЗАБОЛЕВАНИЮ У БОЛЬНЫХ ЭССЕНЦИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Актуальность исследования: Сердечно-сосудистые заболевания сегодня являются самой распространённой причиной смертности в мире. Среди этих заболеваний выделяют эссенциальную артериальную гипертензию как психосоматическое заболевание. По мнению психологов, психологические причины возникновения эссенциальной гипертензии связаны с неразрешёнными внутренними конфликтами личности. Исследования больных эссенциальной артериальной гипертензией установили, что повышение артериального давления преимущественно связано с повышенным нервным напряжением, частым возникновением у больных страха и гнева, которые преодолеваются механизмами психологической защиты.

Использование механизмов психологической защиты напрямую связано с переживанием больным болезни и её лечением, осознанием и отношением, которые формируют у больного полную картину его болезни, внутреннюю картину болезни.

Обзор источников, использованных в работе: Проблема механизмов психологической защиты личности очень широка. Открытие и описание этих механизмов – одно из крупнейших достижений психоанализа и психологии личности в целом.

В медицине и клинической психологии широко распространено мнение, что любое соматическое расстройство связано с изменением психического состояния человека. Длительное и частое заболевание детей и взрослых может быть связано с неконструктивностью системы психологической защиты и стратегии совладания человека. Таким образом, фиксация на базовых защитах вызывает соматические нарушения, нагрузка на иммунную систему усиливает психосоматизацию [2].

3. Фрейд считал симптомы болезни неузнаваемо изменёнными остатками подавленных импульсов. А конверсия – это защитный механизм, при применении которого существующие бессознательные конфликты, способные вызвать тревогу, получают внешнее символическое выражение в виде симптомов. То есть существующий конфликт заменяется телесными (соматическим) проявлениями.

Соответственно, когда внутренний конфликт или первоначальный импульс удаляется или преодолевается, физическое проявление также исчезает. Некоторые

конверсионные симптомы, возникающие в течение длительного периода времени, вызывают изменения в организме.

А. Митчерлих выделяет два уровня процесса психосоматизации, связанные с механизмами психологической защиты. На первом уровне человек пытается преодолеть конфликт в социально-психологической сфере. А. Митчерлих считает вторым уровнем психологической защиты психосоматизацию. Когда конфликт первого уровня не разрешается средствами психологических защитных механизмов – происходит соматизация, которая может привести к различным функциональным изменениям. Эти уровни могут меняться в зависимости от разных жизненных ситуаций, и в зависимости от проблемы и ситуации один из них может быть более активным, чем другие [5, с. 69-70].

Цели и задачи работы: В рамках нашего исследования мы изучили механизмы психологической защиты, которые чаще всего используют пациенты с диагнозом эссенциальная гипертоническая болезнь и их отношение к заболеванию.

Цель исследования – определить взаимодействие механизмов психологической защиты и отношения к заболеванию у пациентов с диагнозом эссенциальная артериальная гипертензия.

Описание методов и методик, применённых автором: В исследовании приняли участие 58 пациентов в возрасте 34-62 лет, из них 39 женщин, 19 мужчин. Для изучения частоты использования механизмов психологической защиты мы использовали опросник Life Style Index (LSI) Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конте [3]. Методика была разработана в 1979 году и используется для диагностики различных механизмов психологической защиты. Методика позволяет определить частоту использования отдельного механизма психологической защиты, а также определить общую применимость психологической защиты, что позволяет выявить наличие внутренних конфликтов личности. Для изучения отношения к болезни мы использовали методику ТОБОЛ. Методику разработали В. Вассерман, Л. Иовлев, Э. Карпова и А. Вук [4].

Приведение результатов исследования и выводы: По результатам исследования выяснилось, что относятся к тревожному типу 22% пациентов с эссенциальной гипертензией, ипохондрическому типу 14%, неврастеническому типу 12%, меланхолическому типу 7%, эгоцентрическому типу 17%, паранойяльному типу 17% и дисфорическому типу 10%. Для каждого типа изучалась частота использования механизмов психологической защиты и напряжение механизмов психологической защиты.

Таким образом, тревожный тип чаще использует защитные механизмы вытеснение, отрицание, проекция и реактивное образование. Защитные механизмы регрессия, проекция, компенсация и замещение чаще всего используются у пациентов ипохондрического типа. Больные неврастенического типа используют защитные механизмы вытеснение, замещение и проекция. Защитные механизмы отрицания, регрессия и вытеснение чаще используются

меланхолическим типом. Эгоцентрический тип чаще использует защитные механизмы замещение, проекция, интеллектуализация. Пациенты с паранойяльным и дисфорическим типом чаще других защитных механизмов используют защитные механизмы проекция, замещение, вытеснение и отрицание. Из полученных результатов становится ясно, что основные защитные механизмы чаще всего используют пациенты с диагнозом эссенциальная артериальная гипертензия. Полученные данные доказывают, что пациенты с диагнозом эссенциальная артериальная гипертензия чаще используют примитивные защитные механизмы.

Ф. Александр считал, что психологической причиной эссенциальной гипертензии являются внутренние конфликты, а основные эмоции – страх и гнев, которые лежат в основе замещения и вытеснения [1]. Восприятие информации о заболевании и данной ему оценки, которые, являясь стрессорами для человека, игнорируются или не воспринимаются (за счёт использования механизмов психологической защиты уже воспринятая информация удаляется из памяти человека, перерабатывается, делая её нетравматичной), важны для формирования отношения к болезни и внутренней картины болезни.

Список литературы

1. Александер Ф., Селесник Ш. (1995). Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней. М., С. 552-571.
2. Богданова М.В. (2005) Особенности психологических защит при психосоматических расстройствах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томский гос. университет, Томск.
3. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. (2005) Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. - СПб.: Издательство: СПбНИПНИ им. В.М.Бехтерева. – 50 с.
4. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я. (2005) Психологическая диагностика отношения к болезни: рук. для врачей. – СПб Издательство: СПбНИПНИ им. В.М.Бехтерева. – 33 с.
5. Кулаков С.А. (2003) Основы психосоматики. - СПб.: Речь - 288 с. С. 69-70.

*А.А. Казарян
Армянский государственный педагогический университет
имени Х. Абовяна
(Армения, Ереван)
gharminka83@mail.ru*

АКЦЕНТУАЦИЯ ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время тема психического здоровья приобрела особую актуальность. Сложные геополитические, социальные и экономические ситуации, протекающие в мире сопровождаются постоянной и длительной неопределённостью, нестабильностью, большим потоком негативных и не конкретизированных новостей, различными изменениями в повседневной жизни. Перечисленные выше ситуации характеризуются тревогой, беспокойством, напряжением, страхами, которые могут представлять угрозу психическому здоровью. Возможно, некоторые люди и способны контролировать свою эмоциональную сферу, быстрее приспосабливаться к изменяющимся ситуациям, но психическое здоровье многих пошатнулось.

В данной статье мы рассматриваем психическое здоровье, факторы, которые ему угрожают и важность акцентуации характера в этом контексте.

Здоровье – основа всей нашей жизни, залог успеха и благополучия, важнейшее условие достижения жизненных целей. Это не только главная ценность человека, но и общества и государства в целом.

Психическое здоровье не ограничивается отсутствием психических расстройств. Как заметил Л.Н. Юрева [3, с. 33-34], в 1987 г. Х. П. Хемичев выделил пять степеней психического здоровья:

- Идеальная норма или эталонное здоровье;
- Среднестатистическая норма;
- структурная норма;
- Акцентуация;
- Предболезнь.

Как видно по классификации Х.П. Хемичева, характер акцента находится посередине психического здоровья и психического заболевания.

Практически все авторы, предлагающие типологию характера, подчеркивают, что характер может быть более или менее выраженным. По интенсивности проявления характера выделяют три уровня:

- Исключительно «нормальный» характер;
- Ярко выраженный или акцентированный характер, который бывает как скрытым, так и явным;
- Сильно девиантный или нарушенный характер, психопатия.

Первые два уровня относятся к нормальным, третий – к патологическим проявлениям характера [1, с. 90].

Иными словами, на предпоследнем этапе состояния психического здоровья особое место отводится акцентированию характера. По мнению Х.Б. Хемичева, акцентуация – это вариант психической нормы, характеризующийся большей выраженностью или обострением определённых черт характера. Он определяет уязвимость человека к определённым психическим или поведенческим расстройствам. Как правило, это поведенческие, наркологические и психические расстройства.

По мнению М.Б. Коркиной [2, с.133], в основе преморбидного типа личности лежит акцентирование характера, под которым он понимает основные

черты, характерные для данного типа характера до возникновения психологического расстройства.

Укрепление и профилактика психического здоровья должны охватывать все сферы человека, в том числе выявление обостряющихся черт характера, применение мероприятий, направленных на их преодоление или снижение, поскольку акцентуация характера при определённых условиях и под влиянием определённых социально-психологических факторов могут развиваться патологически, изменяя личность в целом.

Список литературы

1. Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. У нас разные характеры... Как быть? Астрель; – М.; 2012. – 91 с.
2. Коркина М.В. Психиатрия: Учебник для студ. мед. вузов / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко, И.И. Сергеев. – 3-е изд. – М.: МЕД пресс-информ, 2006. – 576 с.
3. Юрьева Л.Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев «Сфера» 2002. – 224 с.

Г.А. Коллонтай
Институт психологии творчества
(Россия, Санкт-Петербург)
gkollontay@gmail.com

АКТУАЛЬНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ КОУЧИНГА В СОВРЕМЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Метамодерн – эпоха, пришедшая на смену преמודерну, модерну и постмодерну. Как утверждает П.М. Пискарев: "Метамодерн – эпоха «человека счастливого». Это период актуализированной личности, жизни в самостоятельно сконструированном мире, создания своих полюсов социального притяжения» [2]. В то же время, сегодня мы можем сказать, что языковая личность метамодерна – это digital личность; «сложный и многогранный феномен, тесно связанный с интеграцией цифровых технологий в современную жизнь. Данный феномен формулирует актуальные вопросы использования языка, коммуникационных действий, идентичности и сознания, и имеет важные последствия для нашего понимания того, что значит быть человеком в эпоху цифровых технологий» [3, с. 200]. Сегодня мы можем наблюдать то, что в момент построения диалога говорящие могут не понимать друг друга, и/или не распознавать произносимые лексемы, или воспринимать произнесённые слова искаженно, не в полной мере, даже когда они общаются на одном языке. Такая ситуация возникает из-за того, что актуальная концептосфера, не зависит от индивида, а наоборот, помещает его в эту зависимость, она является самостоятельной и автономной, ведь не каждый

субъект межсубъектной коммуникации способен отслеживать все изменения в корпусе современного языка в целом и в его семантической и лексической системах, в частности (с учётом внедрения digital во всех сферы жизни). По нашему мнению, задача современного человека, который является и активным участником бизнес-процессов – это выстраивание эффективных коммуникативных связей, нахождение «общего языка» с коллегами, и собственного «ценностно-смыслового универсума» в рамках той среды, в которой он находится. Современные сотрудники предпочитают работать удалённо, иметь гибкий график работы, при выборе работодателя обращают внимание на наличие корпоративных программ благополучия, т.к. рабочий персонал заинтересован в конструировании темпо-ритма своей жизни исходя из соблюдения баланса между работой и отдыхом. Для них важно общаться «на одном языке» и быть понятыми. Учитывая вышеперечисленные факторы, мы считаем, что особую роль в эпоху метамодерна играет работа с внутренним миром современного сотрудника. Так же, существует необходимость организации понятной бизнес-коммуникации между сотрудниками, которые участвуют в профессиональной деятельности. Мы полагаем, что данная работа должна проходить с использованием методов интегративной психологии [1] и, в первую очередь, посредством внедрения коучинга в организациях.

Коучинг – «процесс, в котором коуч помогает коучи (клиенту) достичь определенной цели (жизненной или профессиональной)» [2]. Стоит отметить, что существует большое количество определений понятия коучинга, и на данный момент времени не существует единого понятийного аппарата, способного обобщенно отразить суть самого подхода. Коучинг ориентирован на развитие человеческого потенциала, повышение качества коммуникации среди сотрудников, на улучшение количественных или качественных характеристик деятельности, как руководителей, так и специалистов. Коучинг создаёт ту среду, в которой происходят изменения наиболее естественно и легко, и в технологии коучингового процесса происходит перемещение из «поля проблем» в «поле решения». Мы полагаем, что метод парадигмального анализа, созданный профессором П.М. Пискаревым, может быть эффективно использован при работе коуча в отечественных бизнес-структурах. Применяя такие инструменты парадигмального анализа, как Нейрографика, БоГобан, Тест Метамодерна и др., мы сможем выявить точки опоры и мотивационные ресурсы личности каждого из сотрудников и разработать план по внедрению эффективной коммуникации в бизнес-структуры. Важно также отметить, что использование вышеназванных инструментов будет способствовать личной мотивации сотрудника и давать возможность видеть перспективы той деятельности, которой он занят, что непосредственно будет отражено на развитии самого бизнеса, т.к. данные факторы имеют прямую взаимосвязь с бизнес-процессами.

Подводя итог, мы хотим отметить, что использование коучинга в организации позволяет создать коллектив, способный эффективно коммуницировать для достижения общих целей. Коучинг является прекрасным

инструментом, который помогает руководителям и сотрудникам сформировать общую среду, в которой благодаря понятному языку общения, сформировать общее видение, установить чёткие критерии достижения целей организации, осознать личностный и организационный потенциал и найти пути продуктивного коммуникативного сотрудничества для достижения намеченного результата. Учитывая тот факт, что в основе парадигмального анализа применяются коучинговые технологии, такое положение раскрывает широкий спектр возможностей для дальнейшей интеграции поставленных задач, в данном случае, речь идёт о создании понятной коммуникативной среды в организации.

Список литературы

1. Козлов В.В. Современная личность: самоактуализация и самореализация. // М.: ИП Петросян, 2023. 336 с.
2. Пискарев П.М. Homo beatus – человек метамодерна. // Власть и общество. 2019. № 8 (8). С. 4-12
3. Hayles N.K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. // Chicago: University of Chicago Press, 1999.364p.

А.И. Коржуева
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
korzhuevaai924@mgpu.ru

О СООТНОШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Актуальность выбранной темы высока, так как анализ профессионального и организационного сознания именно в условиях принятия решений, представляющими из себя, как правило, некую стрессовую или неординарную ситуацию, позволяет определить уровень владения и применения профессиональных навыков в процессе организации любого вида деятельности.

Принятие решений в профессиональном отношении представляет собой особый вид человеческой деятельности, который состоит в обоснованном выборе варианта или нескольких предпочтительных вариантов из имеющихся возможных. Задачи принятия решений часто отождествляются с задачами выбора, являющимися одними из самых распространённых задач, с которыми человек сталкивается в своей профессиональной деятельности. В ситуациях принятия решений зачастую существует недостаток информации. Часть нужной информации нередко отсутствует, а имеющаяся информация может быть противоречивой, в этом случае неполнота информации обеспечивается

профессиональным опытом или некими правилами, в том числе в части организации тех или иных процессов.

Целью данного исследования является выявление общих закономерностей в применении профессиональных и организационных навыков в условиях принятия решений.

Базой предполагаемого исследования являются работники образовательных организаций среднего профессионального образования и обучающиеся образовательных организаций среднего профессионального образования при выполнении профессиональных задач в условиях организации государственной итоговой аттестации [1].

Работник образовательной организации среднего профессионального образования, в роли эксперта на государственной итоговой аттестации, в условиях принятия решений может опираться на профессиональный опыт, применяя типовые модели поведения.

В условиях стрессовых или неординарных ситуаций работник чаще опирается на интуитивные и, как правило, применяемые ранее им, в том числе в схожих ситуациях, модели поведения.

Обучающийся в условиях стрессовой или неординарной ситуации в условиях государственной итоговой аттестации опирается на свой жизненный опыт, «наслаивая» его на приобретённые навыки во время обучения [2;3].

Оценивая поведение участника в стрессовой или неординарной ситуации в условиях государственной итоговой аттестации, можно определить полноту приобретённых им навыков профессиональной деятельности.

В заключении, применяя методы оценки выхода из стрессовой или неординарной ситуации в условиях государственной итоговой аттестации, можно определить полноту приобретённых профессиональных навыков обучающегося. Содержание организационной деятельности и результаты профессиональной формируются в комплексном виде и направлены на приобретение обучающимся широкой социально-профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Кринчик Е.П. Психологические проблемы трудовой деятельности в условиях неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 3.

2. Леонтьев А.Н. Экзамен и психика // Экзамен и психика. Работы психологической лаборатории Акад. Коммун. воспитания им. Н. К. Крупской. Вып.3. М.; Л.: Госиздат., 1929, С.11—86 (совместно с А. Р. Лурия).

3. Щербатых Ю.В. Вегетативные проявления экзаменационного стресса: автореф. дис. д-ра биол. наук. СПб., 2001.

Л.Г. Кравцов
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
KravcovLG@mgpu.ru

ПСИХОТЕХНИКИ СУБЪЕКТНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЯЩЕГОСЯ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В современной педагогике и дидактике одна из крайне актуальных проблем связана с осмыслением и пониманием значимых результатов образовательного процесса. Если его стратегические цели достаточно очевидны и обычно соотносятся с развитием сознания и личности обучающегося, а его конкретные педагогические эффекты, как правило, интерпретируются в контексте соответствующего предметного знания, то его промежуточные, так сказать, тактические задачи во многом остаются непроясненными. В рамках российских образовательных стандартов дидактические цели такого рода обычно называются «метапредметными» и раскрываются с помощью двух хорошо известных понятий, ставших за последнее время в образовательном дискурсе весьма частотными. Практически любой обобщенный учебный эффект сегодня описывается либо как своего рода «компетенция», либо «навык», и по вопросу об устройстве и своеобразии этих конструктов существует трудно обозримое количество разных мнений.

Вынужденное расширение объема этих двух понятий, выражающееся, например, в том, что словом «навык» порой обозначают в том числе «критическое мышление», «эффективную коммуникацию» и даже «креативность», приводит к выхолащиванию их содержания, вследствие чего утрачивается понимание природы и закономерностей развития ряда важнейших культурных способностей человека, напрямую зависящих от образования.

Одной из ключевых универсальных способностей человека, формирующихся и развивающихся только в контексте образовательного процесса, выступает понятийное мышление, представляющее собой весьма сложную и высокоорганизованную культурную форму речемышлительной деятельности. Следует особо подчеркнуть, что любые формы мышления по ряду своих конструктивных особенностей несводимы к навыкам, и поэтому единые подходы к их «отработке» и «тренировке» не только заранее обречены на неудачу, но и приводят в некоторых случаях к задержкам в развитии мышления и появлению различных форм его «имитации» и «симуляции». В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о природе и своеобразии развитых форм речевого мышления, так как от него напрямую зависит построение эффективных дидактических подходов и технологий, учащих человека мыслить, а не просто решать «типовые предметные задачи».

Феномен мышления в понятиях, являясь центральным когнитивным новообразованием у обучающихся в рамках старшей и высшей школы, нуждается в существенном пересмотре и переосмыслении, так как зачастую понимается упрощенно и редуцированно. Как пронизательно замечает Л.С. Выготский в самом начале своей знаменитой монографии, вопрос о психологической природе понятия, в сущности, представляет собой вопрос об отношении «мысли к слову» [1]. Однако понимание именно этого вопроса осложняется двумя тесно переплетающимися и весьма уважаемыми традициями, которые прочно укоренились в обсуждениях этой проблематики. Одна традиция идет из формальной логики и связана с «признаковой моделью» понятия, а вторая имеет прямое отношение к языкознанию и трактует понятие как «значение слова» [4]. Оба эти подхода, как известно, оказали заметное влияние и на автора «Мышления и речи», и во многом вследствие этого единицей анализа речевого мышления он выбирает «устройство обобщения в значении слова» [1].

Мы полагаем, что структурные изменения «внутренней стороны слова» являются не первопричиной культурной перестройки мышления человека, а следствием трансформации связи между его мышлением и речью, примерно так же, как структура эгоцентрической речи преобразуется под влиянием ее изменившихся функций [2].

Если это так, то психологическая интерпретация «понятия» должна быть пересмотрена, и целый ряд указаний на необходимость такого пересмотра можно найти в уже упомянутой монографии автора культурно-исторического подхода. Единицей анализа понятия не может быть отдельно взятое обобщение, концепт или значение слова, так как понятия не только «не живут поодиночке», но и не обнаруживаются вне усилий человека по «обузданию» собственного мышления с помощью речи. Соответственно, понятие – это и есть особым образом порождаемый человеком текст, а не слова, из которых он состоит, или сам способ решения мыслительной задачи, а не отдельные обобщения образующих ее условий.

Проведенное исследование, в котором мы сравнивали деятельность по решению мыслительной задачи у новичков и экспертов, показало разный характер управления ими собственной мыслительной деятельностью. Субъект понятийного мышления отличается от новичка не тем, что использует более совершенные и заранее готовые структуры обобщения, а самим подходом к организации собственной поисковой мыслительной деятельности [3]. Понятийный способ решения мыслительной задачи, как оказалось, связан с постановкой и решением человеком нескольких дополнительных регуляционных задач, позволяющих ему «помогать» собственному пониманию основной задачи и сознавать результативность своих действий. Сродни тому, как в произвольной памяти человек ставит перед собой дополнительную «мнемическую задачу», также в понятийном мышлении решатель генерирует для себя несколько «метакогнитивных задач», с помощью которых он систематически управляет

собственным мышлением. О специфике этих задач и их проявлении в человеческой деятельности будет более подробно рассказано в основном докладе.

В заключение следует отметить, что предлагаемое смещение акцентов в интерпретации феномена понятийного мышления позволяет по-другому взглянуть на организацию педагогического процесса, ориентированного на поддержку и сопровождение развития этой формы мышления. Традиционные дидактические занятия, связанные с определением и сравнением понятий, а также прочими формально-логическими процедурами, по всей видимости, имеют довольно отдаленное отношение к мышлению. А вот такие виды действий, как формулирование рефлексивных вопросов по поводу решаемой задачи или попытки моделирования ее условий, как раз воплощают в себе то самое отношение «мысли к слову», которое лежит в основе подлинного понятия как развитой формы речевого мышления.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В.Давыдова. М., Педагогика, 1982. 504 с.

2. Выготский Л.С. О психологических системах. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 109–131.

3. Кравцов Л.Г. Функциональные особенности понятийного мышления в составе деятельности профессионального педагога. К.Д. Ушинский и национальное образование: исторические уроки, идеи и современность: материалы XXVI Межрегиональных педагогических чтений, посвященных великому русскому педагогу К.Д.Ушинскому (30 марта 2022 года) / сост.: Н.А. Воробьева, С.В. Обоева. М.: МГПУ, 2022.

4. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, 288 с.

*А.А. Крюкова
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
alexandrakrry@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА НАЧИНАЮЩИХ ПЕДАГОГОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ

Коммуникативная компетенция является фундаментальной для работы педагога, поскольку от нее зависит качество образовательного процесса и эффективность взаимодействия со студентами, коллегами и родителями.

Начинающие педагоги, как правило, сталкиваются с рядом трудностей в области коммуникации, таких как неуверенность в своих навыках, недостаток опыта или непонимание особенностей общения в профессиональной среде.

Иметь развитую коммуникативную компетенцию помогает начинающим педагогам эффективно взаимодействовать с ключевыми участниками образовательных отношений, устанавливать эмоционально-психологический контакт с обучающимися, а также создавать доверительные отношения. Компетентность в коммуникации способствует эффективному преподаванию, успешной организации учебной деятельности и решению конфликтов, а также способствует гармоничному развитию учеников.

Взаимосвязь между коммуникативной компетенцией и профессиональной самооценкой начинающих педагогов также важна для их развития. Перспектива достижения успеха и роста в профессии напрямую связана с уверенностью в своих коммуникативных компетенциях и способностях. Повышение самооценки начинающих педагогов в этой области может способствовать повышению мотивации, инициативности и профессиональной готовности для работы. Отсутствие уверенности в коммуникативных компетенциях может создавать стресс и влиять на качество общения и преподавания.

Исследование взаимосвязи между коммуникативной компетенцией и профессиональной самооценкой начинающих педагогов позволяет выявить факторы, влияющие на их развитие, а также разработать эффективные психолого-педагогические приемы и программы поддержки и развития начинающих педагогов. Это имеет важное значение для совершенствования образовательной системы и повышения качества образования.

Таким образом, изучение взаимосвязи между коммуникативной компетенцией и профессиональной самооценкой начинающих педагогов является актуальным направлением исследований, способствующим развитию качества образования и подготовке высококвалифицированных педагогов.

Цель данного исследования заключается в исследовании взаимосвязи между коммуникативной компетенцией и профессиональной самооценкой начинающих педагогов и изучении ее влияния на их развитие в педагогической сфере.

Коммуникативная компетенция педагогов охватывает их способность эффективно общаться, устанавливать эмоциональные и психологические связи с обучающимися и коллегами, а также умение адаптироваться к подвижному образовательному процессу и потребностям обучающихся. Самооценка, в свою очередь, влияет на общую уверенность и мотивацию педагогов, их способность преодолевать трудности и стремиться к профессиональному росту.

Исследование направлено на анализ этих двух факторов и их взаимодействия, прослеживая смысловые и практические сдвиги, которые они могут создать для начинающих педагогов. Необходимо понять, какие конкретные навыки коммуникативной компетенции и уровень профессиональной самооценки имеют наибольшее влияние на их профессиональную деятельность

Задачи данного исследования сформулировать рекомендации и предложить практические решения для поддержки и улучшения коммуникативной компетенции и профессиональной самооценки начинающих педагогов, изучить какие факторы могут способствовать развитию данных конструктов в будущем, а также выявить возможные вызовы и препятствия.

По **итогах исследования** будут сформированы методы и рекомендации по улучшению и развитию коммуникативных компетенций, которые в современном образовательном процессе оказывают положительное влияние на профессиональную самооценку начинающих педагогов.

Также будут рассмотрено понимание контекстуальных факторов, влияющих на коммуникативную компетенцию, которое может помочь образовательным организациям разрабатывать меры и ресурсы для поддержки начинающих педагогов. Зная об обстоятельствах, которые способствуют или препятствуют развитию коммуникативных навыков, можно создать благоприятную среду для педагогов и предоставить им подходящие инструменты и обучение, чтобы они чувствовали себя увереннее и успешнее в своей профессиональной деятельности.

Развитие коммуникативной компетенции у начинающих педагогов может способствовать более эффективному обучению и созданию благоприятной образовательной среды.

Список литературы

1. Елагина В.С., Немудрая Е.Ю. Основы педагогического общения: учеб. пособие: курс лекций для студентов педагогических вузов. 2-е изд. Челябинск: НП «Инновационный центр «Рост», 2012. 184 с.

2. Зарецкая И.И. Коммуникативная культура педагога и руководителя / отв. ред. М.А. Ушакова. М.: Сентябрь, 2002. 159 с.

3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 304 с.

4. Кригер Е.Э. Сопровождение профессионального самоопределения педагога в ситуациях неопределенности// Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2008. Т. 11, № 1. С. 27–37. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-27-37.

5. Юсупов И. М. Психология взаимопонимания. – Казань: КГУ, 1991. – 192 с.

*Т.Ю. Кутеева
Общecerковная аспирантура и докторантура
(Россия, Санкт-Петербург)
tkuteeva@gmail.com*

ЯЗЫК – ИНСТРУМЕНТ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА

Эпиграфом к нашим тезисам мы взяли фразу Михаила Пришвина, которую В.В. Колесов дополнил изречением Александра Потебни *мысль направлена словом*. Таким образом получается, что *жизнь происходит от слова – мысль направлена словом* [2, с. 6]. В психологической работе важно понять направление мысли пациента: выражение своей мысли пациентом, ее дополнение и более полное осознание, а также, если потребуется, ее изменение – это то, что лежит в основе психологической консультации. Это та работа, которая в своей потенции имеет целительное воздействие.

Психика человека диалогична: В.И. Слободчиков вводит понятие со-бытие – *совместное бытие, совместное проживание* [4, с.198]; Иоанн Зизиулас всегда выделяет *мысль о том, что лицо, или личность, понятие, связанное с взаимоотношениями* [1, с. 162]; Митрополит Антоний Сурожский уделяет большое внимание встрече и друг-ому человеку [5, с. 210]. Нам нужен другой человек не только для того, чтобы высказаться, поделиться, излить душу, а также, чтобы «привести свои мысли в порядок». В последнем случае особенно важна личность слушающего, так как мы интуитивно (интуиция основана в том числе и на личном опыте) выбираем стиль нашей речи, само содержание, чтобы нас поняли верно. Нередко достаточно лишь произнести вслух свою проблему человеку, который внимательно слушает и относится к каждому слову не как к термину, а как к смыслу, логосу, как к тому способу, в котором сознание находит выход, чтобы получить ответ на свой вопрос (Аристотель говорил, что категория сознания является и категорией языка).

Но чаще происходит так, что пациент видит мир, осознает ту или иную ситуацию, исходя из своей языковой картины мира: в данном случае мы подразумеваем под этим словом то, какими концептами человек «смотрит на мир». Исходя из этого, слова в речи каждого отдельного человека используются в разных проявлениях (мысль именно данного субъекта речи является миру). И часто надо вывести пациента на единую (соборную) картину мира русского языка, в словах которого содержится сознание народа, чтобы он (пациент) смог понять самого себя и другого, увидеть ситуацию извне: увидеть единство языка в разнообразии речи, через это иметь возможность обрести целительную мысль, которая даст основание выстраивать жизнь в «утвердительном», а не «отрицательном» смысле.

Чтобы произошла целительная встреча, которая предполагает усвоение пациентом целительной мысли, необходимо совместное отношение психолога и пациента друг к другу. Совместное отношение обуславливает выбор психологом модели общения субъект – субъект, а не субъект – объект. Субъект-субъектные отношения – это взаимодействие личностей, при котором одна личность влияет на другую. Так как личность – это мировоззрение и система ценностей, то и общение предполагается на уровне мировоззрения и системы ценностей, которые

не навязываются другому, а осуществляется тактичное свидетельство о них. Поэтому взаимное совестливое отношение в процессе консультирования является отправной точкой для начала общения, а термин «совесть» нуждается в раскрытии в совместном диалоге психолога-консультанта и пациента (в той мере, в которой это необходимо в данной конкретной ситуации). По выражению Льва Толстого, *совесть есть память общества, усвоенная отдельным лицом* [3, с. 107], но в процессе усвоения совести в детском возрасте и позже часто происходят «сбои», которые потом отображаются в картине мира отдельного человека (в данном случае – пациента). Психолог может использовать знания по развитию термина «совесть» и другие термины данной парадигмы («стыд», «срам», «сознание», «самосознание») для помощи пациенту. В основании общения будет добрая суть всех людей, участвующих в данной встрече (очно и через упоминание про них): болезнь физическая, возможна лишь на здоровом органе, так и зло в человеке может паразитировать на чем-то добром. Если рассматривать человека с православной точки зрения, то краеугольным камнем общения будет Весть от Бога, заложенная в каждой личности: Весть вложена в природу человека, *является врождённым нравственным законом, выражает глубинную духовную силу самопознания и самосознания* [6, с. 36].

Таким образом, огромный потенциал русского языка, в котором за каждым предметом стоит идея (идея и предмет едины), является потенцией для целительной встречи психолога-консультанта и пациента.

Список литературы

1. Зизилуас И., мтр. Пергамский. Общение и инаковость. М., 2012.
2. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург, 1999.
3. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт. Санкт-Петербург, 2004.
4. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 2014.
5. Сурожский А., мтр. О встрече. Клин, 2007.
6. Шеховцова Л.Ф., Кутеева Т.Ю. Сознание, самосознание, совесть: богословские и психологические аспекты. Актуальные вопросы церковной науки. СПб. № 2, 2020.

Н.В. Лебедева
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
(Россия, Москва)
Lebedeva.NV@rea.ru

ПСИХОЛОГИЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время проблемы формирования организационной культуры все чаще обозначаются в современном менеджменте. Бюджетная сфера, крупные государственные корпорации, малый и средний бизнес понимают значимость данного феномена в эффективности и результативности деятельности организации. Однако до сих пор данный термин понимается многими как достаточно неопределенное явление, связанное с традициями, ценностями и внешней символикой организации. В то же время, формированию сильной организационной культуры уделяется все больше внимания в развитых компаниях. В современных условиях этот фактор является одним из ключевых для их успешного функционирования. Можно сказать, что сам факт наличия организации с развитой культурой говорит о существовании благоприятной социально-экономической среды, в чем заинтересована как сама организация, так и общество в целом (государство, регион и пр.).

Если обратиться к генезису организационной культуры, то необходимо вспомнить Э. Шейна и его труд «Организационная культура и лидерство», который по праву можно считать первой фундаментальной теоретической работой по проблематике формирования и развития культуры организации, а самого автора как основоположника данного феномена [3, с. 12].

Под организационной культурой Э. Шейн понимает комплекс базовых предложений изобретений, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции [Там же, с. 129].

Важно отметить, что организационная культура, набор ее основополагающих представлений определяют эмоциональные реакции на те, или иные явления, формируют специфику общения, стиль управления и работы, характер интерьера и одежды.

Что определяет эффективность организационной культуры и какова роль психологии делового общения в ней? Ведь помимо символики, имиджевой составляющей организации важное значение, а с нашей точки зрения, первостепенное, играет именно деловое общение. Прежде всего стоит отметить, что это самый массовый вид общения. Без него не обойтись в сфере экономических, правовых, коммерческих отношений. Умение успешно вести деловые переговоры, выстраивать конструктивное взаимодействие как с внешними партнерами, так и внутри команды сегодня уже стало неотъемлемой частью организационной культуры. Однако именно проблема психологии делового общения занимает лидирующие позиции в контексте жизнедеятельности любой организации. Если символику, дизайн можно внедрить в компании довольно оперативно, то вопросы деловых коммуникаций требуют более глубокой работы в рамках психологии управления. Ценности, смыслы, миссия организации внедряются и формируются не только «на бумаге», а именно во взаимодействии человека с человеком. Вот почему темы этики и деловых коммуникаций, психологии делового общения занимают лидирующие позиции в корпоративном образовании, тренингах, проводимых в организациях.

Создание экосистемы, экопространства в современных учреждениях выступают фактором формирования организационной культуры. При этом психология делового общения, основанная на взаимоуважении, толерантности, гуманистическом подходе, является базисом экопространства современной организации [2, с. 165].

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что организационная культура является важным элементом системы управления с определенной структурой, функционалом и системой координат и взаимозависима от целей организации [1, с. 4). Психология делового общения занимает ведущее место в структуре организационной культуры. Но не следует рассматривать организационную культуру только в узком смысле – как культуру конкретного предприятия, так как культура присутствует на всех уровнях жизнедеятельности общества и не должно происходить разрыва единой системы организационной культуры функционирования общества.

Список литературы

1. Колмыкова М.А. Организационная культура: учебное пособие / М.А. Колмыкова, Н.А. Четверикова; Оренбургский гос.ун-т. – Оренбург : ОГУ, 2020 – 144 с.
2. Лебедева Н.В. Экологическое пространство современного вуза: монография. – СПб. Скифия-принт. 2022. – 180 с.
3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. – 336 с.

*А.В. Морозов
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Беларусь, Минск)
morozoff.bel@mail.ru*

КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Проблематика исследований, основанных на концепции языковой личности, имеет ярко выраженную антропоцентрическую направленность на системный анализ способностей и характеристик человека, являющихся условием успешности его жизнедеятельности. Традиционно под языковой личностью понималась «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)...». [1, с. 3]. Качественной характеристикой языковой личности является коммуникативная компетентность, то есть связанные с речевой деятельностью (устной и письменной) знания, опыт и навыки человека, которые позитивно влияют на осуществление процесса обмена информацией в процессе общения.

С.В. Мыскин подчеркнул приоритетную значимость исследования языковой профессиональной личности в современных социально-экономических условиях и выделил в её структуре коммуникативно-компетентностный уровень языковой профессиональной личности [3, с. 152-155]. **Исходным мотивом повышения коммуникативно-компетентностного уровня становится осознание того, что в настоящее время совершенствование коммуникативной компетентности способствует результативности при реализации цели и задач профессиональной деятельности.** Совершенствование коммуникативной компетенции принципиально важно для развития социально-производственных отношений не только в процессе коммуникации, но и при осуществлении двух других сторон делового общения языковой профессиональной личности в каждой конкретной организации (предприятии, учреждении, компании, фирмы и т.д.) – перцептивной (восприятие, оценка участниками общения друг друга) и интерактивной (направленной на совместную деятельность).

Присущая языковой профессиональной личности коммуникативная компетентность позволяет выстраивать продуктивные межличностные взаимоотношения в деловой (служебной) сфере. Как нами было показано ранее [2, с. 162], в качестве основных признаков коммуникативной компетентности специалиста следует признать следующие: 1) оперативная и адекватная ориентировка в ситуации взаимодействия при деловом общении; 2) культура вербальной, невербальной и паравербальной составляющих коммуникации; 3) мастерство подготовки и произнесения публичной речи с использованием приемов диалогизации; 4) целенаправленное стремление понять собеседника в контексте конкретной ситуации и проблематики делового общения; 5) учет социального статуса коммуникантов и возможных межкультурных различий; 6) установка при взаимодействии не только на деловой результат, но и на партнёра, его интересы и задачи; 7) психологическая уверенность в себе (не переходящая в самоуверенность); 8) умение организовывать и поддерживать продуктивное взаимодействие с общественностью, в том числе с помощью средств массовой информации и коммуникации; 9) владение приемами эффективной обратной связи; 10) умение управлять отрицательными и положительными эмоциями на всех этапах делового общения.

Мы считаем, что формирование коммуникативно-компетентностного уровня языковой профессиональной личности и повышение его уровня принципиально важно осуществлять на основе инновационной составляющей коммуникационного менеджмента и его основных направлений (связей с общественностью; взаимодействия с деловыми партнерами и инвесторами; связей со средствами массовой информации и коммуникации; имиджмейкерства; репутационного менеджмента; брендинга; спонсорства и благотворительности; продвижения территорий, организаций, товаров и услуг).

Коммуникационный менеджмент – самостоятельный вид профессиональной деятельности, направленной на достижение эффективной коммуникации как внутри организации, так и между организацией и ее внешней

средой путем реализации вырабатываемой коммуникационной политики. Благодаря внедрению на практике методов, технологий и процедур коммуникационного менеджмента происходит продуктивное взаимодействие с партнерами по общению и (или) воздействие на них. Специфика коммуникационного менеджмента как раз и заключается в том, что он не рассматривает систему управления информационными процессами с точки зрения технических средств осуществления (источник, сообщение, передатчик, каналы, помехи, приемник, обратная связь), а акцентирует внимание на социально-психологическом аспекте технологии управления, где определяющим компонентом является человеческий фактор, прежде всего, профессиональная языковая личность, обладающая необходимыми навыками инновационной деятельности, в том числе на коммуникативно-компетентном уровне.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения: Вступительная статья // Язык и личность : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 3-10.

2. Морозов А.В., Данакари Л.Р., Ивентьев С.И. Формирование коммуникативной компетентности современного специалиста в высших учебных заведениях Республики Беларусь и Российской Федерации // Образование и социальная динамика: сборник научных трудов VIII Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти Т.Н. Брысиной, Ульяновск, 23-24 сентября 2022 г. / под ред. М.П. Волкова. – Ульяновск: УлГТУ, 2022. – С. 160-168.

3. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12 (30): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 150-157.

Т.Ю. Николаева
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
nikolaevatj@mgpu.ru

ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКЕ

В контексте общественных, культурных и экономических трансформаций, во многом определяющих современную реальность, тема гендерного равенства приобретает особую актуальность, что проявляется в том числе и в проникновении гендерных аспектов в сферу занятости населения [4]. Данный феномен мотивирует необходимость системных исследований и реформирований корпоративных практик в целях создания гендерно-инклюзивной корпоративной культуры, способствующей оптимизации трудовых ресурсов, повышению

производительности и обеспечению устойчивого социального развития организаций в условиях современного общества [3]. Таким образом, представленная работа выполнена в рамках динамично развивающегося направления организационной лингвистики и посвящена анализу стратегий нейтрализации гендерированного языка в контекстах организационной коммуникации и их сопоставлению в английском и русском языках.

В силу того, что за последние годы деловая коммуникация приобрела статус одной из наиболее распространенных в мире [2], можно выдвинуть предположение о том, что язык организации будет отчетливо отражать современные социокультурные динамики. Однако несмотря на растущее количество исследований, посвященных организационной культуре и формированию языковой профессиональной личности [1], выражение гендерной непредвзятости с помощью инструментов бизнес-дискурса на данный момент не получило исчерпывающего описания, что определяет актуальность настоящего исследования.

Эмпирической базой исследования послужили нормативные документы по устранению выражающейся лексическими средствами гендерной асимметрии на рабочем месте, опубликованные на официальных сайтах Европейского парламента, Организации Объединенных Наций и Всемирной организации интеллектуальной собственности. Кроме того, в рамках работы рассмотрены представленные вниманию работодателей рекомендации в журналах *Forbes* и *Harvard Business Review*.

Результаты контент-анализа отобранного материала демонстрируют, что предлагаемые рекомендации имеют ряд различий, обусловленных особенностями рассматриваемого языка. Так, к наиболее частотным стратегиями в русскоязычном бизнес-дискурсе можно отнести использование параллельных названий для обозначения лиц женского пола (*преподаватель – преподавательница*), замену единственного числа множественным (*работник – работники*), а также применение страдательного залога (*он/она получила письмо – письмо было получено*) и настоящего грамматического времени (*директор сказал/сказала – директор говорит*). В английском языке деловой коммуникации, в свою очередь, распространенными являются использование гендерно-нейтральных местоимений (*he or she – they/one*), замена гендерно-окрашенного корня гендерно-нейтральным (*man-made – artificial*) и исключение связанных с гендерной принадлежностью объекта высказывания слов (*the chairperson will continue his/her efforts – the chairperson will continue the efforts*). Таким образом, результаты анализа подтверждают актуальность вопроса о потребности разработки и внедрения стандартов в области гендерно-нейтральной коммуникации в организационной культуре и свидетельствуют о многогранности данной проблемы, подчеркивая необходимость адаптации языковых стратегий в соответствии с культурными и лингвистическими особенностями каждого языка.

Список литературы

1. Андреев В. М., Купфер Л. В. Языковые особенности клиентоориентированного поведения (на примере корпоративных текстов современных инженерно-строительных организаций) // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2020. Т. 19. № 2. С. 79-89.

2. Харченко Е. В., Шкатова Л. А. Новое призвание филологов: лингвистика организаций // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 235-240.

3. Cavero-Rubio J. A., Collazo-Mazón A., Amorós-Martínez A. Public recognition of gender equality in the workplace and its influence on firms' performance // Women's Studies International Forum. 2019. № 76. P. 102273.

4. Chang E. H., Milkman K. L. Improving decisions that affect gender equality in the workplace // Organizational Dynamics. 2020. № 49(1). P. 1-7.

Ю.С. Островая
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
(Россия, Новосибирск)
belovayuli@yandex.ru

ГЕНДЕРЛЕКТ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ В СОЦИУМЕ

В русской лингвистике исследование особенностей языковых репрезентаций гендера началось сравнительно недавно, в середине 90-х годов XX века. Гипотезы о гендерной субкультуре привели к возникновению понятия о «гендерном» языке, который характеризуется постоянным набором характеристик мужского и женского языка.

Сегодня в исследовании гендерного языка существуют несколько ключевых направлений:

1) социально-психологическое исследование через письменные и устные тексты, которое затрагивает различия между полами, исследуя естественные и социальные аспекты гендерных различий и гипотезы о межполушарных асимметриях;

2) лингвистическое исследование особенностей и функционирования стереотипов мужской и женской речи, которое рассматривает гендерные асимметрии, гендерные метафоры, культурные концепты «мужчина» и «женщина», а также гендерные аспекты фразеологии;

3) коммуникативный дискурс, основанный на изучении языковой структуры индивидуумов в процессе коммуникации в различных ситуациях.

Важно отметить, что эти направления исследования гендерного языка не являются исчерпывающими. В настоящее время существует множество других подходов, которые также вносят свой вклад в понимание гендерных различий в

языке. Например, недавние исследования сферической гендерности и нейтрального языка предлагают новые способы рассмотрения темы гендерлекта или гендерного языка. Таким образом, гендерный язык является многогранным и интересным полем исследования, которое продолжает развиваться и расширять наши о взаимосвязи языка и гендера.

Исследования Земской Е.А., Китайгородской М.В., Розановой Н.Н., Суховой А., Синюковой Т.В., Синюкова А.В. показывают, что границы между женской и мужской речью не являются абсолютными [1;2;3]. Они обнаружили определённые тенденции в употреблении языка у мужчин и женщин. Например, мужчинам свойственно более частое использование новых, заимствованных слов, отсутствие эмоциональных восклицаний; женской речи – преобладание вежливых слов и эмоциональных конструкций. Подобную ситуацию Г.Г. Слышкин связывает с уровнем образования и чем выше образование, тем меньше различий в речевом стиле [4]. Кроме уровня образования на речевые особенности у мужчин и женщин оказывают влияние и другие факторы: от культурных и социальных (профессиональная и трудовая деятельность) до полученного в семье воспитания.

Кроме того, современные исследования говорят о различиях в коммуникативном стиле между полами. Женская речь, как правило, более темперамента, экспрессивна и даже аффективна и фокусируется на установлении и поддержании социальных связей, в то время как мужская речь склонна быть более корпоративной, прямолинейной и информативной. Такие дифференциации в коммуникативном поведении могут быть связаны с биологическими и эволюционными факторами, а также с социальной ролью индивидуума. Таким образом, речевые особенности мужчин и женщин являются результатом сложного взаимодействия различных факторов, таких как уровень образования, культурные и социальные влияния, а также биологические и эволюционные факторы. Понимание этих различий помогает нам лучше понять коммуникацию между полами и снизить возможные недоразумения и конфликты.

Итак, все направления современных гендерных лингвистик изучают, как формируются дифференциации между мужчинами и женщинами и как они отражаются в социальных коммуникациях. При этом гендер является «институционализированным» и социокультурным конструктом – одной из характеристик личности человека.

Отметим, что в настоящее время в рамках исследований «гендера» биологический пол – единственный параметр, связанный с формированием социальной идентичности говорящих в процессе коммуникации, в зависимости от возраста, статуса, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Список литературы

1. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва: Академический научно-

издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН "Издательство "Наука", 1993. – С. 90-36. – EDN SIKENL.

2. Макашова С.В. Гендерный аспект в межкультурной коммуникации. III Международная научно–практическая конференция «Современные тенденции и инновации в науке и производстве», – Междуреченск, 2014. – С.298-299.

3. Синюкова Т.В. Особенности мужской и женской речи в современном обществе / Т. В. Синюкова, А. В. Синюков // Вторые Щеулинские чтения : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина, Липецк, 30 марта 2018 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 179-182. – EDN YVFXVS.

4. Слышкин Г.Г. Перспективы изучения языковой личности, находящейся в инокультурной ситуации / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова // Актуальные проблемы современной филологии : Сборник научных работ / Ответственный редактор: Е.Н. Егина. – Волгоград : Кировское областное государственное автономное образовательное учреждение среднего профессионального образования "Вятский колледж культуры", 2002. – С. 107-110. – EDN WGNEGN.

А.А. Павильч
Белорусский государственный экономический университет
(Беларусь, Минск)
kfil@bseu.by

МЕТАЯЗЫК МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОММУНИКАЦИИ

Восприятие другой культурной среды сопровождается соизмерением совпадений и обнаружением межкультурных различий, которые определяют индивидуальные особенности культур. Межкультурные различия являются содержательным измерением, способом закрепления и выражения существующей дистанции между социокультурными общностями. Несоответствия между разными группами и образованиями могут обнаруживаться как на уровне их внешнего разграничения, так и внутри одной культурной целостности. Теоретическая рецепция межкультурных различий сопровождается разработкой метаязыка, который связывается с системной рефлексией разных аспектов и проявлений культурного многообразия и конституирует способы его описания.

Современный исследовательский опыт в сфере компаративистики располагает утвердившимся метаязыком, позволяющим передать содержательную дистанцию и различия между культурами. В метаанализе соответствующих реалий часто применяются такие описания, как *свои–чужие (иные, другие); мы–они; бинарность, фронтир, граница* и др. Граница служит существенным основанием в идентификации социокультурного окружения, отождествляется с распознавательной чертой в пространстве культуры,

определяет рамки завершения персонального образа культуры и фиксирует начало другой культурной среды. Размежевание социокультурной среды имеет характер универсальной схемы восприятия поликультурной действительности и предполагает условную дифференциацию внутреннего (своего) и внешнего (чужого) пространства. В то же время склонность семиотической структуры любой культуры к изменчивости является подтверждением подвижности границ культуры. Формальность внешних признаков культурных различий объясняется неоднозначностью, содержательной вариабельностью и относительностью критериев культурной идентичности в пределах культурной целостности. Существенными основаниями для определения культурной дистанции являются многочисленные факторы (территориально-региональный, антропологический, государственно-политический, этнонациональный, социальный, гендерный, языковой, религиозный, ценностный, мировоззренческий и др.) [2, с. 56-60].

Раскрывая онтологическую сущность культурных границ, К. Леви-Строс дифференцировал различия, «обусловленные изоляцией», и «обусловленные смежностью, – желанием противопоставляться, различаться, обладать самобытностью» [1, с. 327]. Склонность к любым способам размежевания пространства культуры связывалась с психологической установкой человека реагировать на неожиданную ситуацию и отвергать культурные формы (моральные, религиозные, социальные, эстетические), наиболее отдаленные от тех, с которыми мы себя идентифицируем. Теория психоанализа объясняет причину противоречий и напряженных отношений внутри одной культурной целостности, между генетически и территориально связанными культурами продолжительной эмоциональной связью, несущей в себе «осадок отвергающих враждебных чувств, которые не доходят до сознания лишь вследствие вытеснения» [3, с. 446] (т.е. в отношениях всегда присутствует вытесненная враждебность).

Возможной причиной неприятия другой культуры и негативного отношения к ней в результате восприятия и осознания межкультурных различий может стать *когнитивная ригидность*, выражающаяся в неготовности к принятию концептуальной картины иной социокультурной действительности, вступающей в явное противоречие с образом своей культуры, поскольку основу для рефлексии другой культуры составляют образы и стереотипы привычной картины мира.

Таким образом, теоретическая рецепция межкультурных различий выражается в рефлексивном восприятии культурного многообразия в его функциональных и коммуникативных проявлениях через систему понятий и категорий метаязыка. В качестве основных объектов метаописания и теоретической интерпретации выступают механизмы и ориентиры различения культурных целостностей, содержательная дистанция межкультурных различий, динамика интерактивных процессов в поликультурном пространстве, расположенность и открытость культур к взаимодействию, дихотомия межкультурных отношений, диффузионные явления в культуре и др. Теоретическая рецепция межкультурных различий соотносится с разработкой

метаязыка, наиболее адекватного содержанию межкультурного дискурса как метапроекции мультикультурной динамики и соответствующего реалиям межкультурного взаимодействия. Метаязык межкультурных различий обогащает понятийно-категориальный аппарат компаративистики, выполняя важные номинативные функции: фиксирует основные ориентиры различения и идентификации культурных целостностей; обозначает способы размежевания культурного пространства и характер бинарных оппозиций; отражает степень расположенности культур к взаимодействиям и восприятию заимствований.

Список литературы

1. Леви-Строс К. Путь масок / К. Леви-Строс; пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Республика. – 2000. – 399 с.
2. Павильч А.А. Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция: монография / А.А. Павильч. – Минск: МГЛУ, 2017. – 168 с.
3. Фрейд З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд; пер. с нем. – Минск: Попурри, 2006. – 608 с.

В.Г. Пантелеева

Сургутский государственный педагогический университет

(Россия, Сургут)

vladimira.panteleeva.2002@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДОКУМЕНТОВЕДА В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ РЕЧИ

В современных организациях документовед должен не только осуществлять работу с документами, но и обладать грамотной речью в устной форме. Умение правильно излагать и выражать свои мысли играет большую роль, потому что это влияет не только на профессиональные компетенции специалиста в сфере делопроизводства, но и на имидж предприятия в целом.

Языковая личность документоведа заключается в том, что он не только взаимодействует с коллегами, с руководством, но и составляет документы не только в соответствии с установленными требованиями, но и с правилами русского языка. Кроме того, текст документа должен быть чётким, ясным и кратким. Поэтому, очень важную роль в профессиональной деятельности документоведа играет официально-деловой стиль речи.

Следует отметить, что официально-деловой стиль речи отличается от других функциональных стилей тем, что используется в профессиональной деятельности, имеет определённую специфику. Для данного стиля речи характерны:

- 1) лаконичность;

- 2) точность;
- 3) сжатость;
- 4) однозначность;

5) использование клишированных фраз (В связи с..., Довожу до Вашего сведения, что..., Информировать Вас о том, что...) и т.д.

Официально-деловой стиль относится к разновидности современного литературного языка. Так как документ представляет собой материальный объект, то и деловая коммуникация чаще имеет письменный характер. Также, Официально-деловой стиль обслуживает коммуникацию, возникающую между органами власти, организациями и другими юридическими и физическими лицами в процессе производственной, хозяйственной и юридической деятельности [2, с. 11].

Приведём пример текста из служебной записки: «Довожу до Вашего сведения, что в процессе работы с системой электронного документооборота персональный компьютер вышел из строя и перестал функционировать. Прошу устранить данную ситуацию. Мы видим, что текст оформлен верно в официально-деловом стиле, в соответствии с правилами русского языка». Следует акцентировать внимание на том, что в тексте имеется фраза-клише «Довожу до Вашего сведения», точность, сжатость и лаконичность. Также, данный текст не содержит неологизмов, жаргонизмов и произвольных сокращений. Следовательно, текст, составленный документоведом в официально-деловом стиле, имеет все необходимые элементы.

Лексическая система официально - делового стиля включает:

1) профессиональную терминологию, где тематическое членение отражает официально – деловой стиль речи. В аспекте темы нами выделена профессиональная терминология: сфера образования, система образования, элитарное образование,

2) в официально – деловом стиле речи функционируют языковые штампы (канцеляризм, клише): организационно – правовые нормы, конституционное право, правовые гарантии.

К словообразовательным особенностям официально – делового стиля речи можно отнести специфические способы образования слов – аббревиатур: Закон Российской Федерации, Республики Саха (Якутия), Федеральный государственный образовательный стандарт, Государственный образовательный стандарт [1, с. 68].

Морфологические особенности официально-делового стиля речи по основным частям речи:

1. В текстах законов функционируют существительные – названия людей по признаку, обусловленному действием: (гражданин, выпускники, гарантии, адаптивность (способность системы приспосабливаться к различным условиям окружающей среды), плюрализм (многообразие мнений, взглядов, политических направлений и т.п. как один из принципов демократического устройства общества);

2. В текстах выделяются отглагольные существительные: сохранение (сохранить), приумножение (приумножить), разнообразие (разнообразить), обеспечение (обеспечить) [Там же, с. 69].

Таким образом, языковая личность документоведа в контексте официально-делового стиля речи играет очень важную роль в современных организациях и предприятиях, потому что у специалиста в сфере делопроизводства, обладающий грамотной речью в устной и письменной форме, не составит труда оформлять необходимые документы, а также принимать участие в совещаниях, собраниях и других профессиональных мероприятиях.

Список литературы

1. Борисова С.В. Лексические, словообразовательные, грамматические, стилистические особенности текстов официально-делового стиля речи в современном русском языке / Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 6-2 (90). С. 68-69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26441724> (дата обращения: 01.11.2023).

2. Вавилова В.С., Осокина С.А. Стилиевые особенности текстов официально-деловых документов / Межкультурная коммуникация и СМИ. 2023. № 24. С. 10-16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54647940> (дата обращения: 01.11.2023).

*Е.Г. Печатнова
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
epечатnova@yandex.ru*

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ МНОГОЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ ПО ЛОГИСТИКЕ

Речь пойдёт о специальной лексике из области логистики, которая используется в крупных международных организациях. Эта лексика была обобщена автором и собрана в единый словарь, опубликованный в 2019 году под названием «Франко-англо-русский словарь по логистике (включая синонимы, сокращения и аббревиатуры» [5]. Логистика – военная наука по происхождению, существовала ещё в Древнем Риме, обеспечивая деятельность римских легионеров [4, с. 88]. В XXI-м веке человечество вышло на новый уровень коммуникаций и управления ресурсами, так что понятие эффективного их использования, и в том числе рационального перемещения всех ресурсов и материальных ценностей – это и есть логистика.

Первый опыт создания «Трехязычного морского словаря на английском, французском и русском словаря» был осуществлён в 1795 г. адмиралом Александром Семеновичем Шишковым [6]. В СССР в 1950-1960-х годах были

выпущены учебники по деловому французскому языку, где использовалась лексика, например, из области международных перевозок.

Вначале автор, преподаватель французского языка на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, составила пособие по логистике для студентов на французском языке и в нем – краткий словарь терминов. [Печатнова, Розум, 2014]. Опираясь на практику создания пособий по специальной лексике на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ [2], а также на свой опыт работы в департаментах логистики крупных предприятий и своё образование (диплом *M.S.* по управлению логистическими системами Высшей Инженерной Школы Мостов и Дорог, Париж), автор создала словарь по логистике (содержит примерно 6000 терминов), материал для словаря собирался в течение нескольких лет: использовались глоссарии, статьи в научных журналах, экономические словари, материалы из интернета и активная лексика, знакомая автору. Лексика данного словаря включает области: управления цепями поставок, транспорта, маркетинга, продаж, финансов, информационных технологий, юриспруденции и др. Эта межкультурная специализированная деловая лексика, которая используется в преподавании «иностранного языка в специальных целях» [1, с. 64-68]. Словарь создан для того, чтобы франко- и англоговорящие смогли вести переписку и деловое общение в области логистики. Также, обратная связь от пользователей словаря показала, что его высоко оценили специалисты в области логистики, владеющие английским языком, и приглашённые на работу во Францию.

Ряд терминов знаком только специалистам в связи с тем, что преподавание дисциплины «Логистика» в вузах России началось только с конца 90-х годов [4, с. 92]. Многие слова вошли в словарь первый раз в (например, *merroulage* ‘морские перевозки автомобилей’). Теперь логистика расширила свое значение и часто употребляется на высшем уровне, в том числе президентом В.В. Путиным в различных контекстах: «логистические коридоры, логистика поставок, логистическая инфраструктура». Вызовы современной логистики требуют чёткого знания терминов для ведения бизнес-коммуникации при выполнении поставленных задач. Также есть пласт логистической лексики, связанный с экологией и «зелёной логистикой». Учитывая современную нестабильность в мире, логистика получает все новые смыслы, которые могут позволить автору дополнить словарь, и внести новые термины, например, *устойчивая логистика*.

Список литературы

1. Афинская З., Печатнова Е.Г. Из опыта изучения лингвострановедческой тематики // Материалы III международной научно-практической конференции Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии. Прага: Социосфера, 2014. С. 64-68.

2. Загряжская Т.Ю., Рудченко Л.С., Глазова Е.В. Французский язык для математиков: учебное пособие. Москва: КДУ, 2017. 170 с.

3. Печатнова Е. Г., Розум О. Г. Управление логистикой во Франции учебное пособие для вузов на французском языке / Le management logistique en France: manuel en français pour les étudiants en économie: учебное пособие. Москва: Университетская книга, 2014. 83 с.

4. Печатнова Е.Г. Развитие логистики: наука и практика (на примере Франции и России) // Франкофония: междисциплинарные аспекты: сборник / Под ред. Т.Ю. Загряскиной. Вып. 7. Москва, 2016. С. 86-96.

5. Печатнова Е.Г. Франко-англо-русский словарь по логистике (включая синонимы, сокращения и аббревиатуры). Москва, ИД «Международные отношения», 2019. 380 с.

6. Шишков А.С. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках : в 3 ч. / собр. и объяснил Александр Шишков. СПб, 1795. 41 с.

Г.А. Рудочинская
Московский городской педагогический университет
(Россия, Астрахань)
RudochinskayaGA817@mgpu.ru

О СООТНОШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

Данная тема представляет особый интерес для организаций среднего профессионального образования включающим в себя множество профессий, очень важно иметь организационное сознание позволяющее находить степень единства между профессиональными системами и связь с идентичностью организации.

В образовательной организации среднего профессионального образования, как правило, представлено несколько видов специальностей, которые объединяют людей, владеющих профессией, то есть специалистов в своём деле. Соответственно каждый специалист, работающий в образовательной организации, имеет не только профессиональное общение, но и должен в силу ряда обстоятельств иметь контакты со специалистами других профессий. Конечно же, у каждого работника есть свои представления, о том, что и как он должен делать для максимальной продуктивности на рабочем месте, то есть профессиональное сознание.

Цель работы: изучить структуру соотношения профессионального и организационного сознания.

Профессиональное сознание, представляет собой совокупность основных социальных требований, идеалов, представлений, обращенных к конкретной профессии и призванных регулировать профессиональные отношения людей и соотносить узкопрофессиональные требования с общественными установлениями [5].

Данный феномен рассматривается как осознание человеком своей принадлежности к профессиональной группе (Б.Д. Парыгин), как процесс анализа человеком самого себя в рамках профессиональной деятельности (М.И. Кряхтунов), как деятельность личности по осознанию своего собственного соответствия избранной профессии (М.С. Гуткина) как избирательная деятельность самосознания, направленная на собственное профессиональное самоопределение (А.П. Шавир). С.В. Кошелева пришла к выводу, что профессиональное самосознание - это осознание и целостная оценка специалистом себя, процесса и результата своей профессиональной деятельности. Т.Н. Фам определяет профессиональное самосознание как средство само регуляции личности, выражающееся в осознании собственных психических особенностей, анализе себя как субъекта деятельности, осознании и оценке системы отношений [5].

Структура профессионального сознания задается посредством репрезентации профессии [4]. В качестве важнейшего элемента такой структуры рассматривается образ профессии, который представляет собой целостное отображение основного содержания профессии и включает в себя следующие компоненты:

- цели профессиональной деятельности - отражение в сознании специалиста социального смысла данной профессии, ее значения для общества;
- средства, используемые профессионалом для реализации своих функций;
- профессиональная предметная область - знание круга явлений предметного мира, с которым оперируют представители данной профессии. Идеальную модель структуры профессионального сознания можно описать следующим образом (рис. 12).

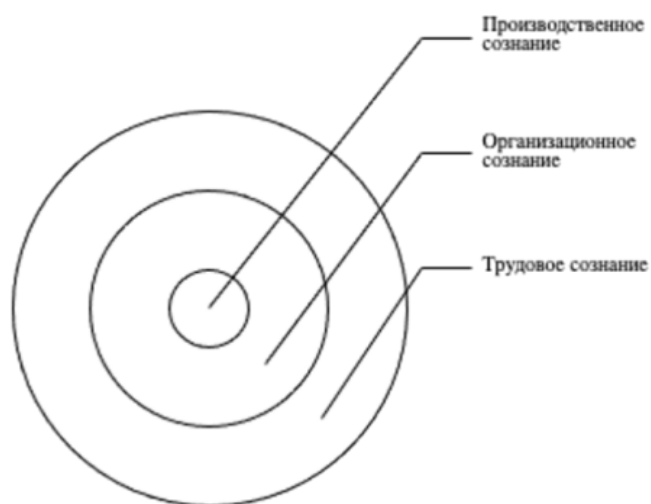

Рис. 12. Модель структуры профессионального сознания

Но мало иметь только профессиональное сознание при работе в образовательной организации объединяющей несколько подразделений специалистов, ещё необходимо иметь и организационное сознание, в структуру которого входят когнитивный, аффективный и конативный компоненты.

Когнитивный компонент образует осознаваемые нормы, традиции, представления, убеждения, ценности своей организации. Аффективный - чувства, настроения, верования, ожидания (экспектации) членов организации. Организационное сознание своего рода выполнение социальной роли в рамках организации.

Социальная идентичность [6] профессионала происходит именно в условиях коллективного труда в конкретной организации. И сочетается это со становлением организационного сознания работника, который получает возможность определить свою профессиональную позицию в структуре непосредственных социально-профессиональных отношений с другими. Теперь профессиональная «Я-концепция» работника включает и личностную и социальную составляющие. Профессиональная Я-концепция определяется лишь личностной идентификацией субъекта с профессиональным сообществом [1, с. 178].

Профессиональное сознание является основой, которая определяет принадлежность работника к той или иной профессиональной сфере. Данный тип, с одной стороны, объединяет людей одной профессии, а с другой стороны, проводит границу между различными трудовыми коллективами. Профессиональное сознание является определяющим при формировании индивидуальной профессиональной картины мира, своего рода инвариантом в структуре профессионального сознания работника.

Организационное же сознание вариативно, трансформируется в зависимости от представлений работника о своей роли в социально-иерархической структуре организации. Отметим, что эти представления не могут основываться только на индивидуальных перцепциях отдельных членов коллектива. Такого рода представления возникают и закрепляются в сознании работника в процессе общения, разворачивающееся на основе коллективных норм и ценностей [2].

С.В. Мыскин выстраивает сопоставительную классификацию типов профессионального сознания, выявляя доминирующий тип сознания в зависимости от психологического типа работников (Таблица 1).

Таблица 1. Сопоставительный анализ психологических типов работников с типами профессионального сознания

	Производственное сознание	Организационное сознание	Трудовое сознание
Тип X	3	1	2
Тип Y	1	2	3
Тип Z	2	3	1

У работников с психотипом X, воспринимающих работу как обременительную повинность и характеризующиеся безответственностью, доминирует организационное сознание, а производственное сознание занимает

незначительные функциональные позиции. Напротив, у работников с психотипом Y, мотивированных и ответственных сотрудников, превалирует производственное сознание, в то время как трудовое сознание проявляется в редких ситуациях. Наконец, у работников с психотипом Z, самомотивированных, но склонных к некоторому пренебрежению сложившимися нормами, доминирует трудовое сознание, вытесняя организационное сознание на наименее значимые позиции [2].

Перспективы дальнейших исследований. Разработать программу качественного соотношения профессионального и организационного сознания отдельно взятой образовательной организации среднего профессионального образования.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Учебное пособие. М.: Аспект-пресс, 2004. 288 с.
2. Мыскин С.В. Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов. Организационная психоллингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 1 (1). Электрон, текстовые дан. (3,3 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM). С. 21–38.
3. Сутович Е. И. Психолого-педагогические условия формирования профессионального самосознания будущих специалистов Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности. Труды III международной научной интернет-конференции (март–июнь 2009г.), г. Омск, 2009.
4. Цвык В.А. Профессиональная этика: основы общей теории: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2010. – 288 с. ISBN 978-5-209-03424-7
5. Эннс Е.А. Понятие профессионального самосознания в психологической науке / Е. А. Эннс. - Текст : непосредственный // Психологические науки: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). - Москва : Буки-Веди, 2012. - С. 127-129.
6. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

Е.В. Рябикина
Ростовский государственный экономический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)
ryabikinaelena@mail.ru

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Язык не просто инструмент общения, он является отражением человеческого мышления, проводником убеждений и признаком индивидуальности. В современном мире стремление к самопознанию проявляется, в том числе, в антропоцентричной лингвистике.

Языковая личность это - совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурной языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью.

С ходом развития лингвистических исследований, была усилена взаимосвязь языка и других наук о человеке, в которой язык представляется как инструмент познания, а иные науки - как дополнительные пути освещения человеческой природы [1].

Для наиболее полного и точного описания языковой личности требуется в первую очередь реконструкция и анализ ее речевого портрета.

Языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте культуры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни, отражающие ее духовное содержание.

В структуре языковой личности принято выделять три уровня: лексикон – лингвистически важный компонент языковой личности; тезаурус – интеллектуальный компонент личности, представляемый в виде набора понятий, которые формируют картину мира; прагматикон - в его состав входят устоявшиеся коммуникативные предпочтения, отражающие мотивы, цели, интересы, ценности [3].

Параметры языковой личности ещё формируются. На данный момент её можно характеризовать через частоту использования компонентов лексикона [2].

Языковые ключи в лингвистике являются особыми лексическими единицами, которые выступают в качестве сигналов или смысловых маркеров, позволяющих распознать и интерпретировать принадлежность высказывания к определенному стилю, социокультурной группе или коммуникативной ситуации. В ходе общения люди используют слова, которые служат ключами для выражения своих внутренних процессов, однако лексикон и манера речи, арсенал языковых конструкций и синтаксических моделей могут однозначно указывать на происхождение, принадлежность к определенному социуму, говорить об уровне образования, характере и темпераменте, возрасте, профессии.

Список литературы

1. Гайслер Н.Л. Энциклопедия христианской апологетики / Норман Л. Гайслер ; [пер. Гаврилов В. Н.]. - [Изд. 2-е]. - Санкт-Петербург : Библия для всех, 2009. - 1184 с. : табл.; 24 см.; ISBN 978-5-7454-1215-8

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с

3. Кыштымова Т.В. Понятие "языковая личность" в современной лингвистике // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yazykovaya-lichnost-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 11.11.2023).

Е.Н. Санченко
Луганский государственный педагогический университет
(Россия, Луганск)
ghostofangel25@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИПАЖ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В центре интересов современной лингвистики стоит языковая личность как представитель общества. Изучение языковой личности возможно с разных позиций, что и объясняет разнообразие подходов к её исследованию. Способов определения социального статуса человека в языке существует большое количество. Независимыми характеристиками человека (ascribed status) считаются пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение, а образование, профессия и степень владения языком являются, наоборот, освоенными (achieved status) [1, с. 9-10].

Современная социальная ситуация, связанная с расширением международных, межгосударственных, межкультурных, межличностных, межъязыковых контактов, требует изменения подхода к исследованию профессиональной языковой личности.

Понятие «языковая профессиональная личность» носит междисциплинарный характер, поскольку находится на стыке лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и психологии. Актуальность исследования данного понятия обусловлена, во-первых, социальной значимостью феномена «языковая профессиональная личность», а, во-вторых, гуманитарной социальной составляющей современного образования, направленного на готовность человека к активному и эффективному общению, взаимодействию с миром, профессиональному общению.

Результаты анализа научной литературы позволяют рассматривать языковую профессиональную личность с позиций деятельностного подхода. Так, например, исследователь С.В. Мыскин определяет языковую профессиональную личность как «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и оперирование профессиональными субдискурсами в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодействия с учётом ролевых требований профессии, целей профессиональной деятельности и успешностью профессиональной самореализации» [2, с. 155].

Применительно к нашему исследованию языковой профессиональной личности, определение коммуникативного типажа языковой профессиональной личности позволяет раскрыть основные характеристики профессионального общения и процесс формирования образа «эталонной языковой профессиональной личности».

Коммуникативный типаж языковой профессиональной личности определяется как совокупный образ, поскольку, с одной стороны, это носитель литературного языка с узнаваемыми вербальными и невербальными характеристиками и автор определённых произведений, что является следствием продуктивной речевой деятельности (основываясь на приобретённых профессиональных знаниях, интеллектуальном опыте, ценностях и наклонностях), а с другой – член социальной, профессиональной группы, в которой культурно-исторический опыт общества трансформируется в соответствии с целью и установками конкретной профессиональной группы.

Понятие коммуникативного типажа языковой профессиональной личности раскрывается в её коммуникативном (речевом) пространстве. В след за лингвистом В.И. Карасиком в речевой организации языковой профессиональной личности мы выделяем пять аспектов: 1) языковая способность (психические и соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность; 3) коммуникативная компетенция; 4) речевое сознание; 5) речевое поведение [1, с. 8].

Компоненты речевой организации языковой профессиональной личности неоднородны, наиболее конкретными являются акт речевого поведения (сознательная и бессознательная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека) и коммуникативная компетенция (выработанная способность осуществлять общение в его разнообразных реестрах для оптимального достижения цели), наиболее абстрактным – речевое сознание человека (чувства, мышление, память, воля в их неразрывном единстве).

Основным регулятором профессиональной коммуникации является овладение специальным языком и речью, как деятельностью. Акцент делается не на степень владения языковыми знаниями и умениями, а на способность осуществлять профессиональную деятельность в языковом аспекте качественно.

Таким образом, изучение понятия «коммуникативный типаж языковой профессиональной личности» осуществляется на основе расширения представлений о человеке и языке в профессиональной деятельности в междисциплинарном аспекте.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 12 (30) 2013, часть 1. С.150-157.

*М.В. Старостина
Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)
StarostinaMV@mgpu.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБУЧАЮЩИХСЯ

В настоящее время одна из главных задач, встающих перед учителями иностранных языков в образовательных учреждениях – это формирование культурной идентичности учащихся. Так как язык и культура неразрывно связаны между собой – язык является главным и незаменимым компонентом культуры – очень непродуктивно работать только с чем-то одним, ведь в таком случае мы исключаем возможность формирования целостной культурной идентичности, у учащихся возникает неполноценное представление о культуре и этносе изучаемого языка. Прежде, чем углубляться в особенности формирования культурной идентичности, в том числе через полимодальное воздействие на обучающихся, нужно подробнее рассмотреть такие понятия, как «идентичность», «культура» и «полимодальность», а также обозначить их связь друг с другом.

Согласно М.В. Заковортной, идентичность – это результат отождествления, приспособления личности, сочетающий упорядочивание, определение, схематизацию, моделирование процессов для понимания ситуаций. Идентификация отражает построение модели взаимосвязи с внешним и бесконечным миром. С другой стороны, идентичность также определяет соотношение внутреннего и внешнего, конечного и бесконечного, адаптации и защиты собственного. Идентичность – модель, позволяющая разделить «Я» и окружающий мир [1].

Исследователи указывают, что роль идентификации в формировании идентичности глубоко изучается в теориях, связанных с разграничением личной и коллективной идентичности, например, в «теории социальной идентичности, Social Identity Theory». Индивид может мыслить себя как независимый субъект со своими уникальными чертами и особенностями, противопоставляя себя всем остальным индивидам, в том числе и в пределах «своей» группы. Вместе с тем он может идентифицировать себя со «своей» группой и противопоставлять себя и «свою» группу «чужой» группе. Коллективная (социальная) идентичность всегда реализуется через оценочные смыслы, позволяющие личности установить и поддерживать свою принадлежность к некоторой социальной группе [3].

Культура, как абстрактное системное явление, имеет сложные способы воплощения в реальных культурных системах, что подчёркивает её диалогичность (универсализм и локальность). Каждая отдельная культура проявляется через взаимодействие двух форм её существования - объективной и субъективной, что обеспечивает её идентичность, а, следовательно,

самосохранение и уникальность, несмотря на изменения в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Идентичность в данном контексте является существенным и относительно постоянным проявлением и интерпретацией культурно-ценностных доминант общества, которые оказываются функционально необходимыми для его развития. Это служит основой, «иммунитетом», который общество развивает.

Культура соприкасается с понятием «идентичность» в том, что она характеризует доминирующие мировоззрения, краеугольные мнения о должном, где-то стереотипные, и связанные с ними коммуникативные практики, которые формируют представления личности о самой себе и «своей» социальной группе, внутри которой эта личность осознает себя однородной с другими [2].

Говоря о полимодальном воздействии, прежде всего важно отметить, что различают следующие виды модальностей восприятия: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; болевые, кожные (прикосновение и давление), температурные ощущения, ощущения положения и движения (статические и кинестетические) и органические ощущения (голод, жажда, ощущения внутренних органов и т. д.). Данная классификация является условной: в действительности различные модальности ощущений не существуют изолированно [4]. Для нашего исследования принципиально важны лишь те модальности восприятия, которые будут непосредственно задействованы при формировании культурной идентичности учащихся на уроке иностранного языка, а именно: зрение, слух и некоторые кинестетические виды восприятия. В исследованиях по психологии полимодальность восприятия определяется как комплекс ощущений разных модальностей в процессе чувственного восприятия объекта [Там же]. Итак, полимодальность – это характерная черта человеческого восприятия. При полимодальном восприятии имеет место принцип «ассоциативного взаимодействия разномодальных компонентов» (5, с. 18), т. е. интенсификация ощущений одной модальности за счёт ощущений другой модальности.

Полимодальные источники информации помогают создать обучающий социокультурный фон художественного произведения, предложенного для последующего изучения и более подробного разбора. На основе многоуровневых источников формируются образы восприятия, способствующие дальнейшему закреплению образов представления и визуализации социокультурной информации.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сказать, что формирование культурной идентичности посредством полимодального воздействия на обучающихся предполагает использование различных методов и средств обучения, которые активно включают разные каналы восприятия и обеспечивают разнообразные формы работы. Это позволяет создать более глубокое и полное понимание и осознание культурной идентичности не только своей, но и народа изучаемого языка.

Приведём некоторые из способов полимодального воздействия на обучающихся для формирования культурной идентичности:

Визуальные средства: Использование изображений, фотографий, видео, презентаций, фильмов, спектаклей, театральных постановок и других визуальных материалов помогает визуализировать и представить культурные аспекты, традиции и символы. Это позволяет обучающимся лучше понять, воспринять, а также дифференцировать культурную идентичность.

Аудиальные средства: Использование звуковых материалов, музыки, аудиозаписей, рассказов и диалогов помогает обучающимся лучше погрузиться в атмосферу своей культуры и развить эмоциональное восприятие и связь с ней.

Интерактивные методы: Использование интерактивных, ролевых игр, дискуссий, проектной работы и других активных методов обучения позволяет обучающимся активно взаимодействовать с культурными материалами, обмениваться мнениями и опытом, а также развивать критическое мышление и самоопределение.

Практические занятия: Организация мастер-классов, кулинарных занятий, прикладных работ, танцевальных и музыкальных занятий позволяет обучающимся активно участвовать в культурных практиках и ощутить свою культурную идентичность через практическую деятельность.

Важно создать разнообразные и стимулирующие образовательные среды, которые активно включают различные модальности и способы воздействия на обучающихся, помогая им лучше осознать свою и чужую культурную идентичность, а также развить толерантность и уважение к культурной разнообразности.

Список литературы

1. Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты [Электронный ресурс] / М.В. Заковоротная; отв. ред. Е.Я. Режабек. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с. – Режим доступа: <http://www.myword.ru>. (дата обращения 30.11.2023).

2. Куссе Х., Чернявская В.Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник СПбГУ: Язык и литература, 2019 – №3 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-obyasnitelnye-vozmozhnosti-ponyatiya-v-diskursivnoy-lingvistike> (дата обращения: 30.11.2023).

3. Молодыхенко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Terra Linguistica. 2017 – №3 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-diskurs-ot-sotsialnoy-teorii-k-praktike-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 30.11.2023).

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии : в 2-х т. / Акад. пед. наук СССР. - М. : Педагогика, 1989.

5. Секачева С.Б. Синестезия как средство поэтики в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.10 / Секачева С.Б. – Таганрог – 2007. – 18 с.

Т.С. Терентьева
Институт психологии творчества Павла Пискарева
(Италия, Кампо Турес)
t.terenteva@gmail.com

ЯЗЫК И КОУЧИНГ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО КОУЧИНГА

В данной статье мы рассмотрим лингвистические элементы коучинга, способные быстро проникать в подсознание клиента, обеспечивая эффективные и глубокие ответы и решения ситуаций.

Коучинг, как инструмент сопровождения к достижению цели, играет ключевую роль в личностном развитии, помогая людям не только достигать своих целей, но и максимально раскрывать свой потенциал.

В актуальное время понятие коучинг это партнерские отношения между коучем и коучи, которые “реализуются в форме диалогической речи, предполагающей живое непосредственное общение коммуникантов” [2].

“Из огромного разнообразия ресурсов и инструментов коучинга самым эффективным и многогранным является язык” [3]. Помимо общепринятых лингвокоммуникативных средств и техник коуча для создания и “усиления прагматики речевых актов, а также контроля и даже манипулирования поведением” [1] клиента, коуч может использовать техники, предоставляющие уникальные возможности взаимодействия с подсознанием коучи через язык и разговор. Вот несколько стратегий:

- Активное слушание и отражение;
- Использование «чистого языка»;
- Эмоциональные аффирмации и работа с внутренним диалогом;
- Символическое моделирование, метафоры и образы;
- Вопросы, направленные на ресурсы, изменение перспективы;
- Активные инструкции для подсознания;
- Элементы психодрамы;
- Использование позитивного языка;
- Активация внутренних ролей и архетипов;
- Работа с вербальными и невербальными сигналами;
- Языковые моделирования;
- Эмпатическое Воплощение;
- Техники активного воображения, визуализация.

Используя эти стратегии в зависимости от индивидуальных особенностей клиента и конкретной ситуации, можно создать удовлетворительное пространство для взаимодействия с подсознанием клиента и достижения эффективных результатов в коучинге.

Лингвистические элементы не только являются средством передачи информации, но и могут служить мощным инструментом для углубленной работы

с подсознанием клиента и способствовать улучшению качества коучинговых сессий.

Дальнейшие исследования могут фокусироваться на разработке конкретных методик применения этих элементов в различных контекстах коучинга.

Язык играет ключевую роль в формировании эффективности сессий. Осознанное использование определенных лингвистических элементов, таких как чистый язык, аффирмации, эмпатическое воплощение, метафоры и т.п. в коучинге формируют языковое пространство, способное максимально поддерживать процессы саморефлексии и осознания клиента, а также оказывает глубокое воздействие на подсознание участников. Эти техники не только позволяют клиентам более осознанно и глубоко исследовать свой внутренний мир, но и способствуют более эффективному решению сложных ситуаций и нахождению ответов в своем подсознании для достижения значимых результатов.

Список литературы

1. Дзялошинский И.М. Социальные институты и социальная коммуникация. Введение в теорию коммуникационных матриц : Учебное пособие / И. М. Дзялошинский. – Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2020. – 905 с. – ISBN 978-5-4497-0419-1. – EDN ZKXAGK.

2. Елькин В.В. Диалогическая речь - основная сфера реализации языковой экономики: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. - Пятигорск, 2001. – 19 с.

3. Тхагапсоева Ф.С. Лингвокоммуникативные особенности реализации коучинга / Ф. С. Тхагапсоева // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2020. – № 1-2. – С. 318-325. – EDN ЛЕQUК.

Т.В. Фирер

Московский городской педагогический университет

(Россия, Москва)

FirerTV@mgpu.ru

А.М. Фирер

Национальный исследовательский ядерный университет

(Россия, Москва)

tolia1325@gmail.com

МЕМНЫЙ ЮМОР КАК МАРКЕР ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ (НА ПРИМЕРЕ МЕМОВ СТУДЕНТОВ НИЯУ МИФИ)

Интернет-мем (Internet meme) – это информация юмористического характера, получившая внезапное распространение в сети Интернет, а также её видоизменённые копии. С распространением в конце XX-го и начале XXI-го веков

новых технологий коммуникации, появилось новое пространство для распространения информации, в частности юмора.

Особенностью информационного пространства Всемирной Паутины являются доступность, охват и свобода. Каждый может создавать новую информацию в сети, при этом человеку не нужно обладать специальными навыками, чтобы создать или переработать интернет-мем. Информация при желании автора может быть общедоступной, с ней может ознакомиться любой человек из любой точки мира, если он имеет доступ к сети Интернет. При этом интернет-пространство наименее всего подвержено цензуре. Современные платформы для обмена информацией (социальные сети, мессенджеры, блоги и т.д.) позволяют группировать информацию, связывая её с определенными социальными группами.

Все вышеперечисленные обстоятельства благоприятствуют большому разнообразию информации, в том числе развлекательного характера. При этом, как и в доцифровую эпоху, актуальные в сообществе проблемы проявляются в юморе. На смену сатирическим анекдотам и карикатурам пришли интернет-мемы, выраженные в простых картинках или видеорядах с остроумным или иносказательным текстом об актуальных проблемах.

В настоящем исследовании были рассмотрены интернет-мемы отдельной социальной группы – обучающихся университета НИЯУ «МИФИ». Мемы были классифицированы и соотнесены с событиями, происходящими в это время в рамках университета. Распределение мемов по категориям приведено на рисунке 11.

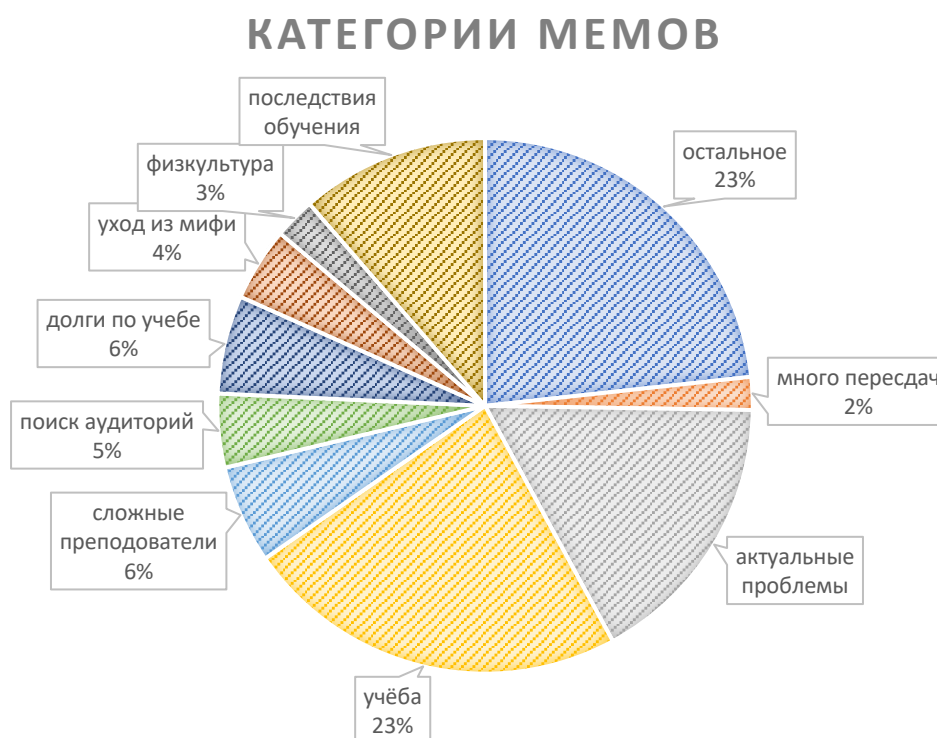

Рис. 11 Диаграмма распределения мемов по категориям

Отдельного внимания заслуживают следующие категории мемов:

Мемы про актуальное – шутки про проблемы или события, которые происходили в определенный момент времени. В качестве примера можно привести шутки про сбои в работе информационных ресурсов в момент публикации нового расписания. Часто о проблеме можно узнать из интернет-мемов раньше, чем от официального источника. Например, когда вход в МИФИ был закрыт из-за ложного сообщения о минировании, студенты узнавали об этом из мемов, а не из новостных каналов;

Мемы про будущее студентов МИФИ – часто это мрачные ироничные шутки, в которых выпускники видятся как асоциальные люди, морально и физически истощенные к концу своего обучения. Тот факт, что авторами шуток являются именно студенты, а не выпускники, свидетельствует о психологическом давлении, которое оказывает на них обучение в МИФИ. Это так же подтверждается шутками про уход в академический отпуск и перевод большого числа студентов в университеты попроще;

Мемы про преподавателей – шутки про конкретных преподавателей с использованием их фотографий и фамилий. Преподаватели в таких мемах предстают в образе злодеев, а их действия преподносятся через аллегорию насилия. Не каждый преподаватель становится предметом шуток на уровне всего университета, что может указывать на существование реальной проблемы.

Таким образом, мы видим, что в мемах организации (НИЯУ МИФИ) проявляются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются студенты и сотрудники. Мы предполагаем, что, изучая корпоративные юмористические страницы в социальных сетях (ВК, Телеграм и др.), можно получить представление о специфике функционирования организации: особенностях взаимоотношений сотрудников, психологическом климате, прошедших, текущих и предстоящих событиях, организации пространства, ключевых проблемных моментах. Все это, по нашему мнению, может помочь пользователю быстрее адаптироваться в новой организации, учебной или рабочей, а руководителям организации своевременно реагировать на текущие и потенциальные проблемы.

Список литературы

1. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. №28 (277)
- 2.URL:<https://vk.com/mephimemes>

ОТ ТОРГОВОЙ МАРКИ К БРЕНДУ: СТРАТЕГИИ МИФОТВОРЧЕСТВА В РЕКЛАМНОМ КРЕАТИВЕ

Анализируя тысячи личных и общественных мифов, мы можем заметить, что одни и те же образы и слова повторяются у носителей одного языка в состоянии творческого транса, независимо от пола, возраста, образования или региона. Именно эти самые частотные слова и составляют мифологическое ядро языка. Очаровать массу с большей долей вероятности позволяет то рекламное сообщение, которое точнее попадет в мифологическое ядро, а прагматический потенциал удачно подобранного мифологизированного слова почти безграничен. Слова-мифы образны и принципиально «правополушарны» их главное назначение – переводить неосознанные мотивы (установки) в осознанные цели; они магичны по сути: обладают высокими показателями суггестивности и неожиданной силой влияния; личностно ориентированы и сакральны для непосвященных. Такие тексты в рекламе создаются при условии непрременной визуализации, а цветовые характеристики текста должны соответствовать индивидуальной – картине мира личности и также могут быть специально смоделированы за счет изменения частотности звукобукв [1].

Согласно И.Ю. Черепановой, мифологизировано в той или иной степени практически любое, в том числе и служебное слово. Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом [3]. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных. Например, в качестве рекламной лексемы слово «дерево» – это только «проходной» денотат. Но друидическое дерево машинально обрастает харизмой легенд и образов – это уже не просто дерево, это дерево приукрашенное, приспособленное к определённом способу восприятия, нагруженное положительными и отрицательными литературными реакциями, образами, одним словом, к его чистой материальности прибавляется определенное рекламно-прагматическое применение. Если взять более сложные и «тяжелые» по мифологизированному наполнению слова (крест, камень, мир, звезда ...) – суггестия их потенциала практически не ограничена в силу высокой символичности ассоциативных образов. Так, звезда – это, помимо небесного светила и метафорического переноса на звезд шоу-бизнеса-политики-искусства, и пентаграмма, и пентакль. Соломона (первые возникающие ассоциации на звездную пентаграмму в произвольном порядке: запах: древность, цвета: коричнево-темно-зеленые, ощущение прохлады и ночной фатальности сущего + карма + защита = тональность минорная). Задействованные в таком кодировании архетипы выглядят глобально, ярко и

инициируют весь спектр возможного синестезийного ряда соощущений. Но и помимо синестезийного ресурса, мифы и архетипы несут высокую напряженность и огромный энергетический потенциал. Миф наполняет своим содержанием любую форму. Мифы-брендоносители, мифы-разрушители, мифы-имитаторы и др. способны прагматически и рационально интерпретировать события в коммерческой и политической сферах [1; 2]. Первобытное мышление, создавшее мифы, отошло в прошлое, но особые формы проблемных ситуаций, выраженные в иносказании, притче, имплицитной форме семантики образа, актуальны в и в наши дни. По интерпретации тех или иных постоянных сюжетов в рекламе можно судить об экономических, правовых, морально-этических нормах времени, ибо миф являет собою универсальную систему гуманитарного освоения мироустройства [3].

Екатерина: – А что это граф Суворов ничего не есть?

Суворов: – Ждем-с, до первой звезды – нельзя!

Екатерина (поняв намек): – Звезду генералиссимусу! (ролик банка «Империал» режиссера Т. Бекмамбетова отлично иллюстрирует мифологему Звезды в ее символизации харизматической энергии мощи некоей личности. Звездность Суворова в данном случае соединяется с астральным и культурным мифом).

Все мифические коннотации в высшей степени богаты для использования в постановочном действии, рождающем у реципиента множество ассоциативных иллюзий. Можно заметить, что мифотехнологии рекламы соединяют в себе социокультурную вертикаль с горизонталью политики, экономики и массовой психологии. Круг сюжетов и тем охватывает практически всю территорию мышления, при этом воспринимаемая мифологема абсорбируется неосознанно и предельно обобщенно, т.е. максимально суггестивно.

Силу мифа и архетипа можно выстраивать, опираясь на глубинные срезы национальной культуры, существующие на генном уровне в массовом сознании [4]. Вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов позволяет ассоциативный ряд слова – он даёт возможность построить его семантическую структуру. Так, в слове русского языка «мужчина» присутствуют такие психологические моменты, как «сильный», «умный», «благородный защитник», отсутствующие в лингвистических словарях. Значение слова понимает только тот, кто понимает лежащие за словом фреймы, мотивирующие понятие, которое кодируется словом [5]. Большую часть значения слова репрезентует набор ассоциируемых с ним признаков.

Список литературы

1. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR: учебное пособие. – М.: Фаир-Пресс. – 2001. – 624 с.
2. Голубцов С.А., Зеленская В.В., Вовк Т.В. Рекламный слоган: новый подход // Сб.: Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций.

Материалы IV Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 52-56.

3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – М., 1990. – 204 с.

4. Чумичева Н.В. Типология мимики бренда. Фоносемантическая подстройка // Северный Кавказ на перекрестке цивилизаций и эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. – Минеральные Воды: ОАО Кавказская здравница. – 2005. – С. 162-168.

5. Чумичева Н.В. НЛП – моделирование в рекламном копирайтинге // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – Краснодар: Филиал РГУПС. – 2009. – С. 27-31.

П.Ю. Ульянов, М.А. Мурашова, Н.В. Шмагринская
Московский международный университет

Москва, Россия

ulyanov1802@gmail.com

murashova.milena@bk.ru

natula198080@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ

В статье рассматривается проблема прагматической адаптации при переводе названий кинофильмов, понятие прагматической адаптации, а также приёмы четырех типов прагматической адаптации. Авторы исследуют, каким образом переводчики учитывают культурные различия и ожидания аудитории при выборе адаптированных названий, предоставляя примеры успешных и неудачных попыток адаптации названий фильмов. Результаты исследования могут быть полезны для переводчиков и кинопроизводителей, которые хотят достичь максимальной эффективности при продвижении фильмов на международном рынке.

Фильм в современном обществе является важной и неотъемлемой частью межкультурного диалога, поскольку именно благодаря ему представитель одной культуры может окунуться в культуру ему неизвестную или по каким-либо причинам недоступную. Однако даже при существовании так называемого «немного» кино, язык так же является одним из главнейших посредников в диалоге культур, даже если он односторонен и происходит в рамках просмотра фильма.

Важную роль также играет название. Чаще всего название представляет собой краткое и лаконичное указание на важный элемент фильма, будь то имя главного героя, ключевая деталь произошедших с ним событий или же какая-то их особенная черта. Безусловно название несет в себе некую прагматическую ценность, поскольку его перевод необходимо осуществлять в соответствии с поставленными автором задачами, следовательно, максимально корректно

доносить до зрителя исходный смысл [1].

В процессе любой межкультурной коммуникации переводчик представляет собой некое связующее звено между отправителем сообщения и его получателем, осуществляя передачу сообщения адресату в два этапа. Изначально переводчик сам выступает в роли получателя сообщения, извлекая из него всю возможную информацию.

Адекватное понимание исходного сообщения рецептором перевода может быть достигнуто при помощи приёмов прагматической адаптации первого типа: дополнения, опущения, конкретизации, генерализации, описательного перевода и переводческого комментария. Также, при переводе любого текста переводчик может столкнуться с проблемой передачи эмоционального воздействия. В связи с этим, он использует прагматическую адаптацию второго типа, а именно приёмы нейтрализации и компенсации.

Название фильма представляет собой лингвистически интересное явление, однако оно все еще не получило достаточно широкого освещения в научной литературе. Существует лишь одна классификация функций, автором которой является Е.В. Кныш. В своей классификации для обозначения заголовков фильмов автор применяет такое определение, как фильмоним. Согласно данной классификации, существует три функции фильмонимов: номинативная, коммуникативная и эстетическая [2, с. 81].

Авторы массового кино прибегают к всевозможным средствам для того, чтобы название фильма было заметным, цепляло взгляд зрителя и еще надолго оставалось в его памяти, поскольку именно название может сыграть ключевую роль в выборе зрителя и впоследствии принести фильму коммерческий успех. Обращаясь же к авторскому кинематографу, в нем создатели зачастую несколько меньше заинтересованы в яркости и «продаваемости» названия, однако и такие категории как особо тонкая или же просто особенная выраженность в нем основной мысли и концепта фильма, являющиеся для них первостепенными, впоследствии становятся причинами появлений достаточно длинных и замысловатых названий. Одним из ярчайших примеров является работа Стэнли Кубрика под оригинальным названием «Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb». Перевод данного названия, однако, достаточно прост и буквален – «Доктор Стрейнджлав, или как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу».

Лексические трансформации по Я.И. Рецкеру представляют собой приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным. Пользуясь таким методом при переводе названий фильмов, переводчики применяют, как правило, три вида трансформаций: добавление, опущение и выделяемая в данном случае как отдельная стратегия – замена [3, с. 115].

Добавление применяется, если для нормального восприятия текста, нужно добавить новые слова так, чтобы передать зрителю информацию о том, частью

какой трилогии картина является, при переводе названия фильма «Skyfall» – «Скайфолл» было добавлено несколько указывающих на это слов, как результат мы имеем «007: Координаты “Скайфолл”»; похожую ситуацию можем встретить и в случае «Creed» – «Крид», имеющего русскоязычное название «Крид».

Опущение – явление, прямо противоположное приёму добавления. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания. Например, «Teenage Mutant Ninja Turtles: Out of the Shadows». Во-первых, в данном случае используется уже закрепившаяся версия перевода «Черепашки Ниндзя». Во-вторых, переводчики сочли не содержащей действительно важной информации и, возможно, действительно избыточной вторую часть названия, поэтому мы знаем этот фильм не как «Черепашки Ниндзя: Выход из Тени», а просто как «Черепашки-Ниндзя 2».

Замена (субституция) – самый распространенный способ трансформации. При переводе части речи, формы слов, члены предложения и т.д. подвергаются замене. Переводчикам приходится всячески исхитряться, для того, чтобы сохранить все изначальные функции названия и все так же уже на другом языке суметь заинтересовать данным названием зрителя. Один из следующих примеров – «Die hard», переведённое на русский как «Крепкий орешек». Дело здесь не в квалификации отечественных переводчиков, которые не использовали «Сильно умирать». В данном случае пришлось искать полную замену, поскольку оригинал не может быть переведён дословно. Без мастерства отечественных локализаторов не появились бы ставшие нарицательными «Трудности перевода» («Lost in translation»), «Подводная братва» («Shark tail») или «Остаться в живых» («Lost»). Последнее прямо отсылает к российскому реалити-шоу «Последний герой», которое является аналогом британского «Выжившего», вдохновившего режиссёра и продюсера картины.

Кинокартина «Lock, Stock and Two Smoking Barrels» в российском прокате получила название «Карты, деньги, два ствола». «Два ствола» так и остались из оригинального названия, дословно переводимое как «Замок, ложе и два дымящихся ствола». Стоит отметить, что в английском языке фраза «we lost everything: lock, stock and barrel» переводится как «мы проиграли всё подчистую» (как и герои фильма). Становится ясно, что ответственный за локализацию учитывал перевод фразы и следовал следующей логической цепочке: если кто-то проиграл всё, то дело заключается в азартной карточной игре, а там, где имеют место и деньги, и оружие.

При передаче названий «Twilight» («Сумерки») и «Burn after Reading» («После прочтения сжечь») видно, что использовался прямой перевод, так как в исходных названиях была употреблена безэквивалентная лексика. Согласно Я. И. Рецкеру, «в тех случаях, когда калькированный перевод английского названия может оказаться непонятным, указывается, когда это возможно, общепринятое русское соответствие» [4, с. 51]. Способом транслитерации (относящемуся к дословному переводу, как говорилось ранее) также переведены заголовки

следующих фильмов: «Logan» – «Логан» (2017), «Superman» – «Супермен» (1978), «Batman & Robin» – «Бэтмен и Робин» (1997), «Avatar» – «Аватар» (2009), «Maleficent» – «Малефисента» (2014), «Avalon» – «Авалон» (2001), «Warcraft» – «Варкрафт» (2016), «Pearl Harbor» – «Перл Харбор» (2001), «John Carter» – «Джон Картер» (2012), «Aladdin» – «Алладин» (2019), «Alexander» – «Александр» (2004), «Gladiator» – «Гладиатор» (2000), «Eragon» – «Эрагон» (2006), «Focus» – «Фокус» (2014), «Madagascar» – «Мадагаскар» (2005), «Wasabi» – «Васаби» (2001), «Hercules» – «Геркулес» (1997), «Taxi» – «Такси» (1998), «The Terminator» – «Терминатор» (1984), «WALLE» – «ВАЛЛИ» (2008), «Garfield» – «Гарфилд» (2004), «Thor» – «Тор» (2001) и многие другие.

Стратегии перевода отражают скорее практичность подхода к работе с названиями фильмов, лишь в частных случаях пересекаясь с приемами прагматических адаптаций, однако их важность достаточно сложно переоценить, поскольку только в совместном применении всех систем знаний и классификаций можно достигнуть наивысшей эффективности перевода.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение [Текст]: учебное пособие / В. Н. Комиссаров; под ред. Д. И. Ермоловича. – 2-е изд., испр. – М.: Р.Валент, 2014. – 407 с.
2. Кныш Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке. – Одесса. – 1992. – 320 с.
3. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения. – 1974. – 216 с.
4. Рецкер Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М. – 1981. – 84с.

Н.В. Шувалова
Издательство «Просвещение»
(Россия, Москва)
Nshuvalova@prosv.ru

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена диахроническому аспекту изучения учебно-педагогического дискурса XX-XXI веков. В качестве объекта изучения рассмотрим появление и становление дискурсивного жанра «книги для учителя». Рассмотрим и проанализируем данный жанр как представителя учебно-дидактического дискурса, в котором сочетаются дидактическая составляющая, коммуникативно-прагматическая и культурологическая составляющие [1].

Появление пособий для учителя было обусловлено прогрессивной и открытой политикой государства в отношении изучения иностранных языков в школе и прагматическими задачами реализации информативной функции для учителей. Так, мы рассмотрим, как дискурсивный жанр «книги для учителя» прошёл путь от методических указаний к учебнику до неотъемлемого компонента учебно-методического комплекса (УМК).

В таблице наглядно представлена хронология развития данного дискурсивного жанра. Отметим, что издание каждого нового поколения учебников по иностранному языку способствовало развитию жанра «книги для учителя»:

Автор(ы)	Наименование	Год выпуска	Объём
М.А. Бахарова, З.В. Карачева	Методические указания к учебнику французского языка для V класса	1957 г.	80 с.
И.А. Котомкина	Parlons français! Livre du maître / «Так говорят по-французски»	1960 г.	200 с.
А.С. Шкляева	J'apprends le français! 1. Методическое руководство для учителей французского языка в V классе по проведению устного вводного курса 2. Книга для учителя. (Приложение к учебнику французского языка V класса)	1963 г.	96 с., 128 с.
Т.И. Угримова	Книга для учителя к учебнику французского языка для VII класса средней школы	1970 г.	170 с.
В.А. Слободчиков, А.П. Шапко	УМК «Le français». Livre du maître Книга для учителя к учебнику французского языка для 4 класса средней школы	1984 г.	192 с.

Особую роль в выпуске пособий для учителя сыграло издательство учебной и методической литературы «Просвещение». Анализ выпущенных пособий

показал, что на базе этого издательства появились первые отечественные пособия по иностранным языкам, предназначенные для учителей школы [2], а в дальнейшем была сформирована содержательная структура жанра «книги для учителя», существующая и в наши дни.

Так, развитие дискурсивного жанра «книги для учителя» проявилось в:

- появлении чёткой структуры пособия (определяемой институциональными документами государства: рабочими программами, государственными стандартами образования, требованиями включения в Федеральный перечень учебников);
- увеличением объёма изданий;
- дополнением тематическим планированием и дополнительными учебными материалами, и ключами.

Список литературы

1. Викулова Л.Г. Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова [и др.]. – Москва : ВКН, 2020. – 336 с. – ISBN: 978-5-7873-1738-1

2. Смирнова М.С., Якушева Н.Д., Раснянская Ю.А.. Изучение иностранных языков в СССР в 1950-х-1980-х годах (на основе данных официальной статистики) – Ученые записки – №2(26) –2018.

Электронное научное издание

ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Материалы международной научно-практической конференции

15–16 декабря 2023 г.

г. Москва

Минимальные системные требования: Pentium 4.2 ГГц; 512 МВ RAM;
Не менее 5 МВ свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7,
8, 10; CD-ROM.

Материалы представлены в авторской редакции.

За содержание, точность приведенных фактов и цитирование несут ответственность авторы публикаций.

Верстка электронного сборника: П.Л. Новикова

Тираж 500 экз.

Издатель:

ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24

Тел. +7(926)384-02-69

e-mail: orgpsyling@yandex.ru

<http://www.psycholinguistic.ru>

ISBN 978-5-6041859-6-4

9 785604 185964